

Зиннур Хуснияр

Два билета на трагедию

Роман-диалогия, повести, рассказы

Казань

Татарское книжное издательство

2007

УДК 821.161.1–3

ББК 84(2 Рос=Тат)–44

X98

Два билета на трагедию: роман-диалогия, повести, рассказы / Зиннур Хуснияр. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. — 399 с. — 2000 экз. — ISBN 978–5–298–01492–2

Эта книга про наше смутное время. Дана философская трактовка безнравственности и произвола властей, но и, конечно, вечна тема любви...

ISBN 978–5–298–01492–2

© Татарское книжное издательство, 2007

© Хуснияр З.З., 2007

СУКИН СЫН

Книга первая

Мухаммет — не пророк

Две маленькие пташки с шумом вылетели из придорожной пыли, — они не были похожи ни на птенцов жаворонка, ни на скворчат, одним словом, какие-то незнакомые птички пацанята, — сначала полетали друг за другом, покружились на видимой глазу высоте, а затем, пообвыкнув немного, вдруг резко взмыли ввысь, к белым облакам, похожим на лебединые перья. Было видно: они не могли нарадоваться бескрайнему синему небу.

Откуда-то вдруг появилась большая птица. Это была какая-то некрасивая громоздкая птица, не похожая ни на огромного и мощного орла, ни на коршуна; ее лапы, подобно самолетному шасси, не убранному в момент взлета, не могли спрятаться в оперенье и безобразно висели снизу.

Пока две малые птахи продолжали набирать высоту, все ближе подбираясь к облакам, крылатое чудовище, лениво помахивая большими, словно парус, крыльями, кружило возле них. Внезапно его безобразное тело ринулось ввысь и в мгновение ока оказалось рядом с обреченными птенцами, гигант на лету схватил одного птенца клювом, другого зацепил когтями и камнем пошел вниз. Возле самой земли птица неожиданно выпустила своих пленников; те с жалобным писком покружились немного над лугом и снова скрылись в пыльной пыли.

Большекрылая безобразная птица осталась одна в синем небе, вышитом золотым солнечным светом. Это было ее царство.

За всем этим наблюдал молодой путник, шедший по дороге. Однако он, похоже, и не собирался удивляться и размышлять над этим странным событием. Видимо, или сумка в его руках была слишком тяжелой, или свои мысли занимали его больше всего.

Люди, живущие на земле, богатые и бедные, абсолютно нищие, муллы и их окружение, лица духовного звания и новоявленные святые, невежды и ученые, дебилы и нормальные, коровы, овцы и свиньи, а еще птицы всякие, певчие в том числе, все, что ползает по земле, к тому же комары и мухи, все насекомые, из растений — крапива, дубы, березы, короче говоря, все живое, способное, но не желающее понимать, знать и признать, все, что может чувствовать при помощи своих органов чувств, никак не могут смириться с одной истиной: конец света, предсказанный в Апокалипсисе, уже давно пришел в нашу реальную жизнь, а все мы, толкаясь, давясь, любя и ненавидя, продавая и продаваясь, ошибаясь и заблуждаясь, и еще бог знает что вытворяя и делая вид, что живем, на самом деле попросту существуем и коптим небо!

Кто-то в этой суетной жизни горит в адском огне. А кто-то смог отхватить себе райские кущи. Но те и другие живут в одном доме. Этот дом уже давно не называют ни социализмом, ни капитализмом.

Потому что он представляет собой общество эпохи конца света. Латают в одном месте, появляется прореха в другом. Что будет дальше, там, впереди?.. И наступит ли когда-нибудь конец у конца света?

Примерно такие мирские размышления занимали голову Мухаммета — крепко сложенного молодого мужчины двадцати восьми лет, который, закинув пиджак на правое плечо, неспешным шагом шел по тропинке вдоль берега реки Ташсу, когда внимание его привлекло нестройное блеяние стада овец и коз, собравшегося на лежбище на песчаном берегу. Будучи по природе своей склонным витать между Небом и Землей, вернее сказать, являясь наполовину реалистом, а наполовину мечтателем, мужчина резко остановился и начал наблюдать за стадом.

Завтра их очередь пасти стадо. Мухаммет уже давно стал городским, — с самого окончания школы он живет в Казани. А здесь, в деревне у родителей, есть две овцы и одна коза. Именно их, а заодно и все деревенское стадо, и предстояло завтра пасти.

Завтра в его родной деревне Байтимере сабантуй. А он по собственному желанию погонит стадо на лесную опушку. Потому что он не любит этот праздник.

Мухаммет отогнал от себя мысли о конце света. Отогнал, запер на замок и залепил печатью, как любит выражаться один мой друг — поэт.

Ладно, хватит. Не буду злиться.
О прочем пусть болит голова удмурта.

Удмуртская деревня тут неподалеку, по соседству, в двух километрах. Рядом с ней расположено русское село. А чуть далее — марийское. Короче говоря, получается очень даже интернациональное сообщество.

От его недавних размышлений философского характера, вернее, от пыльной проселочной дороги, по которой он шел, прогибаясь от тяжести большой сумки, отвлекла догнавшая его легковая машина. Именно тогда он и сошел с большой дороги и выбрался на тропинку, бегущую вдоль реки Ташсу. На всякий случай... Чтобы какой-нибудь односельчанин не имел удовольствия догнать его на своем личном автомобиле и... поехать дальше, не посадив.

Однако машина, к удивлению, мимо не проехала и остановилась. Оказалось, что это его одноклассник Самигулла оседлал новехонькую «Ниву». Он резко затормозил и сначала, не открывая дверцы, подождал, пока уляжется пыль, затем выпрыгнул из салона и подошел к Мухаммету, который искренне обрадовался нечаянной попутке.

— А-а! Браток! Домой едешь? Я вот тоже везу новую машину. Из самой Казани! Я, брат, решил «Ниву» купить. Самая удобная машина в деревне! Только я, брат, не сердись, подвезти тебя не могу. Она совершенно новая! Даже номеров нет. Первой я хотел посадить жену — Разифу. Говорят, так положено. Бабка Магира сказала. У меня, браток, и сын есть. Только ты не обижайся, пожалуйста. Встретимся завтра на сабантуе. У меня, брат, даже номеров еще нет!

Накрыв Мухаммета облаком серой пыли, новая машина вместе с одноклассником рванула в Байтимер.

У Самигуллы в деревне маленькая лесопилка. В детстве он был исключительно тупым и плаксивым пацаном. Мухаммет до сих пор помнит, как донимал его Самигулла просьбами разрешить списать домашнее задание. Сам Мухаммет учился на «отлично». Интересно все-таки устроен мир: Самигулла разъезжает на машине, Мухаммет, нагрузив сумку гостинцами для родителей и соседей, чешет пешком по пылище. А ведь Самигулла всегда был размазней. И за Разифой ухаживал по-своему — хныкал да канючил. Разифа... Да, пожалуй, обидел ее тогда Мухаммет. Потому-то и не хочется сегодня вспоминать об этом. Впрочем, кому же охота ворошить неприятное прошлое!..

Нет, Мухаммет не обиделся на Самигуллу. Он не имел привычки обижаться на пустяки. Гораздо важнее то, что завтра сабантуй, а так холодно и неудобно, словно сейчас не начало лета, а наплевавшая на всякую очередность осень. Мухаммета может расстроить только это. Впрочем, как говорится, кто о чем, а шививый о бане, завтра кому-то сабантуй, а ему — овец пасти.

Постой, а что еще может его беспокоить и беречь сердце? Позавчера в Большом зале прошла художественная выставка. Работы Мухаммета в список не вошли, но заместитель директора зала, очень шустрая и деловая женщина, к тому же известный и очень авторитетный искусствовед, отыскала его и велела принести работы. Оказалось, что один из уголков экспозиции оставался свободным, и его картины было решено поместить туда. Мухаммет, крайне обрадованный, сразу же доставил свои работы. Но когда выставка открылась, обнаружилось, что одно из его наиболее значимых полотен пропало!

— Все обыскали. Точно кто-то украл! — предположила заместитель директора Сирена Самуиловна. Ее матерью была татарка, а отцом — еврей.

Вот тогда-то Мухаммет и удивился! Зачем? Кому это понадобилось? И какой в этом смысл?

Сообщив эту новость, Сирена Самуиловна, безумно влюбленная в творчество Мухаммета, чуть не расплакалась:

— Мухаммет Уразметович! Я виновата! Не прошу простить меня. Только, ради Бога, не думайте, что я специально это подстроила.

Ясно было как день, что Сирена Самуиловна здесь не при чем. Какие уж могут быть к ней претензии! Если бы не эта обаятельная женщина, если бы не она... Ведь именно Сирена Самуиловна всегда первой реагировала на каждую его новую работу и, самое главное, при каждом удобном случае включала его имя в списки на различные выставки, тем самым постоянно поддерживая его. Если бы не она, разве получили бы признание картины Мухаммета на выставках в Италии и Франции?! Вот совсем недавно, например, благодаря стараниям Сирены пять его картин поехали на выставку в Москву!

Сирена Самуиловна, не беспокойтесь понапрасну! Я ведь знаю, что вашей вины тут нет.

На красивое и всегда приветливое лицо Сирены Самуиловны, — Мухаммет называет ее про себя «Красавица», — словно набежали тучи, в больших черных глазах читалось огорчение. Нетрудно было заметить, что случившееся расстроило ее куда больше, чем самого Мухаммета.

— Сволочи! Найду — убью! — пригрозила она.

«Смотри-ка, да она ругаться умеет!» — подумал Мухаммет. В это мгновение ему вдруг захотелось обнять женщину за плечи, успокоить ее и утешить.

Он относился к ней, как к старшей сестре, рядом с ней было хорошо и спокойно. Несмотря на то, что ему было почти тридцать лет, простофильство, генетически заложенное в нем деревенским происхождением, опутывало все его существо, подобно веревкам на теле. И самой толстой среди них, той, что подобна аркану, стягивающему слегу на телеге с сеном, была, конечно, нерешительность. Она всегда сочеталась в нем с отвратительной неуверенностью в себе, не давая его Богом данному таланту раскрыться до конца. Однако, хотя Мухаммет умом и понимал это, но найти в себе силы разорвать эти оковы не мог. Пустоту, образовавшуюся в результате бесплодной борьбы с самим собой, заполняла Сирена Самуиловна, которая притягивала к себе, словно магнит.

— Непонятно, зачем кому-то понадобилась эта картина? — удивился Мухаммет.

Женщина, которая только что чуть не плакала, вдруг вспыхнула и словно ожила.

— Она у тебя была политической! Изображение истинного лица общества языком искусства — это, Мухаммет Уразметович, политика!

Сирена Самуиловна порой становилась похожей на школьную учительницу. Она — учительница, а Уразов Мухаммет — ученик. Между прочим, самый хороший и воспитанный ученик! От этой мысли Мухаммет улыбнулся. Сирена Самуиловна чуть приподняла свой указательный палец вверх (длинные ногти на ее изящных пальчиках вопреки обыкновению сегодня не были покрыты лаком):

— Я примерно знаю, кто это сделал. Ну, если только я смогу это доказать!.. Если хочешь знать, пятнадцать лучших работ должны были поехать на выставку в Москву. Несмотря на то, что старый таракан всячески скрывал это, я все же узнала! Сам-то он хочет отправить в Москву картины своего зятя, хотя ни для кого не секрет, что тот рисует их шваброй!

Мухаммет предположительно знал, кто был этим самым «старым тараканом». Представив себе важного начальника в обличье таракана, он чуть не рассмеялся. Но сдержался и лишь усмехнулся.

Пропавшая картина представляла собой обыкновенный пейзаж: опушку леса, кусок речушки, небольшую лужайку, где паслись три черные коровы и четвертая — она была рыжая — чуть поодаль, а рядом сидели пятеро пастухов.

Мухаммет внезапно остановился. Постой-ка, так ведь именно это место и было нарисовано на картине! Он тогда работал здесь почти неделю, сев прямо на берегу Ташсу и свесив ноги над кручей.

Пейзаж на картине получился потрясающе красивый. Сосны с толстыми желтыми стволами словно сбегали к реке на водопой. На опушке леса стоял сруб. Нет, нет, сосны совсем не воды хотели напиться. Вон те три сосны — те, что растут чуть впереди всех, — отделившись от родного леса, вышли искать своих детей. Где же затерялись их кровиночки? Ведь только что, совсем недавно, они были рядом, радуя слух тихим шумом своих крон. Но... бревна сруба слишком тонкие. Неужели... деточек срубили, а кору ободрали?..

А что здесь делает стадо коров? Впрочем, что же это за стадо! Всего четыре коровы! А почему на четыре коровы пятеро пастухов?

Три-четыре сосны отделились от леса. И стадо совсем не похоже на стадо. Гармония исчезла. «В природе нарушено равновесие. Оно нарушено и в человеческом обществе! Иначе разве стали бы пятеро пасти четырех коров! Нарушение гармонии в природе оказало воздействие и на человеческие отношения. А может, совсем наоборот! Это точно!» — так, то ли в шутку, то ли всерьез прокомментировала картину Сирена Самуиловна. «Нарушилось, все нарушилось, — подумал Мухаммет. — Иначе стал бы мой одноклассник и закадычный друг, председатель колхоза Бари Акберов всерьез мечтать о том, чтобы перенести целую деревню на вершину горы?!»

* * *

Когда рано утром, собрав деревенское стадо, Мухаммет погнал овец к Сайсу, большинство тех, кто собирался гулять на сабантуе, еще даже не проснулись.

Именно в эти минуты с другого конца Байтимера по направлению к райцентру спешно выехала белая «Волга».

Хотя пасти стадо выходили строго по очереди, в день сабантуя допускалось отдохнуть, скотина один день прекрасно могла бы потерпеть и в хлеву. Но была одна хитрость: отработка в день сабантуя считалась за два выхода, иначе говоря, следующую свою очередь ты имел право пропустить. «К тому же и Гульчачак нет, что мне там делать одному», — подумал Мухаммет.

Собрав овец, он согнал их к самой воде и пустил пасти на лугу возле колхозного покоса. Сам же, опершись на палку, устремил взор за реку, на лес, видневшийся вдаль. Надобности ходить за стадом по пятам не было: луг был широким и привольным, травы здесь было вдоволь; а если же у неразумной скотины желудки будут полны, а глаза не наедятся, то пусть вон идут на колхозные угодья, — Акберов не страшен. Пускай Бари сам его боится, и, кстати, ему есть чего бояться!

Стадо, похрумкивая зеленой травкой, рассыпалось по колхозному лугу. Видно, общественная еда была и в самом деле вкуснее.

Покой, тишина и одиночество вскоре сделали свое дело: оставшись на лугу возле Ташсу, Мухаммет «улетел» в свое детство. Он сидел на берегу, свесив ноги в воду, а «лодка памяти», мерно покачиваясь на гребешках волн, все плыла и плыла вдоль марийских лесов. И в лодке сейчас находился не Мухаммет Уразов — приобретающий все большую известность художник, а байтимеровский пацан Мухаммет, единственный сын Уразмета — бывшего плотника, колхозного кузнеца с золотыми руками, живущего теперь в деревне с женой на одну пенсию, и с надеждой поджидающего своего «городского» сына каждый раз, когда приближается очередь пасти стадо. А сын, хотя и звался Мухамметом, пророком не был, а был всего лишь художником, родившимся в конце двадцатого и живущим в начале двадцать первого века. Кстати, художником весьма талантливым, и — если выживет в борьбе за место под солнцем — с большим будущим.

Я

Мне бы не хотелось, чтобы вы обвинили меня в поспешности, однако решил сразу открыть свою тайну: я, Мухаммет, мечтаю увезти в город дочь лесничего Гульчачак. Их дом находится во-он там, неподалеку, возле леса.

Наше детство и отрочество прошли на берегах Ташсу, где мы дни напролет купались вместе с лягушатами, валялись на янтарно-желтом песке, приобретая к середине лета загар, цветом похожий на бока чугунок, всю жизнь просидевшего в дымящейся печи; ходили, преодолевая страх перед волками и медведями, в марийские леса по ягоды и грибы. Сейчас и сосны над Красным Яром постарели, и наше детство уплыло далеко-далеко по реке Ташсу, и так же, как она, сначала слилось с Илетью, а потом уже с самой Волгой. Волга несет свои воды аж до самого Каспийского моря. Если бы можно было сравнить нашу жизнь с рекой, я бы сравнил свое детство с речкой Ташсу, а отрочество с Илетью. Сейчас я, почти достигший тридцатилетия, наверно, уже вливаюсь в Волгу. А мысли о том, что когда-нибудь я достигну своего Каспийского моря, порой тревожат, но чаще приятно возбуждают и заставляют сердце биться радостнее.

Байтимеровцы обычно пасут свое стадо на Сосновом лугу. Но я, будучи человеком, крайне упрямым или, как говорит моя мама, упертым, погнал животинок вниз, к лугу Сайсу. Поскольку наша деревня находится выше, то мы говорим: спуститься к Ташсу. И вот сейчас я плетусь потихоньку за овцами по лугу вдоль берега.

В Сайсу река становится очень глубокой. В детстве мы купались совсем в другом месте, на выпасе, вперемежку с невинными в простоте своей коровьими лепешками, плавающими на поверхности воды. Вдоль выпаса берег был не крутой и высокий, как в других местах, а ровный и пологий. К тому же он был покрыт желтым горячим песком, а потому это было самое удобное место для купания малышни. Это сейчас там берег разъединенный, и былого оживления уж нет...

Но изменилась не только Ташсу, я тоже, видимо, постарел. Ведь у двадцативосьмилетнего мужика уже должна быть семья и, как минимум, двое детей. А я все не могу жениться. Вообще-то я считаю себя человеком несобранным. Разумеется, я прекрасно знаю, что мне нужно сегодня и даже завтра, но я совершенно не представляю, что я буду делать, предположим, через неделю. Хотя, что должно быть через год, я отчетливо знаю. Несмотря на то, что я нецелеустремленный, сама-то цель у меня есть. Ведь я уже говорил об этом: я собираюсь увезти в город Гульчачак, дочь лесничего!.. Ну, а если не смогу, то... мне кажется, я запью или найду утешение в наркотиках. Или, на крайний случай, буду вести

бессмысленную разгульную жизнь, изредка рисуя картины и просяживая полученные гонорары — бездумно и распутно. Одним словом, на другой девушке я ни за что не женюсь!..

Впрочем, кажется, я высказался чересчур категорично и определенно, не хотелось бы, чтобы небеса восприняли это как обет!..

Упаси Бог!..

Однако зря я поспешил рассказать о Гульчачак, ты, читатель, уж не торопи меня, поскольку к этой своей цели я иду, как мне кажется, всю свою жизнь, — если считать с четырнадцати лет, а сейчас мне двадцать восемь, получается ровно четырнадцать лет. Конечно, бывало всякое, иногда впадал в такое отчаяние, что хоть креститься впору! Но ведь это не принесло бы облегчения! Примешь крещение и станешь русским — всего-то! И будешь потом всю жизнь ходить с холодным крестом на шее...

В четырнадцать лет я мечтал стать шофером.

Отец с матерью ночами практически не спали: то по пояс в снегу идут на колхозное поле за соломой, то — в сенажную яму возле фермы. Скотины у нас было много: корова, телка, семнадцать голов овец. К тому же корова наша исправно телилась каждый год. И всех надо кормить, каждому должно хватать, иначе они начинают реветь и бляеть на всю деревню. Корма-то нам никто не привозил. Колхоз наш с тех самых пор, как себя помню, всегда был дохлым. Вот, к примеру, сено и солому, начальство, будучи не в силах отвезти на ферму, гноило прямо на полях, но колхозникам не выдавало. Хотя мама все лето, не разгибая спины, махала то вилами, то лопатой на колхозной работе, а отец был весьма уважаемым плотником и кузнецом... Я тогда был еще совсем маленьким. Правда, уже годился на то, чтобы вместе с родителями совершать набеги на соломенные скирды. Но сколько мог я тогда поднять! Например, охапку, которую я с трудом притаскивал на своих худеньких плечах, наша прожорливая, но исключительно тощая телка съедала в один прием. А затем требовала еще и начинала реветь, как паровоз.

Представьте себе картину: железнодорожной станцией в нашей деревне и не пахнет, а в хлевах колхозников, которые не работают шоферами или трактористами, словно паровозные депо расположились: у кого бычок годовалый ревет, у кого телка жалуется. Ведь им не сунешь в морду дрова, как в паровозную топку. Они сена просят, этим негодникам подавай вкусное месиво!

Именно из-за этих ненасытных живоготов у меня и родилась мечта стать шофером. Я бы тогда привозил целые машины соломы и сена, пусть нажираются до посинения! Хотя нет, до посинения не надо! А то еще сдохнут. Ведь у меня еще есть четыре сестры. Мы и скотины столько держим на случай их замужества. Эх, почему же я не родился девчонкой, к ним четверем пятая помехой бы не стала, тогда я не ходил бы воровать колхозную солому, спал бы, сколько хотел. Но... родителей жалко. Тогда им пришлось бы мучиться вдвоем! Хотя мой личный вклад в пополнение кормов очень незначительный, все же это лучше, чем совсем ничего. Так говорит мама, поглаживая меня по голове. То ли она старается морально поддержать меня, то ли и в самом деле так думает.

Характер моего присутствия в школе, точнее, протирания штанов, и особенно получаемые оценки годились аккурат лишь для моего будущего шоферства. Вообще-то, мне бы этого было вполне достаточно. Как говорит отец, выше своего носа все равно не прыгнешь. Хоть и закрепилось за нашей семьей прозвище «Олень», прыгать я не люблю. Точно так же я не люблю уроки математики. Хорошо еще, что математику у нас ведет тетя Зулейха. Она еще и завуч по воспитанию. Поэтому нет никакой необходимости ходить за ней и умолять не выводить в четверти двойку, наоборот, она сама просит нас то классы украсить, то стенгазету выпустить. А рисовать я умею. Так люди говорят. Да если бы и не говорили, — их право, — я и сам прекрасно знаю это. Учитель рисования Хадиулла — родной брат моего одноклассника Бари — очень благоволил ко мне. Он хочет сделать из меня художника. Он совсем замучил меня глубокомысленными цитатами из разных умных книг. Будто бы искусство начинается там, где есть чуть-чуть. И будто бы мне природа отмерила не «чуть-чуть», а гораздо больше. Надо только не лениться. Про себя я думаю: на кой черт мне все это нужно! При помощи нарисованных на белой бумаге трактора или грузовика в наш огромный, словно паровозное депо, сеновал не то что воз сена не привезешь, но даже спичку не дотацишь. Но как объяснить это учителю Хади? Ты хоть лоб себе расшиби о край парты, но он тебя не поймет! Потому что его отец — председатель колхоза. Они солому не воруют. Они ее просто привозят. Прямо днем. Тот, кто ворует возами при свете белого дня, у нас за вора и не считается. Ведь как принято думать: если ты прихватил что-нибудь подмышкой, значит ты настоящий вор. Короче, если попадешься, то сидеть тебе в тюрьме. А в тюрьме, как говорит наш сосед дядя Самат, макароны каждый день не дают. Уж он-то знает наверняка, потому что стоит ему искоса посмотреть на свою жену, как его сразу отправляют на пятнадцать суток на казенные харчи.

А рисую я по своим личным соображениям. Например, чтобы директор школы дядя Фарит не мылил мне шею каждый раз, когда я бью стекла в школе. В таких случаях меня защищает завуч тетя Зулейха, а заступничество дяди Хади бывает особенно эффективно. Ведь мнением Хади нельзя пренебрегать, у него отец — председатель!

Говорят, что трудно сказать истинную правду, если не знаешь, чего от тебя ждут. А я все говорю и говорю, подробно, искренне и без страха рассказываю обо всем, что было за все эти двадцать восемь лет. Но я же не сплетни о ком-то рассказываю, а правду о себе!..

Однажды, понаблюдав, как я валяю дурака на уроке рисования, Хади задержал меня после занятий и, хлопнув по моему толоконному лбу толстой книгой, спросил: «Ты, паршивец, любишь свой родной край?» Нашел о чем спрашивать, кто же его не любит! Если бы не любил, я бы и не родился тут. А он, между тем, продолжил: «У нас потрясающе красивая природа! И мы должны ее — и тут вся надежда на тебя — показать всем, ты понял? Пусть все увидят, восхитятся и повалят всем миром к нам отдыхать! Мы здесь, на берегах Ташсу и в наших лесах, заповедник организуем. Если будет много отдыхающих, у нас появятся и доходы! И наш край начнет процветать!»

«Да-а, и этот, как его отец — председатель, оказался мечтателем, — подумал я про себя. — Когда-то твой дед уже перенес деревню с горы в долину. Даже кладбище со всеми могилами перенес! Теперь народ мается — огороды все время подтапливает!»

Но высказаться вслух я все же не рискнул.

Дядя Хади, полистав немного ту самую толстую книгу, которой пытался достучаться до моего сознания, отыскал нужную страницу и сунул мне в нос. Мол, на, почитай! Давая понять, что носом я читать не умею, упрямо вскидываю голову, тогда дядя Хади сам зачитывает умную цитату: «Лондонские туманы не существовали, пока их не открыло искусство», — сказал дядюшка Оскар Уайльд. Мы тоже должны отразить красоту своего края посредством искусства и удивить мир! Ты понял меня, паршивец? Наш народ должен апельсинами питаться. А он картошки наестся вдоволь не может, потому что огороды остались под водой, — каким-то мягким голосом закончил дядя Хади и приобнял меня за плечи. Понял я, где ж тут не понять, когда аж на пальцах все объяснили... Я еще кое-что понял: когда у нас тут откроют курорт, ты, дядя Хади, наверно, хочешь жениться на какой-нибудь приезжей интеллигентной женщине. Ведь деревенские девушки тебя не устраивают. Иначе ты бы не ходил до тридцати лет, как одинокий гусак!

Фу ты, голова у меня все время в обратную сторону работает, не зря меня считают упрямым и ершистым парнем. Ну разве можно так плохо думать об учителе? Он же хороший человек и относится ко мне по-человечески.

Вот Бари у них — упрямец из упрямцев, скажу об этом честно, хоть он и мой одноклассник. Он вообще-то парень неплохой, только в его узколобой голове иногда появляются плохие мысли.

Кстати, он стоял возле школьных ворот и поджидал, пока я освобожусь; все-таки мы с ним друзья и вместе возвращаемся из школы. Впрочем, наша дружба не мешает ему завидовать мне.

— О чем он с тобой говорил?

Вопрос его мне не понравился. У меня было плохое настроение и я решил его поддразнить:

— Если хочешь знать, он о тебе беспокоится! Он боится, как бы твои постоянные пятерки не привели тебя к инсульту, а потому попросил меня, как твоего друга, поговорить с тобой, чтобы ты не перенапрягался, потому что он не хочет потерять брата.

Разозлившись, Бари сначала хотел звездануть меня своим портфелем из блестящей кожи, но, вовремя вспомнив, что я сильнее его, решил дать отпор в словесной форме:

— Ну не могу же я таскать в этом замечательном портфеле двойки, как ты!

Знает председательский сынок, как больнее ударить! В его руках — новехонький портфель, а у меня — старый потерханный отцовский мешок из грубой кожи, в котором отец когда-то носил свои инструменты.

От обидных слов у меня в животе что-то больно повернулось, но сдаваться я не собирался.

— Подумаешь! Если хочешь знать, в данный момент мой отец сидит дома и шьет мне портфель из лягушачьей кожи! Такой и в воде не утонет! Твой-то, небось, тонет! — Собственная ложь мне понравилась и я понесся дальше: — Ну-ка, давай попробуем положить твой хваленый портфель из цыплячьей кожи в воду! Провалиться мне на месте, если он камнем не пойдет на дно! Вот увидишь!

— Как бы не так! С чего бы ему тонуть!

— Ведь цыпленок плавать не умеет! А потому, хочешь ты или не хочешь, а портфель твой утонет!

Так, переругиваясь и подначивая друг друга, мы проходим три километра, а на мосту в начале деревни мы уже снова друзья. Вот и сегодня Бари мне сообщил тайну, которую можно сказать только близкому другу. Вернее, не столько он ее сказал, сколько заинтриговал меня.

— В эту субботу пойдем в лес, я тебе кое-что покажу.

— А что это? — попытался я что-нибудь выведать, но он был неумолим. Вот соломенная голова! Это он так мстит мне за то, что я не пересказал ему разговор с его братом.

Волосы у Бари желтые, как у русского, а лицо красноватое. Когда я злюсь на него, то начинаю дразнить: «Мочалка! Мочалка!» Он немедленно припоминает мне наше прозвище: «Олень!» Кстати, у его семьи прозвища нет. В деревне у всех есть прозвища, а у них нет. Видимо, председателю негоже

иметь прозвище. Поэтому, чтобы мой друг не маялся один без прозвища, я и придумал ему «мочалку». Всем кличка нравится, только самому Бари она не по душе.

Кстати, Бари такой же упрямец, что и я, — уж не потому ли, что мы соседи? Вот и сейчас — уперся и ни за что не желает раскрывать свой секрет. «Скажет, скажет, а не захочет, так заставим», — подумал я и тут же решил выполнить задуманное: схватив Бари за шею, со всей силы пригнул его голову к земле.

— Если не скажешь, я тебя сейчас с моста сброшу!

Мой способ убеждения оказался чересчур действенным, Бари сдался немедленно. А что ему оставалось делать — поедая пряники, сильным не станешь, надо и черный хлеб иногда кушать.

И что же я узнал? В эту субботу идем в лес. В гости к Гульчачак и Гульюзум!

Я еще крепче сжал его шею:

— Что за гости? Ты что, хочешь получить от дяди Яруллы заряд соли в задницу?

— А мы тихонько, тайком. Сейчас не спрашивай, остальное узнаешь на месте.

Я вдруг успокоился и разжал пальцы, выпустив шею друга «на свободу».

— Бари, хочешь проехаться на мне верхом вон до той колонки?

Поскольку Бари был намного ниже ростом, для меня не составляло большого труда пронести его на себе некоторое расстояние и я частенько, когда желал угодить другу, предлагал ему «прокатиться». Бари, упрямец, невзирая на то, что ростом мал, словно Наполеон, на язык «язва» тот еще. А уж если он разозлился, то пощады от него не жди. Мое нынешнее положение усугублялось тем, что к его обиде примешалась еще и боль в шее. Короче, он так мне ответил, что я чуть сам под мост не полетел, ей-богу! На мое дружеское предложение он, потирая шею, процедил сквозь зубы:

— Я на ослах не езжу!

Я замахнулся, чтобы ударить, но он успел ухватиться за ремень моего мешка, и мы, невольно обнявшись, вместе полетели вниз, под мост...

Когда настала суббота, мы, два соседа, Бари и Мухаммет, уже снова были неразлучными друзьями. На сегодняшний вечер у нас назначена вылазка в лес, к дяде Ярулле. Сам он, разумеется, нас не приглашал, но его дочери-близнецы притягивали нас, молодых петушат, как магнит.

Между прочим, из-за этих девчонок я даже как-то ребро себе сломал!..

Младший брат отца Бари — дядя Сибгат каждый год помогает леснику косить сено, за это значительная часть накошенного достается ему. В прошлом году сено удалось на славу. Поэтому дядя Ярулла на подмогу Сибгату позвал и моего отца. Мол, чем косить по мелочи по берегам речушки, лучше здесь одним махом запасть на всю зиму. Аргумент был убедительным, и отец, прикинув, что для просушки сена и метания стога может понадобится помощник, прихватил и меня. А дядя Сибгат взял с собой Бари.

Что ни говори, а лес это лес, в нем так приятно. Вот если бы еще не было оводов и мерзких мух.

Пока взрослые косили, мы с Бари объедались ягодами.

В полдень дочери лесника принесли обед. Наши ровесницы или чуть младше, близняшки были так хороши собой, что мы с другом тотчас потеряли покой. Пацаны, которые только что, наскоро разбросав скошенное сено, как обезьяны, скакали по деревьям, пугая дятлов и гоняясь за белками, вдруг враз посерьезнели. Безусые юнцы совсем переменились. Как говорит мой отец, вот тебе и дети природы!

Девочки были похожи друг на друга, как капельки росы на траве, и в то же время различались, как ягоды землянички, выросшие на одной веточке. Вот такие они были близнецы.

Я даже не заметил, как протянул ладонь с ягодами той, что звалась Гульюзум. Хотя полагалось бы дать обеим поровну! Только что делать, каким-то внутренним чутьем я успел осознать, что ни за что на свете не решусь угостить Гульчачак, потому что у меня обязательно задрожат руки, а сам я непременно покраснею, как ягоды на моей ладони.

Румяные, словно земляника, губы Гульчачак легонько дрогнули, она с недоумением посмотрела на меня, раскрыв еще шире и без того большие черные глаза. Мне показалось, что по моему телу пробежала целая стая муравьев, вдобавок сразу после этого я впал в какое-то оцепенение, во рту пересохло, язык присох к небу. Осознав свою ошибку, я попытался немедленно исправить положение и бросил взгляд под ноги: ягод полно, но все они были еще неспелыми.

Однако мои страхи были напрасны, потому что Гульчачак, похоже, совершенно не обиделась: разделив на равные части собранную в ладошки малину, она протянула ягоды сначала мне, стоявшему чуть поодаль, а затем Бари.

Черноглазые и румяные, девочки сами были неуловимо схожи со спелыми ягодками. Одетые одинаково, в белые платья с черными цветами, они напоминали стройных березок. На красивых личиках — маленькие носики, губы Гульюзум чуть уже, у Гульчачак — пухленькие и более яркие. Ростом девочки были немного ниже нас. А если быть точнее, то они были ниже меня, долговязого, и

выше низкорослого Бари. У Гульчачак на верхней губе слева виднелась восхитительная крошечная коричневая родинка. Точно такая же примостилась на правой щечке Гульюзум.

В нашей деревне девочек с такими черными, словно черемуха, глазами больше нет, у других глаза или зеленые, как у меня, или карие.

Говоря по правде, на лесной поляне я не смог досконально рассмотреть внешность и лица девочек. Но позже память восстановила их облик в мельчайших подробностях.

Непростительная оплошность: я, разговорчивый и общительный в любое другое время, теперь проявил полную бездеятельность. Может, потому, что никогда прежде мне не приходилось встречаться на лесной поляне с девочками...

Гульюзум оказалась более смелой и шустрой, чем сестра. Потому Бари старается больше обращаться к ней:

— А медведей и волков вы не боитесь?

Гульюзум стремительно наклонилась к кусту шиповника и вытащила двустволку.

— Вот!

Мы ахнули. До сих пор ни один из нас не видел настоящего ружья. Оно было большое, тяжелое, приклад обмотан синей изолентой — надо полагать, там трещина.

Гульчачак кинула на сестру осуждающий взгляд, мол, зачем показала ружье, но, поскольку дело было сделано, спокойно прислонилась к стволу березы.

При виде ружья я заволновался, мне ужасно хотелось потрогать его, но гордость мешала попросить: что я, пацаненок какой-нибудь, что увидел занятную игрушку?! К тому же язык все еще не подчинился мне. Чтобы отвлечься, я направился к высокой сосне, росшей на краю поляны. На самой ее верхушке я заметил играющую белку. Мне вдруг захотелось поймать ее и подарить Гульюзум.

По деревьям лазить я мастак — не хуже обезьяны. Бари, поскольку у него руки и ноги короткие, так не может, хотя старается не отставать. Разумеется, стоило нам только прикоснуться к стволу, как белка тут же перепрыгнула на соседнее дерево и скрылась из глаз. Но я все равно полез. К тому же недавно мы смотрели кино про Тарзана.

Сосна оказалась довольно высокой. Я взобрался на самую высокую ветку и сел на нее верхом. Поляна отсюда казалась очень маленькой. Девочки и Бари — совсем крошечными. Зная, что они внимательно следят за мной, я решил их удивить и, недолго думая, перепрыгнул на соседнюю сосну. Расцарапав лицо и руки и чуть не выколов глаз об одну из острых веток, я все-таки сумел зацепиться. Представляю себе, как удивляются там, внизу! Наверно, они в полном восхищении. Особенно, я думаю, удивлена Гульюзум! От этих мыслей мне стало несказанно приятно, захотелось еще совершить что-нибудь героическое. Сорвав с ветки шишку и прикинув, где может стоять Гульюзум, я сбросил шишку вниз.

Я не видел, что шишку поймала Гульчачак.

Мне снова захотелось прыгнуть на соседнее дерево. Обычно я делаю то, что хочется, а потому я прыгнул... и промахнулся...

Когда я очнулся в доме дяди Яруллы, то все еще был не в состоянии осознать ту глупость, которую я совершил, о сломанных ребрах я также не знал...

...Сегодня, в субботу, мы зачем-то идем на займку к леснику. Зачем, — Бари не говорит, но это и не важно, потому что мне и самому уже давно (как минимум, полтора года) хотелось повидать лесниковых дочек. Сначала, после истории со сломанными ребрами, я стеснялся показаться им на глаза: мне казалось, что они будут смеяться надо мной. Если увижу в красивых черных глазах Гульюзум хитрый прищур или хотя бы тень насмешки, все, мне не жить, я умру! Гульчачак, может быть, и не будет смеяться. Впрочем, черт их разберет, ведь девчонки вообще любят похихикать...

Кто-то сказал, что любовь — это последняя и самая серьезная детская болезнь. К сожалению, об этом умном высказывании я тогда еще слыхом не слыхивал.

Наверно, тогда мы как раз и прощались с детством. К девчонкам из нашей деревни, даже к тем, с которыми я встречался и общался каждый день, в моем сердце никогда не вспыхивало такого странного, незнакомого чувства... Ей-богу!.. Вот я, например, знал, во сколько ложится спать соседская девчонка Алмазия, — мы учимся в одном классе, — что она ест утром на завтрак, и то, что она не любит молочный суп, что однажды, поссорившись со старшей сестрой из-за платья в синий цветочек, она всю ночь проплакала в подушку, а еще я знаю, что она любит разводить цветы и когда засохла ее роза, она даже осипла от плача. Да если бы только это! Однажды, когда я помогал им стоговать сено, у них в саду, в одном из его укромных уголков, я увидел на веревке ее сохнувшее на летнем ветру нижнее белье; более того, закончив работу и намереваясь попить, — а их колодец находится как раз в саду, — я обнаружил на земле ее маленький лифчик (говорю — ее, потому что мать у них — женщина довольно массивная, да и старшая дочь пошла в нее, значит, лифчик принадлежал не им), поднял его и быстренько повесил обратно на веревку.

Многое нам рассказывала мать Алмазии, а я, — разумеется, невзначай — подслушивал. А потом, мы все-таки соседи, а у меня не дырки вместо глаз. Но все равно Алмазия для меня всегда оставалась просто соседской девчонкой.

И Разифа — девочка с длинной косой — тоже была просто одноклассницей, хоть и сидели мы с ней за одной партой, хоть и давала она мне списывать, причем с большой охотой, контрольные по математике.

Прихода великого чувства под названием Любовь я ожидал откуда-нибудь издалека. В крайнем случае, пусть хоть с неба свалится, но только чтобы объект этого чувства был не из нашей деревни. Потому что девчонки из нашей деревни — это наши девчонки. И они знают меня как сына Уразмета по кличке «Олень», относятся ко мне как к младшему брату моих старших сестер, а потому они никогда не узнают, какие чувства обуревают мою душу!..

А может, настоящая любовь — это просто призрак? Все о ней говорят и мечтают, но никто никогда ее не видел!..

Когда я, байтимеровский Тарзан или, как говорит моя мама, дикая мартышка, — она, конечно, говорит об этом с юмором, радуясь тому, что я остался жив, — итак, когда я очнулся, то обнаружил себя в доме дяди Яруллы лежащим на мягкой кровати. Вокруг столпился народ: отец, дядя Сибгат, дядя Ярулла с женой, а чуть поодаль две черноглазые девчущки — нечаянные виновницы моего героического, но безумного поступка. Увидев, что я открыл глаза, все облегченно перевели дух.

Бари тут же побежал в деревню за машиной. До его возвращения почти час я лежал, уставившись в смолистые доски потолка: велено было не двигаться и не вставать. Потому что, будто бы, в голове у меня могло произойти «землетрясение». За это время меня совершенно измучили, постоянно задавая один и тот же вопрос: не тошнит ли меня?

Вскоре взрослые разошлись кто куда, и я решил поделиться с девчонками информацией о возможном «землетрясении», но они почему-то покатались со смеху. Оказывается, речь идет не о «землетрясении», а о «мозготрясении» или «сотрясении мозга». Ну что же, это говорит только о том, что мои мозги барахлят. Когда девочки устали смеяться, Гульюзум поизучала меня некоторое время и, сморщив вздернутый носик, изрекла:

— Ну ты даешь!.. И что ты забыл на этом дереве? Ростом вышел, а умом Бог обидел.

Мне ее слова, конечно, не понравились. Но замечание, как оказалось, не понравилось и Гульчачак: схватив сестру за локоть, она развернула ее к двери:

— Ой, помолчала бы!..

А вот эти слова понравились мне настолько, что я чуть не расплакался от полноты чувств, но, желая сдержаться, невольно вобрал в себя воздух и вдруг застонал от сильной боли: что-то резко кольнуло меня в области ребер. Гульчачак немедленно подлетела ко мне:

— Где у тебя болит?

И она положила свою маленькую мягкую ладошку на мой лоб. Я смутился, однако отчетливо вдруг ощутил, что начиная с этого мгновения Гульчачак почему-то стала для меня странно близкой.

А Гульюзум? Ох, не спрашивайте: ведь я абсолютно не в состоянии ответить определенно на этот вопрос! Душа моя в смятении. В самом деле, к которой из сестер меня тянет больше? И не погубит ли меня когда-нибудь эта неразбериха в чувствах?..

...Летний день долог, как моя долговязая фигура, а ночь коротка, как дружок мой Бари. В тот самый час, когда стадо уже вернулось и хозяйки подоили коров, а соседские девчонки завертелись возле зеркал, готовясь к вечерним развлечениям, мы, два друга, постукивая каблуками, словно козлята копытцами, направились в лес, к дому лесника.

Только на переправе через Ташсу, взобравшись мне на плечи (штаны снимешь — вода вечером холодная, а не снимешь, так намокнут), Бари, мочалка чертова, чуть приоткрыл завесу над тайной: сегодня жена дяди Яруллы топит баню, и после того, как они сами помоются, всю ночь в бане будут мыться наши лесные феи. Это ведь совсем как лесные девушки в стихотворении Такташа. Окончательно вдохновившись, мой дружок-коротышка, сидя у меня на плечах и в такт ударяя пятками мне в грудь, начал декламировать стихи:

Девушке, выросшей в том лесу
И похожей на ангела,
Не было подобной не только на земле,
Но и на небесах.

Лес подарил ей красоту,
Озера орошали чистой водой.
Цветы, когда она спала,
Украдкой целовали ее.

Если бы стихи не были так хороши, то я скинул бы его в воду прямо на середине реки, ей-богу! Но стихотворение было великолепно. Ведь его не Бари написал, а Такташ.

Поскольку я привык считать, что декламировать стихи — занятие для девчонок, то никогда не обращал серьезного внимания на поэзию. Но в последнее время, после знакомства с дочками лесника, я был несколько поколеблен в этом своем убеждении, и решил в корне преобразиться. Хотя я и недолюбливаю уроки литературы, решил попросить у учительницы тети Мадины какие-нибудь подходящие к случаю книги и начать заучивать стихи наизусть, а потом... Я заберусь на самую высокую сосну возле дома дяди Яруллы и буду читать:

Рассветные ветры мягко
Причесывали ее длинные волосы,
А ночью луна бессонная,
Как мать, ласкала ее с небес!

Но только чьи волосы причесывали рассветные ветры: была то Гульчачак или, может, Гульюзум? А черт его знает!..

Банька лесника стояла на довольно большом расстоянии от избы. Поскольку места здесь было достаточно, Ярулла расположил хозяйственные постройки вольготно, и только конюшня стояла вплотную к дому, — наверно, чтобы сбереечь лошадей от лихих людей.

Мы схоронились за толстым стволом березы, росшей прямо перед окошком бани. Внутри было темно, хоть глаз выколи. До боли в глазах силась что-нибудь разглядеть за стеклом и потеряв надежду, я толкнул Бари локтем. У нас это обычная форма общения: поскольку я выше его, то мой локоть приходится ему аккурат в ухо, а локоть Бари — мне в область почек, куда он и тычет весьма охотно. Окружающие наших телодвижений не замечают, а потому замечаний не делают, ведь мы кулаками не машем, с ног не валимся. Вот и сейчас Бари легонько стукнул меня по почке, мол, не спеши, сейчас...

Он оказался прав: баня вдруг ярко осветилась изнутри. Не боясь постороннего взгляда, занавеску задергивать не стали, а потому и белоснежная побеленная печь, и рукоятка веника, лежавшего в тазике на полке, были видны до мельчайших деталей. Дядя Ярулла окно бани вырубил на довольно большом расстоянии от земли, так что нам, коль возникнет желание рассмотреть внутренность бани подробнее, придется карабкаться на дерево. Вдруг внутри мелькнул чей-то силуэт. Два силуэта! Да и не силуэты это вовсе, а две девушки с белоснежными телами! Обнаженные лесные девушки! У меня вдруг пересохло во рту: я потерял способность говорить. А потому двинул в ухо шумно сопящему Бари, мол, видишь? По немедленному последовавшему удару в почку понял его ответ: «Да вижу, я же не слепой!»

Мы были уже в том возрасте, когда понимают: с тем, что находится ниже пупка, в жизни связано много интересного, а потому мы немедленно полезли на дерево. Внутренность бани была видна отчетливо, как в кино. У нас у обоих уже давно пересохло во рту и одежда прилипла к потному телу, мы мелко дрожали — словно листва березы, которую мы оседлали, можно было подумать, что листья шелестят именно от нашего учащенного дыхания.

Одна из лесных фей суетилась возле самого окна, она была чуть попышнее телом. Вдруг узнав ее, я чуть не вскрикнул: «Ведь это Гульюзум!» Слава богу, удержался, иначе спугнул бы и девушку, и ее обнаженную красоту.

Однако в этот момент Бари — возможно, от избытка чувств, а может, решил подобраться к самой верхушке березы, — неловко повернулся, и ветка, на которой он сидел, с треском сломалась, издав в сонном лесу ужасающий шум. Бари успел ухватиться одной рукой за соседнюю ветку, но долго висеть у него не получилось, и он шумно низвергся на землю. Свет в бане погас.

Из-за страшного грохота двух ружейных выстрелов мы не смогли разобрать, что кричал нам вдогонку дядя Ярулла. Верно говорят: кто не видел, тот хочет увидеть, а кто увидел, тому хочется бежать... космическая ракета, отделяясь от земли, не развивает такую скорость, с какой припустили мы, ей-богу! От нестерпимой боли в филейной части мы стрелой ринулись к Ташсу. Смутно помню, как я лихо обогнал какого-то зайчонка, остальное — как в тумане: дядя Ярулла соли не пожалел, это мы поняли на собственной шкуре!..

Дома пришлось соврать, что по ошибке наелись в лесу волчьих ягод и теперь маемся животом. О том, чтобы лежать на спине, не было и речи, а боль была такая, что ночь я провел без сна, лежа на животе.

Однако, какой бы сильной ни была боль, она не смогла заставить забыть то, что мы видели в лесу. Ведь запретный плод сладок, и потому банное оконце и то, что мы в нем разглядели, все время стояли перед глазами. Больше всего я боялся, что лесник нас узнал. Но, к счастью, ни на второй день, ни на третий дядя Ярулла у нас дома не появился. И вскоре мы успокоились. Но не успокоилась душа, и перед моим мысленным взором то и дело вставали прекрасные, как у ангелов, обнаженные тела девушек. Не совладав с желанием нарисовать увиденное, я перенес свою фантазию на лист бумаги и едва удержался от того, чтобы не написать под рисунком: «Лесная девушка Гульюзум». Бари долго

рассматривал набросок и восхищенно заключил: «Вот это да!» Одного я не понял, то ли он удивился моему мастерству, то ли сам рисунок так его поразил. Но рисунок я все же спрятал среди страниц книги.

Одно хорошо запомнилось: после того случая в лесу мы с Бари долгое время возвращались из школы порознь. Почему-то было стыдно смотреть друг другу в глаза.

Не зря же говорят, что уж коли стыдится бесстыдник, так это бывает у него не в меру...

Однако спустя некоторое время мы снова были вместе и стали даже как будто ближе друг другу. Кажется, что в нас изменилось что-то и появилось серьезное отношение к людям и миру, окружающему нас...

* * *

Вам, наверно, приходилось наблюдать, как корова, весь летний день — длинный, как год, — проходившая в стаде, вечером изнуренная приходит домой, одним рогом открывает ворота и проходит во двор. Она хочет пить. Судорожно, не разбирая дороги, она кидается ко всякой посуде, стоящей во дворе, с шумом опрокидывая ведра, тазы, и, найдя желаемое, уткнувшись мордой в посудину, забывает обо всем на свете.

Со мною происходит то же самое, когда я после долгого отсутствия возвращаюсь домой и приближаюсь к родным воротам: я начинаю торопиться, дыхание учащается. Словно просыпается птица, живущая в моей груди. Если ворота заперты на щеколду, я в нетерпении ударяю в них коленом, но щеколда, которую отец сам выковал в кузнице, даже не шелохнется, а потому я опускаю на нее ладонь, налегаю на ворота, как та самая усталая корова, и они раскрываются.

А вот и наш двор. Возле навеса возится отец, у него несколько рассеянный вид, потому что полдень уже близок, а сына все нет. Увидев меня, он широко улыбается: приехал! Его большой, как варежка (так говорит мама), рот растянулся от уха до уха. Сын приехал! Он никак не может вернуть на лицо серьезное выражение. А мне нравится этот его большой, какой и положено иметь мужикам, рот. По моему, маленький, с наперсток, ротик мужчине не украшает.

Отец уже приготовил для меня длинный кожаный кнут, вон он висит на штакетнике. Именно на него первым делом мне и указал отец, мол, все готово.

Только я в состоянии заметить, как радостное выражение на папином лице сменяется другим чувством: он ужасно переживает из-за того, что я приезжаю домой не на машине. Такой известный и уважаемый художник, а сам месишь грязь, ходишь пешком! Посмотри вон на сына такого-то! А у этого сынок каков! Короче говоря, мысль его мне ясна как день: сынки других родителей машины меняют, как перчатки. А ты?..

Отец никогда не говорит мне прямо то, что думает. Но я и сам все понимаю. Ведь я же его сын...

Мне очень хочется утешить отца: «Да плюнь ты на эту машину, пешком полезнее!» Но, поскольку он не высказывается вслух, начать первым разговор на большую тему я, конечно, не могу.

Да пропади пропадом эти машины, папа, ты только не волнуйся! Будет и у твоего сына машина, да еще какая! Знал бы отец, сколько стоят некоторые мои картины! Он бы просто упал, ей-богу! Впрочем, тогда он бы обязательно спросил: а почему же ты, негодник, не покупаешь эту машину?!

Отец не поймет меня, если я скажу, что Сирена Самуиловна хоть сейчас готова отдать мне обе свои машины. Но я молчу, потому что на меня немедленно посыпется вопрос за вопросом: кто эта Сирена и с чего бы ей вдруг отдавать тебе машины просто так? Может, она просто чокнутая?..

Мы тепло поздоровались с отцом.

То, о чем он промолчал во дворе, сказалось само собой за столом; отец совершенно не способен скрывать своих чувств.

— Бари снова купил себе новую машину. «Волгу». Белоснежную.

— Далась тебе эта машина! Ну и что с того, что купил? Пусть хоть десяток машин себе купит. Бари на колхозном добре жирует!

Это моя мать высказалась. Да, ее я тоже хорошо понимаю: матери мой приезд в добром здравии важнее любой машины. А на машине я приеду или верхом на лошади не суть важно. Только будь здоров и приезжай.

Однако маму тоже тревожит одна идея-фикс: мое холостяцкое положение. Ей хочется иметь невестку. И пусть эта невестка не сможет жить с нею рядом, но пусть она где-то будет.

Итак, отец мечтает о машине, а мать — о невестке. Я обо всем этом знаю и понимаю своих родителей, даже, как мне кажется, переживаю оттого, что не имею хотя бы одного по этому списку. Но переживаю как-то спокойно, без истерики. Потому что знаю, точно знаю: один пункт из того, что хотелось бы отцу и матери, я могу реализовать хоть завтра!..

Почему я не делаю этого? А вот это совсем другое дело...

Желая закрыть тему «машина и невестка», я прямо за чаем заговорил о предстоящей мне назавтра миссии пастуха:

— На какое бы пастбище отогнать стадо?

Спросил так, словно это наисерьезнейший вопрос. Разумеется, спросил я просто так. Хочешь, отведи в Наратлы, а хочешь, отгони своих коз да баранов в Сайсу, но для моих стариков на этом свете нет незначительных вопросов: а действительно, куда было бы целесообразнее погнать стадо? И отец с матерью искренне начинают ломать над этим голову. Наконец, выносится вердикт: идти в Сайсу, и я, поблагодарив за обед, встаю из-за стола и выхожу во двор. На этот раз отец приготовил мне отличный кнут. Я бы даже сказал, превосходный. Длинный, из прочной кожи и волоса.

Сняв кнут со штaketника, я взмахнул им пару раз, чтоб размять кисть руки, а потом, повернувшись к лесу, как следует щелкнул им по- настоящему.

Интересно, донесся ли звук до леса или нет? А если донесся, то кто первой услышал его: Гульчачак или Гульюзум? Которая из них? Эх, узнать бы!.. Так которая же из них?..

Я и Гульчачак

После того позорища, которое я испытал благодаря Бари, судьба надолго лишила меня возможности вновь увидеться с лесными феями. А встретиться хотелось. Однако воспоминания о запотевшем банном оконце и обнаженных девичьих фигурах наталкивали на мысль, что предстоящая встреча должна была стать уже какой-то совершенно иной. Жаль, что девчонки не учились в нашей школе. Дядя Ярулла возил их на ту сторону леса, в Буряnsкую школу. А поскольку Бурян — русская деревня, то и учились девочки в русской школе. В те времена учиться в русской школе было, во-первых, престижно, а во-вторых, был еще один важный момент: после окончания русской школы, если ты, конечно, не совсем дурак, сдавать экзамены в любой вуз было намного легче.

А девочек я встретил на сабантуе. Встретил и онемел: менее чем за год они преобразились до неузнаваемости. Разумеется, все дело было в том, что они выросли и, разломав скорлупку детства, превратились в девушек. Наверно, я тоже вырос за это время, просто, глядя каждый день в зеркало, не заметил перемены в себе... Вот и Бари, на мой взгляд, тоже не меняется, — наверно, это оттого, что мы встречаемся каждый день. Ведь не мог же он один все это время стоять на месте.

Тот сабантуй запомнился мне на всю жизнь. Я всюду выслеживал, как вор, Гульчачак и Гульюзум. Потеряв из виду, я, сам того не ведая, начинал судорожно искать их в толпе, но подойти и заговорить с девушками я был не в силах, моего мужества хватало только на то, чтобы провожать их взглядом. Говорят: где твои глаза, там и сердце. Так что вернее будет сказать, что за девушками ходила по пятам моя душа. А после завершения праздника душа ушла вместе с ними... и больше ко мне не вернулась, но посылала живительные импульсы маленькой птичке, бившейся в моей грудной клетке.

Неделю после сабантуя я прожил как во сне. Наверно, и Бари встретил их на празднике. Но после тех событий я не хотел говорить с ним о дочках лесника — и душа не лежала, и слов нужных не находилось...

Однако совершенно неожиданно на помощь мне пришел отец! Ведь он работал в кузнице. Однажды, придя с работы, он выгрузил из телеги какие-то железки и велел прибрать их в сарайчик:

— Завтра отвезешь все это дяде Ярулле.

Я догадался, что это было, — капканы!

Мне было безразлично, что везти, — я бы повез что угодно! Папа, родной! Спасибо тебе большое! Потому что если уж я туда поеду, то лесниковых дочек повидаю обязательно! Правда, история с баней изрядно терзала мне сердце. Как бы мне не выдать себя при виде Гульюзум — мои уши имеют обыкновение краснеть. Они такие предатели! Мне не то что совершить что-нибудь недозволенное, а даже подумать о нем нельзя, — мои уши начинают тотчас полыхать огнем. Бари в этом отношении повезло — его лопухи в принципе не знают, что значит покраснеть!

В любое другое время я бы обязательно прихватил с собой дружка. Но «банная история» не давала покоя. Я все еще сердился на Бари, ужасно сердился... хотя, с другой стороны, увиденное в тот вечер было потрясающим и все еще стояло перед глазами. Это воспоминание мне нравилось... Но как же мне не стыдно?! Тьфу! Я совсем запутался. Сказать по правде, мне совсем не хочется думать об этом... но почему-то думается — и думается часто.

Когда я, выйдя за околицу, уже добрался до Ташсу, от всех этих переживаний не только уши, но и все мое тело было охвачено жаром. Может, потому, что я спешил и шел очень быстро? Пришлось охладиться в реке. Прележав довольно долго в воде, я обнаружил, что охладилось не только тело, но и чувства, во всяком случае, они были теперь более сдержанными.

Лесника я обнаружил суетящимся возле мотоцикла. Оказывается, в лесничестве ему выдали новый мотоцикл. До сих пор он ездил на лошади. Похоже, мотоцикл сломался, потому что руки дяди Яруллы по локоть были вымазаны в масле.

Взяв у меня капканы, он внимательно осмотрел их и вынес заключение: «Отличная работа! Спасибо!» А затем начал мне объяснять, для чего ему эти капканы, хотя я не произнес ни слова:

— Эти капканы — для лисиц. Они столько кур у меня передушили! А зимой, даст Бог, будем ставить на косых, что бегают в яблоневый сад.

«Замечательно, дядя Ярулла, ставь свои капканы, ставь. Меня это совсем не интересует. А интересует...» Но тут я услышал звук падающих капель и увидел в саду развешенное на веревке мокрое белье. Я сразу успокоился: девушки стирают, а это значит, что скоро они снова появятся во дворе. Следовательно, моя задача — как можно дольше задержаться возле дяди Яруллы. Мотоцикл в данном случае представлял собой великолепную причину для этого. Мы с другом семь раз на неделе разбираем и собираем снова его мотоцикл «Минск». Так что данную технику я знаю прекрасно.

— Дядя Ярулла, сломался, что ли, он у тебя?

— Не заводится что-то, упрямится, — ответил он.

— Хочешь, я посмотрю его?

— Давай, если сможешь. Мне в контору надо съездить. Спешу.

Засучив рукава, я принялся за работу и, к сожалению, — а в моем случае это было действительно ни к чему, — очень скоро обнаружил причину, по которой барахлил мотоцикл. Но все же я успел сообразить и не стал сразу объявлять об этом.

— Дядя Ярулла, ты иди пока в свой лесхоз. К твоему возвращению мотоцикл будет работать как часы!

Надо же, на какой смелый поступок, оказывается, я способен! Собственная сообразительность потрясла меня.

Ничего не сказав, дядя Ярулла тут же начал запрягать лошадь. Оказалось, что не зря он упорно хотел починить мотоцикл: кобыла, выйдя из конюшни, тут же начала артачиться. Пришлось мне помогать ему. Пока мы запрягали лошадь, лесник в двух словах рассказал, что неделю назад ее жеребенка задрал волк. Потеряв детеныша, весьма разумная прежде кобылица совершенно переменялась.

В наших лесах действительно водятся волки. Особенно они свирепствовали в прошлую зиму, тогда они растерзали двенадцатилетнего марийского мальчика, возвращавшегося из школы в соседнюю деревню. Оказалось, что мальчика за неуспеваемость учитель оставил после уроков. И домой — за пять километров — несчастный отправился только лишь когда начало темнеть. В поле его встретили волки. Люди рассказывали, что на месте трагедии нашли только сумку с учебниками и валенки. После этого происшествия вся округа загудела. Из районного центра прибыли специальные люди, которые всю зиму охотились на волков. Они потом рассказывали, что отстреляли довольно много хищников, но их развелось слишком много в марийских лесах, до которых от нас рукой подать. Однако совсем уничтожить волков тоже нельзя. Так вот, народ говорил, что после той зимы оставшиеся в живых волки, желая отомстить, будто бы решили донимать людей даже летом. И многие этому верили. Жеребенок дяди Яруллы как раз и стал жертвой этих волков.

Провожать дядю Яруллу к воротам вышла его жена Гульчира. Именно к ней и было велено обращаться, если мне что-нибудь понадобится в процессе ремонта мотоцикла. С тетей Гульчирой я знаком давно. Она частенько навещает нас в деревню, чтобы кое-что купить в магазине.

Как я уже говорил, неполадку в мотоцикле я нашел быстро: причина была в карбюраторе. Я решил было уже попробовать завести мотоцикл, но тут же передумал: откуда-то из-за дома с маленьким тазиком, наполненным бельем, вывернула Гульюзум. В мое горло словно втиснули целую картофелину, я ощутил, как разом вспыхнули мои уши, а нос сразу стал мокрым, и я несолидно засопел. Из этого состояния меня вывел мотоцикл. Не успел я нажать на педаль, как он сразу завелся и оглушительно затарахтел. Я бы, конечно, мог его выключить, но не стал, и мотоцикл продолжал реветь, а двор наполнился сизым дымом.

Тем временем Гульюзум, развесив в саду белье, вернулась во двор и что-то попыталась сказать мне жестами, но за всем этим грохотом я ее, конечно, не слышал. Вскоре я начал задыхаться от дыма, а у девушки потекли из глаз слезы, но она по-прежнему что-то пыталась мне объяснить. Ну, что ты там хочешь мне сказать, красавица?

И я выключил мотор.

— Мухаммет, ты нам все белье перепачкаешь сажей! Не заводи здесь!

— Дядя Ярулла добавил в бензин слишком много масла, — возражаю я. — Потому и дыма много.

Вообще-то я и сам понимаю крайнюю несуразность своего ответа. Но у меня нет другого выхода. Надо же как-то справляться с горящими ушами. Но, слава Богу, стоило мне выключить мотор, как уши начали остывать сами.

Синий дым бесследно исчез под воротами вместе со сквозняком. Теперь следовало что-нибудь сказать Гульюзум, сколько же можно стоять истуканом!

— Давай я тебя прокачу, — вдруг предложил я, радуясь своей сообразительности.

— Да я боюсь. Предложи лучше Гульчачак. Она дома плачет. Ее любимого жеребенка волк задрал. Здорово, кажется, мои дела совсем пошли на лад. Не в силах скрыть радости (словно я счастлив оттого, что волк съел жеребенка), я говорю:

— Где она? Иди позови.

Гульюзум побежала в дом, и вскоре они появились вместе с Гульчачак. Лицо Гульчачак и в самом деле показалось мне осунувшимся и бледным. Она шагнула ко мне:

— Мухаммет, отвези меня на то место, где волк напал на мою Звездочку.

Вместо того, чтобы тут же с радостью завести мотоцикл, я растерялся и замолк. Истолковав мое молчание по-своему, девушка уточнила:

— Ты мотоцикл починил? Я у мамы отпросилась.

Но я все еще стоял как пень, не смея поверить в свое счастье — неужели я сейчас поеду с Гульчачак в лес? (А ведь ей непременно придется держаться за меня, чтобы не упасть!)

— Я поняла... У тебя нет времени?

Внезапно я пришел в себя.

— Открой-ка ворота!

Не заводя мотора, я вывез мотоцикл со двора, — действительно, белоснежного белья Гульюзум было жалко...

Оказалось, что волк напал на жеребенка в окрестностях Буряна — в Волчьей Пади, где мне приходилось бывать и раньше. Каждый год мы с отцом ходим в эту лошину, заросшую молодым березняком, за вениками для бани.

Мотоцикл у дяди Яруллы оказался просто зверем: стоило мне повернуть газ, как он рванул с места. Вдохновленный близостью Гульчачак, я начал выпендриваться, как заправский гонщик. Дочка дяди Яруллы тем временем вцепилась в меня мертвой хваткой. Вот так счастье свалилось неожиданно на мою голову! Уж не сплю ли я?! Душа пела, и мне, пятнадцатилетнему подростку, вдруг захотелось совершить какое-нибудь геройство или хотя бы что-то необычное. Совсем потеряв голову, я даже, кажется, чуть не крикнул: «Спасибо тебе, серый волк!»

Гульчачак выросла в лесу, здесь каждая тропинка, каждое дерево хорошо ей знакомы, а потому до места мы добрались очень скоро.

Именно здесь, в Волчьей Пади, мне и суждено было впервые в жизни поговорить с Гульчачак с глазу на глаз.

Говоря по правде, я предпочел бы остаться в лесу наедине с Гульюзум. Ведь в окошке бани я видел именно ее! Увидел и сразу влюбился. С другой стороны... в моем растревоженном мозгу роились и боролись довольно крамольные мысли. Ну хорошо, допустим, увидел я Гульюзум голый. Допустим, после этого я в нее влюбился. А что, если вместо нее я увидел бы раздетой нашу соседку Алмазию?! Тогда я и в нее влюбился бы, что ли?..

Мои мучительные размышления о любви становились все более сумбурными, и никакой логики в них уже не было.

Сегодня я вспоминаю мои тогдашние терзания и все более жалею современную молодежь. Жалею тех, кто, переспав друг с другом, путают секс с любовью и второпях женятся, в наивном заблуждении заявляя: «Я без него (нее) не могу!» Из-за этой ошибки они лишают себя возможности познать истинную любовь! В результате семьи, построенные на волне эфемерного чувства, вскоре распадаются. Это действительно так. Ведь по сравнению с тем, что было лет пятнадцать-двадцать назад, вступление молодых людей в сексуальные отношения по легкомысленности равносильно тому, чтобы сгрызть горсть семечек, купленных у бабки, сидящей на углу. Пусть не для всех, но для большинства это так. Я знаю наверняка, потому что сам живу в этом обществе и варюсь в том же самом котле!

А тогда, оставшись в Волчьей Пади наедине с Гульчачак, я не то что за руку не посмел ее взять, а даже глаз поднять не мог. Та встреча до сих пор живет в моей памяти во всех подробностях и нюансах.

Гульчачак воспитывала Звездочку с самого ее рождения. Оказывается, она очень любит лошадей и до сих пор не может поверить в случившееся. И вот теперь, на этом самом месте, душа ее наконец-то осознала потерю. В какой-то момент девушка подошла к одной из молодых березок, погладила ее по стволу ладонью и выдохнула еле слышно:

— Эх, березонька, ведь ты, наверно, видела все это? Ну почему же ты позволила жестокому волку убить Звездочку?

В это время я стоял чуть в стороне, прислонясь к мотоциклу и отмахиваясь большим лопухом от оводов. Услышанное потрясло меня. Вдруг захотелось плакать навзрыд, но я подавил это желание и попытался успокоить Гульчачак:

— Хочешь, Гульчачак, я убью этого волка и принесу тебе его ухо! — Говоря это, я чувствовал всю несуразность своего предложения, но оно было искренним.

— Не надо, Мухаммет, — ответила Гульчачак, повернувшись ко мне. — Если ты убьешь этого волка, то я буду жалеть и его!..

Гульчачак приблизилась ко мне. Я завел мотоцикл. Вокруг нас стеной стоял лес, а потому машина дяди Яруллы зарычала, словно танк. Мы поехали по узкой тропинке, сминая разноцветье лесных трав. Вдруг в этом жутком грохоте я услышал голос Гульчачак:

— Отец обещал мне купить белого коня!

Продавцы и покупатели

Произошедшие во мне изменения первым заметил дядя Хади: в последние дни рисование из увлечения превратилось для меня в форму жизни, и буйство красок на бумаге заполнило все мое существование.

Я как безумный беспрестанно рисовал лес или поляну в лесу, а на ней девочку, собирающую цветы. Лишь долгое время спустя, когда я истратил горы бумаги (которую дома мать использовала для разжигания печи, а в школе ворчливые уборщицы недовольно выметали как мусор), мой лес наконец-то хоть отчасти начал напоминать лес. А девочка была похожа то на яркую бабочку, то на сказочную русалку.

«Помяни мое слово, лес, все равно когда-нибудь я увезу тебя в Казань! Вместе с твоей Гульчачак!..» Это было как биение моего дерзкого сердца, как вызов шестнадцатилетнего подростка своей будущей судьбе, всем ожидающим впереди испытаниям, более того, это было откровенное и бесстрашное предупреждение будущему: «Жизнь, в твои владения вступает сильный и горячий мужчина! Даже не думай ставить ему подножку! Все равно он будет победителем!»

Не задирайся, парень! Как бы не пришлось раскаться! У реальной жизни в руках порой оказывается увесистая дубинка!..

Итак, я изменился. Изменилось и мое отношение к учебе: мои «тройки», не один год тянувшие меня назад, смыло внешними водами в Волгу, в довершение всего увлечение живописью превратилось постепенно в смысл моего существования. Больше всех этому радовался дядя Хади. Он по-прежнему много со мной занимался. Своего младшего брата Бари он также не забывал подталкивать и тормозить. Пока еще было неясно, какими талантами наделен Бари, но у пацана не только уши были большими, но и голова неплохо соображала. Так что не исключено, что в будущем этот невысокий коренастый паренек запросто мог бы стать Наполеоном. Потому-то его брат Хади крест на нем не ставил, а смотрел с надеждой. Одно его смущало и расстраивало — это склонность Бари к различного рода аферам и интригам.

Поверите, нет, но в шестнадцать лет мы с Бари уже начали изучать философию Ницше. Разумеется, с помощью дяди Хади. Точно так же, как Гитлер применял учение этого философа в своих целях, так и дядя Хади использовал его в полезной для нас форме и имея в виду исключительно наши интересы: соседский мальчик по имени Мухаммет должен стать большим художником, а братец Бари должен вырасти руководителем — политиком!..

Умные мысли, которые зачитывал нам дядя Хади, до сих пор звучат у меня в ушах. Потому что, переписав в тетрадь, мы заучивали их наизусть.

«Самый благородный вид красоты есть тот, который не сразу захватывает, который овладевает не бурным упоением (такая красота легко возбуждает отвращение), а тот медленно вливающийся вид красоты, который почти незаметно уносишь с собой, который потом иногда снова встречаешь во сне и который, наконец, после того как он долго скромно лежал в нашем сердце, всецело овладевает нами, наполняет наши глаза слезами и наше сердце тоской. К чему стремимся мы, созерцая красоту? К тому, чтобы быть прекрасными; нам мнится, с этим должно быть связано много счастья. — Но это есть заблуждение».

«Художники заинтересованы в том, чтобы люди верили во внезапные озарения, в так называемое вдохновение; как если бы идея художественного или поэтического произведения, основная мысль философской системы сходила с неба в виде света благодати. В действительности фантазия хорошего художника или мыслителя творит постоянно хорошее, посредственное и плохое, но его острое и опытное суждение отвергает, выбирает, сочетает, как это видно теперь из записных книжек Бетховена, который постепенно составлял свои великолепнейшие мелодии и как бы отбирал их из многообразных набросков.

...Все великие гении были великими работниками; они не только неутомимо изобретали, но и неутомимо отвергали, проверяли, совершенствовали, упорядочивали».

«Чарующее произведение! Но сколь нестерпимо то, что творец его всегда напоминает нам о том, что это его произведение».

«Он научился выражать свои мысли, но с тех пор ему уже не верят. Верят только заикающимся».

Бари, между тем, высказывания немецкого философа воспринимал с высоты своей каланчи. Бари вообще вряд ли когда-нибудь сможет подняться выше этой самой каланчи. Он очень хитрый. И думает, что никто этой хитрости не замечает. Когда мы учились в десятом классе, я нарисовал на него шарж и показал ему. Рисунок получился очень похожим: невысокую, коренастую фигуру венчает круглая голова. А уши... уши я специально сделал длинными, похожими на заячьи: они были намного выше его самого. Это, на мой взгляд, был весьма красноречивый намек на то, что в голове у Бари хитрости — «выше крыши». Уши — его хитрости — видны издалека. Сам Бари своих ушей не видит, но окружающие видят их прекрасно.

Никогда еще он не обижался на меня так сильно, — даже когда я столкнул его с моста в реку. Увидев шарж, он лишился дара речи и перестал со мной разговаривать. Для меня в этой ситуации был кроме всего этого еще и прямой ущерб: школа располагалась в Байтиряке — в трех километрах от нашей деревни. А потому туда и обратно мы ездили на мотоцикле Бари. После истории с ушами я вынужден был ходить пешком. Но хуже всего было то, что я чувствовал: месть Бари на этом не закончится. Интересно, какую свинью собирается подложить мне Бари?..

В один из дней мой дружок Бари окатил меня на дороге клубами пыли, на следующий день он так же гордо пронесся мимо меня. Но я не обижался: я прекрасно знаю, чей я сын, и не придаю значения таким мелочам. Если бы даже мне обещали купить десять мотоциклов, я все равно не согласился бы стать сыном Хаджи. Ведь у меня замечательный отец! У него не только руки золотые, а он сам золотой человек! К тому же этой осенью он, похоже, собирается купить мне мотоцикл. Мне об этом по секрету шепнула мама.

А еще по дороге из школы я привык каждые пять-шесть шагов оглядываться назад, в сторону леса, представлять себе Гульчачак и мысленно разговаривать с нею. Немудрено, что я и не замечал эти самые три километра до деревни. А дома, закончив уроки, я принимался за рисование и забывал обо всем на свете. Вот сегодня, например, я увидел лес каким-то совсем иным. И мой взгляд, словно боясь утратить эту зрительную картину, тут же бережно положил увиденное в сундучок памяти.

Мне хотелось нарисовать лесную поляну, на которой девушка собирает цветы. Поляна была небольшая. По краям ее окружают старые и молодые деревья: березы, осины, сосны. На вершине старой осины сидит огромный ворон и наблюдает за девушкой, порхающей от цветка к цветку, а в кроне молодой сосны спрятался то ли сокол, то ли орел. Он словно охраняет девушку. Картина мне самому очень нравилась. Я был уверен, что и дядя Хади ее похвалил бы. Но картина была моей тайной, и я не хотел открывать ее даже учителю рисования. Чувства, которые я питал к лесной фее Гульчачак, принадлежали только мне и никому больше!..

На третий день Бари не выдержал: победоносно промчавшись мимо меня по дороге, он вдруг повернул обратно, подъехал ко мне и предложил сесть на мотоцикл; я ведь давно знаю: у моего дружка Бари, хоть и любит он повыпендриваться, душа добрая. Он же мой единственный близкий друг! Я начал было набивать себе цену, но Бари виноватым голосом сказал:

— Да ладно тебе, Мухаммет, не упрямясь. Но только чтобы такого свинства друг другу больше не делать, ладно?

Он был так искренен, что мне не оставалось ничего другого, как лишиться себя удовольствия топтать по дороге пешком.

Ну а затем, само собой разумеется, мы вместе начали заниматься ремонтом мотоцикла дяди Яруллы. Это была маленькая, но невинная хитрость, на которую я решился ради доброго дела: ведь Гульюзум нужна была пара. Я подумал, что, может быть, с Бари у них что-нибудь получится, и, кажется, не ошибся: они даже характерами были схожи. Оба они по сравнению с нами смелее и шустрее, и оба привыкли сначала делать, а потом думать. А потому о результатах дела они задумывались лишь после того, как дело это совершали.

* * *

Часов до десяти мои овцы и козы будут самозабвенно поедать траву, а в одиннадцать я должен пригнать их на лежбище на песчаный берег Ташсу. Если они будут сыты, то пару часов будут спокойно валяться на песке. Я это знаю наверняка, поскольку с мальчишеских лет хожу пасти общественное стадо. Но я также хорошо знаю, что в стаде обязательно попадается животинка, которой всегда мало корма. Особенно несносны по этой части козы. К тому же они имеют обыкновение увлекать за собой овец!

Именно поэтому мне не удалось привольно посидеть на берегу, свесив ноги, а пришлось вставать и обходить стадо то с одной стороны, то с другой. В любой другой день я обязательно прихватил бы собой в помощники какого-нибудь соседского мальчишку. Но сегодня все мальчишки заняты, сегодня — сабантуй.

Вчера я приехал из Казани поздно, а потому не успел повидать Гульюзум. Луговина, на которой проходит сабантуй, расположена недалеко от заимки лесника. Может, Гульюзум вышла пройтись среди гуляющих.

Гульчачак сейчас работает в одном из отдаленных районов. Преподает в школе. Для ее отъезда была довольно веская причина: родная сестра ее матери полтора года назад была разбита параличом. Она была одинокой женщиной. Гульчачак к тому моменту, закончив биофак университета, вернулась обратно в свой лес. Да, я забыл сказать: Гульюзум тем временем успела закончить лесной техникум и тоже вернулась обратно к родителям. Так что город так и не смог удержать лесных девушек в своей власти. К счастью для Гульчачак, возле самого леса открыли конезавод для производства породистых рысаков. И она устроилась туда на работу, потому что с детства болела лошадьми. Я и сам очень люблю их. Но всего лишь люблю и только. Поскольку я рос в некотором отдалении от лошадей, то характера их совсем не знаю. Будучи подростком, я свалился с лошади и повредил ногу, с тех пор вообще боюсь к ним приближаться.

Как дядя Ярулла и обещал после гибели Звездочки, однажды он привел белого коня. Для лесника лошадь — самый удобный вид транспорта: хочешь — запрягай в телегу, хочешь — садись верхом.

Кстати, вон он, этот самый белый конь, его хорошо видно отсюда, с выпаса. Похоже, дядя Ярулла держит его на привязи. Раз нет Гульчачак, значит большую часть времени конь проводит на аркане. Не пойму, за что любит его Гульчачак, ведь у этого коня абсолютно несносный характер. А вот кличка, придуманная Гульчачак, красивая — Соколик. В тот день, когда дядя Ярулла привел Соколика — тогда еще молодого жеребца, скорее, даже жеребенка, — мы с Бари как раз были на заимке. Сначала поработали мотопилой, а потом взялись за топоры. Девушки тем временем складывали березовые полешки в поленницу. Нам было весело и радостно. Дяди Яруллы не было дома — уехал в соседний колхоз выбирать лошадь. А тетя Гульчира специально для нас, новоявленных «женихов» — дровосеков, пекла дома очпочмаки.

Последняя плашка как раз легла на поленницу, когда в воротах показался дядя Ярулла. Сзади к его телеге был привязан ремнем Соколик.

Конь был очень красивый и очень молодой. Он был похож на белоснежного сказочного скакуна. А на передних ногах чуть выше копыта у Соколика были симпатичные черные носочки. Оказалось, что в телегу его никогда не запрягали, а ходить под седлом ему уже было привычно.

— К упряжке приучать не станем. Пускай будет для верховой езды, — сказал дядя Ярулла.

Не успели Соколика отвязать от телеги, как Бари, желая продемонстрировать свою удаль, вскочил на него верхом. Почувствовав на своей спине человека, Соколик немедленно взбрыкнул задними ногами, и Бари позорно полетел на землю. Однако мой дружок с детства рос рядом с лошадьми (его отец, дядя Хаджи, тоже всегда ездил верхом), а потому сдаваться не собирался. Он живо вскочил на ноги и уже приноровился было снова залезть на коня, когда его остановила Гульчачак.

— Бари, отстань от него. Пускай отдохнет с дороги. Ему же еще привыкнуть надо, — сказала она, одной рукой придерживая коня за уздечку, а другой ласково поглаживая ему шею.

— Соколик! Папа, я назову его Соколик, ладно?

Когда конь немного отдохнул, Гульчачак вынесла из сарая седло.

— Он мальчишек не любит. Теперь, Бари, посмотри, как я это сделаю.

Дядя Ярулла сам накинул на коня седло и не терпящим возражений тоном заявил:

— Сначала я сам попробую! — и легко вскочил в седло.

Оказывается, Соколик просто-напросто привык ездить с седлом, потому и скинул Бари.

После того, как это выяснилось, Бари заметно повеселел. Плечи его распрямились, а взгляд словно говорил: «Вот видите, он меня скинул только из-за того, что не было седла!»

Возразить было нечего, он был прав: Соколик спокойно провез на себе дядю Яруллу. Потом в седле устроилась Гульчачак. Вы бы видели в этот момент коня! Он, — словно всю жизнь только и ждал, когда на него сядет Гульчачак, — сначала затанцевал на месте, перебирая стройными ногами, а потом, соревнуясь с ветром, полетел рысью. Ноздри его расширились, в больших карих глазах заплясало солнце. Да, он всецело принадлежал Гульчачак, и — я почувствовал это тогда — он будет любить ее всю свою жизнь...

Вскоре Гульчачак вернулась, мы засуетились вокруг нее, помогая слезть с коня, и тут Бари ухитрился схватить Соколика под уздцы. Конь послушно и без приключений прокатил и его. Я почувствовал, что очередь неумолимо приближается ко мне. Но я никогда в жизни не садился в седло, потому было ясно как день, что свалюсь непременно. От безнадежности я вцепился в пилу и крикнул:

— Дядя Ярулла, эти бревна тоже надо распилить?

Но дядя Ярулла остудил мой пыл:

— Они не на дрова.

Сделав вид, что не расслышал ответа, я включил пилу. Оглушительный рев пилы испугал Соколика и он, вырвавшись из рук Бари, убежал в хлев. Удивительно, что он сообразил, где находится хлев, — ведь в этом доме он никогда прежде не был!

— У лесника леса навалом, пусть это будут дрова, — пробормотал я и от ужаса, что сейчас мне предложат сесть в седло, вонзил пилу в ближайшее отесанное бревно. Однако подошел дядя Ярулла и знаком велел выключить пилу. Пришлось подчиниться. Но ни за какие коврижки на свете я не смог бы сесть на лошадь. Но тут неожиданно пришло спасение в виде тети Гульчиры. Открыв окно, она крикнула:

— Мойте руки. Очпочмаки стынут!

— Правильно, тетя Гульчира, правильно. Очпочмаки надо есть горячими, — и я первым ринулся к рукомойнику.

Ну что же, на сегодня я избавился от необходимости ездить верхом. Но ведь есть еще завтра, послезавтра... Надо было срочно что-нибудь придумать. И тогда я, взрослый уже парень, принял твердое решение научиться ездить верхом. У соседа дяди Хамита есть старый мерин. Придется начинать с него!

Придя с работы, дядя Хамит обычно распрягает мерина во дворе, а потом отводит его на конюшню. Однажды я подкараулил соседа и предложил:

— Дядя Хамит, давай я сам его отведу, — и, не давая возможности возразить, схватился за уздечку. Между нами состоялся примерно следующий диалог.

— Знаешь его стойло?

— Найду, не беспокойся. Конюх же есть! А на эту лошадь сесть можно?

— Да я и не пробовал никогда. Наверно, можно. Он совсем смирный. Потому что старый, как и я.

Возле нашей бани лежит большой камень — на случай, если какая-нибудь машина или трактор вздумают проехать слишком близко. Я подвел мерина к этому камню, решив взобраться на лошадь с возвышения. Мерин, хоть и стар, но был довольно высок и громоздок. Брюхо огромное, словно бочка. Неловко ухватившись за его хребет, я подпрыгнул и, видимо, перестарался — перелетев со всего маху через спину мерина, я шлепнулся в грязь. Слава богу, ни одна живая душа, кроме престарелого мерина, не видела моего позора. Быстро вскочив на ноги и не обращая внимания на испачканную одежду, я снова взобрался на камень. На этот раз я не стал суетиться и особо стараться, а потому смог сесть сразу. Одной рукой я схватил уздечку, другой вцепился в лошадиную гриву. И мы поехали! При каждом шаге мерина я сползал то вправо, то влево, потому что без седла было скользко. Хорошо еще, что у бедняги был большой живот, и я со всей силой обхватил ногами его «бочку». Таким образом мы проехали приличное расстояние. Я даже начал привыкать. Оказывается, ездить верхом было довольно интересно. Однако возле самой конюшни нас поджидал небольшой взгорок. И больше всего я боялся: сможет ли мерин с седоком на спине подняться в гору? Сам того не сознавая, я потянулся к ушам мерина. Видимо, рефлекторно решил при въезде на гору «газануть» — дернуть лошадь за уши. Только когда мерин сердито тряхнул головой, я очнулся и понял, что сижу не на мотоцикле. Даже самому стало смешно.

Мерин взобрался на горку довольно бодро. Как здорово, в самом деле! Здорово-то здорово, но как бы мне не рухнуть.

Но в этот раз мне повезло и я благополучно добрался до места.

Подобным образом я тренировался каждый день. Теперь я держался в седле уже вполне уверенно. Очень хотелось проехаться вскачь. Но мерин был бесконечно ленив, сколько бы я его ни погонял и ни дергал, скакать не хотел: неспешная ходьба была ему более по душе. А мне хотелось пронестись рысцой. Потому что Соколик-то лентяем не был!

Все время, что я учился ездить верхом, в лес носа не казал. Спасибо дяде Хамиту и его мерину: теперь я был почти как настоящий кавалерист. Не хватало только сабли в руке и винтовки за плечами.

Поводов для частых встреч с Гульчачак как-то не находилось. А увидеть ее и поговорить хотелось каждый день. Во время последнего посещения займки (тогда я был один, потому что мы с Бари опять повздорили) мне улыбнулось счастье прикоснуться к ее рукам. Они были такие маленькие, мягкие и горячие, что мои ладони словно обожгло. Вообще-то, говоря по правде, тогда одним лишь прикосновением дело не обошлось...

В тот день мы пошли с ней за родниковой водой в Красный Яр. Пошли вдвоем и пешком. С собой взяли небольшие бидоны.

Гульчачак говорила без остановки. Вначале я даже подивился про себя ее необычайной болтливости. Причина оказалась банальной: она боялась остаться со мной наедине! Дорога, которая тянулась вдоль опушки леса, вдруг резко свернула, и мы углубились под сень деревьев. Лес благоухал чудесными запахами. Дышать было легко и приятно. Песчаная дорога оказалась сплошь взрытой машинами и тракторами. А поскольку к роднику можно было добраться и заячьими тропками, то мы свернули на одну из них. Вскоре мы оказались в еще большем уединении, и Гульчачак начала

разговаривать еще более активно. Впрочем, я даже не слушал, о чем она говорит. В моей голове кипели собственные мысли. Резко преградив ей дорогу, я спросил:

— Гульчачак, вот один поэт пишет, что молодой клен хочет поцеловать березку. Как ты думаешь, клен в самом деле влюблен в нее?

Мгновение лицо Гульчачак оставалось серьезным, даже удивленным, а потом она вдруг рассмеялась.

Чу! Да и она ли это?.. Она ли рассмеялась? Или...или заколыхались и зазвенели яркие цветы, растущие на поляне вокруг нас?!

— Да-да, конечно, — проговорила Гульчачак сквозь смех, — молодой клен смертельно влюблен в молодую березку! Он ее обожает! И любовь эта так сильна, что мы с тобой даже представить себе не можем, Мухаммет! — и в голосе ее зазвучало какое-то незнакомое доселе кокетство.

— А я... — прервал я ее, — я могу себе представить!

Гульчачак перестала смеяться.

— Как это?

— Потому что я... я сам этот клен!

Несколько мгновений девушка внимательно смотрела на меня широко раскрытыми черными глазами, затем плечи ее дрогнули, и она вновь огласила лес звонким смехом:

— Мухаммет! Но ведь ты не дерево! Из дерева дрова получают!

Последняя фраза меня рассердила. Смейся, смейся давай! Сейчас ты увидишь дрова. Забросив бидон в придорожные лопухи, я схватил Гульчачак за руки, притянул к себе и... и, обняв ее, поцеловал в щечку с родинкой!..

Губы мои были горячими — я сам это почувствовал. Похоже, я обжег девушку, и она, вскрикнув, отодвинулась назад. Лицо ее побледнело, и без того большие черные глаза стали огромными, а губы и милая родинка возле них задрожали. Я испугался. Надо было срочно что-то предпринять, иначе сейчас она хлопнется в обморок.

— Гульчачак! Гульчачак! Слышишь! Я и вправду как клен. А ты хочешь быть березкой, а?

На лице девушки появился румянец, но взгляд ее сделался серьезным и даже испуганным.

Она не ответила на мой вопрос. Мы молча дошли до родника, набрали воды и молча, как глухонемые, вернулись домой. На душе было тоскливо и тревожно. Я ругал себя на чем свет стоит: «Клен, видите ли, сыскался! Если хочешь знать, никакой ты не клен. Придурок! Ты просто полено!»

Но возле самых ворот Гульчачак вдруг преобразилась (черт разберет этих девчонок!), подняла на меня свои сияющие глаза и сказала:

— Давай, Мухаммет, покатаемся на Соколике!

Я хоть и полено, то есть клен, но сразу почувствовал подвох: девушка хочет мне отомстить за мою дерзость! Видимо, она весьма кстати вспомнила, что я не умею ездить верхом. С невозмутимым видом я согласился: «Давай!». А сам в очередной раз мысленно поблагодарил старого мерина дяди Хамита.

Во дворе никого не было. Дядя Ярулла наверняка в лесу, тетя Гульчира собиралась в сельмаг, Гульюзум, я знаю, дома, но не выходит. И знаю, почему не выходит: она обижена на меня. Из-за того, что я не привел с собой Бари. А почему это, спрашивается, я каждый раз должен тащить его за собой? Да, не привел. Если влюблен, пусть сам придет. Я же вот пришел, нашел себе какую— никакую причину и прибежал. Мол, не нужно ли дяде Ярулле еще заячьих капканов? Мол, отец велел спросить. Как же, велел! Если он узнает про мою уловку, он мне еще и уши надерет. Во всяком случае, мне здорово влетит!

Кстати, очень хорошо, что я не взял с собой Бари, а то к роднику нам пришлось бы идти вчетвером.

Гульчачак вывела во двор взнузданного Соколика, и я оседлал его. Я уже знал, что когда мы выйдем за ворота, она обязательно скажет мне: «Садись!». Поэтому я не стал дожидаться и прямо во дворе легко вскочил в седло. Гульчачак открыла ворота. Я заметил: девушка очень внимательно следит за мной, видно, ждет, когда же, наконец, я свалюсь и опозорюсь. Но со мной лучше не связываться, если я на что-то разозлился. А потому, не подав виду, я подмигнул девушке и легонько потянул поводья.

Ого! Соколик и в самом деле настоящий сокол! Ишь как пританцовывает! Это тебе не шаркающий мерин. Выехав из ворот, я проехал немного по дороге и вернулся назад к Гульчачак. Мне понравилось! Понравилось настолько, что я и не собирался прерывать это удовольствие. Гульчачак, наверно, уже потеряла всякую надежду поиздеваться надо мной. Смейся давай, смейся, если найдешь над чем... Кто-то сказал, что человека и коня объединяет хлыст. Соколик передвигался слишком медленно. По привычке, приобретенной во время общения со стариком-мерином, я молодцевато начал дергать поводья и вонзил стремяна в конские бока. Не успел я это проделать, как Соколик, встав на дыбы, яростно заржал и бросился вскачь. Эх! Какой же я идиот! Как я мог забыть, что это не пожилой мерин, а Соколик!

А конь, судя по всему, решил непременно избавиться от меня, поэтому я, не ограничиваясь поводами, мертвой хваткой вцепился в развевающуюся на ветру гриву.

Сейчас я не люблю не то что рассказывать, но даже вспоминать о тех событиях. Я и сам толком не знаю, как мне тогда удалось остаться в живых.

...Что-то теплое и мокрое коснулось моего лица, я открыл глаза, но тотчас в ужасе закрыл их снова: волк, а может, собака, облизывала мне уши и лицо. При этом животное жалобно скулило, тыкалось носом в мое неподвижное тело и, прикусив мой рукав, пыталось тянуть. Подавив страх, я немного приоткрыл глаза. Какая же это собака! Это же волк! Большая голова, серые глаза — настоящий волк! Хотя, с другой стороны, этот волк очень похож на Пирата — потерявшегося в лесу пса моего друга.

Потом я потерял сознание.

Когда я вновь пришел в себя, рядом со мной стояли привязанный к дереву конь и Гульчачак. Я лежал навзничь на песчаной дороге. В левой ноге разливалась страшная боль. В области щиколотки то ли перелом, то ли вывих, черт его знает! Но болело ужасно. Если бы Гульчачак не стояла рядом, я бы непременно заплакал.

Обрадовавшись тому, что я открыл глаза, Гульчачак бросилась рядом со мной на колени и начала гладить меня по лицу своими мягкими маленькими ручками, касаясь моих губ кончиками своих горячих пальцев. Мне даже показалось, что от этого боль несколько поутихла. Я хотел улыбнуться. Но не смог: от сильной боли лицо свело судорогой и оно словно одеревенело. Наклонившись, Гульчачак поцеловала меня в щеку. Я чуть не крикнул: «Не надо, ведь меня волк лизнул!» Боль, кажется, действительно отступила. Здоровой рукой я потянул Гульчачак к себе. Она не сопротивлялась и покорно подчинилась. Наши губы встретились. Но эти счастливые мгновения оказались всего лишь мгновениями, — неожиданно Соколик заржал, и Гульчачак вскочила на ноги:

— Похоже, где-то поблизости волк!

Голос у нее испуганный. Я не успокаиваю. Я лежу навзничь на песчаной лесной дороге. Лес шумит, в шелест листьев вплетаются голоса неизвестных мне птиц, прыгают кузнечики, воздух напоен ароматом цветов. Красиво! Боже, как прекрасен этот мир! Как, оказывается, прекрасен этот мир!..

Стадо, рассеявшись по берегу реки, заполонило весь луг. Овцы старательно поедали «пейзаж».

Чтобы убить время, я решил пересчитать количество овечьих голов в беспорядочно разбредшемся стаде.

Процесс пересчитывания доставил мне удовольствие, показалось, что от этого нудного занятия в мою ноющую со вчерашнего дня душу начали сниходить спокойствие и благодать. А что же было вчера? Что?.. Вчера вечером я ездил в лес. Красный мотоцикл, давным-давно купленный мне отцом, все еще был на ходу. Я оседлал его, повесил на руль сумку с гостинцами и поехал напрямик на лесную заимку, к дяде Ярулле. Давно мы не встречались. К тому же, перед отъездом в деревню я поговорил по телефону с Гульчачак.

К дому лесника я решил подъехать по знакомой козьей тропке. Чем хорош мотоцикл, так это тем, что он и по узким тропинкам едет резво. Въехав в знакомый с детства лес и углубившись в чащу, я онемел от удивления: все вокруг выглядело так, словно здесь прошли ожесточенные бои! На огромной круглой поляне выстроились в ряд разнокалиберные срубы. Кто все это соорудил и почему в таком количестве? Мой лес, лес моего детства, совершенно уничтожен: теперь здесь некуда шагу ступить, везде лежат вповалку деревья, торчат пни! О Господи! Нет, военных действий для такого разрушения будет маловато. Здесь, наверно, упала бомба! С какого-нибудь пролетавшего над лесом военного самолета упала бомба! Куда ни кинь взгляд — пни, срубленные сосны, раздавленные трактором стволы осин и берез! Даже ветки не убраны. Что это, неужели дядя Ярулла умер? Но ни отец, ни Гульчачак мне ничего не сказали. Я бы не мог не знать об этом. Боже мой, раньше, когда мы приходили в лес за дровами, дядя Ярулла специально проверял, чтобы мы убрали за собой сучья и, не дай Бог, не срубили живое дерево. И где же, интересно, теперь этот дядя Ярулла?!

На знакомой тропинке теперь лежали беспорядочно разбросанные толстые ветки, срубленные верхушки сосен и берез. По-прежнему пребывая в глубоком недоумении, я повернул обратно и выбрался на песчаную дорогу, бегущую вдоль края леса.

Увы, от этой дороги тоже мало что осталось! Здесь как будто танки прошли. Сплошные ямы и рывтины. Давно ли мы, тогда школьники, 19 мая по этой дороге ходили на лужайку возле родника Амира праздновать день рождения пионерии. В руках у нас были холщовые мешки, а в них два-три ломтя хлеба, консервы кильки за тридцать три копейки, несколько сваренных вкрутую яиц. Мы были счастливы!..

...Мы счастливые люди! К тому же сегодня мы будем кушать консервы! Сегодня у нас праздник! Мы шагаем с Бари, а за нами трусят две собаки. Мой пес маленький, но очень сварливый и злой, его зовут Сигнал. У Бари — настоящий волк! Да, да, дядя Хаджи принес его из соседней марийской деревни. Бари рассказывает, что марийцы будто бы нашли этого щенка в лесу, а потому он похож на

волка — большеголовый. Может, он действительно был сыном волка. Его глаза, нос, все его тело, даже серая шерсть были волчьими. Это был умный пес. Одни глаза чего стоили. Сегодня он увязался за Бари, но вообще-то они не друзья. Мой Сигнал — довольно легкомысленное существо. Но зато послушен и ремеслу обучен, как цирковая собака. Его наш сосед Загидулла повстречал на дороге где-то около Казани и прихватил с собой. Потом подарил мне. Сигнал и вправду много что умеет. Отец говорит, что он, наверно, и в самом деле сбежал из цирка и заблудился. Сигнал приносит брошенную палку, перепрыгивает через обруч, а если будешь хлопать в ладоши, он встает на задние лапки и пританцовывает. Бари смертельно завидует мне. Потому что его Пират, похожий на волка, всего этого делать не умеет. Он очень флегматичный и медлительный. Но глаза у него умные, словно человечьи!

Почему же Гульчачак ничего не сказала о растерзанном лесе? Теперь, после моего возвращения из Петербурга, мы часто встречаемся, но она об этом промолчала...

После окончания школы я поступил в Казанскую художественную школу. Меня признали негодным к военной службе, поскольку моя нога после того рокового падения с лошади оказалась серьезно повреждена. Хромому мне удавалось скрывать, хотя нога в щиколотке плохо сгибалась. Еще во время учебы в Казани мне вручили «белый билет». После художественной школы я благодаря своему упрямству и упорству сумел поступить в Петербургскую художественную академию имени Репина.

...Бари лупил Пирата всем, что попадалось под руку, пытаюсь научить пса фокусам, которыми владел Сигнал. Мне не нравилась подобная жестокость, и я всегда старался остановить его, но у Бари на любой случай был готов ответ: он считал, что собаки больше любят и уважают того, кто действует кнутом, а не пряником. Не согласен! Нельзя всегда действовать кнутом! И жизнь вскоре доказала мою правоту. Терпение Пирата лопнуло, и однажды, по обыкновению сопроводив Бари в лес, пес домой больше не вернулся...

Кажется, я снова отвлекся. Что же делать, если все так живо в памяти, словно было вчера.

Мотоцикл по развороченной дороге больше ехать не мог, и я свернул на обочину.

...Овцы, почувствовав рассеянность пастуха, начали разбредаться в разные стороны. Пришлось сгонять их в кучу. В сторону леса смотреть не хотелось.

Со временем я начал все реже приезжать из Петербурга. С Гульчачак мы общались по телефону или слали друг другу нежные письма. Кроме нее, мне ни на кого даже смотреть не хотелось. Сокурсницы в отместку придумали мне прозвище: «Однолюб».

Во время учебы в академии я еще глубже погрузился в тайны искусства живописи. Вдобавок к этому научился курить и отпустил бороду.

Вчера вечером, когда будущий жених в образе великого художника верхом на красном мотоцикле, то есть я, приехал на лесную заимку, дяди Яруллы дома не оказалось. Гульюзум была на своем конезаводе, и я не стал искать ее. Пусть Бари ищет ее, подумал я и уехал. Впрочем, позже выяснилось, что мне следовало бы выразить ей соболезнование. Потому что дома мама сообщила мне новость: недавно пропал, как в воду канул, двухлетний сын Гульюзум. Перед тем как исчезнуть, ребенок играл один во дворе. В поисках мальчика прочесали весь лес вдоль и поперек, но безрезультатно. Я посмотрел на мать с упреком, мол, почему сразу не сказала, потом потоптался в растерянности во дворе и пошел к Бари. Его мать, тетя Хадича, сказала, что Бари уехал в райцентр.

Дело в том, что потерявшийся мальчик был сыном Гульюзум и Бари! Об этом знала вся деревня, да они и сами не скрывали. И как ни в чем не бывало ходили друг к другу в гости, общались.

Хотя вместе не жили... Впрочем, как бы там ни было, но отношения у них были странные. Вначале деревенский люд с удовольствием жевал эту тему, но потом все смирились и свыклись — и теперь всем безразлично, вместе они живут или нет, — народу нет до этого дела. Если слухи верны, то у Бари в каждой деревне есть незаконная жена и внебрачные дети. Не теряется молодой руководитель!..

В тот вечер я не стерпел, вернувшись домой, завел свой красный мотоцикл и снова поехал в лес. Песчаная дорога (у нас почва песчаная, даже после затяжных дождей стоит выглянуть солнцу, как земля уже к обеду подсыхает так, что пыль столбом стоит), ведущая к лесу, тянулась вдоль Ташсу. День близился к вечеру, но жара еще не спала, теплый ветер, задувая в распахнутый ворот рубашки и в рукава, приятно щекотал тело. За мною клубились облака пыли, словно я не на мотоцикле еду, а на машине. Навстречу мне из леса выехала белая машина. Вместо госномеров на лобовом стекле прикреплена транзитная бумага. Я сбавил скорость и, рассудив, что встречный автомобиль также замедлит ход, чтобы не пылить, не стал съезжать на обочину. Однако машина, поравнявшись со мной, припустила еще быстрее. Не скажу, что от удивления я раскрыл рот, — тогда в него набился бы пуд пыли, но... Это был Самигулла! Этот придурок окатил меня пылью с ног до головы! Он сделал это нарочно, чтобы посмеяться надо мной и моим мотоциклом. Я резко притормозил, потому что дышать было невозможно: рот и нос забиты песком, волосы и одежда покрылись пылью. «Придурок!» — крикнул я ему вслед, отряхиваясь, как гусак. Мне даже пришла в голову мысль немедленно догнать

его, вытряхнуть из машины и отдубасить. Но я тут же передумал. Этого плаксу Самига я от души дубасил в школе, — пожалуй, хватит с него. А еще он был страшный ябеда.

Когда пыль улеглась, я отряхнул сиденье и вновь завел мотоцикл.

Кажется, Гульюзум была дома. Оставив мотоцикл у ворот, я прошел к дому лесника и без стука, как свой, потянул на себя дубовую дверь. Гульюзум переодевалась и не сразу услышала, как я вошел. На спинке стула висели брюки, а сама она, полуобнаженная, стояла посередине комнаты с халатом в руках и старательно выворачивала рукава. Я попятился, отошел к самой входной двери и кашлянул. Мол, давай, одевайся скорее, тут пришли. Гульюзум вскрикнула, прикрыла дверь зала и вскоре появилась, спешно застегивая пуговицы халата.

— Уф! Как ты меня напугал!

— Здравствуй, Гульюзум!

— Здравствуй, здравствуй, Мухаммет! Проходи.

Сам того не желая, я уставился на лицо женщины: похудела, осунулась. Горе словно высушило ее изнутри. Но Гульюзум осталась Гульюзум. К счастью, ее всегда яркие и лучистые черные глаза остались прежними. Когда я заговорил о ее сыне, она сказала только:

— Моего Анвара унес волк! — и больше не захотела говорить на эту тему. Ей было очень тяжело, так тяжело, что словами объяснить невозможно!..

Ах, Гульюзум! К сожалению, жизнь любит выкидывать такие штуки: порой может ударить тебя там, где ты совсем не ждешь. Но ты не сдавайся! Горе объединяет людей. И Бари обязательно женится на тебе. Он же неплохой парень, у него доброе сердце. Вот увидишь!

Если я скажу, что в Гульюзум есть что-то от Гульчачак, то это будет неправдой: близнецы были точной копией друг друга, словно две капли воды. Раньше я различал их по родинкам на щеках. Сейчас, увидев Гульюзум, я вдруг почувствовал, как соскучился по Гульчачак. Приход старого знакомого, похоже, обрадовал и Гульюзум. Она бросилась ставить чайник и накрывать на стол.

— Нет-нет, Гульюзум, не беспокойся. Я не чай распивать пришел. Хотел узнать, как ты... — и я шагнул к двери.

— А что тут разузнавать... Скоро будет месяц.

— Бари может прийти. Неудобно.

Услышав имя Бари, Гульюзум побледнела, скорбное выражение тотчас слетело с ее лица, она даже усмехнулась:

— Бари вечером боится ходить в лес!

— Чего же ему бояться? У него ружье есть. К тому же он не на мотоцикле ездит, как я, а на машине, — возразил я.

Возразил не потому, что хотел заступиться за Бари, а чтобы хоть что-то сказать. Кто знает, понравится ли Гульюзум мое заступничество? В ответ Гульюзум громко рассмеялась.

— Ты говоришь: ружье! Если бы только оно! У него в машине даже граната есть! Настоящая! И еще газовый пистолет! Газовый баллончик! Хоть сегодня отправляй его в Чечню! Вооружен до зубов! Потому что его уже больше года пасут ребята из марийской деревни. Он и там одной девушке ребенка сделал, кот мартовский!

Об этом я уже слышал, но сейчас не удержался и тоже рассмеялся.

— Ну, Бари! Шустрый парень!

Мы выпили с Гульюзум чаю. На лес опустились сумерки. Я засобирился домой. Уже около самой двери Гульюзум вдруг бросилась мне на шею.

— Оставайся ночевать, Мухаммет!

Ее горячее дыхание обожгло мне лицо и шею. Я растерялся. Вернее, превратился в пень, не зная, что предпринять.

— Я хочу отомстить этому Бари. Сначала я ему отомщу, а потом выйду за него замуж!

Ко мне, наконец, вернулся дар речи.

— Гульюзум, — прошептал я. — Успокойся!

— Я и Гульчачак хочу отомстить, ты понимаешь это, Мухаммет?

А вот этого я совсем не понимал. Мечь по отношению к Бари понимаю. Потому что она сама назвала его мартовским котом. А Гульчачак-то чем перед ней провинилась? Ведь она — ее близнец?..

— Когда поняла, что Бари равнодушен ко мне, я не стала выходить к нему. Гульчачак почти силком вытаскивала меня из дому. А однажды вышла вместо меня сама. Уже стемнело, и Бари не догадался о подмене. Подумал, что это я. Чтобы возбудить во мне ревность, на следующий день Гульчачак снова вышла на свидание вместо меня. Хотела и на третий день. Но я не дала, решила сама... А теперь жалею об этом. Если бы не Гульчачак, у нас с Бари ничего не было бы. Ты, Мухаммет, не думай плохо о Гульчачак. Она тебя любит и знает, что будет счастлива с тобой. А к Бари она вышла только ради того, чтобы я приревновала. Гульчачак жалела его. Жалела его безответную любовь. Она

выходила к нему и вела себя так, словно это была я. Говорила потом, что Бари хотел ее поцеловать, но она дала ему пощечину.

Я был поражен. Гульюзум поняла мое состояние и потянула меня обратно в комнату. Я не сопротивлялся. Голова соображала плохо. Впрочем, последние слова Гульюзум несколько развеяли то тягостное состояние, в которое я погрузился после ее откровений, и огонь ревности, вспыхнувший в моей груди, несколько поутих и лишь дымил. «К Бари она вышла только ради того, чтобы я приревновала... Я осторожно подслушала, о чем они говорили возле ворот. Бари сказал тогда: «Гульюзум, я безумно тебя люблю!» Эти слова решили все — я не выдержала и на третий день вышла на свидание сама. Хотя в душе так и не приняла Бари. Эх, это Гульчачак во всем виновата! Если бы она все это не затеяла, мне бы и в голову не пришло посмотреть на этого мартовского кота! Представь себе, ведь я ни разу даже не смогла заехать ему по морде, как Гульчачак!»

Да-да, после услышанного ревность ушла из моего сердца, она погасла...

Гульюзум целовала меня, как безумная, затем резким движением сдернула с моих плеч рубашку. Пока я пребывал в растерянности, словно истукан, она выскользнула из халатика. Передо мной стояла молодая обнаженная женщина, которую я совсем недавно увидел нечаянно в открытую дверь. Ее горячие руки опрокинули меня на кровать. Нечаянно я угодил прямо на спавшего там черного кота. С истошным мяуканьем негодующий кот спрыгнул на пол. Гульюзум продолжала страстно целовать меня, и тут что-то во мне произошло — каждая клеточка моего тела проснулась, и я обнял женщину. Как бы я ни старался, но разум сдавался под напором безумных чувств. Я рассердился на себя. Но, ругая и бесконечно презирая себя за слабость, я все же не мог убрать руки с нежного и горячего тела Гульюзум.

— Гульчачак! Милая!

Имя сорвалось с губ нечаянно, но Гульюзум словно подменили: она вскочила, набросила на себя халат и спокойным мягким голосом сказала:

— Прости меня, Мухаммет. Уходи, уходи сейчас же, — и она бросила мне рубашку, оказавшуюся лишенной всех пуговиц.

Не промолвив ни слова и одурело покачиваясь, как медведь, вылезший весной из берлоги, я прошел по скрипучим половицам к двери. Нашупав ручку, обернулся назад. Гульюзум лежала лицом на подушке и плакала навзрыд. Плечи ее дрожали. «Поплачь, поплачь! Тебе, Гульюзум выплакаться нужно, — прошептал я. — Слезы облегчают боль...»

На берегу остановилась белая «Волга». Новая, вся сверкает. Из машины вышел Бари. Рот растянулся в широченной улыбке. Наверно, соскучился, мы же друзья детства: я и сам в Казани скучаю по нему. Вслед за Бари из машины появились два празднично одетых мальчугана, похоже, Бари прихватил их прямо на майдане.

— Вот, привел тебе пастухов! — Бари идет ко мне, протянув обе руки для приветствия. — Негоже гению пасти овец! Ха! Интересно получается: великий художник и — пастух! Ты что же, таким образом хочешь войти в историю? Нельзя, брат, нельзя, нельзя!

— Ну почему же нельзя? — отвечаю я, сжимая в ладонях руки Бари. — Как там говорят: мы поднялись с низов, со дна жизни...

— Чепуха! Ты уже давно поднялся!

Бари никогда не хвалит без задней мысли. Я испытующе посмотрел на него. Его «мочалка» словно бы начала русеть, или мне показалось? Голубые глаза и уши-лопухи те же, без изменений. Впрочем, мы не виделись всего-то полгода. В прошлый приезд мы не встречались, до райцентра меня довез его шофер.

— Ты, парень, меняешь машины, как перчатки! — и я киваю в сторону белой «Волги». Друг, как всегда, скор на ответ:

— Машина — не роскошь, а средство передвижения!

— Бари, жалко пацанов отрывать от праздника.

Бари — неплохой, между прочим, психолог — как бы невзначай роняет:

— Какие же это пацаны! Нынче я собираюсь дать им комбайн на двоих! Разве не видишь, это же взрослые ребята!

Вытащив из нагрудного кармана две хрустящие сторублевки, Бари протянул их мальчикам.

— Пасите как следует. На колхозный луг стадо пускать вовсе не обязательно, поняли?

Мальчишки забрали у меня кнут.

— Эх, а я собирался погулять возле леса! Ты, брат, лишил меня такого удовольствия! — и я хлопнул дружка по плечу.

— И что бы ты там делал? Гульчачак твоя все равно приехать не смогла. Тетка там у нее в плохом состоянии. Я Гульюзум встретил, она сказала.

— Везет тебе, у тебя Гульюзум здесь! — сказал я нарочито завистливым тоном.

Лицо Бари неожиданно скривилось, но он, почувствовав мой внимательный взгляд, быстро взял себя в руки, даже натужно улыбнулся.

— Да куда же деться от Гульюзум! Теперь она возглавляет конезавод. Мы же, брат, разводим рысаков, так-то. Двоих даже привезли из Франции!..

— Ого, какими делами ты тут заправляешь!

— Ты же знаешь, что я не представляю себе жизни без женщин и лошадей.

Бари оглушительно расхохотался, а я подумал, что он так и не научился смеяться по-человечески.

— Конезавод — это, брат, ерунда! У меня тут такие грандиозные дела запланированы! Даст Бог, мы тут скоро революцию совершим!

— Знаю, знаю, слышал уже. Собираетесь перенести деревню. Народ в шоке. Никто не хочет переезжать.

Бари стал вдруг серьезным, помолчал немного (к тому времени мы уже сидели в машине) и сказал:

— Переедут, брат. Бегом побегут! Эх, мне бы только разрешение получить!

— Я все-таки, Бари, не понимаю! Ну, зачем тебе нужно переносить деревню на гору, а?

— Зачем, спрашиваешь? Ха, нужно, брат, нужно. Очень даже нужно.

— Попробуй хотя бы объяснить.

— Вот мой дед в двадцать пятом году деревню с горы перенес в долину, так? Благодаря этому переезду народ не то что о революции позабыл, он об отце и матери думать перестал!

— Ну, допустим, а дальше?

— Дальше? А дальше, брат, я перенесу деревню из долины на гору! Понял?

— Ничего я, брат, не понял.

Бари передернул плечами и посмотрел в мою сторону. Затем приглушил двигатель. И уставился на меня, всем своим видом изображая немой вопрос, мол, неужели так трудно это понять?

— Дед перенес с горы в долину. Я верну деревню на место. Мой сын или внук, если сочтет необходимым, снова перенесет ее с горы вниз!..

Или Бари что-то не договаривал, или я не совсем понимал его, но, прочитав в моем взгляде немой вопрос, он демонстративно повернул ключ зажигания. Машина тронулась. Между деревней и рекой есть песчаное место. Песок там на редкость замечательный, опытные печники говорят, что лучше этого песка для печи не сыщешь. Доехав до этого места, Бари резко затормозил и, выглянув в окно, сказал:

— Видишь, ветер дует с реки. И передвигает песок в ту же сторону. А когда он дует со стороны деревни, то песок отбрасывается в сторону реки. И так вечность: то в сторону деревни, то в сторону реки. Одним словом, то так, то эдак. Все время в движении, туда— сюда. Ты вот спрашиваешь: какая народу польза от переноса деревни на гору? Да кто же станет тут думать о пользе! Самое главное — это движение! Народ надо шевелить, ему необходимо движение. Жизнь, брат, вообще должна состоять из постоянного движения. Помнишь, Хади старательно вдавливал в наши мякинные головы мировую философию. Я все еще не забыл. Помнишь Ницше: «Тому, кто по уши погружен в дела, недосуг думать о том, что он делает».

Бари повернулся ко мне. Его взгляд словно бы спрашивал: ну что, теперь наконец понял? А я все равно ничего не понял. Мало ли что когда сказал какой-то немец!

Не выдержав, я рассмеялся. И, положив руку на плечо друга, потянул его к себе:

— Ну, Бари, ты и сказанул!

— Это не мои слова...ценить каждого исключительно как средство достижения своей собственной цели и не признавать в других отношениях. Это — в ответ на твои причитания по поводу «народа»...

— Кстати, Гитлер интересовался учением Ницше и широко применял его в собственных нуждах. Ладно вот у тебя, брат, дед был председателем колхоза и отхватил себе бронь. А мои оба деда погибли на фронте!!!

Я начинал злиться на Бари и его Ницше. Видимо, мое состояние отразилось в словах и на лице, потому что друг сразу все понял. Он промолчал, оставив мою реплику без ответа, потянувшись назад, достал с заднего сиденья картонную коробку и, установив ее между нами, открыл. Я искоса заглянул в коробку: она была доверху забита водкой, пивом и закуской.

— Сегодня же сабантуй, брат! Праздник! Давай по этому случаю опрокинем по одной!

Полгода назад мои работы были выдвинуты на премию, но лауреатом стал один абсолютно бездарный подхалим, тогда я, разобидевшись на весь свет, запил и некоторое время прокуролесил. С тех самых пор водку я в рот не брал ни разу. Спасла меня Сирена Самуиловна. Она каким-то образом организовала участие двух моих картин на выставке в Англии, к тому же предполагалось, что в течение десяти-пятнадцати дней мы вместе с ней и сами выедем за границу. Я только-только вышел из «творческого» запоя, самочувствие — хуже некуда: в холодный день обливаюсь потом, давление скачет, глаза красные, как у кролика. И в этом состоянии мне пришлось хлопотать о визе и заграничном паспорте. Сирена Самуиловна отрезвила меня довольно быстро! Пришлось, например, отказаться от принципа: «Художники всегда должны быть чуть пьяны и бородагы». Впрочем,

Гульчачак тоже была против моих панибратских отношений с выпивкой. И стоило ей только намекнуть мне об этом, как я сразу завязал. Но сегодня сабантуй, сегодня праздник. Сегодня я в своей родной деревне и рядом со мной друг детства, мой друг — философ Бари.

А потому мы немного выпили.

— Кстати, а кто управляет сабантуем? — спрашиваю я у Бари.

— Сельсовет! — сопит он, пережевывая колбасу, и добавляет: — Не могу же я праздновать, когда ты стадо пасешь.

Умеет Бари угодить. Хотя, в противном случае он бы и не мог работать руководителем.

— Слушай, брат, — говорит Бари, наполнив рюмки в очередной раз. — У меня для тебя есть очень хорошая новость! Сегодня меня ни свет ни заря вызвали в район. Узнали, что ты в деревне проводишь свой отпуск. Короче, тебя там вся Казань ищет!

Я посмотрел на Бари с удивлением: «Зачем?»

— Твоя картина «Лесная девушка» приглянулась московскому гостю. Вернее, жене какого-то крупного чиновника.

— Не может быть! — от неожиданности рука моя дернулась, и водка вылилась на колени. — Ведь эта картина хранится в мастерской! К тому же ее никто никогда не видел, я не хотел показывать! Эта картина не для продажи и даже не для дарения!

— А вот это, брат, для меня полная темнота. Давай, поехали в контору. Тебе велено позвонить в Казань. Заму какого-то начальника, Сирене Самуиловне, вроде...

О! Сирена Самуиловна и здесь меня разыскала! Эта потрясающе энергичная женщина никогда не оставит меня в покое! Значит, именно она привела москвичей в мою мастерскую! Боже, надеюсь, она догадалась убрать куда-нибудь пустые бутылки!

— Эту картину нельзя дарить! — повторил я, бросив на друга сердитый взгляд. Как будто в этой ситуации Бари был виноват. Ведь он даже не видел этой картины. Я писал ее годами, перечеркивая, бросая и принимаясь снова! Она создавалась для Гульчачак!

Когда-то то ли в шутку, то ли всерьез, Гульчачак сказала мне: «Если сможешь увезти мой лес в город, я поеду за тобой». И однажды я сумел-таки уместить ее лес в тесную деревянную раму. Показывать картину Гульчачак я не спешил. Потому что знал: день, когда она увидит ее, станет в моей жизни очень значительным событием, я ждал этого дня Бог знает сколько лет, этот момент столько раз снился мне ночами, погружая в состояние блаженства, он давал надежду моему сердцу, которое так хотело любить и быть любимым... Одним словом, если бы десять лет назад я не поставил себе целью создать именно эту картину, то я, может быть, и не стал бы художником. А был бы архитектором... или строителем...

Объяснять и рассказывать все это сейчас не хотелось. Впрочем, название картины «Лесная девушка» наверняка натолкнуло Бари на некоторые размышления. Ведь у него и самого есть лесная девушка!

В контору я все же решил съездить, мне хотелось поговорить с Сиреной Самуиловной и самому выяснить, в чем дело. К тому же я подумал, что нелишним будет выразить ей свое недовольство тем, что она без разрешения лезет в мои дела.

Впрочем, о каком разрешении я толкую?.. Я же сам дал ей ключ от мастерской. Насчет «лезет» я тоже загнул. Если бы не Сирена Самуиловна, то даже мои казанские друзья — очень близкие мне, но крайне завистливые люди — уже давно бы отправили меня — деревенского парня без всякой поддержки за спиной — на свалку. Да, да, и я бы даже не заметил, как это произошло. Ведь сейчас время наглых и расторопных, тех, кто умеет хорошо работать локтями! Сейчас не метят открыто кулаком в лицо, а предпочитают толкнуть легонько локтем. Ты даже не заметишь, кто толкнул и зачем. Особенно это распространено у нас, среди татар. Вот евреи тащат друг друга, поддерживают любой ценой. А у нашего соплеменника острый локоток всегда готов к атаке. В наших жилах течет кровь далеких предков. Это бесспорно, ведь они веками истощали друг друга в междоусобных интригах вокруг престола, а потом, обессиленные и жалкие, позволили русским побить и покорить себя. Четыреста лет этот народ не смеет слова молвить! А дурные наклонности, подлый острый локоток, взаимное предательство, деспотизм и завистливость все еще процветают! Никогда не наступит просветление у народа, убежденного, что счастье — это власть!..

Я совсем не националист. Просто я хорошо знаю историю татарского народа, его настоящую историю. С моими друзьями-писателями мы частенько разговариваем на эту тему. Кстати, среди писателей тоже нет махровых националистов. Они искренне переживают за нынешнее состояние татар.

Вот бы придумать новый вид спорта — борьба локтями, устроить чемпионат мира и послать туда татар! Да у них под золотыми медалями грудь не будет видно, ей-богу!..

Такие невеселые мысли лезли мне в голову, пока я ехал в машине Бари. Друг, похоже, почувствовал, что меня обуревают противоречивые и грустные чувства. А потому решил подбодрить по-своему:

— Что ты как в воду опущенный, брат! Тебя же не просят подарить свою любимую девушку. А ты можешь нарисовать еще одну картину! Между прочим, говорят, что ты очень талантливый художник. Недавно по телевизору весь вечер тебя нахваливали.

Я молчу. Знаю, что я талантливый, и потому молчу.

Позвонив в город, я убедился, что Сирены Самуиловны не было ни дома, ни на работе. Тогда Бари сам принялся набирать Казань. Нужный ему человек оказался на месте. Судя по его тону, особенно по тому, как на его лице одновременно отразились льстивая улыбка, испуг и смущение, стало ясно, что человек на том конце провода был чиновником, и чиновником довольно большим.

— Ханиф Хатыпович! Это я, Бари. Из Байтимера. Председатель. Колхоза. Ханиф Хатыпович! Мы вас ждали на сабантуй. Вы, видимо, не смогли вырваться? (Некоторое время он молчал. Похоже, казанское начальство что-то отвечало.) Ханиф Хатыпович! С Уразовым я поговорил. Он согласен, Ханиф Хатыпович! Хорошо, Ханиф Хатыпович! Спасибо, Ханиф Хатыпович! Ваша просьба для нас закон, Ханиф Хатыпович! До свидания, Ханиф Хатыпович!

Я обомлел. Лишь когда Бари со стуком опустил трубку на рычаг, я очнулся и схватил его за ворот рубашки:

— Что ты сказал?! На что я согласен? Я не посмотрю, что ты пред, сейчас вылетишь у меня из окна! — и я затряс его что было силы. Но Бари был спокоен. Его недавнюю угодливую гримасу на лице сменила добрая дружеская улыбка.

— Да погоди ты, брат. Успокойся. Знаешь, кто это был?

— И знать не хочу! Н что это я согласен? Подарить картину? Вот вам картина, вот кукиш, понял?

— Ну успокойся, я тебе говорю, Мухаммет, друг! Причем тут «подарить»? Твоя Сирена Самуиловна предупредила Ханифа Хатыповича, что ты упрямый и вредный и что уговорить тебя будет очень трудно. Ханиф Хатыпович говорит, что они покупают. За доллары, брат, за доллары! За сумму, которая никогда тебе и не снилась!

— Кукиш! — повторил я, отпуская ворот Бари.

Он махнул на меня рукой, подошел к холодильнику, достал бутылку водки, закуску и поставил все на стол.

— Ты, брат, не горячись! И попусту не нервничай!

— Как же мне не нервничать! Какое ты имеешь отношение к моей картине?!

— Мухаммет, послушай, друг, ну пойми ты наконец! Решение вопроса о переносе Байтимера на вершину холма будет зависеть только от Ханифа Хатыповича! А он попросил меня поговорить с тобой. Если не веришь, позвони Сирене Самуиловне, она подтвердит.

Все еще ничего не понимая, я снова начал набирать Казань, и на этот раз перехватил Сирену Самуиловну дома. Ситуация начала проясняться. Сирена Самуиловна показала жене московского гостя «Лесную девушку». Той картина очень понравилась. К тому же оказалось, что вместо моей маленькой однокомнатной квартирки, где располагалась и мастерская, мне собираются дать большую квартиру в центре. Если, конечно, я соглашусь продать «Лесную девушку»...

Вот это новости! Разумеется, я не мог накричать на Сирену Самуиловну так, как я накричал на Бари. А потому, ничего не ответив, я бросил трубку и взял со стола рюмку.

— Давай, друг мой Бари, выпьем за сабантуй! А что касается картины, то, как я уже сказал, кукиш им! Правильно ты говоришь, и чего это я так разнервничался? Сказал не дам, значит не дам, так ведь? А мастерскую свою пусть себе берут!

— Не упрямясь, Мухаммет, ведь ты давно мечтал о ней!

— Если раньше и мечтал, то сейчас, вот с этого момента, больше не мечтаю. Пропади она пропадом! Давай лучше выпьем!

Бари потянулся ко мне, чтобы чокнуться. Он немного успокоился и, похоже, был абсолютно уверен в том, что сумеет меня уговорить!

— Написать картину сможет и последний дурак, а вот продать ее способен только умный. Кто это сказал, знаешь?

— Не знаю. И знать не желаю!

— Я тоже не знаю. Но это не важно. Кто-то же это сказал! И сказал истинную правду, брат! О тебе это сказано, понимаешь?!

Вскоре все стало ясно. Московский чиновник вместе с женой через две недели приедет в Казань на городской сабантуй. И к тому времени «Лесная девушка» должна быть готова...

* * *

Мой недельный отпуск прервался. Я снова в городе, в Казани. Каменный город, город-столица. Раньше ты принадлежал только моим предкам. Казань... Теперь ты даже не губернский город! Тобой, как всегда, управляют из Москвы, а теперь еще и из Нижнего Новгорода — там находится губернский престол. Так что сейчас, моя Казань, ты просто райцентр, самый обыкновенный райцентр!..

В конце прошлого века ты пыталась встряхнуться, и даже словно бы начала оживать, но, лишь смахнув пыль с древних плеч, ты вновь замерла. Снова на тебя, Казань, надели узду... Не это ли конец света, мой город? Конец нации...

Не сердись на меня, Казань! Я сегодня не в настроении. Просто я злюсь, что картину нужно отдать московскому гостю. Потому-то и лезут в голову всякие ненужные и неприятные мысли. Мне нужно поскорее увидеться и поговорить с моими друзьями-поэтами. Они, в отличие от меня, оптимисты. Они не позволят сидеть понуриив голову...

«Это наша Родина.
Я погасну, как ее последний день,
И снова возрожусь ее зарей».

Автор этих строк — кондовый мишарин. Мой друг... Мишары и евреи никогда не предаются отчаянию, — даже если на их головы обрушится дождь из камней. С них пример надо брать. В моих жилах тоже течет кыпчакско-мишарская кровь далеких предков. К ней примешана и ногайская кровь. В моей внешности угадываются ногайские черты — узкие глаза, а широкие скулы — это в крови празднует победу мишарство.

Я заглянул в Союз писателей. Не застав там никого из друзей, отправился напрямик домой к Сирене Самуиловне.

— Писать картины — ремесло, а продавать их — большое искусство, мой милый!

Такими словами встретила меня в дверях Сирена Самуиловна — женщина, близкая мне, как родная сестра. Она живет одна в трехкомнатной квартире. Я часто бываю у нее. У женщины со вкусом и квартира соответствующая. Все, что здесь находится, — роскошное и дорогое. В гостях у Сирены у меня даже настроение становится лучше, все дурное и неприятное улечучивается бесследно.

Почему-то у нее дома я не могу называть Сирену Самуиловну по имени-отчеству, язык не поворачивается. Но обращаться к ней «Сирена» тоже как-то неудобно. Она известный и уважаемый искусствовед. Она старше меня на десять лет. Хотя трудно поверить, что Сирене Самуиловне скоро сорок. Даже фигура у нее девичья. И характер легкий, переменчивый, как у девочек. Я частенько сравниваю ее с Гульчачак: Гульчачак, конечно, моложе. Она чем-то похожа на нераскрывшийся цветок. Этому красивому цветку, выросшему в тенистом лесу, долгое время не хватало солнечного света. И теперь ему нужна хотя бы одна капля, один лучик света, и тогда цветок раскроется и озарит вселенную своей несказанной красотой!..

Эта красота околдует меня, сведет с ума, я совсем потеряю голову! Но я не хочу, чтобы вселенная смотрела на нее. Она моя, только моя!.. Ах, эта ревность! Но я ревную любя. Или люблю ревнуя?.. Знает один Бог!

Я уже упоминал, что после окончания школы я уехал учиться в Петербургскую академию искусств имени Репина. Гульчачак, — она на три года моложе меня, — поступила на биологический факультет Казанского университета. Встречались мы редко. Но тем радостнее были эти встречи. Хоть и стыдно признаться, но скажу: в Татарстан я приезжал не столько из-за родителей, сколько из-за Гульчачак...

Пока не была закончена «Лесная девушка», с Гульчачак я даже не смел заговаривать о браке: похоже, цель, поставленная мною в отрочестве, оказалась очень серьезной. Пусть очень редко, но мы встречались. Гульчачак писала мне письма, а я предпочитал звонить ей. Теперь вот со временем, правда, стало туговато. Да и двадцать восемь лет, оказывается, возраст немалый. Я, кажется, стал более терпеливым. Иногда мне приходит в голову мысль: «Может, и не люблю я эту Гульчачак?» Да, да, и такие мысли меня посещают. Если бы любил, то сразу после возвращения из Петербурга я сделал бы ей предложение. Но не сделал же! Впрочем, и сама Гульчачак не ждет пока такого предложения. Она тоже всерьез приняла мою клятву: «Я увезу твой лес в город» и, похоже, искренне верит, что когда-нибудь это случится. Я тоже жду. Мы оба ждем. И вот теперь работа почти закончена.

Несколько лет назад, — тогда до финала еще было ой как далеко, — я показал «Лесную девушку» Сирене Самуиловне. Она смотрела картину долго, даже слишком долго, то встав к ней вплотную, то отойдя в сторону. Я ждал слов похвалы, но она промолчала. Наоборот, словно бы помрачнела, черные глаза ее повлажнели, на лице появилось обиженное выражение, какое бывает у маленькой девочки, если у нее отнимут любимую куклу. Но, будучи опытной женщиной, привыкшей обуздывать свои чувства, она не подала виду. Я был удивлен подобной реакцией, но заговорить и спросить ее мнение я не решился, вернее, я и сам вдруг погрузился в странное необъяснимое состояние.

Короче говоря, «Лесная девушка», судя по всему, Сирене Самуиловне не понравилась. А сегодня она вдруг хочет ее подарить, даже продать, важному гостю! Совсем непонятно!

Прямо в дверях Сирена Самуиловна крепко обняла меня. Поцеловав в обе щеки, она взяла меня за руку и повела за собой в зал. Мы сели в противоположные концы уютного дивана. Сирена Самуиловна была в голубом коротеньком халате. Когда она села, ее и без того короткий подол задрался еще выше.

Я засмутился и начал отводить глаза в сторону. Почувствовав мой взгляд, она начала одергивать и поправлять подол. Но такие красивые ноги прятать под халатом ей явно не хотелось, иначе она надела бы что-нибудь более длинное...

Все это проносится в моем мозгу за одно мгновение. У меня серьезный вид. Я зол, я даже обижен.

— Сирена Самуиловна, я ведь не собираюсь продавать или дарить эту картину! Другие — пожалуйста!

Красивые пухлые губы Сирены Самуиловны дрогнули. Но она была спокойна.

— Московскому гостю, вернее, его жене понравилась именно «Лесная девушка». Другой картины ей не надо. Пойми это! Ты нарисуешь еще десять, сто таких картин. В большой и светлой мастерской!

— Сирена Самуиловна, я не могу отдать ее чужому человеку!

— Ха... А ты знаешь, что было с теми тараканами, когда гость обратил внимание именно на эту картину?

— И что же?

— А то. Застыли как соляные столбы. От зависти чуть не лопнули!

— Опять они будут меня ненавидеть.

— Нет. Наоборот, теперь они будут пресмыкаться перед тобой!..

— Нет, Сирена Самуиловна, говорите что хотите, но считайте, что картины больше нет! Я не могу ее отдать...

— Не упрямясь, Мухаммет. Действительно, это очень талантливая работа. И лесная девушка у тебя получилась живой, одухотворенной. А что, разве эта девушка не плод чистой фантазии художника? Неужели это реальная девушка?

— Вы же знаете, Сирена Самуиловна. Вы видели Гульчачак.

От неожиданности Сирена Самуиловна подпрыгнула на месте, подол задрался кверху, и показались красивые ноги, которые тянули и приковывали мой взгляд к себе, словно магнит. Но в этот момент мне было не до ее ног. Я был зол на весь свет, в том числе и на Сирену Самуиловну. Я даже хотел было встать и уйти, хлопнув дверью. Но разум тотчас остудил бурлящие чувства. Ведь именно эта женщина — святой души человек — буквально за уши вытащила меня, простодушного деревенского паренька, в большой свет, вывела в люди и сделала известным! И в этот жестокий век, когда властвуют те, у кого сильные локти, именно она спасала меня от ударов и пинков судьбы. Вот потому-то я и сдержался. Бог с нею... Но будет ли Бог со мною?.. Я ощутил, как в отдаленном уголке моей души поселилось тягостное чувство. И я знал, что теперь я вряд ли скоро избавлюсь от него.

Вдруг, словно вспомнив что-то, Сирена Самуиловна вскочила с места и, на ходу одергивая халатик, пошла на кухню. Я услышал, как она поставила на плиту чайник и зазвенела посудой. Все тело ломило, как у побитой собаки, в голове был сплошной хаос. «Кто же я? — подумалось мне. — Да, у меня есть талант, да, я умею это делать. Но в какой стране я живу? Знает ли эта страна цену своим талантам? Совсем нет. Это Россия, где торжествует ее величество серость! И кто я в этой стране? Конечно, несмотря на молодость, у меня есть имя, есть известность. Но разве все это потому, что я талантлив? Совсем нет. Потому что пруд пруди тех, у кого способностей на грош или вовсе нет, но они ходят выпятив грудь. А может, у них такие везучие имена и псевдонимы?..

И что будет, если я, как герой-одиночка, пойду к своей цели, прикрывшись, как щитом, от невзгод и тягот большого пути только своим талантом? Дойду ли я? Уверен, что дойду! Но только очень нескоро, я опоздаю на десять-двадцать лет! Искусственно созданные проблемы, специально построенные на моем пути баррикады займут время и вытянут из меня энергию! Еще только пять лет назад я был наивным молодым художником, не посвященным во все эти хитросплетения жизни. Теперь я очень хорошо знаю, что все в этой жизни неоднозначно. Я мечтал, закончив «Лесную девушку», воссоздать этот Мир на полотне. И хотя я не очень ясно представлял себе, как это будет выглядеть, желание было неистребимым.

Сирена Самуиловна позвала меня на кухню. Она успела накрыть щедрый стол. Лицо ее светилось, черные глаза, еще совсем недавно бывшие чересчур серьезными, теперь смеялись.

— Давай, Мухаммет, праздновать.

— По какому поводу? — удивился я. — Ведь у вас не день рождения?..

— Нет, не день рождения. А впрочем, может, и день рождения... Мухаммет, ты не говори мне больше «вы», ладно? Ведь мы друзья. И не обращай ко мне по отчеству. Называй меня Сирена, прошу тебя...

Я немного растерялся: как же можно на «ты» и просто «Сирена»? Смогу ли я так сразу, без подготовки?

Сирена Самуиловна, то есть Сирена, выставила на стол коньяк.

— Это в честь твоего славного пастушества. Пикассо и пастух! Ха! Здорово! Ты, Мухаммет, далеко пойдешь!

Я попытался рассмеяться тоже. Но рот меня не слушался, и вместо улыбки получилась гримаса. Пить не хотелось (коньяк неизбежно поднял бы давление и окончательно замутил бы рассудок), но, желая поскорее согреть кровь и перейти на одну волну общения с Сиреной Самуиловной, я взял в руки рюмку.

— За ваше... твоё здоровье, Сирена... Самуиловна!

Сирена Самуиловна вновь зазвенела своим серебристым смехом. Похоже, ей нравилось мое смущение. На звук ее голоса поднял голову пушистый кот, дремавший на табуретке возле газовой плиты. Мол, что случилось, по какому поводу смех? Этот кот, — его зовут Ангел, — чертовски умен, порою кажется, что, глядя в упор в его серые глаза, вполне можно поговорить с ним без слов. Это пушистое чудо Сирены Самуиловны ко мне благоволит, и при каждом моем визите обязательно ластится ко мне и трется о ноги. Вот и на это раз, обнаружив мое присутствие, он срочно спрыгнул с табурета и забрался ко мне на колени. Я погладил его по голове.

— Мой Ангел без ума от тебя, Мухаммет.

Коньяк сделал свое дело: настроение становилось игривым, язык развязался, и я, желая подзадорить ее, ответил:

— Боюсь, что только коты меня и любят...

Сирена Самуиловна отставила рюмку в сторону, взгляд ее снова стал изучающим.

— А лесная девушка?

— Лесная девушка?... Если я потеряю картину, она даже смотреть в мою сторону не станет!

Ни за что бы не подумал, что мой ответ может так сильно задеть Сирену Самуиловну. Она даже встала со стула.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Думаю. А что?

— Ну тогда она у тебя крайне легкомысленная особа! Из-за таких мужчины становятся несчастными!

Сирена Самуиловна произнесла эти слова с торжествующим видом. Словно бы на самом деле Гульчачак была ветреной девушкой, моя несчастливая жизнь с нею предопределена и теперь мой наставник искренне радуется этому.

— Ну, если бы это было так, она не стала бы ждать меня до двадцати пяти лет! — возразил я, пытаюсь придать голосу жесткость, а лицу сердитое выражение.

— Ладно, не будем судить других! Давай выпьем за тебя, Мухаммет! За твоё большое будущее!

— Без вас оно у меня вряд ли будет! — ответил я нарочито игриво. Потому что мне хотелось увести Сирену Самуиловну от разговоров о картине и о Гульчачак.

— Ты и в самом деле так думаешь?

— Думаю, Сирена Самуиловна, думаю.

Женщина несколько мгновений смотрела на меня своими бездонными глазами, а потом поднесла рюмку к губам.

— Спасибо, Мухаммет! Но ты и сам талантлив. Если еще сможем обуздать твою строптивость и упрямство, — рассмеялась она и на этот раз не стала ставить рюмку обратно.

Утром, проснувшись от жуткого похмелья, я некоторое время не мог понять, где нахожусь. Только с трудом подняв чугунную голову и увидев на кушетке возле противоположной стены спящую Сирену Самуиловну, я, кажется, начал смутно припоминать события вчерашнего дня. Значит, я остался ночевать. Сирена Самуиловна лежала свернувшись калачиком, в одной рубашке, одеяло сползло на пол. Усилием воли держа голову в вертикальном положении, я украдкой, словно кот, нацелившийся на масло, и боясь вздохнуть, посмотрел на полуголое тело Сирены Самуиловны и замер. Что-то в моей душе шевельнулось и сладко заныло.

Почувствовав, что я проснулся, откуда-то появился пушистый кот и запрыгнул мне на грудь. Его довольное урчание почему-то рассердило меня, и я толкнул его на пол. Удивленный кот жалобным голосом сказал: «Мяу!» Потом потянулся и, всем своим видом демонстрируя обиду, забрался под бочок к своей полуголой хозяйке.

Я полежал еще немного, изучая сонную парочку, а затем тихо, как кот, пошел в ванную. «Отныне я, пожалуй, действительно начну звать тебя Сирена», — подумалось вдруг...

Первая любовь Мухаммета

Когда Мухаммет добрался до своей однокомнатной квартиры- мастерской на улице Муштари, был уже полдень. Сегодня придут детишки. Он организовал в своей мастерской детскую художественную студию, дает уроки рисования, и каждый день и час занятий с детьми всегда ждет с нетерпением. Эта затея стала для холостого парня настоящей находкой, и время, проведенное подобным образом, он

считал самыми счастливыми минутами в своей жизни. Но для занятий еще рановато. В двери висела записка. Рассмотрев пляшущие строчки на обороте пустого бланка путевки, Мухаммет улыбнулся: заезжал Бари. Его манеру письма Мухаммет распознает среди сотен почерков. Потому что так безобразно может писать только Бари. Из-за этого ему постоянно доставалось в школе. По всем остальным предметам — прекрасные знания, считался одним из лучших учеников, но почерк — ужасный, по страницам его тетрадей словно бы пробежали полчища тараканов. Говорят, что почерк человека очень объективно отражает его характер. И, глядя на то, как человек пишет, вполне определенно можно охарактеризовать его личностные качества. Наверно, это верно, потому что характер у Бари и в самом деле крайне неустойчивый, и никто не может знать, что он надумает с вечера и совершит завтра с утра. Не случайно поэтому в своем колхозе он никогда не раздает наряды с вечера; лето ли, зима ли — без разницы: Бари собирает всех каждый день рано утром.

«Опять приехал талдычить о картине», — подумал Мухаммет, и в тот же момент его голова, с самого утра словно затянутая пеленой осеннего тумана, вдруг сразу прояснилась, он решительно направился в ванную и долго стоял сначала под теплой, а потом под холодной струей воды.

Бари написал, что зайдет вечером. Надо сходить в магазин.

Обычно дома он не готовит. Привык ходить в столовые, а у себя пьет только чай.

Друг обещание сдержал: вечером в дверь позвонили. Мухаммет, уверенный, что это Бари, не стал спрашивать: «кто там?», даже не посмотрел в глазок и сразу распахнул дверь. Распахнул и чуть не упал: на пороге стоял не Бари, и не кто-то из его друзей, нет, перед ним стояла Разифа — его одноклассница и жена Самигуллы, купившего недавно новую машину! Деревенской женщине излишек косметики противопоказан, а эта накрутилась сверх всякой меры, сама вроде пытается улыбнуться, но видно, что смущена донельзя. «Разифа!» — только и сумел произнести Мухаммет. Но, похоже, его удивление и замешательство прибавили женщине уверенности, смущение в ее глазах сменилось живым задорным огоньком. «Узнал-таки меня, вот спасибо! Я уж боялась, не узнаешь», — сказала женщина. Собственные слова словно зарядили ее дополнительной смелостью, она сделала шаг назад, а потом сразу два вперед и оказалась прямо перед Мухамметом. «Надеюсь, ты меняпустишь!» Мухаммет посторонился, давая дорогу, рефлекторно ожидая увидеть кого-то еще, глянул через ее плечо на лестничную площадку. Состояние крайнего удивления все еще не покидало его.

«Ну, и куда мне пройти? Может, ты и не хочешь пускать к себе в дом односельчанку, одноклассницу и...»

«И... что значит это «и»?...» — мысль мелькнула, как молния, царапнув что-то в глубине сознания, но он уже взял себя в руки, пригласил женщину в комнату, взялся рукой за замок двери, на секунду задумавшись: запирать или нет, а потом решительно повернул ключ.

Действительно, они с Разифой одноклассники, более того, десять лет сидели за одной партой. Разифа давала ему списывать домашние задания по математике, — Мухаммет вдруг вспомнил: девушка, знавшая математику как свои пять пальцев, специально приходила в школу пораньше и до звонка терпеливо ждала, пока решения сложных задач займут свое место в тетради Мухаммета. А он, в свою очередь, помогал ей сначала на уроках рисования, а когда они стали старше, разрисовывал ее толстые тетради, заполненные стихами.

Разифа была в коротком открытом платье (обычно мы говорим, что такой наряд деревенской женщине не к лицу) из тонкой ткани, с красиво уложенными волосами и вся в аромате духов. Сейчас трудно было признать в ней жену деревенского столяра Самигуллы! Впрочем, Мухаммет прекрасно знал, что Разифа, хоть и была деревенской, но затемно на ферму доить коров не бегала: она работала бухгалтером в колхозной канцелярии. Считалась даже одной из «правых рук» Бари. К тому же они, кажется дальние родственники.

Разифа была пострижена «под каре», и это делало двадцативосьмилетнюю женщину немного моложе. Девичьи веснушки на ее лице, оказывается, сохранились. Впрочем, веснушчатой ее не назовешь: эти симпатичные светло-коричневые пятнышки, если не смотреть в упор, практически и не видны. Женщина то широко раскрывала свои большие карие глаза, то близоруко щурилась.

Разифа выглядела прекрасно, все в ней было ладным. Несмотря на то, что она уже была матерью одного ребенка, ей вполне можно было дать всего двадцать лет, — видимо, косметика и соответствующий наряд немало способствовали этому.

Разифа села на диван и закинула ногу на ногу. Однако Мухаммет ведь не дурак и понимает: своими красивыми ногами женщина хочет его соблазнить. Но, может, ей просто так сидеть удобнее? Чувство стыда от того, что он сделал слишком поспешный вывод, полыхнуло пламенем в уши.

Заметив, что хозяин находится в некотором недоумении, женщина заговорила первой:

— У меня к тебе дело, Мухаммет. Потому и пришла. Я в Казани пробуду неделю, на бухгалтерских курсах. Занятия начинаются завтра, в понедельник.

Разифа выложила на стол гостинцы, Мухаммет засуетился и пошел на кухню ставить чай. К счастью, в холодильнике была бутылка шампанского. С какой бы просьбой ни пришла Разифа, он сможет принять и угостить ее должным образом. Это было первое, что пришло ему в голову на кухне.

Он набрал в чайник воды, желая зажечь горелку газа, потянулся к коробку спичек, лежащих на подоконнике. Коробок оказался мокрым, а спички внутри — сырыми. Этот коробок был в доме единственным. Холостяк расстроился, постоял немного в замешательстве, потом все же попробовал чиркнуть спичкой. Удивительно, но отсыревшая сера при трении о мокрый коробок вдруг вспыхнула и не погасла, пока Мухаммет не зажег газ.

Когда он вышел в комнату, Разифа, слюнявя пальцы, листала толстую тетрадь, лежавшую у нее на коленях. Увидев Мухаммета, она встала, держа тетрадь в одной руке, а другой рукой одергивая подол, и сказала:

— Я, наверно, отрываю тебя от дела, Мухаммет?

— Нет, ну что ты! Садись, Разифа! — И он сел на другой конец дивана. — Садись, садись же, не стесняйся!

Женщина снова села, на этот раз она не стала закидывать ногу на ногу, наоборот, стала старательно натягивать подол на голые коленки. Только сейчас Мухаммет понял: она не приехала в этом платье из деревни, а купила его в магазине и в нем прямоком явилась к нему; даже бирка была не оторвана, она болталась сзади, у шеи. Увидев ее, Мухаммет чуть не рассмеялся и хотел даже, потянувшись, оторвать ее, но потом ему стало неловко, он испугался, что поставит женщину в ужасное положение, и промолчал.

— Мухаммет, я не отниму у тебя много времени. Не сердись. Я только хотела оставить тебе эту тетрадь. Для редакции.

— Разифа, ну как я могу на тебя сердиться! Перестань говорить глупости, ради Бога! Что за тетрадь? — и Мухаммет протянул руку. Но Разифа не спешила ее отдавать.

— Здесь стихи. Мои. Хочешь, прочитаю какое-нибудь? Ты же сказал, что у тебя есть время?..

— Я послушаю с удовольствием, Разифа. Сейчас и чай будет готов. Не могу же я отпустить одноклассницу просто так, — и Мухаммет поудобнее устроился на диване.

Он вспомнил, как украшал рисунками толстую тетрадь Разифы со стихами. Тогда он не обращал на них особого внимания, думал, что она их откуда-то переписывает. Оказалось, что девочка с математическими способностями сама их сочиняла! Ведь своим характером и поведением Разифа совсем не была похожа на девочку, сочиняющую стихи: она или была плаксива, или дулась и сердилась на весь мир. Надо же, какие страсти бушевали в ее девичьем сердечке!

Вот и сейчас она, забыв обо всем на свете, собирается читать ему свои стихи. И странно, и интересно.

Ты был непоседливым соседским мальчиком,
Я была девочкой-плаксой.
Мы сидели за одной партой.
Ты дергал меня за волосы, подшучивал.
А я,

Я плакала.
Ты был художником,
У тебя была большая мечта.
Но нарисовать меня
У тебя не хватило красок.

Теперь ты далеко,
И я уже не девочка-плакса.
Пускай я не рядом с тобой,
Моя душа всегда с тобою.

Окуни свою кисть
В мои слезы.
Не рисуй меня,
Но помести мой образ в свою душу!..

Мухаммет сразу понял, что стихотворение было шероховатым. Вернее, таким показалось бы это непритязательное по форме стихотворение постороннему читателю. Но Мухаммета более всего удивило то, как читала Разифа, — каждая строчка, каждое слово словно выходило из самого сердца!

Ты был непоседливым соседским мальчиком,
Я была девочкой-плаксой...

Совершенно простые слова были сказаны так, что Мухаммета окатило жаром и холодом одновременно. Словно его в одно мгновение перенесли в школьные годы! Совсем обычные слова. Но...их сказала Разифа! Его одноклассница Разифа! И она сказала их Мухаммету! Может быть, именно потому слова эти казались такими особенными!

О Господи! Нет ничего прекраснее в этом мире, чем перенестись в детство! Состояние, которое испытал Мухаммет, было непередаваемым, — он словно бы «пожил» немного в своем ушедшем отрочестве. Разумеется, все это было не десятки лет назад. Прошло всего-навсего десять лет. Но каждый прожитый день, несмотря на масштабы времени, все равно память. А если этот день был прекрасным, то он и запоминается крепче и вспоминается с особым наслаждением.

Заблудился ты в лесу
И не нашел обратной дороги.
И я тебя не смогла спасти,
Обманулся ты, парень, обманулся!..

О чем это она? О ком, о каком парне пишет Разифа?

Спросить об этом у самой Разифы ему было неловко. Более того, такой вопрос свидетельствовал бы о крайней степени невежества спросившего. Ведь он и сам человек творческой профессии: хотя у героев художественных произведений и бывают прототипы, но ни один герой не бывает точно списан с натуры, и собирательный образ, в данном случае ее «парень», видимо, должен восприниматься как поэтический образ...

Не успел Мухаммет все это додумать до конца, как Разифа подняла на него свои большие внимательные глаза и спросила:

— Не хочешь узнать, о ком идет речь?

Мухаммет чуть усмехнулся, но раз Разифа сама хочет сказать, то почему бы не узнать имя этого человека? И он кивнул.

— О тебе...

Мухаммет чуть шевельнулся.

— Как это? Я ни разу не заблудился в лесу.

— Заблудился. Но ты понимаешь это в прямом смысле. В данном случае заблудился в переносном смысле. А лес — это и вправду лес.

— Но я все равно не понимаю, Разифа...

Неожиданно женщина засмеялась, словно ей стало щекотно. Мухаммет почувствовал, что это не был смех легкомысленный и непринужденный. Этот смех был странный, с надрывом, словно смеялась измученная душа. И еще одно понял Мухаммет: вскоре этот смех вполне мог смениться истерикой с заламыванием рук и вырыванием волос. Так и случилось: мгновение спустя женщина начала плакать и причитать:

— Ты всю жизнь не понимал. Делал вид, что не понимаешь! Мы десять лет сидели с тобой за одной партией. Как бы я ни старалась, ты меня не замечал и знать не хотел! Бежал к своей дикарке — лесной девице! И теперь вот ходишь неженатый, ее ждешь! Ты слепец! Совсем не разбираешься в людях!

Вот такие обидные слова выкрикивала Разифа сквозь слезы.

Мухаммет словно окаменел. Да, да, он не знал, что сказать и как утешить эту замужнюю женщину! Ведь перед Разифой он ни в чем не виноват! Ну хорошо, было такое, где-то в девятом или в десятом классе он как-то пару раз проводил ее. Они случайно вместе вышли из клуба. Разифа сказала тогда, что боится идти одна, и он проводил ее до ворот. На следующий день пошла молва: Мухаммет ходит с Разифой. На второй день в сиденье его парты кто-то вбил гвоздь. На третий день на его парту пролили чернила. В тот же день по дороге из школы он до крови подрался с одноклассником Самигуллой. Сейчас уже забылось, но, кажется, тот сказал что-то оскорбительное. Их, барахтавшихся в дорожной пыли, едва разнял Бари. Вот и все, что осталось в памяти.

Вначале, правда, Мухаммету даже казалось, что он влюблен в Разифу. Но очередная встреча с Гульчачак начисто вытеснила это чувство.

Надо же, Мухаммет уже забыл об этом. А Разифа, оказывается, восприняла все это всерьез!

Он вдруг почувствовал себя виноватым перед ней, ему искренне было жаль эту плачущую навзрыд женщину. Мухаммет пересел к Разифе и, желая утешить ее, положил руку на ее плечо. Подобно рухнувшему дереву, женщина упала ему на колени, а потом, выпрямившись, крепко обняла за шею.

— Мухаммет, я понимаю: все позади, осталось в прошлом. Но я хочу от тебя ребенка. У меня уже есть сын. Ему семь лет. Второго я хочу от тебя! Мне нелегко говорить об этом. Но что делать?.. Все знаю, все понимаю. Мой поезд давно ушел. Ради Бога, не отказывай мне. Я всю свою жизнь буду радоваться на этого ребенка — твоего ребенка, и смирюсь со своей судьбой. Пожалуйста, Мухаммет!

Он попытался освободиться от ее рук и привести женщину в чувство.

— Что ты говоришь, Разифа! У тебя же есть Самигулла! Он только что купил новую машину. Он любит тебя. У тебя же все в жизни хорошо, Разифа!

Женщина вдруг перестала плакать, но руки с его шеи не убрала.

— Жизнь у меня неплохая. Муж зарабатывает. Здоровый сын растет. И на ферму в четыре утра я не бегаю. Работа чистая. Специальность, которую люблю. Все так, Мухаммет! Но!.. Но чем заполнить пустоту в душе? Я ведь вышла замуж не по любви. А от безвыходности, чтобы не оставаться старой девой. Только когда поняла, что не смогу оторвать тебя от твоей дикой Гульчачак. Не нужны мне дорогие платья и шубы, которыми задаривает Самигулла! Пропади он пропадом со своим тряпьем! Я любви хочу, очень хочу, Мухаммет!

— Успокойся, Разифа! Достаток в жизни — это счастье для женщины. Во всяком случае, я так думаю!

— Ах, Мухаммет, как мало ты еще знаешь! Если хочешь знать, я даже храп его ненавижу!

И она снова заплакала.

— Я несчастливая женщина. Я чувствую себя бездушной куклой, наряженной в дорогие платья и шубы! Я так мечтала родить от тебя ребенка, он стал бы моим утешением на всю оставшуюся жизнь!..

Женщина вдруг разжала объятия, встала с дивана и, поправляя на ходу волосы, направилась в ванную. Дверь за ней закрылась, и оттуда послышался шум воды.

Мухаммет продолжал сидеть без движения в уголке дивана — он все еще не мог прийти в себя. Плеск воды будто отрезвил его. Он сделал движение, чтобы встать. Но диван был как магнитный, он никак не хотел отпускать его, а может, это придавил тяжелый камень, вдруг откуда-то возникший в сердце.

Разифа вышла из ванной совсем другим человеком. Теперь это была спокойная и холодная женщина. Ее словно подменили, даже от ее голоса теперь веяло холодом:

— Стихи, которые я тебе читала, были написаны еще в десятом классе. Они, можно сказать, полусырые. А вот эти... эти новые, — и она достала из сумки еще одну такую же толстую зеленую тетрадь. — Не мог бы ты передать их в какую-нибудь редакцию? У тебя, наверно, много знакомых? Я ведь никого не знаю.

Мухаммет взял тетрадь и положил ее на тумбочку возле зеркала.

— Конечно передам. Обещаю.

— Ладно, Мухаммет, теперь ухожу. Я отняла у тебя время, не сердись!

Мухаммету захотелось утешить ее какими-нибудь теплыми словами, может быть, даже извиниться перед ней. Это желание стало вдруг настолько сильным, что он даже вскочил с дивана, но нужные слова не нашлись: он просто безмолвно застыл перед Разифой. Женщина, видимо, поняла его желание и сама помогла ему выйти из этой ситуации:

— Не надо, Мухаммет, не утешай меня! Я уже успокоилась. Я ведь женщина: остываю так же быстро, как и вспыхиваю. Не утешай!..

— Разифа!..

Женщина прикрыла его рот рукой.

— Нет, Мухаммет, пожалуйста, не говори ничего. Но и не будь слишком наивным. Тебя же обманывают! Я не могу не сказать тебе об этом. Знай: твоя Гульчачак уже давно не цветок. Она смеется над тобой. Будто бы ждет, когда ты закончишь картину, посвященную ей! Она же подлая! Этот цветочек уже давно сорван! А ты ведешь себя, как ребенок.

Все это Разифа проговорила очень быстро, а потом схватила сумку и рванулась к двери. Мухаммет остался стоять посреди комнаты ошарашенный, словно его ударили дубиной по голове. Очнулся он то ли от щелчка открываемой двери, а может, просто сказанное Разифой наконец-то дошло до его сознания. Ринувшись за женщиной, он перехватил ее за локоть прямо в дверях.

— Это правда? Откуда ты знаешь?

— Ах, Мухаммет, чего только не знают женщины. Одна из них, Гульюзум, нагуляла же себе ребенка! Неужели ты думаешь, что ее сестрица далеко от нее ушла?

Мухаммет со стуком захлопнул дверь, одной рукой все еще крепко держа Разифу за локоть.

— Все это сплетни!

— Ха! Сплетни! — она некрасиво усмехнулась. — Для тебя, может быть, и сплетни!

Кипя яростью, Мухаммет затащил женщину в комнату.

— Поклянись!

— Почему это я должна клясться из-за какой-то шлюхи?

Мухаммета сотрясала мелкая дрожь, а тело пылало, как в огне.

Он подтащил женщину к дивану и грубо опрокинул ее. Та попыталась сопротивляться и хотела встать, но Мухаммет не позволил и с каким-то садистским удовольствием сорвал с нее одежду.

На кухне оглушительно засвистел чайник!..

Вечером, уходя, Разифа обернулась в дверях и сказала:

— Мне Бари сказал. Не обижайся. Прости меня, милый!

До прихода детей оставался почти час.

А Бари все не появлялся. Впрочем, Мухаммет уже начинал догадываться, что Бари вовсе и не думал к нему заходить, а Разифу прислал специально. Бари был не только умелым председателем колхоза, но и очень опытным и тертым мастером интриг и махинаций в сфере человеческих отношений. Не он ли выдумал сказку-сплетню о «цветке» Гульчачак? Никто не знает, какие мысли роятся в голове у Бари Акберова! Что вы хотите от человека, который собрался перенести Байтимер с подножия холма, где он благополучно просуществовал десятки лет, на его вершину! Этому человеку предстоит немало потрудиться и поинтриговать, прежде чем он достигнет своей цели!

Мухаммету все это чуждо и непонятно, он — человек творчества, Господь Бог щедро наградил его талантом, и Мухаммет живет в своем мире, отрешившись от суеты окружающего; все остальное его мало касается, он из тех людей, которые с радостью возьмут солому вместо сена и будут счастливы.

Завтра день будет облачный...

Картина «Лес» наконец-то была закончена. Вначале она называлась «Лесная девушка». Но когда о ней узнали окружающие и картина попала в центр всеобщего внимания, Мухаммет «обрезал» часть названия, и остался только «Лес».

Больше всего ему сейчас хотелось показать «Лес» Гульчачак, подарить его ей и сказать: видишь, я сдержал обещание, твой лес давно razoren и уничтожен, а я сохранил для тебя тот, твой, лес, в котором ты выросла и который был жив еще десять лет назад. Но как теперь пойти к ней?! После всех этих ужасных слов, которые сказала Разифа? А что, если это просто сплетня? Какую только ложь ни родит этот серый мир, переполненный подлостью и хитростью!

Прежде всего Мухаммет решил переговорить с Бари и начал собираться в деревню. Но свидеться им было суждено в городе: полумертвого Бари привезли в больницу в город.

Получив известие о его болезни, Мухаммет пошел в больницу: друг лежал в реанимации, и к нему не пускали. Потоптавшись немного у двери, Мухаммет решил узнать хотя бы о состоянии друга, а потому разыскал заведующего отделением. Заведующий отделением реанимации — мужчина сорока — сорока пяти лет, богатырского телосложения и с залысынами на лбу (судя по табличке, висевшей на двери, его звали Виктор Саматович Ибрагимов) — ничего определенного о состоянии Бари сообщить не смог:

— Пока ничего сказать не можем. Он пока в коме, — сказал он, мешая татарские слова с русскими, и, как бы в подтверждение сказанного, пожал плечами.

— А кто привез его в больницу, Виктор Саматович?

Мухаммету не хотелось уходить, не разузнав хотя бы что-нибудь, а потому он был настырен.

— Я разговаривал с его братом. Он был здесь. Кстати, он сказал, что к часу снова подойдет.

Это сообщение Мухаммета устроило. Значит, Хади где-то поблизости. Поблагодарив заведующего отделением, Мухаммет вышел в коридор. Снова пришлось топтаться возле двери. Пожилая сестра милосердия (правильнее было бы сказать старуха милосердия, потому что грузная старуха пенсионного возраста, шагая по коридору, качалась из стороны в сторону, чуть на касаясь стен, — так тяжело ей было передвигаться — видно, устала от тяжелой больничной работы или, может, просто утомилась после дежурства) дважды пыталась его выгнать, но гренадерский рост, хорошая одежда и холеная черная борода Мухаммета оказали на бабку сдерживающий эффект, и она не рискнула довести дело до конца. К тому же Мухаммет приятным баритоном сообщил ей, что дожидается здесь Виктора Саматовича. «Старуха милосердия» успокоилась и больше не приставала.

Кто-то заметил, что от врачей и учителей всегда ждут чуда, а когда оно совершается, никто ему не удивляется. Не успел Мухаммет подумать: «Хорошо еще, что успели привезти в больницу», как в дверях показался дядя Хади в накинутом на плечи белом халате. Они тепло поздоровались, но разговор почему-то не клеился: было видно, что Хади очень нервничает за брата, и все его переживания были написаны на лице.

— А что случилось с Бари?

— Да кто ж его знает! Его нашли в лесу. Он лежал лицом вниз на муравьиной куче в 40—50 метрах от машины. На теле ни одной раны, ни одного ушиба. Только он сам знает, что произошло, но пока в сознание не пришел.

Странно. Что же могло с ним приключиться? Ведь совсем недавно он способен был горы свернуть!

— Ну, зачем в лес поехал, это понятно. У марийцев купил делянку для колхоза. А вот почему он потерял сознание...

Ближе к обеду появилась медсестра (толстую старуху сменила миловидная молоденькая девушка) и сообщила, что больной открыл глаза и начал разговаривать. Девушка сказала, что, открыв глаза, Бари

сразу превратился в совершенно здорового человека. Пока посетителей к нему не пускают. Однако, если состояние больного будет стабильно хорошим, обещали к вечеру перевести в обычную палату, где его можно будет проведать.

Мухаммет пригласил Хади к себе, надо было провести время до вечера, когда можно будет снова прийти в больницу. Хади согласился, к тому же в городе, кроме его ученика Мухаммета, других близких людей у дяди Хади не было. Он сразу заметил, что Мухаммет (тот самый мальчик, который на уроках рисования перемазывался краской до кончика носа), теперь превратился в серьезного человека, изменилось не только поведение, но характер и мышление. Видимо, учеба в Петербурге оставила свой след. Ни за что не узнаешь в нем того простого деревенского паренька!

Выйдя из ворот больницы, Мухаммет сразу остановил машину. Ехали через Танкодром и Вишневого. «Если состояние Бари улучшится, надо будет заглянуть в мечеть...» — сказал дядя Хади.

Слово «мечеть» в устах учителя не удивило Мухаммета, так как он знал: в последние годы дядя Хади увлекся шамаилиями. Лет семь-восемь назад он женился на казанской девушке и теперь они в Байтимере растят маленького сына. Жена — врач с высшим образованием — работает в сельском медпункте простым фельдшером.

Пятиэтажная «хрущевка», в которой жил Мухаммет, окружена узорчатой металлической решеткой. В ней есть двое ворот: одна — для пешеходов, через другую заезжают машины. Мухаммет сначала хотел забежать в ближайший магазинчик, но, подумав, что это будет некрасиво по отношению к гостю, решил сходить позже и повел дядю Хади прямо домой.

Подниматься по лестнице на пятый этаж — не особо приятное развлечение, особенно по утрам. Во-первых, на траве возле подъезда валяются во множестве использованные шприцы, а на лестнице при каждом шаге под ногами скрежещут осколки от пивных бутылок. А ведь в этой древней хрущевке большей частью живут старики да старушки. И тот, кто не дурак, поймет, что шприцы выбросили сюда не врачи «скорой помощи», приезжавшие по вызову местных старичков. Просто вечерами во дворе и возле подъездов собираются молодые ребята и девчонки. Наркомания поразила Казань со скоростью молнии и уже успела превратить молодое поколение в полунвалидов!..

Известная французская певица Эдит Пиаф как-то сказала, что очень быстро наступает момент, когда ты колешься не для того, чтобы стало хорошо, а для того, чтобы не стало плохо. Оказывается, она тоже страдала от этой напасти...

Политики и государственные лица, увлеченные грязными играми и забывшие о реальной жизни, — как они собираются защищать свои семьи и своих дочерей и сыновей от этой катастрофы — наркомании?!

Однажды на каком-то банкете один разгоряченный госчиновник в порыве неумеренного хвастовства, бия себя в грудь, проговорился нечаянно: «Моего богатства хватит даже на внуков моих внуков! И так уж поседел весь, забота о благе народа!» Тогда один из знакомых писателей, сидевший возле Мухаммета, попыхивая сигаретой, его осадил: «Если твой сын или дочь подсядут на иглу, твоего богатства не то что внукам не достанется, ты, брат, не почувствуешь даже, как с тебя снимут последние штаны!» А ведь и правда, наркомания подобна вирусу, передающемуся по воздуху!.. И от нее нельзя защититься, запретив детей и внуков в шикарных коттеджах, все равно настанет день, когда придется открыть хотя бы окно! Поэтому ты, дядечка, пока власть в твоих руках, должен всячески бороться против этой чумы. А если, господин чиновник, в самоотверженных думах и заботах об интересах народа ты совсем зачерствел, и сердце твое перестало отзываться на чужое горе, хотя бы подумай о своих детях и внуках!

Со временем Мухаммет понял: ничто не появляется просто так, ниоткуда. Когда, думая о перестройке общества, Горбачев открыл настежь ворота страны, в Россию хлынули всяческие беды и напасти. Но корни этой катастрофы лежали гораздо глубже и уходили в прошлое.

Когда-то дядя Хади вдалбливал в их головы некоторые положения учения Шопенгауэра и Ницше, а теперь вот Мухаммет и не заметил, как прочитал своему учителю целую лекцию о наркомании, пока они поднимались вверх по лестнице.

После окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты Америки развернули против Советского Союза холодную войну. Их целью было разложение СССР и порабощение нашей страны. С помощью Горбачева они достигли своей цели спокойно и мирным путем, как это и свойственно евреям. Сейчас уже каждому известно, о чем мечтал главный стратег Америки Даллес в 1945 году.

«Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу

трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания...

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением... исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности... В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство... Национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов».

Обо всем этом Мухаммет коротко рассказал своему учителю, который осторожно шагал по ступеням, стараясь не наступить на осколки. Оказалось, что дядя Хади и сам достаточно сведущ в этой области.

— Страну, в которой веками правили русские, обставили в два счета! — сказал он с горьким вздохом.

Тема разговора была грустной, а потому и восхождение на пятый этаж показалось мучительным и тягостным.

— Даже Гитлер за четыре года войны не смог завоевать нашу страну. А когда повеяли «горбачевские» ветры, нас покорили без всякой войны!

— Да уж, — поддержал его учитель. — Кто бы мог подумать, что это окажется так просто...

Они оба слишком хорошо представляли себе сегодняшнее политическое и экономическое положение общества.

Что вообще представляет собою завоевание одной страны другой мирным путем? Если говорить упрощенно, то страна-завоеватель постепенно душил экономику покоренной страны. Население поработенной страны лишается возможности что-либо производить, и вынуждено теперь лишь потреблять низкосортную продукцию, навязанную ему завоевателем. Иначе говоря, преумножать богатства своего врага!

У этой проблемы есть и другая сторона. Она еще более опасна и бесчеловечна. Речь идет об уничтожении культуры и духовного наследия. То есть страна-победитель насаждает в покоренной стране наиболее бесцветную и неприглядную часть своей культуры, тем самым отравляя мозг, ожесточая сердце и душу народа-раба. Вы только посмотрите на тот хлам, что поступает к нам с Запада и из-за океана! Чего только нет! Секс, убийства, порок, грязь и — самое страшное — наркомания!

Добравшись до площадки между вторым и третьим этажами, учитель с учеником остановились. Сегодня было воскресенье, а потому в подъезде не убирались и последствия ночных событий были налицо. Мусорные баки были полны пивными бутылками и использованными шприцами...

Картина представилась безобразная, и в то же время было бесконечно жаль эту неприкаемую и бестолковую молодежь. Хади прислонился к оконному косяку и устремил взгляд на улицу. Напротив окна росла одинокая береза, — посаженная давно, она уже дотянулась жизнерадостной ярко-зеленой кроной до пятого этажа.

Однако береза не отвлекла его от недавнего неприятного разговора и тяжелых мыслей. Он перевел глаза на Мухаммета, удрученно стоявшего у противоположного края окна.

— По телевизору день и ночь крутят наркофильмы и боевики. Мой маленький сын должен смотреть грязный секс! Что я могу сделать? Допустим, я демонстративно выключу телевизор. Но это же не решит проблему. Соблазн останется, потому что естественный интерес у ребенка выключить нельзя, это же не телевизор. Остается один путь — соответствующим образом комментировать происходящее на экране. Но кто же в состоянии объяснить это безобразие?!

Если дела и дальше пойдут так, то, ей-богу, через десять-пятнадцать лет мы будем иметь абсолютно развращенное поколение. Ты же видишь, они уже сейчас размножаются почище тараканов. Вскоре

молодежь начнет удовлетворять свои сексуальные потребности прямо на улице, за помойными баками, подобно бродячим собакам!

Сам того не желая, Мухаммет выругался. Ругань делу не поможет, он хорошо это понимал, но сердце облегчить порой способно. Утром, уходя из дома, он и не обратил особого внимания на безобразие, творившееся в подъезде, — уже привык, — и хладнокровно прошагал прямо по бутылкам. Но сейчас ему вдруг стало ужасно неудобно перед Хади, перед своим учителем и односельчанином. Словно он натворил все это, а теперь оправдывается, ссылаясь на происки Запада и прочее. Однако Хади все это принял близко к сердцу и загорячился. Теперь даже Бари был на время забыт.

— Резкое наступление западной и заокеанской культуры особенно опасно для нас, татар! Как может нация, которая и так уж с превеликим трудом выживала под подолом у русских, сохранить свои древние обычаи и традиции, и как ей воспитывать теперь своих детей?

— Мы — нация, живущая под каблуком у русских, — мрачно заключил Мухаммет и замолк.

— Кстати, в какой стадии твоя картина «Лес»? Самого леса практически уже не осталось. Хорошо бы сохранить его хотя бы на полотне.

В голосе Хади слышались горечь и скрытая боль, но Мухаммету не хотелось сейчас обсуждать эту тему.

— Опять эта картина! — вздохнул он. — Она готова...

Они уже подошли к двери его квартиры. Радио работало на полную громкость, и, входя в дверь, они услышали голос диктора, читавшего прогноз погоды на завтра. «Завтра день солнечный...»

«Солнечный, как бы не так! День и завтра будет облачным! Как и сегодня. Прежде чем зачитывать прогнозы синоптиков, ты бы хоть соизволил выглянуть из окна на улицу. Весь мир затянут облаками!» — вздохнул Мухаммет, вступая с диктором в молчаливый спор.

Сукин сын...

Когда Бари пришел в сознание, и состояние его стало стабильным, Хади уехал в Байтимер. А у меня появилась привычка ежедневно навещать друга по утрам. Врачи, предполагая у него невроз, решили оставить Бари еще на неделю, чтобы подлечить. Не обошлось и без вмешательства высокопоставленного лица, — Ханиф Хатыпович одним телефонным звонком перевел Бари в престижную комфортабельную палату. Так что во время моих посещений у нас теперь была возможность свободно разговаривать, — никто не мешал. А сосед Бари по палате — пенсионер, соскучившийся по общению, — оказался на редкость хорошим собеседником. Всю свою жизнь он преподавал в университете научный коммунизм и атеизм. И сейчас продолжал оставаться на государственной службе: работал консультантом по религии и являлся членом Центрального совета Татарстана по строительству мечетей. Почти все время сосед проводил, лежа навзничь на кровати и подвешенный на ремнях. Неизвестно, какая болезнь его поразила: то ли остеохондроз, то ли это стало результатом защемления нервов в позвоночном столбе, но, когда поясница перестала разгибаться и все тело оказалось согнутым вперед, он вынужден был лечь в больницу. Как метко заметил сам сосед, его тело, подобно научному коммунизму, однажды вдруг взяло и застыло в одном положении. Вот таким жизнерадостным и остроумным человеком оказался Сабит Садыкович.

Когда я прихожу к Бари, то успеваю только спросить его о здоровье. Потому что сразу же к нашему разговору присоединяется Сабит Садыкович, и пошло-поехало. Вместе с женой они вырастили двоих сыновей. У жены больные ноги, но раз в неделю она обязательно приходит навесить мужа, а сыновья и знать не знают отца, впрочем, рассказывать что-либо о них Сабит Садыкович и сам не хочет. И когда разговор случайно выходит на них, старается мягко повернуть беседу в другое русло.

Когда я вошел в палату, Бари слушал радио, стоящее у него в головах, а Сабит Садыкович читал газету и время от времени шумно смеялся, фыркая, как лошадь. На соседней койке лежит крышен Василий, он устремил глаза в потолок и о чем-то думает. Видно, что лошадиное фыркание Сабита Садыковича ему совсем не нравится, эти звуки неожиданны и каждый раз заставляют Василия вздрагивать, но он никак не может решиться сделать соседу замечание: Сабит Садыкович умеет складно и интересно рассказывать, слушать его — одно удовольствие! Потому-то и приходится терпеть. А что делать?..

Из уст Сабита Садыковича он впервые в своей жизни услышал слово «масон». Сначала оно послышалось ему как «масло». Ведь в эту организацию принимают только самые сливки общества! А сливки и масло — ближайшие родственники, разница небольшая! Так что не удивительно, что «масона» он перепутал с «маслом».

— Вы только послушайте! — сказал Сабит Садыкович и, не дожидаясь ответной реакции, начал читать вслух: — К умнейшей и хитрейшей нации ты принадлежишь, Хакимов, то есть татарской, говорит о татарине один из героев Виктора Астафьева. А в другом месте те же слова другой герой

говорит о евреях. Видите, не любит известный русский писатель татар. Он и евреев не любит, но побаивается. «Умнейшая и хитрейшая нация», и причем похожи на евреев. Хе, это вообще-то интересно. И правда тут есть. Мы и в самом деле умнейшая нация, как евреи. Может, еще и поумнее их будем. Короче, как говорят чуваша, «польно умный». И живем, хоть в кабале, но на своей земле — в Татарстане. У нас есть свои культура, язык, религия. У евреев всего этого ведь нет! Они косят под русских. Я, кстати, совсем не имею в виду унижить эту нацию. Это народ особый, талантливый. Взять хотя бы нашего врача, Бермана. Такой хороший врач один на весь Татарстан! Его родной брат работал у нас на соседней кафедре, читал философию. Так послушать лекции этого Михаила Израилевича собирался весь институт, негде было яблоку упасть.

Тут Сабит Садыкович был вынужден прерваться, — в палату вошел сам Александр Израилевич Берман.

Александр Израилевич был среднего роста и с абсолютно седой шевелюрой — густой и без единого черного волоса. Его волосы к тому же и курчавились. Картину довершали карие глаза, толстые губы и ястребиный нос: он не был столь острым, но крючковатость в нем чувствовалась. Со стороны профессор выглядел очень серьезным, но рядом с больным он совершенно преображался. После того, как профессор несколько минут посидит рядом с больным, поспрашивает его, даст рекомендации, состояние пациента заметно улучшалось, создавалось ощущение, что от врача — то ли от его глаз, то ли от рук — исходит какая-то положительная энергия, обладающая целебной силой. Вот и в этот раз, поздоровавшись отдельно с каждым в палате, профессор подошел сначала к кровати Бари (поскольку это была платная спецпалата, то он дважды в неделю сам посещал больных). Я, извинившись, хотел было выскользнуть в коридор, но профессор остановил меня. Сам он присел на табурет, стоящий рядом с кроватью.

— Ты, парень, не беспокойся! Скоро домой поедешь. У тебя душа изнурена. Твой дух устал. Потому что в последнее время ты не старался развивать его и обогащать. Душа — бессмертна. И необходимо постоянно подпитывать ее энергией. В противном случае она покинет тебя. То, что в тебя заложено при рождении, и твоя индивидуальность оказывают непосредственное воздействие на твою жизнь. Ты читал Гёте? Он писал:

На земле есть рабы, народы и победители,
Но источник безграничного счастья — в самом человеке...

Здоровый бродяга во много крат счастливее больного короля.

Духовно богатый человек не станет искать в этой жизни дешевых развлечений. Ему и так интересно жить. Знаешь, что сказал Сократ? «Если подумать, то в жизни есть много вещей, совершенно мне не нужных!»

Ну, ладно, что-то я разговорился. Ты умный парень, и сам сообразишь, что к чему. Тебе нужен душевный покой, понял? Если есть девушка по сердцу, то неплохо бы и жениться.

Последние слова профессора развеселили меня, и я невольно рассмеялся. Бари тоже улыбнулся краешком губ и бодро сказал:

— Спасибо, профессор! На моей свадьбе вы будете сидеть во главе стола!

На чистейшем татарском языке профессор ответил:

— Алла боерса! — Лицо его было довольным, а глаза смеялись.

Когда за профессором закрылась дверь, язык Сабита Садыковича замолотил с прежней силой. Тело его было перетянуто ремнями, а потому он слегка приподнял голову и сказал:

— Умнейший человек этот профессор! Но, знаете, говорят вот, что евреи защищают друг друга и поддерживают. Наши татары тоже такие. Не в Казани, конечно, а в диаспоре. На чужбине татары друг за друга горой стоят! И, наоборот, немало фактов свидетельствуют о том, как евреи уничтожали друг друга. Вспомните Троцкого и других. Как они расправлялись с неугодными себе соплеменниками! А все-таки евреи стоят выше татар! Спросите, почему? Поясню. Я уже сказал, что в диаспоре татары поддерживают друг друга. А для евреев, у которых нет родины, любая точка на земном шаре — это диаспора. Родина для еврея — это диаспора! Но это еще не все! Самые умные представители этой нации состоят в масонской ложе! Вот откуда их сила! Если бы наши татары когда-то вошли в такие ложи!!! Эх!.. Знаете, как все теперь было бы?!

Закончить Сабит Садыкович не успел: вошла медсестра, развязала ремни и увела его на процедуры.

Не соглашаясь с последними словами Сабита Садыковича, я крикнул ему вдогонку:

— Да видел я их, когда учился в Петербурге! Все беды и несчастья на земле от этих масонов!

Ответить мне он уже не успел.

— Веселый старик, — прокомментировал Бари. — Сегодня он рассказал кое-что о своих сыновьях. До сих пор ни слова о них не говорил. Дурной сон ему приснился, беспокоится. Сокрушался, что всю жизнь преподавал научный коммунизм, а в собственной семье порядок установить не сумел. День и ночь работал, чтобы дети ни в чем отказа не знали. И что в результате? Женились на близнецах —

дочках какого-то влиятельного чиновника. Избалованные девицы обе вскоре стали наркоманками и мужей заразили этой чумой.

Я тяжело вздохнул — сказать было нечего.

— Сегодня опять пасмурно, кажется? — спросил Бари, поглядев в окно. — Ночью хорошо спал. Без сновидений... — И повернулся ко мне: — Профессор — хитрый старик. Вчера спрашивает: много ли я пью водки? Я отвечаю, мол, когда приходится выпивать, то бутылку, но от нее у меня ни в одном глазу. Он спрашивает: а часто ли приходится? Ну, я правду, конечно, не сказал, ответил, что раза два в месяц. Наверно, он интересовался, не белая горячка ли у меня. Как же, белая горячка! Я сказал, что нам приходится пить плохую водку. После нее, мол, всякая чертовщина чудится. Сами-то они хлещут чистый спирт!..

Василий вышел покурить. Мы остались вдвоем с Бари, теперь можно было поговорить. Не дожидаясь расспросов, Бари заговорил сам:

— Знаешь, брат, в тот день в лесу я увидел нечто странное. Я видел волка с человеческой головой!

— Да брось ты! Наверно, выпил плохой водки, как ты сам метко заметил!

— Нет, в тот день я вообще не пил. И накануне тоже.

— И что же тогда это было?

— Ты, пожалуйста, никому ни слова об этом, ладно? Я даже брату Хади не сказал.

Я видел, что Бари не шутит. Но как может встретиться такое существо в этом разоренном и растерзанном лесу?! Оттуда уже и нормальные волки, наверно, давно ушли.

Некоторое время Бари сидел неподвижно, уставившись в окно, затем вздрогнул и, облизнув пересохшие губы, повернулся ко мне:

— Знаешь, Мухаммет, я, кажется, видел Пирата. Помнишь нашего Пирата? Видел не в последний раз, а перед этим. Он превратился в волка. А может, это был сын Пирата. Я думал, что он давно где-то пропал. Он ведь тогда не вернулся из леса. Я избил его, и он обиделся на меня. Он всегда был похож на волка. Ты помнишь?

— Помню, — ответил я, восстанавливая в памяти события давно ушедших лет, вернее, вспоминая своего вертлявого песика по кличке Сигнал, и Пирата — помесь собаки с волком.

— Это был Пират. Или его сын! У меня не было с собой ружья. Он, словно почувствовав это, шел за мной до самой опушки леса. Хорошо еще, что мотор не заглох.

— Ладно, — сказал я, соглашаясь с ним, — допустим, это был Пират. Помесь собаки с волком тоже не редкость, может, это был сын Пирата. А что тот волк, с человеческой головой?..

— Не знаю, — Бари пожал плечами и удивленно уставился на меня. Мол, как ты сам мог бы это объяснить? А потом добавил:

— На теле волка... знаешь, это даже была голова не взрослого человека. Это ... это была голова ребенка.

— Чушь! — сказал я и, резко встав с места, подошел к окну.

Облака постепенно расходились, открывая местами синеву неба.

— Чушь! — повторил я, развернувшись к безмолвно сидящему на кровати Бари. — Тебе, брат, наверняка все это почудилось от горя. Тебе привиделся твой пропавший сын. Профессор правильно говорит, у тебя душа утомилась...

— Все это не чушь, друг мой. Я не бредил, и это мне не приснилось.

— Ты точно в тот день не был пьян?

— Точно, точно, я был совершенно трезв. Прямо перед этим я еще заглянул к Гульюзум...

— А может, ты был в жутком похмелье. В этом состоянии мало ли что может привидеться. У меня, например, однажды было такое. С вечера выпил сильное снотворное. Ночью проснулся от кошмара: будто бы наш лес горит, а мы с Гульчачак остались в этом пламени. Я даже щипал себя, чтобы проснуться. Болезненно, все нормально, не сплю. Так что и такое, брат, бывает.

— Нет, нет! — возразил Бари. — В те дни я, конечно, был очень уставший, не спал две-три ночи кряду. Пожаловался, помню, жене брата Хади. Вечером она мне сделала какой-то укол. Но я все равно не смог заснуть. Ворочался, ворочался на постели, а потом решил до раздачи нарядов съездить в лес. Встретил Гульюзум — она возвращалась от своих лошадей, заметила издали мою машину и подождала меня у ворот.

— А что, если тебе вкололи снотворное, и ты просто бредил во сне? — спросил я, не желая признавать возможным невозможное.

— Не знаю, — вновь пожал плечами Бари. — Но до этого я же видел Пирата, превратившегося в волка. Значит, он меня караулит! Я этот лес уничтожу, Мухаммет! Вот начнем переносить деревню, понадобится много стройматериалов. А в долине, на месте, где сейчас стоит Байтимер, я посажу новый лес!

— Как же ты уничтожишь этот лес, Бари, если он тянется до самой тайги! К тому же, за Илетью лес принадлежит марийцам...

— И с мариЙцами найдем общий язык. Если понадобится...

Наш разговор прервал вернувшийся Василий. Он как-то особенно посмотрел в мою сторону и лег на свою кровать. А потом пробормотал, ни к кому в отдельности не обращаясь:

— Да-а, брат, живем себе и ничего не знаем!

Ни я, ни Бари не обратили на его слова особого внимания, нас занимала тема нашей собственной беседы. Однако в присутствии постороннего человека продолжать уже было невозможно. Василий, похоже, не понял нашей реакции, а потому, приподнявшись с подушки, обратился непосредственно ко мне:

— Ты... Вы ведь художник, не так ли?

— Да, — ответил я холодно. Говоря по правде, сейчас мне совсем не хотелось откровенничать с ним. А потому ответ мой прозвучал несколько грубовато.

Вообще-то у меня не было никаких оснований относиться к этому человеку плохо. Я немного знал и историю его болезни: у него расшатаны нервы. Василий работает комендантом в студенческом общежитии. В апреле он вместе с двумя студентами скидывал с крыши общежития снег. Один из ребят сорвался с крыши и погиб. Парень оказался наркоманом — в кармане у него обнаружили шприц, а Василий об этом не знал. Поэтому теперь крышен Василий то и дело любит повторять: «Если бы не выяснилось, что он был наркоманом, мое место было бы сейчас в тюрьме, а не в больнице!»

— У нас в общежитии нужно украсить один зал. Не можем найти художника.

Теперь стало понятно, почему он все время пытался заговорить со мной: ему нужен художник. Но я снова не ответил ему. Похоже, заговорить еще раз он постеснялся, а потому, скрипнув кроватью, повернулся к окну и замер.

Попрощавшись с Бари, я вышел из палаты и чуть ли не лоб в лоб столкнулся в коридоре с давешним профессором. Он остановил меня неожиданным вопросом:

— Вы закончили Петербургскую академию?

— Да, — ответил я, не скрывая удивления.

— У вас не преподавал Берман?

— Берман? Христофор Иосифович!

Лицо профессора просветлело.

— Да, да. Это мой родной дядя!

— Преподавал. По теории искусства. Он ведь к тому же и большой художник!

— Да, да, — закивал профессор. — Ну, ладно, простите меня. Я только это и хотел спросить. Но вы, молодой человек, придерживаетесь совершенно ошибочного мнения о некоторых организациях... не будем их называть, вы и сами понимаете, о чем я. Пусть это останется вашим личным мнением. Не говорите об этом никому. Думаю, что эти ошибочные суждения не послужат вам на пользу. Ну ладно, простите еще раз. Я это так просто. Забудьте мои слова, обсуждение их с третьими лицами необязательно. Непонимающих людей предостаточно. Например, рядовому коменданту разве нужна эта информация? И тот, что ко мне ходит, тоже голову только морочит. А вы... вы другой! Вы человек развивающийся! Прочитайте-ка еще раз «Войну и мир»! Кстати, в Казани есть выставки ваших работ?

Я перечислил их, испытывая страшное смущение от его слов. Заметив мое состояние, профессор дружески положил руку на мое плечо:

— Успехов вам! Я отнял у вас время! Простите меня! — и быстро пошел по коридору.

Все мое тело было мокрым от пота...

«В реке нужна щука, чтобы мелкая рыбка не дремала!» Кто это сказал? Профессор Берман?

Или... Или это произнес какой-то скрытый, тайный голос? А может, я слышал это, когда учился в Санкт-Петербурге? Знакомые, очень знакомые слова...

В Петербурге в общежитии мы жили втроем: высокий худой светловолосый парень из подмосковного села Василий Иванов, кудрявый, широколобый Абрам Соловьев из Крыма и я.

Василий время от времени, по праздникам, ездил домой и привозил нам настоящий самогон, как он выражался, — чистый, как роса, — и в тот же вечер мы обычно втроем его и выпивали. Когда самогон ударял в голову, Иванов и Соловьев непременно выходили на национальную тему, а подобные объяснения порой грозили перерасти в обыкновенную драку.

Спор обычно начинал Иванов, я же занимался преимущественно тем, что старался урегулировать разногласия и поставить в конфликте точку.

— Масоны и евреи, заявляя о том, что служат светлым идеям, на самом деле морочат народу голову!

— Почему это? Среди народов не должно быть различий! Ты вот говоришь: национальность! Причем здесь национальность! Мы вообще должны забыть о понятии национальность!

Обычно я стараюсь не вступать в их споры. Пускай дерутся и разбираются сами.

— Абрам, ну мы же прекрасно все знаем! Они специально перемешивают все нации в одном котле, чтобы ослабить их. Почему? Потому что, когда нация живет по своим законам, она сильна,

могущественна. Ей придает силу национальная идея! А в общем котле национальная идея умрет, и все останутся под башмаком евреев! Точнее, масонов...

— Ты масонов не трогай! Что ты знаешь о них? Во всех государствах самыми влиятельными и уважаемыми людьми и правителями были масоны! Они вытащили Европу из болота средневековья! Именно они защищают идею братства всех народов!

— Экономика, финансы, капитал в руках масонов и евреев. В средние века масоны были «вольными каменщиками», то есть строителями, и занимались в основном строительством храмов. А теперь они, забыв о строительных работах, занимаются накопительством.

— Всякая наука и знание, в зависимости от степени распространения, постепенно теряют свою первичную цель и подвергаются изменению. А что такое изменение? Изменение, дорогой мой, — это искажение! Такова человеческая природа!

— Это де-ма-го-ги-я, Соловей! Ты масон!

— У масонских организаций есть одна характерная черта: они никогда не выступают с открытыми заявлениями, ничего не отрицают и не отвечают на похвалы и критику. А я спорю с тобой. Значит, я не масон! Иначе это мое поведение было бы грубым нарушением масонской этики. Я защищаю истину!

— Все крупные катаклизмы на земном шаре — революции, кровавые войны, исчезновение государств, все это — дело рук интернациональных евреев и масонов! Они хотят быть выше других народов, хотят сесть им на шею и, свесив ноги, помахивать ими от удовольствия!

— Тогда ты ответь: какая партия или организация, или хотя бы народ не стремится стать выше других и занять господствующие позиции? Есть такой народ?

— Я отвечу тебе словами нашего талантливого писателя Валентина Распутина: мы, русские, не стремимся к богатству. Богатство портит людей!

— Я уважаю Распутина. Но вы оба извините меня: мне не понятна психология народа, не стремящегося к богатству и хорошей жизни! Нельзя все время жить, собирая грибы и поедая соленую капусту!

— Стремление управлять другим народом — страшное преступление перед человечеством! Чем закончилась карьера Наполеона и Гитлера? Тот же Гитлер и Сталин страшно ненавидели евреев. Сколько твоих соплеменников было уничтожено до и после второй мировой войны! Вы сами совершаете преступления против своего народа! Например, такие, как Березовский! А другие злятся на то, что капитал собран в одних руках. Чем совершать такое против собственного народа, я лучше удовольствуюсь соленой капустой. Уразов, а ты почему молчишь, ты согласен со мной?

Понимая, что вряд ли смогу легко отделаться от них, я решаюсь высказаться:

— Наверно, по-своему нужны и соленая капуста, и капитал!

Иванов повторяет слова, уже тысячу раз сказанные им прежде:

— Ну ты и хитрый татарин, Уразов!

Я машу в его сторону рукой, словно отгоняю от себя назойливую навозную муху, мол, провалитесь вы все, только меня не впутывайте!

Неожиданный поворот спора в другое русло беспокоит Соловьева, и он торопливо вступает в разговор:

— Ну хорошо, пусть будет по-твоему. Допустим, какой-то народ стремится управлять другим. Но здесь же нет никакой угрозы для человечества! Это же эволюция, закон развития общества! Без противоречий нет развития! Ведь это даже полезно, если хочешь знать! Как там говорят: чтобы мелкая рыбешка не заснула и не погибла, в реке нужна щука! Иначе заснувшую мелкую рыбу снесет течение и волны вышвырнут на берег! Вот, брат, где катастрофа!

Чуть придвинув бутылку с самогонкой к своему оппоненту, Иванов говорит:

— Давай выпьем. Налей-ка немного! Говорят, что у демагога рука легкая, как и его слова.

— Я не демагог! Если бы я был демагогом, то разве стал бы я пить твою самогонку, сделанную из куриного помета?

Кажется, Соловьев обиделся. Но его обида вовсе не означала капитуляции, и он продолжил спор:

— Итак, о мелких рыбах, Василий Петрович! Борясь против щуки, мелкие рыбки однажды окрепнут, станут сильными и перестанут бояться щуки. Так что я, если хочешь знать, тут говорю даже в твою пользу!

— Ты что же, хочешь сказать, что мы — мелкая рыбешка?

— Да я это так, для образности.

Самогон, похоже, ударил Иванову в голову, нрав его стал заметно портиться, и я, опасаясь рукопашной, опасливо приподнял с подушки голову. Но, кажется, все спокойно. Однако огромный, как кувалда, кулак Иванова тем не менее уже лежал на столе. Соловьев, парень хитрый и осторожный, кивнув на кулак, не преминул заметить:

— Между прочим, времена, когда свою правоту доказывали силой, уже миновали, друг мой. Сейчас важнее иметь острый локоток. Толкнешь кого-нибудь, он и заметить не успеет, кто ему удружил, так ведь, Мухаммет?

Слишком частые обращения спорщиков ко мне свидетельствовали о том, что пора ставить точку. Вообще-то я сильнее их. И если меня разозлить, то я могу обоих разом подвесить к потолку. И они это прекрасно знают. Однако есть одна заковыка: если Иванов разошелся, его уже невозможно просто так остановить, в комнате непременно что-нибудь будет сломано или разбито, и шум конфликта будет услышан в коридоре. Вот потому-то я стараюсь повернуть тему спора в другое русло и мирным путем завершить конфликтную ситуацию.

— Что же вы, ребята, морочите себе голову ерундой? Вы же художники! Спорьте об искусстве, польза хотя бы будет.

Моя хитрость белыми нитками шита, они оба прекрасно это понимают, но всегда слушаются.

— Говорят, когда на земле родился татарин, еврей зарыдал в голос.

Это говорит Иванов от избытка дружеских чувств ко мне.

Соловьев без ответа не остается:

— Это он от радости, что на земле появился хотя бы еще один приличный народ.

Мы все радостно ржем.

— Татары? Татары и в самом деле очень хороший народ!

— Зря они в свое время не вошли в масонскую ложу. Пропадают почему зря.

А это Соловьев не удержался и еще раз ткнул Иванова локтем под дых.

«Ну вот, опять начинается!» — подумал я и шлепнул на стол перед ними репродукцию картины Пикассо.

— Давайте высказывайтесь.

Это была картина Пикассо «Герника». Пикассо написал ее после разрушения баскского города Герники. 26 апреля 1937 года фашистская авиация совершила налет на город. Из семи тысяч жителей тысяча шестьсот пятьдесят четыре человека были убиты, восемьсот восемьдесят девять — тяжело ранены. На картине как раз и были отображены эти трагические мгновения.

Я тоже лелеял мечту когда-нибудь изобразить на полотне этот безумный мир, в котором мы живем, наше общество, его прекрасные стороны и трагическую изнанку. И если первой задачей я определил себе написать «Лесную девушку» и подарить ее Гульчачак, то второй большой целью должна была стать эта самая картина!.. Да поможет мне Господь! И да сбудется задуманное ...

— Ну, а бык, что означает на картине бык? — спрашиваю я у ребят.

— Это как раз и несложно объяснить. Образ быка олицетворяет беспощадность и жестокость, — с ленцой в голосе отвечает Иванов.

Но Соловьев вновь не соглашается с ним:

— Однако бык не выглядит злым и жестоким! Пикассо нарисовал его в тот момент, когда бык готов вступить в сражение!

— А что ты скажешь об образах матери и дитя?

— Пикассо творит в жанре кубизма. И стремится изображать предметы в виде символов. Иначе говоря, испанец, живущий в Париже, садится во французскую лодку. Смятение и горе матери переданы художником при помощи изображенного острым, как кинжал, языка.

— Образ лошади, по свидетельству самого Пикассо, олицетворяет народ! — говорю я, недовольный тем, что ребята не очень активны. А ведь только что они спорили так, что слов было не разобрать!.. Впрочем, накануне они оба пропустили лекции. Берман так замечательно рассказывал о Пикассо!..

Мирно разложив по полочкам Пикассо, мы успокоились. Но бесконечные споры и перебранка Иванова с Соловьевым время от времени приходили на память и бередили душу, я пытался встать то на сторону одного, то другого, но золотой середины отыскать не мог и мучительно продирался к истине.

А ответы, оказывается, дает сама жизнь... Для того, чтобы понять это, нужны время и опыт и, разумеется, нужно почаще вглядываться в окружающую тебя действительность... Оказывается, истина не валяется за хлебом на навозной куче!..

К чему же приведет мечта Бари объединить и перемешать несколько деревень, населенных людьми разных национальностей, и основать новую деревню на вершине горы? Как будут жить эти разные народы вместе, — вернее, в этом насильственном конгломерате?

Я, конечно, догадываюсь, что подобные мысли не посещают голову Бари. У него нет никакой идеологической цели. Ему нужны движение, развитие, обновление...

Мысли о Бари и память о петербургских спорах смешались в моем мозгу. Но я нутром чувствовал: между ними есть какая-то внутренняя связь, и в данном случае эта связь вполне реальная.

Что там ни говори, но разрушилась же в одночасье такая мощная держава, как СССР?! Просто так? Потому что изжила себя? Может, это Горбачев с Ельциным ее разрушили? Или их просто использовал кто-то другой?

Разумеется, Горбачев «омолодил» Кремль. Начинать он триумфально. Обаятельный и красноречивый, он легко нашел общий язык с деятелями литературы и искусства и известными политиками, его как-то сразу полюбили. Слава президента выросла вдвое. Особое расположение к Горбачеву звезд международной политики Рейгана, Тэтчер и других, а также тот факт, что Горбачев первым из руководителей СССР вступил в неформальный клуб мировой элиты, еще более повысили его авторитет. Однако, в свою очередь, зарубежное признание Горбачева оказалось могилой для его карьеры. Потому что, чем больше его любили за границей, тем более ненавистным он становился для собственного народа.

Как Герцен разбудил декабристов, Горбачев «разбудил» Ельцина. А тот, хоть и был по характеру полной противоположностью Горбачеву, весьма успешно продолжил начатое дело разрушения. Теперь на престоле новый президент. Как бы не пришлось некоторым проливать горькие слезы, поминая добрым словом Ельцина!..

... Моя память подобна киноленте. Кадры сменяют один другой.

Соловьев:

— Миром управляют не масоны и не евреи, а невидимое Правительство, состоящее из старших братьев. Оно выше и масонов, и евреев, и всего человечества. И вся беда этого самого человечества в том и состоит, что оно этого не желает знать. Но надо хотя бы знать это. И необходимо доверять своему настоящему Правительству. Ведь оно лучше нас знает, что нам нужно.

Иванов:

— Я тебе, Соловей, отвечу одним только словом: де-ма-го-ги-я!..

Соловьев:

— Великие Новые Открытия подсказывают: светлое будущее будет эпохой духа. И в ней Золотой Телец отживающей святой расы теряет всякий смысл. «Золото земли создам из другого металла. Золотой щит непрочен», — сказал Господь. Для новой эпохи важен не золотой щит, а духовный капитал... Думающие иначе глубоко заблуждаются. Правда, пока Золотой Телец не утерял своих позиций. А значит, и в период эволюции он, возможно, не будет лишним.

Иванов:

— Масоны выступают против святой религии, ставшей плотью и кровью народа. Они пытаются создать мораль вне религии. И эта мораль должна, по их мнению, стать общей для всех народов. Знамя масонов находится в руках сатаны. И они при его помощи борются против наших религий.

Они пытаются объединить все человечество, все народы, независимо от нации, расы, религии и культуры. Утописты!..

Когда «кинокадры» памяти дошли до этого места, я вздрогнул и попытался представить себе «великое переселение», задуманное Бари, однако у меня ничего не получилось, и я только окончательно запутался. Однако вот что интересно: в голове роится тысяча мыслей и гипотез, или назовем их наблюдениями, — но однажды все это вдруг, в одночасье, укладывается в логическую схему. И ты «изобретаешь» в очередной раз колесо либо и в самом деле совершаешь свое личное — маленькое или большое — открытие. Свое собственное открытие!..

Но не влияют ли на развитие современного общества, на различные большие и малые изменения в нем, кроме законов природы, еще и другие силы, и не они ли как раз и оказывают решающее воздействие?..

Скажем, коммунизм стремился, перемешав нации в общем корыте, создать серую массу под названием «советский человек»!

А разве лозунг «Свобода! Равенство! Братство!» призывает не к тому же самому? И непременно с уничтожением всех религий!..

Перед тем, как захлопнулась дверь за уходящим веком, на совсем короткое время развязали «мешок», в котором уже давно задыхалась татарская нация. Мы почувствовали запах ветра. И смогли вдохнуть немного свежего воздуха. Но мешок снова завязали — и завязали крепко. На сколько же хватит нам того глотка воздуха?..

Впрочем, кто-то сказал, что эта жизнь — трагедия для пессимиста и комедия — для оптимиста...

...И вот тогда я, сын татарина, начал еще больше интересоваться масонами. Разумеется, я знал: неподчинение законам природы в конечном счете приводит к гибели! Но масоны почему-то существуют с эпохи феодализма?.. И вполне здоровы, даже процветают!..

А еще я, кажется, понял (конечно, только для себя), что пока не разберусь во всем этом, я не смогу далеко уйти от создания портретов передовых доярок и натюрмортов!.. Я... я... я не согласен на такую жалкую перспективу!

Может, организовать татарскую масонскую ложу? Ведь и наш народ разбросан по всему земному шару!.. И обязательно должна быть святая, прекрасная, светлая цель!..

Но увы! Даже дерево старается перерастить и перегнуть своего более слабого соседа и первым дотянуться до солнечных лучей!..

Стоит только серьезно задуматься, и такое вдруг вспомнится или придет в голову! Вот, например, тогда, мстя мне за то, что я встал на сторону Иванова, Соловьев бросил мне обидное: «Вы же единокровные братья Шах— Али!»

Ну, хорошо, брат Соловей, тогда скажи мне: у какого же народа не было и нет сейчас подобных типов?

И у кого нет настоящих героев?! Ну скажи мне!..

... Я рассказал об этих наших спорах своему другу Бари, после того как он сообщил мне, что хочет построить на месте будущего Байтимера мечеть, церковь и синагогу. Друг заинтересовался и даже кое-что почитал о масонах. Он сказал тогда, что это просто так, «для общего развития». Я, помню, еще подумал: ой вряд ли, не станет мой дружок тратить время на чтение просто так, ради спортивного интереса. Впрочем, поступки Бари порой трудно понять и объяснить!..

Но пока Акберову было не до земных забот.

* * *

Бари не бредил, и в тот момент, когда, потеряв сознание, упал на муравьиную кучу, он был в своем уме и в самом деле видел волка с человеческой, вернее, с детской головой!..

И Акберов видел не просто волка... А сына собаки и волка — Пирата и... и своего сына Анвара...

Пират и в самом деле был потомком волка. Его матерью была одичавшая когда-то собака, а отцом — настоящий волк. Потому-то в Пирате с детства жили две души: одна — скучающая по лесам и степям душа волка, а вторая — тянущаяся к людям душа собаки. Пират был волчьим сыном, рожденным от собаки...

Мать-собака произвела его на свет в лесу, в апреле, когда падал мокрый снег. Их было четверо, братьев и сестер. По неизвестной причине двое из них к исходу первой недели жизни умерли. И они остались вдвоем с сестрой. На двадцатый день после рождения, — это было начало мая, — взрослые оставили их в логове одних и ушли на поиски еды. На логово набрели охотники. Это как раз было время, когда в лесу увеличилось количество волков, и они даже стали нападать на людей. Люди с ружьями продали волчат другим людям, сказав, что это щенята. Вместе с сестрой они стали жить у одного хозяина. Однако сестра, затосковав по дому и семье, умерла. Он остался один, без родителей и сестры. А вскоре хозяин перепродал его за очень большие деньги своему знакомому. Так он попал в дом моего друга Бари.

Когда он начал жить среди людей, в роли собаки, отцовская кровь в его жилах стала остывать, и собачья кровь, унаследованная от матери, понемногу овладевала всем его существом. Но характер у него все-таки оставался отцовским, и он ни за что не желал плясать, повилывая хвостом, под чужую дудку. Он даже хвост никогда не поднимал кверху, как другие псы, — покрытый густой шерстью, хвост почти всегда тяжело отвисал к земле.

Пират быстро привык к своему новому хозяину — Бари. Он признал его за своего и даже полюбил. Но когда волчонок немного подрос, их отношения вдруг испортились. Хозяйский сын вздумал сделать из него цирковую собаку и научить разным никчемным трюкам. В качестве примера для подражания предлагался визгливый соседский пес Сигнал. Мальчик хотел, чтобы Пират приносил ему брошенную палку и перепрыгивал через обруч. Он, конечно, легко мог бы проделать все в мгновение ока, но упрямство волка не позволяло покориться человеку, и в свои три месяца от роду он уже превратился в серьезного пса-волка, так что ребячьи игры и забавы его совсем не прельщали.

Отношения с Бари испортились. Наткнувшись на непреодолимое упрямство, хозяйский сын начал иногда попинывать пса, а то и палкой поддавал. Пират терпел, потому что в его жилах текла и собачья кровь, и именно она, похоже, давала псу силы переносить удары судьбы. Однако каждому терпению когда-нибудь приходит конец. Однажды, когда Пират в очередной раз попал в лес, в нем неожиданно проснулась дремавшая донныне душа волка, и он почувствовал себя заново рожденным. Здесь, в своем родном лесу, он не станет подчиняться своему жестокому хозяину, он чувствовал, что лес защитит его, — душа волка наполняла его существо необыкновенной смелостью. И когда Бари в очередной раз огрел его плеткой, Пират, недолго думая, устремился в чащу леса.

Три дня он бродил по лесу, мучимый голодом. Пребывание среди людей подавило его звериные инстинкты, он не умел жить в лесу, к тому же давали о себе знать собачьи гены, унаследованные от матери. Большой и густой лес, оглушительный треск ветвей, ломающихся под напором ветра, жуткие ночные голоса пугали его; его хвост, понемногу привыкший к поднятому положению, когда он был

цепным псом, теперь в этом страшном лесу как-то сразу стал похож на отцовский — опустился вниз, и он, — наверно, от страха, — даже привык держать хвост зажатым промеж ног...

Нелегкой была первая встреча и знакомство с родственниками — волками. Встреча эта была неизбежной. Но как они примут его, да и примут ли вообще?

На третий день своей жизни в лесу Пират учуял чужой запах, насторожился, вернее сказать, совсем пал духом. Пospешив спрятать в кустах свое постыдно дрожащее от страха тело, он вжался в землю, не удержавшись, даже поскулил немного жалобным голосом, но страх никак не желал покидать его, тело сотрясала дрожь, а из пасти текла слюна. Запах, который поверг его в столь жалкое состояние, был запахом волка...

Уже третий день бедное сердце Пирата терзали страх и отчаяние от разлуки с привычной жизнью. Осознание того, что где-то совсем рядом находятся волки, удвоило его страхи и совершенно лишило разума, и он, собравшись с последними силами, старался удержать в своем теле бедную собачью душу. Однако душа собаки не смогла вынести подобного ужаса: вырвавшись из тела Пирата, она заструилась сквозь густые сосновые ветки к небу. В то же самое мгновение Пират почувствовал, что в его теле проснулась другая душа — душа волка: ему вдруг стало хорошо, тело перестало дрожать, он встал, вышел из кустов на поляну и, подняв морду вверх, к густой верхушке ели, завыл, как настоящий волк.

Здесь, на этой поляне, он и встретился с глазу на глаз с волчком. Хотя новая волчья душа и была бесстрашной, но сейчас все было внове, а потому Пират был немного несмел. Он, конечно, постарался встретить волчка с гордым видом. Некоторое время они безмолвно стояли посреди поляны, испытующе глядя друг на друга. Хвост Пирата нечаянно на одно мгновение приподнялся кверху. Этого оказалось достаточно, и волчок, решив, что перед ним собака, бросился на врага. Собачий разум Пирата дал ему в этом бою неоспоримое преимущество, а потому он без особого труда справился со своим противником, от души поваляв того на цветочной поляне, а напоследок, словно бы желая оставить метку на память, резким движением отхватил волчку кончик левого уха и сплюнул его в траву.

Двух взъерошенных и окровавленных драчунов разняла волчица. Она была волчицей лишь наполовину, потому что происходила от рода диких собак, а еще она была Матерью, родившей на свет Пирата.

Так произошло знакомство и вхождение Пирата в волчью стаю.

Лес тогда еще не был столь разоренным, и найти пищу в густой чаще было нетрудно, а потому волкам жилось легко, и они (если не считать отдельных случаев — например, отбившуюся от стада овцу) не причиняли особого вреда близлежащим селам.

А душа Пирата, как оказалось, до небес долететь не успела, видно, запуталась в длинных ветвях деревьев, а потому вскоре она снова вернулась в тело Пирата и начала жить там вместе с волчьей душой.

Наверно поэтому временами Пират грустил и скучал по людям. Однажды он встретил в лесу жеребенка, отставшего от матери. Боже, как он обрадовался! Ему вдруг захотелось поиграть с малышом, — может, тогда его тоска по утраченной жизни немного стихнет?.. Он подошел к жеребенку поближе, желая пощекотать его ножки. Разумеется, жеребенок совсем не понял, что это всего лишь игра, он отчаянно заржал и инстинктивно лягнул волка, вздумавшего подобраться так близко; не ожидавший нападения, Пират отлетел в сторону. На охоту они вышли вместе с Рваным Ухом. Спрятавшийся за деревьями и ожидающий близкого пиршества молодой волк, увидев неожиданный поворот событий, немедленно бросился на жеребенка и вцепился ему в горло. Это был первый случай, когда они нанесли ущерб человеку.

Шли годы, Пират превратился в настоящего волка, но глубоко в душе продолжало жить собачье начало, и он время от времени тосковал по людям, но теперь он боялся их, особенно пугался их самодвижущихся железных домов, оглашающих весь лес ужасающим грохотом. К тому же деревья в лесу становилось все меньше, а потому солнце все больше и больше начинало проникать в самую чашу.

Однажды, слоняясь без особой цели по лесу, он вышел к дому лесника и увидел чуть в стороне от хозяйственных построек... игравшего человеческого детеныша. От радости Пират неожиданно для себя гавкнул пару раз по-собачьи и с опаской приблизился к малышу. Человек совсем не испугался, наоборот, протянул к нему маленькие ручки, предлагая поиграть вместе, а потом вытащил из кармана пряник и кинул ему.

Некоторое время они играли, позабыв обо всем на свете. Но вскоре послышался оглушительный рев. Это был железный дом, который помогал людям уничтожать лес. Завидев его, Пират всегда старался укрыться подальше. Вот и теперь он подумал, что нужно срочно спасать человеческого детеныша от этого чудовища, а потому подцепил малыша за одежду и побежал с ним в чашу леса.

Он пробежал довольно большое расстояние, держа мальчика в зубах. Но бежать с грузом было неудобно, и вскоре он устал. Почувствовав, что малышу тоже нехорошо, на одной из полян Пират

остановился и бережно положил свою ношу на густую траву. Подталкивая носом, помог мальчику встать на ноги. В это самое мгновение на другом краю земляничной поляны вдруг возник большой человек. Человек отчетливо увидел в густой траве голову мальчика и тело волка.

Избегая новой опасности, Пират быстро схватил малыша за одежду и снова ринулся в чащу деревьев.

Бари Акберов боится черной кошки

Колхоз я унаследовал от собственного отца: старший Акберов вышел на пенсию, а меня, его сына Бари, сразу же после окончания сельхозинститута и получения диплома наши байтимеровцы избрали председателем колхоза «Ленинский путь»... Хотя правильнее было бы сказать, что меня назначили.

Свою работу я, молодой председатель Бари Акберов, начал с переименования колхоза, потому что кто же сейчас пойдет по «ленинскому пути», ведь мы уже давно сошли с того маршрута, который наметил когда-то этот картавый еврей.

Хотя дело даже не в этом. «Перестроечное» мышление настолько глубоко проникло в мое сознание, пропитало кровь, что я уже привык ощущать себя современным руководителем. Я дал колхозу название «Кукуруза» и изменил форму хозяйствования: теперь это было общество с ограниченной ответственностью. Мы стали единственным в республике экспериментальным хозяйством в этой сфере! Говоря по-русски, теперь это было ООО (общество с ограниченной ответственностью)...

Разумеется, если бы не отец и его высокопоставленные знакомые, никто не разрешил бы мне подобных упражнений. Когда близкий друг отца Ханиф Хатыпович узнал, что я намереваюсь назвать колхоз «Кукуруза», он изучал меня некоторое время исподлобья, словно преподаватель на экзамене, и спросил:

— Что такое кукуруза? Если сейчас же сможешь ответить, будешь молодец! — Я сразу почувствовал, что в этот момент решается судьба названия колхоза. Ханиф Хатыпович с отцом к тому моменту уже были слегка «на взводе».

Наш Байтимер расположен недалеко от Казани, по прямой дороге на машине ехать минут тридцать пять. На Подснежниковом озере в лесу у отца, вернее, у колхоза, — есть пасека и две бани: одна белая, а другая, срубленная специально из липовых бревен, — черная. Ханиф Хатыпович частенько приезжал к нам отдохнуть от дел и от шумной Казани. Помню, что когда я был подростком, он частенько привозил к нам и свою жену — ее имя крутится на языке, но вспомнить... Ах да, ее звали Сирена, это была смуглая женщина. Так вот, он привозил ее с собою. В последние годы Ханиф Хатыпович приезжает только с шофером. Или с друзьями. Когда он один, папин бригадир из удмуртской деревни — Николай Иванович — непременно посылает топить баню синеглазую красивую удмуртку Наташу.

Ханиф Хатыпович и в этот раз приехал один. Наташа носит воду в черную баню. Ханиф Хатыпович с отцом сидят в тенистой беседке и потягивают холодную медовуху.

— Кукуруза? — переспрашиваю я. — Однолетнее травянистое растение семейства злаковых, с толстым длинным стеблем и семенами в форме початка!

Глаза Хатыпыча полезли на лоб, даже рюмка в его руках покачнулась, и желтая жидкость, пролившись на его белую, покрытую бесцветными волосами, ногу, затекла в трусы. То ли от этого дискомфорта, то ли от моего точного и быстрого ответа, он вскочил со стула:

— Ну, молодец, ну... мать твою... Акберыч! Видишь, какая грамотная сейчас молодежь, а? Да в такие руки не то что колхоз, а целый район можно передавать! И не только район, а даже, даже... — Ханиф Хатыпович хотел добавить «республику», но сумел вовремя остановиться и только деловито хмыкнул.

Да, республика пока нужна была им самим...

Однако, что ни говори, но на пасеке судьба названия колхоза была решена положительно, и «Ленинский путь» стал «Кукурузой». Кукуруза была намеком, даже символом тех больших перемен, что ожидали нас вскоре. Ведь история повторится...

Получив мгновенное разрешение на переименование колхоза, я вдруг понял, что мне позволят делать с колхозом и с теми пятью деревнями, что входили в его состав, все что угодно. Эта уверенность должна была поддерживать и вдохновлять меня в каждом моем начинании. Без этой уверенности в наше время рассчитывать на какой-либо успех не приходилось. Появляющиеся как грибы после дождя многочисленные и бессмысленные законы и директивы, касающиеся сельского хозяйства, ничего, кроме проблем, не приносят. Пришло такое время, когда тот, кто не ленится поработать мозгами, может достичь всего, чего пожелает.

Ну когда же у нас, наконец, будет порядок?! И вообще, что такое «порядок»? Какой он бывает?..

Моя основная цель — компьютеризировать все хозяйство. На правой задней ноге каждой коровы будет установлен датчик. Дойные коровы будут находиться под особо пристальным вниманием компьютера. Если корова дает меньше десяти тонн молока, выгоднее будет отправить ее на колбасу. Конечно, несколько странно говорить о компьютере в то время, когда колхозные трактора

недополучают даже солярку. Ну и пусть странно! У меня есть масса способов заработать денег. Не преступление же я собираюсь совершить. Мне нужно всего-навсего сдвинуться с места. А потом моя «Кукуруза» вернет все сторицей.

Я человек деятельный. И решил, что, прежде чем рапортовать об урожае и надоях, следует основательно укрепить хозяйство. Это должно было начаться, конечно, с перестройки. Отец, надеюсь, не обидится, потому что на каждом шагу я не забываю «подмазывать» его: «Папа, без твоего совета не обойтись, как ты думаешь, поступить так или так?» Во-первых, отца обижать не стоит, а во-вторых, есть и другая сторона медали: у отца много закадычных друзей среди чиновников в Казани. А разве чиновник не хочет попариться в баньке?! Да еще в лесу, в заповедном уголке! И медовуху старый мариец пасечник Бачли (настоящее его имя, кажется, Василий) готовит по древнему рецепту. А синеглазые удмуртка и маришка так красивы и похожи на только что распустившиеся подснежники!..

Впрочем, неверно было бы сказать, что казанские вельможи приезжали к нам исключительно ради «подснежников». Частенько они наведывались к нам охотиться и привозили сыновей примерно моего возраста. А еще на огромной лесной поляне, в ложине, которая называется Низкая Гора, — там из-под мха пробивается наружу бесчисленное количество родников, — отец велел вырыть озеро и запустил карпов. Значит, гости приезжали и на рыбалку. Утомившись гонять с приезжими мальчишками зайцев и лисиц, мы увлеченно рыбачили. Одним словом, приезд казанских гостей для меня всегда был большим праздником. Отец — умный человек — предвидел заранее: это общение с «сынками» в будущем откроет мне большие возможности и я смогу без стука входить в кабинеты моих друзей детства, благополучно сменивших в креслах своих папаш. Время безжалостно: не успеешь глазом моргнуть, а поколения уже сменились. Еще вчера правил отец, а сегодня — уже сын.

На лесную «фазенду» колхоза «Ленинский путь» отец обычно брал меня. Брата Хади, невзирая на то, что он был и старше, и поумнее меня, папа к подобным гулянкам не приобщал. Впрочем, попервоначально Хади туда ездил. Я тогда еще совсем маленьким был. Но брат чуть все не испортил. Говорят, что тогда на «фазенду» зачастил некий молодой чиновник. И каждый раз привозил с собой новую женщину. А брат — человек наивный от рождения — в очередной приезд чиновника возьми да спроси его: «Дядя, ты муллой работаешь, что ли? Сегодня ты уже третью жену привозишь!» Оказывается, он, бедняга, все это время занимался подсчетами... Представляете, что было после этого?

Друга Мухаммета я с собой тоже не мог брать. Отец не разрешал.

Кажется, я отвлекся, ну да ладно... Я же хотел рассказать о том, как бразды правления колхозом перешли от отца ко мне. Да, я начал свою деятельность с изменения названия колхоза и... с приватизации. Немалую роль в этом сыграли и московские руководители со своей новой экономической политикой. То, что происходит там, наверху, обычно сразу же копируется вниз. И даже с некоторыми преувеличениями. Как однажды заметил отец, те только перегибают палку, а наши с треском ломают ее...

Разумеется, если бы не мои дружки детства, с которыми я когда-то рыбачил на лесном озере, — а они сейчас стали большими начальниками, — никто бы не позволил превратить целый колхоз в частную собственность. Мы вместе с ними решили привнести новизну в сельское хозяйство. Мой однокашник Мухаммет любит повторять сказанные кем-то слова: «В России либо революция, либо голод!..» Так что и мы вздумали попробовать что-то сделать, а иначе говоря, совершить революцию. Так что доставшийся мне от отца колхоз будет теперь обществом с ограниченной ответственностью «Кукуруза»! Пока народ об этом не знает. Не сомневаюсь: большинство будет категорически против. Народ у нас своенравный и упрямый. В Байтимере живут только татары. В Чудрасале — маришцы, в Нырии — удмурты, а Грибники — русская деревня. Правда, Грибников практически уже и нет. Из шестидесяти шести дворов добрая половина заколочена — их хозяева в поисках более легкой жизни подались в Казань. Возле самой реки Ташсу есть еще одна деревушка, зимой там живут только охранник и его собака. А на лето в деревню приезжают пятнадцать еврейских семей. Если верить их словам, их предки начали жить в этих местах две тысячи лет назад. Я сам хоть и не историк, но знаю: эти деревни в Заказанье появились только в шестнадцатом веке (речь идет о деревнях, где живут потомки ногайцев и кипчаков. Черты ногайцев видны в их внешности, а принадлежность к кипчакам-мишарам ясно проявляется в их говоре. Только мишары и мы произносим «ч» похожим на «ц» и вообще разговариваем так жестко). Иван Грозный сослал татар из Казани на расстояние 40–50 километров. И вдруг, видите ли, оказывается, что евреи поселились здесь две тысячи лет назад. Бедняга Дарвин, он и не подозревал о своей жестокой ошибке и полагал, что человек произошел от обезьяны. Выясняется теперь, что все мы произошли не от обезьяны, а от евреев...

Вначале казалось, что все пойдет как по маслу. Но каждый день приносил новые проблемы и осложнения. Я уже говорил о том, что у нас живет удивительно своеобразный и странный народ: татары работают, как лошади, и воруют, как собаки, удмурты купаются в бочке самогона, русские смылись в город, те маришцы, что еще остались здесь, — бездельники и пьяницы — занимаются исключительно собиранием грибов и рыбной ловлей, а евреи приезжают сюда «на курорт». Вот и

попробуй ты с такими людьми тащить колхоз! Я теперь понимаю, почему к сорока пяти годам у отца на голове не осталось и пряди темных волос. Но я взялся за дело иначе. К примеру, молодые девушки-удмуртки ужасно страдали от отсутствия стоящих парней, выйти замуж для них было практически невозможно, а потому они и норовили уехать в город. Дело в том, что парни из их деревни день и ночь глушат самогон. Подумал я, подумал и построил между Байтимером и Нырией большой клуб. Расстояние-то между деревнями — всего один километр. Сейчас в этом клубе татары играют на гармонии, а удмуртки пляшут от души. Никому не скучно. Девушки прямо из клуба утром уходят на утреннюю дойку, а ребята — в поле. К тому же я назначил в удмуртскую деревню бригадира-татарина. Он тогда был еще неженатым парнем. Наш Фердинат тут же стал Пирдинатом Паритовичем. И в довершение всего женился на красивой удмуртке.

А вот в Байтимере бригадиром я назначил русского — Ивана Михайловича. Видели бы вы сейчас этого бывшего тракториста Михалыча, который раньше даже в бане ленился снять сапоги! Министр, да и только! Не только манера говорить изменилась, а даже голос стал как будто гуще. «Кресло» начальника ему явно пошло на пользу! У марийцев бригадиром работает удмуртка. Мать одиннадцати детей, сорокалетнюю Настю, всю жизнь просидевшую дома за занавеской, теперь и не узнать: выглядит на двадцать. А за детьми, кстати, смотрит муж.

У всех этих «кадровых перестановок» положительный результат налицо, но бывают и проколы. В таких случаях, как всегда, не обходится без татар. Вот только на прошлой неделе я еле-еле спас от решетки бригадира Фердината. Делов он, конечно, натворил... Как я уже сказал, он довольно успешно «вписался» в удмуртскую деревню. После его женитьбы на удмуртке его еще более признали за своего. Но у парня был обнаружен один «недостаток»: он не пил водки. Неприобщенность к этому искусству несколько раздражала местное население. И вскоре народ постепенно перестал его слушаться. Что делать: либо ты прогибаешь эту жизнь, либо прогнешься под нее. Третьего не дано. Парень наш решил измениться сам и начал попивать. Дела в самом деле стали как будто налаживаться, авторитет сразу вырос. Но вдруг перед парнем возникла неожиданная проблема: теща оказалась категорически против пьянства зятя. Причина была банальной — зять пил не самогонку, как все остальные, а магазинную водку. Магазинная водка требует больших затрат, потому что покупается каждый день. Даже если посчитать по бутылке в день...

И однажды старуха предложила дочери:

— Дочка, Бог с ним, с авторитетом, давай отвадим Пирдината от питья.

— А как?

— В Аракчино есть одна старуха. Говорят, она умеет готовить какое-то зелье. Стоит капнуть семь капель этой жидкости в водку, как человек навсегда почувствует к ней отвращение.

Разговор этот подслушал тесть и передал тайну зятю-начальнику. В один из дней баба Нина отправилась в Аракчино. А вечером накрыли щедрый стол и поставили в центре магазинную водку. Баба Нина сама радушно встретила зятя в дверях: «Давай, зятек, мой руки да пожалуй к столу. Устал, чай, на работе-то». Но зятек оказался малый не промах, он заранее запасся точно такой же бутылкой и, улучив момент, незаметно для окружающих подменил бутылку на столе. Тем временем теща с женой начали потчевать его да уговаривать выпить. Мужик, недолго думая, опрокинул один стакан, потом другой... и вдруг ни с того ни с сего как начнет лаять на тещу! Бабу Нину обуял ужас, она вдруг подумала, что таинственное зелье превратило зятя в собаку. А тот, оглушительно лая, начал уже нападать на старуху. Пытаясь спрятаться, обалдевшая бабка кинулась под кровать. Зять-собака сунулся за ней и, увлекшись забавой, укусил бабку за мягкое место. От страха старуха тут же отдала Богу душу — у бедняги не выдержало сердце...

Вот и попробуй ты иметь дело с такими людьми. Сам загремишь куда подальше...

Однако проходило время, и я постепенно черствел. Теперь, обнаружив утром заведующего фермой пьяным, я швырял его прямо в какое-нибудь корыто и просто ломал ему ребра, застукав в поле вора, бросал в украденное сено окурки — и оно тут же превращалось в золу. Если встречу в лесу молодых мариек или удмурток, собирающих грибы, так и знай — в тот день одна муравьиная куча непременно будет разорена.

Народ меня любит. Я укомплектовал колхозный парк новой техникой. Ежемесячно выдаю заработную плату. Зерно и сено даже в самые засушливые годы я выдаю в достаточном количестве. Между бригадами я построил асфальтовые дороги, разрушенные мосты восстановил. Про новый клуб я, кажется, уже упоминал.

А может, народ просто боится меня?... Впрочем, думаю, не без этого. Руководить народом в нашей стране легко. Наши люди — как овцы. Сначала нужно щелкнуть кнутом и напугать его, потом следует погладить по голове и дать немного хлеба. Жалею я этот народ. В том числе и себя... Эх, почистить бы у татар кровь! Ведь когда-то в их жалах текла благородная и горячая кровь! Теперь она испорченная, жидкая какая-то...

Сам я, кстати, боюсь только черной кошки. Два раза в лесу черная кошка перебежала мне дорогу. В первый раз после этого я узнал об исчезновении сына. А в другой раз повстречал волка с человеческой головой... Неужели это судьба? Это она тащит меня за собой или я сам погоняю пинками под зад?

Впрочем, будущее покажет... Как говорится, рожденный ползать летать не может. Спасибо матери за то, что родила меня таким, какой я есть. Спасибо отцу — мне не пришлось пресмыкаться и ползать. Пока... Хотя все зависит от меня. Я понял эту истину и смог ее осознать и прочувствовать. А мой страх перед черной кошкой есть порождение нестабильности нашего общества. В этой стране никто не знает, что будет завтра. Конечно, у нас любят повторять, мол, пусть о завтрашнем дне думает ишак... Но я не хочу быть ишаком!..

Берега судьбы бывают круты

Мухаммет так и не решился спросить у Бари о Гульчачак, хотя страшно хотелось. Впрочем, он не смог бы спросить и в любое другое время. Самое лучшее — это поговорить с самой Гульчачак.

И Мухаммет решил съездить к ней.

Однако планы и на этот раз были нарушены. Видно, не суждено ему было в скором времени увидеться с Гульчачак. Когда, проводив Бари, Мухаммет вернулся домой, в его дверях висела записка: «Сразу по возвращении немедленно приходи ко мне! Сирена.» Остановив попутку, Мухаммет поехал к Сирене Самуиловне.

Открыв дверь, Сирена Самуиловна кокетливо протянула ему руку для приветствия, а затем игриво, словно девчонка, чмокнула его в щеку и потащила в комнату. Дремавший на диване кот, услышав шум, лениво приоткрыл глаза, узнал Мухаммета и с обиженным видом направился на кухню. «Бог ты мой! Уже и коты начали обижаться!» — подумал Мухаммет, опускаясь на диван.

А что случилось с Сиреной Самуиловной, отчего она так радостно возбуждена? Надеясь найти ответ, Мухаммет пристально посмотрел на нее, весь его вид был само ожидание, мол, давай, рассказывай!

Сирена Самуиловна сегодня и впрямь выглядела, как юная девушка: на ней был короткий полупрозрачный халатик, волосы уложены в современную прическу, и на лице косметики больше, чем обычно, это даже бросалось в глаза. Да, Сирена Самуиловна сегодня была красивее, чем обычно.

— Собирайся в Италию. Твой загранпаспорт еще не просрочен?

— Нет, — ответил Мухаммет, удивляясь услышанному.

— Тогда порядок. Там открывается международная выставка. Татарстан представляешь только ты. Из России вас всего двое. Второй — московский художник. Помнишь, в прошлом году мы познакомились с ним в Петербурге? Эрнст Козловский. Пейзажист.

— Помню, — ответил Мухаммет, все еще не в состоянии переварить информацию.

— О-о-о! Ты бы видел! Чего только не предпринимал этот таракан, чтобы включить в список своего сына! До Москвы добрался! Но я позвонила Ханифу Хатыповичу, он его вызвал и вздул как следует. Ну да Бог с ними! Кстати, если хочешь знать, я тоже значусь в списках — в качестве искусствоведа!

Не в силах сдержать радости, Сирена Самуиловна бросилась Мухаммету на шею. Запах ее духов был потрясающе приятен. Мухаммет ощутил щекой, что лицо женщины горит. Сидеть, как истукан, было глупо, но положить в качестве ответной реакции руку на плечо Сирены Самуиловны было бы еще глупее. Так что выхода нет, придется быть истуканом!.. Преимущество было явно на стороне Сирены Самуиловны. Она прижала его голову к своей груди, вдруг оказалось, что пуговицы ее халата каким-то образом расстегнуты: Мухаммет даже не успел понять, как уткнулся носом в горячую ложбинку между ее грудей, его холодный доселе лоб вдруг начал гореть, спокойно бившееся сердце пустилось вскачь, сотрясая грудную клетку, — если бы сердце было птицей, оно бы вырвалось в открытую форточку на волю и... и сев вон на ту березу, на ту молодую березу, что растет напротив окна, запело сладко и нежно...

Простивший прежние обиды кот, заскучав от одиночества, степенно вплыл в зал, увидел, что его любимый диван несвободен, покрутил головой, демонстративно изучая некоторое время картину, висевшую над диваном, потом, видимо, все же решил сделать какую-нибудь гадость: он начал тереть когтями лежащий на полу халат хозяйки, но, вскоре убедившись, что это также скучно, запрыгнул на подоконник и устоял на улице. Дружков и знакомых кошек там не было. Что-то почувствовав, кот поднял голову на стоящий напротив многоэтажный дом. В одном из окон он разглядел свою давнюю подружку — она умывалась, видно, собиралась на прогулку...

* * *

Зарубежная выставка молодых художников должна была круто повернуть жизнь Мухаммета Уразова, — это понимали все, и не случайно прозвучал тот голос недоброжелателя: «Почему Уразов? Почему не я?!» Неприятная неожиданность могла произойти в любой день, — это было очевидно и для Мухаммета, и для Сирены Самуиловны, потому-то они с таким нетерпением и ждали дня отъезда.

Точной даты не было, а вот то, что гонорар за участие в выставке исчисляется в долларах, было известно всякому. Действительно, «кусочек» был очень жирным, а само участие — почетным. Не случайно многие лишились по этой причине сна. Группа художников и искусствоведов, в срочном порядке избрав свою делегацию, отправила ее в Москву, потому что в Казани все зависело от Ханифа Хатыповича, а он свое слово уже сказал, и слово это было окончательным.

Самодельная делегация особого успеха в Москве не достигла, но, действуя по принципу «ни себе, ни людям», отыскала-таки «подходящего» художника для выставки в Италии в самой Москве. Им стал Яков Крысин — ровесник Мухаммета. Его отец был родом из Бугульмы, а потому сочли, что молодой художник вполне достоин защищать славу Татарстана и России.

По поводу Мухаммета Уразова было доложено, что для международной выставки он слишком провинциален и еще не совсем созрел. Что поделаешь, ведь мы строим демократическое общество, и прошли те времена, когда мы послушно следовали приказам чиновников. Именно потому духовный лидер художников решил действовать по твердому и, как он считал, справедливому принципу: раз не досталось моему сыну, значит не достанется и Уразову. Ну а поскольку демократия есть демократия, то этот вопрос должен был быть разрешен на общем собрании творческого союза и причем непременно тайным голосованием.

Накануне собрания Ханиф Хатыпович вызвал духовного лидера в свой кабинет, где состоялся короткий и очень серьезный разговор.

— От какого района твой сын выдвигается депутатом в Госсовет? — спросил Ханиф Хатыпович. Художник назвал район.

— Мы решили назначить от этого района еще двоих кандидатов.

И Ханиф Хатыпович назвал имена этих кандидатов: один был очень известным писателем, а другой — крупным бизнесменом, директором крупного завода.

— Как?! Но с ними невозможно соперничать! Вы это специально организовали!

— А разве завтрашнее собрание вы тоже не специально организовали?

— Я вас не понимаю, Ханиф Хатыпович!

— Ты меня прекрасно понял. Отмени собрание!

— Но как? Объявление вывешено, народ уже в курсе.

— Измени повестку дня! Вашей организации выделены две бесплатные путевки в санаторий, решите на собрании, кто их получит. Понятно?

— Понятно, Ханиф Хатыпович, понятно.

Имена счастливых, которым достанутся путевки, общее собрание творческих сил определяло целый день, потому что достойных и больных было предостаточно, и ехать хотелось всем. Когда народ окончательно утомился, и слово «путевка» уже начало вызывать нервную дрожь, вдруг был найден выход: кидать жребий. Споры сразу утихли. Жаль, что не догадались сразу...

Когда Мухаммет вместе с толпой выходил из зала, кто-то двинул ему локтем в живот. Поскольку народу было много, и шли они довольно тесной массой, Мухаммет не успел сообразить, кто это сделал. Однако локоть ударившего оказался довольно острым — и боль прошла не сразу.

«Если они всем миром да исподтишка ничего поделать не смогли, а теперь утешают себя этой толкотней, что ж, Бог с ними, пусть порадуются!» — подумал Мухаммет. Но скрытая война на этом еще не заканчивалась, и впереди ждало продолжение...

* * *

День отъезда все еще был не определен, вернее, о нем еще не сообщали. Мухаммет, предупредив Сирену Самуиловну, что едет в деревню, и обещав поддерживать связь по телефону, отправился в Ютазы.

Сплетня, которую в гневе сообщила ему Разифа, болезненной занозой сидела в сердце. С тех самых пор Мухаммет жил в каком-то странном состоянии: то задумывался надолго, то вдруг словно бы разрубал этот мучительный клубок тягостных мыслей: «Гульчачак — свободный человек! Пусть живет как хочет!» Но он же любит ее?.. Лю-бит! Хорошо, но почему тогда он согласился продать «Лес»? Ведь по существу это была даже не продажа картины, а предательство! Хотя выход он тогда нашел: следовало немедленно сделать копию картины. Это даже не копия была бы, раз он ее своей рукой напишет. Он же автор!

Однако как быть с тем, что сообщила ему Разифа?.. Может, это неправда? Какая-нибудь хитроумная интрига, ловушка? Потому что вон какая борьба развернулась вокруг продажи картины:

давят и сверху, и снизу (Бари, Сирена Самуиловна). Поговаривают, что если жена московского чиновника, искусствоведа, обидится, то это ни к чему хорошему не приведет... Все эти намеки, домыслы и предположения окончательно надоели Мухаммету.

«Поживи пока у меня, — предложила тогда Сирена Самуиловна. — А твоя квартира будет выполнять роль мастерской». Сирена Самуиловна... теперь уже просто Сирена старше его на девять лет. Но человек непосвященный особой разницы между ними не заметил бы. Несмотря на то, что у Сирены есть взрослая дочь, которая живет в Америке, сама она выглядит, как девушка. Не зря говорят, что смуглые женщины стареют позже.

И далась тебе эта разница в возрасте!.. Да на эти деньги ты можешь устроить всю свою жизнь: коттедж, машина, дома творчества на южном побережье... В деревне дом совсем покосился, а отец в каждый его приезд взахлеб рассказывает о тракторе, который купил сосед Сибгат, — мечтает купить такой же; сестра развелась с мужем, живет теперь в общежитии в Казани...

Гульчачак... В конце концов, Гульчачак сама виновата! В то время, как Мухаммет годами жил с мечтой написать картину и увезти любимую в город...И ведь он не просто мечтал, а сделал! Написал картину! И теперь уже можно было начать жить так, как мечталось, пусть даже в маленькой квартирке-мастерской!..

Ах, как круты берега судьбы, прыгнешь, не подумав, и сломаешь себе шею.

Копию «Леса» Мухаммет писал день и ночь. Работа была хорошим предлогом не ночевать каждый день у Сирены Самуиловны. Мухаммет сообщил ей, что пишет новую картину и до завершения работы показывать не хочет. Однако Сирена часто звонила, даже ночью, и донимала просьбами разрешить побыть у него до утра. Впрочем, разве она делала что-то предосудительное? Ведь Сирена не собиралась разлучать его с Гульчачак! То, как одинокая женщина хочет проводить свои ночи, — ее дело, за это ее нельзя судить. Какой бы высоко нравственной и добропорядочной ни была женщина, противостоять природе она не может, и горячую кровь в ее здоровом теле нельзя остудить холодной водой!..

Впрочем, какое он имеет право судить о женщинах, ведь он еще слишком молод и зелен...

А Гульчачак!..

А Гульчачак по-прежнему жила вдали от него, на границе с Башкортостаном, в надежде, что однажды он придет к ней. Тогда, в лесу, она не восприняла его клятву всерьез. Но то, с какой страстью и упорством Мухаммет принялся за выполнение задуманного, льстило ей, подливало масла в огонь ее чувства к нему, так что приближающееся двадцатипятилетие совсем не пугало. Оказывается, ожидание делает любовь еще более сладостной! Конечно, сейчас она ни за что не сказала бы Мухаммету: «Не брошу свой лес!» Да леса и нет уже, он давно разграблен и уничтожен. И основная работа лесника Яруллы теперь заключается в том, чтобы подбирать и сжигать щепки да ветки, оставленные людьми за ненадобностью. Мухаммет, ее Мухаммет, говорит: «Я сохранил твой лес хотя бы на картине!» Спасибо тебе, Мухаммет! Я люблю тебя! Очень люблю!

В глубине ее души теперь жила надежда — где-нибудь в конце лета, в августе, когда настанет ягодное раздолье, они с Мухамметом сыграют свадьбу...

А Мухаммету, между тем, и в голову не приходило, что их долгожданная встреча с Гульчачак произойдет таким образом. Узнав о предстоящем его приезде в Ютазы, его друг — председатель самого передового в районе колхоза — выслал за ним свою «Волгу»: Мухаммет когда-то нарисовал его портрет, а теперь предстояло нарисовать портрет симпатичной жены Хакима Фаруковича.

Хаким Фарукович отправил машину в Казань на рассвете и, видимо, примерно представлял, во сколько она вернется: когда в полдень Мухаммет подъехал к воротам дома, где жила Гульчачак, Хаким Фарукович уже был там.

Мухаммет прекрасно знал, что шестидесятилетний председатель, старый функционер, теперь до самого отъезда не выпустит его из поля зрения, ежедневно развлекает то банькой, то шашлыком да шашламой и прочими радостями. Такой уж неугомонный это человек, Хаким Фарукович! Вот и сегодня, несмотря на рабочий день (впрочем, дела у него в колхозе налажены и идут как по маслу, — сам он любит повторять, что у умного руководителя работа в его отсутствие должна идти лучше, чем при нем), и машину в Казань отослал, и сам встретить гостя пришел.

На этот раз Гульчачак стесняться посторонних не стала и бросилась Мухаммету на шею. В другое время ни за что бы не стала делать этого, даже наедине с любимым. Обычно все чувства отражались только на ее лице. Хаким Фарукович улыбнулся:

— Занятия в школе закончились, так что забирай ее с собой. В Казань. Ухаживать за теткой найдем кого-нибудь.

Тут бы Мухаммету сказать что-то приличествующее обстоятельствам, а он растерялся, нужные слова забылись, и он невпопад сделал девушке комплимент: — Здешний воздух пошел тебе на пользу!

Сославшись на какое-то срочное дело, Хаким Фарукович деликатно ушел, но прежде сообщил, что они расстанутся ненадолго, потому что в яблоневом саду готовится шашлык.

— В этот раз шашлык из рыбы! — добавил он, зная, что Мухаммет любит рыбу.

Эх, зря ушел председатель! Когда Мухаммет и Гульчачак остались одни (больная тетка лежала в дальней комнате, и с нею Мухаммет уже поздоровался), установилась напряженная тишина. Мухаммет понимал, что причина в нем: весть, которую сообщила Разифа, застряла в сердце болезненным комом. Сейчас, при встрече с Гульчачак, боль словно стала сильнее, а ревность брала за горло, не давая произнести ни слова. Однако он не хотел, чтобы Гульчачак заметила его состояние: она наблюдательна и умна, а потому может уловить малейший нюанс в его настроении и поведении. Однако Гульчачак, похоже, ничего не замечала и молчала.

Причина ее молчания была проста: совсем недавно ей также сообщили неприятную новость, и теперь ее неотвязчиво мучила мысль — правда это или нет. Именно потому она была сейчас занята исключительно тем, чтобы скрыть свое состояние. А дело было так.

На днях позвонили в школу и попросили ее к телефону. Звонок был из Казани. Незнакомый мужской голос сообщил ей, что Мухаммет Уразов подарил картину «Лес» своей любовнице, и Гульчачак живет в абсолютном заблуждении насчет себя. Девушка не поверила услышанному, вернее, постаралась не поверить и искренне старалась до сих пор... Одним словом, на душе было неспокойно, в голове — каша, и Гульчачак с нетерпением ждала приезда Мухаммета, чтобы услышать правду от него. Этот день настал. Но заговорить вот так сразу об этом было как-то неловко. Обижать Мухаммета понапрасну не хотелось.

Общительную и разговорчивую Гульчачак будто подменили! Ее странное поведение еще более усилило подозрения Мухаммета. По всему было видно, что девушка хочет что-то сказать, но сдерживается, какая-то тайна рвется из ее груди, но тщетно...

Раньше при встречах Мухаммет взахлеб рассказывал ей о казанских новостях, своей жизни, о картине, работа над которой уже близилась к концу. Но в этот раз он почему-то замкнут, даже его взгляд, даже его карие глаза, которые раньше смотрели на Гульчачак с любовью, теперь словно буравят ее, испытывая. Этот неприятный взгляд беспокоил девушку, и она с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться.

Но Мухаммет страдал сейчас не меньше ее. Он не знал, правду или ложь сказала ему Разифа, но заговорить об этом с Гульчачак было выше его сил.

Любовь... Он всегда считал, что страстная любовь бывает только в ранней юности, а с течением лет (которые образуют собой Время) неугомонное, словно птичка в клетке, сердце успокоится. Но нет! Все оказалось совсем не так!..

Ожидание встречи было так сладостно, а когда настала минута, которой ждал так истово и так долго, она почему-то принесла не только радость, но и боль!..

Черная кошка с нагло горящими глазами тащит на хвосте клок сплетен... Умные люди знают: услышанное — лишь наполовину правда. Но лишь очень умные люди умеют распознать, которая половина — истина. Это высказывание принадлежит какой-то женщине. Сидит сейчас Мухаммет и мучается, не зная, которой половине верить. Однако истина в том, что его возмужавшее сердце, уже научившееся все пропускать через сито разума, наперекор всем сплетням рвется и тянется к Гульчачак...

От всех этих страданий их спас шофер Хакима Фаруковича: шашлык был почти готов, и у ворот ждала машина, чтобы отвезти их на пикник.

Мухаммет уже привык откладывать на потом решение сложных жизненных проблем. Это, кстати, было очень удобно и до сих пор оправдывало себя. Вот и в этом случае серую пелену тумана, повисшего между ними, может, развеет ветер Времени, и тогда они смогут объясниться, а возможно, на помощь придут солнечные лучи, разгонят клубы недоразумения, и все само собой выяснится...

«Красивые женщины никогда не остаются в одиночестве, но они всегда одиноки». «Если боитесь одиночества, не женитесь!» Кому принадлежит первое высказывание, неизвестно, вернее, Мухаммет не помнит, а второе принадлежит Чехову.

Так одинок он или нет? Он ведь не женат, следовательно... А Гульчачак — красивая девушка — одинока?

Неужели она в самом деле предала его?!

Погоди, а как же он сам?.. Разифа?.. Сирена Самуиловна? Что же это было? Измена или нет? Нет, он не изменил, потому что сделал это не по своей воле! Но, сидя свесив ноги на крутом берегу судьбы, он в какое-то мгновение вдруг очутился на ступеньку ниже, ведь так?

Близость между мужчиной и женщиной — одно из величайших таинств природы (у животных это происходит на уровне инстинкта). Если так, то он открыл дверцу этой тайны без всякой подготовки, легко, и потому тайна словно бы потускнела, более того, чувства — тонкие струны души — словно зазубели и расстроились!

Неужели такое могло случиться с ним! Ведь он даже готов продать картину! Да-да, ни для кого не секрет: в Италию его отправляют не за красивые глазки, несмотря даже на титанические усилия

Сирены Самуиловны...или теперь уж просто Сирены...Но пока не все еще потеряно, надо только поскорее завершить копию. Московский гость-искусствовед, может, он войдет в положение...

...В первую ночь после возвращения в Казань зазвонил телефон. Это была Сирена Самуиловна, и она сообщила, что едет к нему. На этот раз Мухаммет не стал морщиться и злиться, в эти минуты Сирена Самуиловна была ему нужна как никогда. Он встретил ее на улице. В ночном кафе напротив гремела музыка. Казалось, что звездное небо подрагивает в такт ей.

Сирена Самуиловна была категорична:

— Москвичам — оригинал! Твоя дикарка все равно ничего не смыслит в этом!

Считала ли она девушку своей соперницей или нет — неизвестно. Но она была женщиной, которая была уверена в своих силах и не привыкла проигрывать.

Когда-то она поставила на колени Ханифа Хатыповича — рьяного коммуниста и большого упрямца. Но победа ее, увы, была недолговечной: они вскоре разошлись. Их общий ребенок — дочь — учится в Америке. А Сирена с Ханифом Хатыповичем теперь просто друзья.

Что для нее какая-то там лесная девушка? Щепка на волнах!...

Гульчачак

Я вовсе не дикарка, хоть и выросла в лесу. С первого класса мы ходили вместе с другими детьми в школу, общались, дружили, у нас были любимые учителя и подруги.

Так что, хоть и выросли в лесу, но люди мы вполне мирские. Подобно другим деревенским девчонкам, ходили за водой к роднику в Красный Яр, родители покупали нам все то, что покупали своим детям другие родители, мы носили ту же одежду, что и другие, получали в школе те же «двойки» и «пятерки». Правда, большая часть нашей жизни проходила в лесу. Поэтому русские девчонки из Буряна — наши одноклассницы — относились к нам несколько иначе, но все же любили, каждая из них хотела с нами дружить; а еще мы чувствовали особое отношение к себе учителей: они почему-то оценивали нас на голову выше других учеников. И как было не заметить это, ведь мы выросли в лесу — в царстве злых волков и хитрых лисиц.

Но вскоре появилось одно отличие в нашей жизни: настала пора юности, бурянские и байтимеровские девчонки начали ходить на вечерние игрища, а мы сидели дома, читали книжки и тешили свои взбудораженные первыми чувствами души сплетнями заглянувших к нам родственников и гостей. Впрочем, вскоре мы тоже подружились с байтимеровскими мальчишками, они начали частенько заглядывать к нам, вернее, к отцу, мы общались с ними, а потом эти разговоры, шутки и смех как-то незаметно переросли во влюбленность! Вообще-то, слово «влюбленность» я употребила так, в подражание книгам. Мы всегда оставались друзьями. Но почему-то однажды наши отношения с этими мальчишками — их звали Мухаммет и Бари — стали странными, а выражаясь точнее, в один прекрасный день и в Гульюзум, и во мне что-то вдруг переменялось.

Знали бы вы, как я переживала, когда Мухаммет свалился с дерева и сломал себе ребра! Я чуть не умерла! Было ли мне его жалко? Или?.. А что «или»? Никаких «или» не было! Ему было больно, и я пожалела его! И это все! А еще мне пришло в голову, что он может умереть, и я испугалась, очень испугалась. Вот Гульюзум у нас — непробиваемая. Она заявила тогда: «Нечего было скакать по деревьям, как обезьяна, так ему и надо!» Хотела изобразить из себя взрослую девушку. Будто бы я еще маленькая, а потому и раскисла. Ой, не могу, она большая, видите ли! Старшая сестра! Просто она родилась на пятнадцать минут раньше меня. Об этом нам сказала мама. Конечно, пятнадцать минут — это пятнадцать минут, их никуда не денешь, так что она и в самом деле старше меня. С другой стороны, какая же она мне старшая сестра, ведь она всего лишь мой близнец...

После того, как Мухаммет упал с дерева, в моем сердце родилось какое-то чувство к этому мальчику. Я теперь уже и не помню, было ли это всего лишь жалостью?.. Но потом это чувство постепенно переросло в любовь. Сейчас я думаю: а может, великое чувство Любовь у всех начинается, как и у меня, с жалости?.. Тогда это интересно... и странно. Но, может быть, все началось еще до всех этих событий, и что-то тонко и нежно зазвенело в моей душе при самой нашей первой встрече?.. Бог знает... Я биолог, и в общем-то должна бы суметь все это понять и объяснить. Но мне не хочется. Наверно, это инстинкт самосохранения человека как биологически целостного организма. Да, конечно! В тот самый момент, когда какой-нибудь умник уже почти постиг сущность любви и готов разложить ее на составные части, какая-то божественная сила вдруг лишает его этого желания! И любовь продолжает оставаться чудом природы! Если бы Любовь — назови это чувством или состоянием — не была сама божественным чудом, разве поклонялись бы ей на протяжении веков! Сколько примеров, сколько легенд!.. Не хватит даже тысячи и одной ночи...

Мухаммет старательно пишет «Лес», мой портрет. Я знаю, что он хорошо рисует. Но придется ли его «Лес» мне по сердцу? А если мой портрет мне не понравится? Вернее, если в тот момент, когда увижу картину, я вдруг не смогу скрыть разочарования? Я не умею кривить душой и играть... И если

это обидит Мухаммета?.. Ах, как страшно ждать эти минуты и как хочется, чтобы они поскорее пришли. Я прошу Бога, чтобы картина мне понравилась! А потом в моей голове что-то щелкает, и я начинаю корить и ругать себя. Подумаешь, ханская дочь! Не понравится ей, видите ли, картина!.. Одно только горячее желание Мухаммета увезти меня и мой лес в город дорогого стоит! Что поделаешь, девушкам свойственно иногда заноситься и Бог знает что о себе мнить...

Хорошо то, что я умею относиться к себе критически! Говоря по правде, теперь я больше думаю о Мухаммете, чем о своих делах. Мне хочется помогать ему. Наверно, я буду ему хорошей женой. Даст Бог, я рожу крепких сыновей и красивых дочек! И мы все вместе будем его опорой и надеждой. А он будет творить. Надеюсь, мы будем очень счастливы.

Вот такой мечтой живу сегодня я, Гульчачак, — бывшая лесная девушка и дочь лесника. И я счастлива этой мечтой! Счастлива уже сегодня! О Господи, только не сочти мою радость чрезмерной и огради нас от недоброго глаза...

Моя память хранит один рассказ, услышанный в детстве. Я слышала его от маминой сестры, приехавшей к нам погостить, — сейчас она больна и я ухаживаю за ней. Так вот, однажды за вечерним чаем они с мужем — оба к тому времени пожилые уже люди — сидели и вспоминали свое детство, забавные происшествия, случившиеся с ними когда-то. Муж припомнил то время, когда он отдыхал на Волге, в пионерском лагере «Кызыл Байрак»: «В лагере была девочка, которая мне очень нравилась. Однажды я поймал на берегу ужа и положил ей под подушку! Ну и визжала эта девчонка, просто ужас!» Тут в разговор вступила моя тетка: «Погоди, точно такой же случай приключился и со мной! В пионерском лагере один мальчик положил мне под подушку ужа... Пстой-ка, пстой... Лагерь назывался «Кызыл Байрак»! На Волге! Пять самых лучших учениц нашего класса наградили путевками в пионерлагерь. Это было после окончания пятого класса!..»

Услышанное настолько поразило дядю, что он выронил из рук сахар, который собирался отправить в рот. «Не может быть!! И я после пятого класса! Отец взял путевку в профсоюзе!.. Получается, что той девочкой была ты!!! Почему же через пятнадцать лет, когда мы снова встретились в Казани, ты не узнала меня? И почему я не узнал тебя?!»

Вот так! Они — из разных районов. А встретились и познакомились снова уже в Казани.

Больше всего в той давней истории тетку поразила не змея. Дело в том, что корпус, где жили девочки, был окружен высоким забором. Как удалось мальчику перелезть через него, и какой смелостью надо было обладать для этого, — вот что вызвало тогда восхищение девочки!..

Божественное чудо — Любовь — сделало свое дело: через много лет, случайно встретившись в Казани, они снова влюбились в друг друга и соединили свои судьбы... Они прожили в любви и согласии всю свою жизнь. И тому свидетелями были уже мы.

И как после этого не верить в Любовь?..

* * *

Отъезд в Италию совпал с днем сабантуя. Рано утром картина «Лес» была доставлена на выставку (там она и должна была быть подарена московскому гостю), а затем Сирена Самуиловна и Мухаммет на джипе поехали в аэропорт.

Мухаммет Уразов всем сердцем верил в то, что грядущую славу на родине и неожиданное свое счастье он отыщет за границей, и уже сегодня, сейчас он чувствовал себя счастливым — как никогда прежде.

Гульчачак знала о предстоящем путешествии Мухаммета, но, поскольку день отъезда не был известен точно, она, выезжая в Казань, послала ему телеграмму: «Приеду на сабантуй. Встречай».

Телеграмму Мухаммету вручили уже в дверях. Прочитав ее, он постоял несколько мгновений в растерянности, затем, скомкав бумагу, сунул ее в карман.

Гульчачак, не увидев ожидающего ее Мухаммета, недолго думая села в полупустой троллейбус, идущий в центр, и напрямик поехала на квартиру Мухаммета, запасной ключ от которой хранился у нее.

Во дворе, окруженном чугунной ажурной оградой, Гульчачак увидела Гульюзум и Бари. Они собирались сесть в машину. Гульюзум первой увидела сестру и, приоткрыв переднюю дверцу, крикнула:

— Смотри, кто идет! — Затем она порывисто открыла заднюю дверь и вытащила оттуда какого-то ребенка.

Перед Гульчачак оказался малыш в красивой футболке, шортах и кричаще-ярких кроссовках. Она узнала его и растерялась.

— Это же Анвар! Как?.. Откуда?..

Малыш в новенькой одежде и в самом деле был сыном Гульюзум — потерявшимся в лесу племянником Гульчачак!

Мать не выпускала ручонку сына из рук, а мальчик вел себя как-то странно: он все время пытался оторваться от матери, куда-то тянул, но поняв, что его не отпустят, начал рваться, прыгать и капризничать. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что упитанный прежде мальчик теперь похудел, а точнее, от него остались кожа да кости. Лицо, шея были расцарапаны, на руках и ногах не осталось ни единого целого места: все покрыто ссадинами и коростой. Но почему Гульюзум надела на него короткие штанишки и маечку? Колени у мальчика были почти черными и словно бы задубели...

Гульчачак очень любила племянника, она растила его почти с самой колыбели, потому что мать часто болела и месяцами лежала в больницах. Во время беременности Гульюзум, страшась людского осуждения, долгое время затыгивалась в узкие платья, и это, видимо, не прошло для нее бесследно.

Гульчачак подняла ребенка и прижала его к сердцу.

— И где же был наш малыш?

Лицо Гульюзум светилось, настроение было хорошее.

— Неизвестно, — ответила она. — Мама говорит, что он заполз в дыру под воротами и как ни в чем не бывало начал играть в песочнице с оставленной там игрушкой.

— Значит, он все-таки заблудился...

В разговор вступил Бари:

— Не заблудился он. Иначе мы бы его нашли. Мы же прочесали весь лес! — На серьезном председательском лице словно солнце сияло.

— А сам он ничего не говорит?

— Нет, к сожалению. Видимо, он и сам не совсем понял, что с ним произошло.

— Он заблудился, он просто заблудился в лесу. Сидел в какой-нибудь яме или под кустом, потому его и не нашли, — Гульчачак еще крепче прижала к себе мальчика. — Но что он ел?

На этот раз ей не стали возражать и тем более не сказали о волчьих следах, ясно отпечатавшихся на песке возле ворот. Они знали, что этим волком был волчий сын Пират, и теперь Бари жил одной мыслью, одной страстью — найти Пирата и уничтожить его.

Гульюзум ловко перевела разговор на другое:

— Мухаммета нет дома. А мы хотели позвать его на городской сабантуй, — и она снова судорожно притянула сына к себе.

— Он на днях должен был лететь в Италию. Может, уже уехал. Мы встречались недавно.

Услышанное почему-то поразило Бари, как удар током:

— Как?! Сегодня открывается его выставка! Приедут гости из Москвы!

Гульчачак пожал плечами, мол, подробностей не знаю, и добавила:

— А вот на выставку я хочу пойти. Как вы, поедете?..

Выставка должна была открыться только после обеда. В зале никого не было, кроме охранника — дебелой тетки, которая грубо сообщила:

— Выставка откроется после обеда!

Выдвинувшись вперед, Бари вежливо потянул тетку в сторону и вынул из кармана деньги:

— Мы айн момент! Сдачи и билетов не нужно!

Охранница подобрела:

— Только быстро! Пока начальство на сабантуе...

«Московская делегация прибудет после обеда. Мухаммет сказал, что «Лес» тоже будет выставлен здесь. И еще Мухаммет сказал, что эта картина будет его свадебным подарком».

Не видя ничего вокруг, Гульчачак бросилась искать «Лес». Сказать по правде, Бари интересовала та же картина, но он ни за что не признался бы в этом. Если Мухаммет согласился ехать в Италию, значит...

Да, Ханиф Хатыпович все-таки добился своего. И, надо полагать, его, Бари Акберова, старания также не остались тщетными...

Гульчачак первой увидела «Лес» и невольно закричала на весь зал: «Боже мой! Это же я!»

Лес. Окрестности Красного Яра. Молодые сосны. За редкими деревьями виднеется цветущая поляна. Над нею кружится могучий орел. А среди трав какая-то девушка вьет венок. Эта девушка — Гульчачак! Как похожа на нее! Потрясающе похожа!..

И лес здесь настоящий! Живой и дышащий. Это Красный Яр. Вон там, чуть левее и ниже, бьется родник!

Им, выросшим в лесу, на этой картине знакомы каждое дерево, каждая кочка, каждый цветок на поляне! Наверно, даже при помощи фотоаппарата невозможно так точно и во всех деталях скопировать реальную действительность!..

Теперь леса уже почти не осталось. Но обе они — и Гульчачак, и Гульюзум — хорошо помнят: несколько лет назад лес в окрестностях Красного Яра был точь-в-точь такой, каким он предстал сейчас на картине...

Девушкам стало грустно, глаза их повлажнели. Особенно расстроилась Гульчачак... она тихо плакала. Девушка то подходила к картине ближе, то отходила в сторону... Лес жил! Пусть только на картине, но он был живой и невредимый!

Бари молчал, ему тоже не хотелось говорить. Ему единственному хотелось поскорее уйти отсюда, убежать подальше.

«Москвичи-то, оказывается, не такие уж дураки! Хе...и за сколько же можно продать эту картину? Надо полагать, поездка в Италию и есть плата за картину...» — подумал он и искоса взглянул на Гульчачак, — девушка ничего не знала обо всем этом, и потому было немного жаль ее.

А ведь об этой картине и о любви одного юноши к прекрасной девушке в народе существует легенда. Легенды и предания были не только в древности, они рождаются и сегодня. Рассказывают, что жила-была красивая девочка. Она была дочерью лесника и выросла в лесу. А потому ее взгляд был таинственным, как лес, голосок чистый и звонкий, как лесной ручей, а душа девственна и невинна, как лесная чаща.

И будто бы все звери, жившие в лесу: зайцы, ежи, белки, даже медведи и волки, любили эту девочку. Поскольку других детей рядом не было, девочка играла со зверями, танцевала и пела с ними. Она защищала их, когда это было нужно, а те, в свою очередь, поднимали ей настроение и не давали скучать. Вот так дружно они и жили.

Девочка выросла и превратилась в прекрасную девушку. Ее красотой восхищались все вокруг! Приходившие в лес охотники, встретив ее, бросали ружья наземь и начинали собирать вместе с нею цветы. Каждый охотник старался рассказать девушке о своей любви и добиться ее расположения. Однажды весть о прекрасной лесной девушке долетела до Дива, жившего в далекой тайге. Обуреваемый любопытством, Див тут же отправился в дорогу, он бежал по верхушкам деревьев и скоро добрался до марийских лесов. Три дня и три ночи он прятался в кустах на берегу Илети, поджидая лесную девушку, и на четвертый день увидел ее, наконец, скачущую на прекрасном белом коне! У Дива было большое и горячее сердце; при виде девушки Див потерял дар речи, а сердце его бешено забилося, пытаясь вырваться из груди. Чтобы успокоить его, Див прыгнул в холодные воды Илети. Три дня и три ночи он просидел в реке, не в силах остудить свое сердце. На четвертый день, успокоившись, Див выбрался на берег и снова увидел девушку, которая вила венки и пела песню. Снова взыграла кровь у Дива, снова горячо забилося его сердце, вдруг оно занялось пламенем, и вскоре Див начал гореть. Огонь перекинулся на деревья, вскоре горел уже весь лес, — это был большой и страшный пожар.

Три дня и три ночи горели Див и все вокруг, лес превратился в сплошное пепелище...

А прекрасная девушка погрузилась в горе, перестала есть и разговаривать. Тогда лекарь Медведь придумал вот что: он сообщил всем охотникам в округе, что тот, кто вылечит девушку, получит ее в жены. Собрались охотники, начали думать да советоваться, но ничего путного не придумали. Тогда вышел вперед один молодой охотник и сказал лекарю Медведю, чтобы на завтра принесли девушку в такое-то место.

Итак, на следующий день принесли девушку в условленное место. Юноша велел завязать ей глаза и занести в горную пещеру. Внутри оказался большой и светлый зал. А на его стене был нарисован лес, в котором выросла девушка! Настоящий лес! Там был даже дятел, сидевший на верхушке дерева! Оказалось, что молодой охотник был настоящим художником. Девушке развязали глаза, она увидела нарисованный лес, засмеялась от радости, к ней снова вернулась жизнь, и она заговорила...

А потом, как и обещал лекарь Медведь, юноша-художник и девушка поженились и устроили пышную свадьбу. У них родилось много детей. Дети выросли и посадили на месте сгоревшего леса много деревьев.

Вот тебе сказка, легенда... и вот настоящая жизнь!..

Гульчачак сама не заметила, как кончиком пальца коснулась картины. Подоспевшая вовремя охранница схватила ее за локоть и громко заверещала:

— А я еще послушалась вас и пустила! Уходите отсюда! Немедленно уходите! Иначе я вызову милицию! Эта картина — особенная. Ее сегодня увезут в Москву!

Их почти вытолкали из зала.

— Бари, ты что-нибудь знаешь? О чем она говорит?

Бари кашлянул, помолчал немного, а потом, словно желая утешить девушку, пробормотал:

— Что с нее взять! И что она может знать? Это же просто тупая и невежественная женщина!..

Пойдем-ка лучше на сабантуй.

— Я не пойду!..

В эту минуту девушка была похожа на птицу со сломанным крылом...

Бари и Гульюзум отправились на сабантуй в Березовую рощу, а Гульчачак осталась сидеть на одной из скамеек на берегу Казанки. Она все еще была под впечатлением от картины.

...Дверь была открыта, людей вокруг не было. Девушка легкими кошачьими шагами поднялась на второй этаж и снова подошла к картине. «Мухаммет! Я люблю тебя! Спасибо тебе, Мухаммет!»

Она довольно долго простояла перед картиной, забыв обо всем; ее пухлые розовые губы дрожали, словно пытались заговорить с изображенной на картине девушкой: «Милая девушка! Ты — это я! Здравствуй! Здравствуй, моя юность! Ты уже добралась до Казани? А я все еще далеко отсюда... Пусть сначала Мухаммет благополучно вернется из путешествия, ладно? Подождем его. Он нас обоих любит. Но знай: я нисколько не ревную его к тебе. Потому что ты — это я. А я — это ты...»

«Постой, она сказала, что тебя увезут?.. Подарят кому-то? Нет, нет, ты не волнуйся! Мухаммет и я, мы никому тебя не отдадим...»

Гульчачак приблизилась к картине и ей вдруг захотелось прикоснуться пальчиком хотя бы к раме — золоченой и дорогой.

— Не трогать! Милиция!!! Охрана! Как ты попала сюда? Милиция! Милиция! Уходи немедленно! Милиция!

Девушка растерялась и испугалась. В ту же минуту с обеих сторон ее подхватили два парня и потащили к выходу.

Сколько она просидела в отделении милиции, сказать трудно, но, когда ее, наконец, выпустили на улицу, полдневная жара уже спала, следовательно, дело близилось к вечеру.

Постояв немного в задумчивости, девушка вдруг словно приняла какое-то решение и снова зашагала к зданию выставки. Улицы города были заполнены оживленной толпой, народ возвращался с праздника. Повинуясь какому-то внутреннему приказу, Гульчачак вскоре перешла на бег.

Предчувствие ее не обмануло! Возле здания, где расположилась выставка, были припаркованы шикарные иномарки с тонированными стеклами и автобусы. Узкая улочка перед входом в здание была заполнена разномастным и разношерстным народом. Гульчачак, способная с закрытыми глазами передвигаться по лесу, на мгновение растерялась. Но только на мгновение, потому что вскоре она уже продиралась через плотную толпу к двери.

Так же старательно работая локтями, она поднялась на второй этаж. Но что толку, — к картине было не подойти. Она, конечно, могла бы и этих растолкать локтями, но успела заметить, что публика тут особенная и отличается от той, что фланировала по улицам. Среди этих было трудно даже пошевелиться и перевести дыхание. Они были странные, эти люди, — похожие друг на друга, как спички в коробке, один смотрел направо, другой — налево, некоторые вообще стояли к картинам спиной, как истуканы, и лишь вращали глазами. Короче, народ тут собрался чудной и пришел явно не любоваться картинами. А эта группа впереди и вовсе необычная, — специально для нее создан пустой коридор. Когда группа начинает двигаться, пустота рядом с нею также передвигается. Гульчачак попыталась попасть в эту пустоту, но куда там, «пустота» все двигалась и двигалась от картины к картине.

Наконец, «пустота» остановилась возле «Леса».

— Мы приготовили эту картину вам в подарок!!!

— ...

— В прошлый раз, помните, она вам очень понравилась?..

— Мне не нужно. Спасибо.

— Но она так понравилась вам!

— Я не коллекционирую картины. От них слишком много пыли. У Фаины Максимовны от пыли аллергия!

«Пустота» двинулась дальше, а к картине тут же подбежал кто-то расторопный, снял ее и куда-то унес.

Увидев вместо «Леса» пустое место, Гульчачак чуть не лишилась сознания. А вскоре опустел и весь зал.

Пустой, пустота... Почему-то говорят: бессмысленная пустота... Но ведь у пустоты есть свой смысл...

В пустоте, в Ничто можно найти все, в них скрыта бесконечная сила. И это — единственный способ для измученного ума освободиться от того обманчивого и иллюзорного состояния, в котором он пребывает, и вернуться к своей истинной природе...

Конец первой книги

Перевод Гаухар Хасановой

Книга вторая

Воронья стая

Вороны летели и летели... Пронеслись под ними города, села, люди... Вороны летели и летели, и в их полете было что-то неумолимое, страшное... Казалось, все живое в мире устало, кроме воронья. Продолжали свой бесконечный зловещий полет черные вороны, серые вороны, скворцы, воробьи, сороки, галки...

...Черные вороны сразу почувствовали что-то неладное при выведении своего черного потомства. Покачали черные вороны головами, задумались, посудачили-поспорили по-своему, не переставая растерянно удивляться: как же это так получилось? Но к единому мнению, кажется, так и не пришли.

А дело было в том, что один недавно только вылупившийся из яйца вороненок вел себя странно, и вообще не был похож на других воронят. Во-первых, он один в стае был серый. Мать странного вороненка недоумевала вместе со всеми, широко разводя крыльями, будто призывая соплеменников в свидетели, но как бы она ни недоумевала, видно было, что здесь что-то нечисто, и скорее всего, тайна странного выкормыша таится в самой матери... Во всяком случае, так всем казалось... В самом деле: зачем она спуталась с какими-то парнями из чужого птичьего мира, когда перед ней сотнями, тысячами дефилировали чудесные представители черного вороньего племени!.. Ну, а теперь, посмотри-ка на это вылупившееся отродье — ни ворон, ни галка, ни ястреб, одним словом, чертово отродье! Посмотрим, каков еще будет характер у этого отродья, когда оно вырастет. В человеческом мире его мать, возможно, и считали бы виновной. Но ведь воронья мать была всего лишь вороной! Кто-то из другого птичьего племени подложил в ее гнездо яйцо, и был таков... Чему тут дивиться?! Некоторые из человеческих «матерей» и вовсе норовят выбросить новорожденного младенца куда-нибудь под забор или даже в мусорную яму...

А пока... Пока вороны летели и летели... Пролетали села, города... Пролетали людские судьбы...

* * *

...Новый день Акберова начался... с кровопролития... Хотя, судя по всему, до этого не должно было дойти. Все получилось как-то неожиданно. Вообще-то, в тот день должно было состояться важное для него событие, и надо же такому случиться! Ну, причем тут кровь живых существ, пусть даже самых малых созданий природы?

А тот вечер прошел удачно, даже красиво! С сумерками Бари осторожно, словно кот за сметаной, пробрался ко двору одной вдовицы. О встрече они еще днем договорились. В подарок своей зазнобе прикупил он кучу какого-то разноцветного тряпья. В другое время, например, после «озимых работ» он оставлял на столе любовницы деньги, а вчера вдруг понес какие-то тряпки, чего с ним сроду не бывало. Да что там... Раньше он просто приходил к ней с бутылкой дорогого коньяка...

В последнее время Бари стал охладевать к своей Гульюзум. Неизвестно, кто в этом виноват, но ясно было одно: душа его стала покрываться паутиной равнодушия. И эта ситуация беспокоила, даже пугала его, как черный кот, перебежавший дорогу. Он не хотел этого, мучился, отчаянно пытался заполнить закат своих чувств искусственно светлыми, яркими тонами, покончить с тысячами сомнений...

Он знал, что твердо стоял на этой земле, всегда достигал намеченного. И в то же время понимал, что ни богатство, ни даже слава и почет все равно не могут принести покой в его душу.

Человек хотя бы один раз в жизни должен попытаться, что называется, взмыть птицей в небо... То есть у него должна быть возлюбленная, ради которой сердце трепетало бы как крыло летящей птицей. У него... — это у Человека Счастливого.

Бари Акберов был человеком неглупым и считал: будь ты на самом вершине богатства, славы и почета, очень там тебе будет неуютно, если ты лишен высшего дара Аллаха — Любви! Именно эта неуютность, тоска и пугала Бари. Любил ли он кого-нибудь? Возможно, Природа обделила его этим прекрасным чувством, посчитав излишним бросить несколько крупинок тонкого чувства в его беспокойную, мятежную душу?

Чу!.. Погоди! Не переносит ли он вопрос любви в область чисто умственно-логическую?

«Любовь, любовь, когда ты овладеваешь нами, можно сказать: прощай, благоразумие», — сказал когда-то Жан де Лафонтен. Хотя для председателя колхоза не так важно, кем был этот самый Жан... И все-таки строки эти задевали душу Бари, честное слово, задевали!.. Значит, он не умеет любить. Руководствуется и в чувствах преимущественно умом, сухим расчетом. Но как же быть с чувствами к Гульюзум? Ведь он как будто бы любил ее...

Бари, как истинный татарин, не верит ничему не пощупав, не потрогав. И чтобы уверить самого себя, прибегает к различным методам. Впрочем, почему к различным... На этот раз его метод, кажется,

состоит в единственном: сравнить свою Гульюзум с другими женщинами. Надо сказать, методом этим он пользовался не раз: сравнивал, сравнивал... Как говорится, изучал, щупал, трогал...

По крайней мере, так пытался он объяснить свои чуть замаскированные вояжи к разным «наташкам» и «машкам». Объяснить самому себе, конечно... А раз так, раз это что-то вроде научного эксперимента, то и грешки эти, видимо, прощаются.

Один умный человек сказал, что мы любим не тех, кто восхищает нас, а тех, кто восхищается нами. Молодая вдовица Наташа, чтобы пристроить свою дочурку и найти себе работу, определилась в специальную швейную мастерскую при колхозе. Когда Бари приходил проверять деятельность мастерской, бедная Наташа так обмирала от счастливого страха, что чуть не резала ножницами свои пальчики или, казалось, могла зашить оба пальца в один. Ножницы валились из ее дрожащих рук, казалось, в помещении вдруг гас свет, и только Наташины глаза источали восторженно-голубой свет. Это замечали и подружки, да и сам председатель.

Полтора года назад муж Наташи Степан нашел свою смерть в Чечне. Его тело так и не отыскали. И не поймешь — то ли искала Наташа утешение в объятиях председателя, невольно «представляя» его утерянным мужем, то ли тешила тем самым свою молодую душу и юное тело? Об этом не знали ни подружки, ни руководители, да и сама Наташенька. И все же?..

Говорят, кто ни разу не познал любви, тот не жил. Эту теорию Акберов знал прекрасно, понимал ее смысл. Доводилось ему слышать и то, что миром правят Любовь и Голод. Голодная собака просительно смотрит хозяину в глаза, ну, а народ, если он полуголодный, просто быдло, стадо... Это, допустим, понятно. А любовь? Гульюзум?.. Бари хочет разгадать эту головоломку до последней буквочки, разобрать и сложить по полочкам, строчкам.

Хотя он не был нигилистом, многие «чудеса» этого мира представлялись ему чем-то вроде бабушкиных сказок. Например, как не верил он тому, что «колесо арбы изобрели башкиры», так не брал на веру сразу ничего на этом свете. Казалось, для него этот мир состоял прежде всего не из вопросов, а из ответов.

А любовь?

Гульюзум?

На эти вопросы он никак не мог получить ответа. Наверное, именно поэтому закоренелый холостяк Бари абзый Акберов вчера вечером и навестил молодую. Да, поэтому, наверное, он шлялся «по озимым», старался укрепить, утвердить свою мучительную философию...

Однако... Однако все равно хотелось кого-то любить. И снова вставала перед глазами Гульюзум. А Бари почему-то боялся ее. Вернее, не столько ее... Он боялся, что постепенно привыкнет к ней, так привыкнет, что почти не успеет попробовать на вкус то чудесное божественное блюдо под названием Любовь.

Наташа весь вечер примеряла то одно, то другое платье, подаренное Бари. Иногда говорят, что женщина — раба тряпок. Вроде как кукла... Не знаю... Во всяком случае, Наташа и сама по себе, без этих «тряпок», была прелестной «куколкой». Но Бари определенно нравилось, когда его пассия, подведя изящные брови, эдакой царевной вышагивала в подаренных им нарядах. Нет, вы поймите правильно, Акберов отнюдь не любовался и тем более не гордился самим собой — щедрым дарителем. Ему просто нравилось смотреть на красоту. И он весь вечер смотрел на нее, восхищался молодой женщиной, чувствуя себя каким-то размягченным, умиротворенным. Ему было так хорошо, так чудесно... Может, это и есть Любовь?

...Полная луна полилась через полуприкрытое окно на крашенный пол дома, отчего все вокруг стало будто светло-волшебным. Именно от этого лунного света и проснулся вдруг Бари, спавший до этого, уткнувшись в нежные холмики — груди возлюбленной. Даже проснувшись, он еще не сразу пришел в себя, лежа некоторое время без движения. Губы его вновь дотронулись до женской груди. Ему показалось, что вкус Наташи был каким-то другим, чужим, что ли. Вот именно чужим, хотя Бари никак не мог объяснить это ощущение. Он резко повернулся спиной к женщине, спавшей бездвижно и безмолвно, даже, казалось, не дыша, как спят рыжие марийские кошки в домах своих лесных хозяев.

В марийских деревнях все кошки обычно бывают рыжими, тогда как их сородичи в татарских аулах — черно-белыми. Может, это зависит от местности? Интересно, какого цвета кошки в русском селе Буряне? Бари постарался вспомнить и усмехнулся: бурянские кошки напоминают маленьких тигрят, вороватых, жадных. Бурянские «русичи», как правило, уезжают искать «легкую жизнь» в городе, не удусуживаясь, естественно, брать с собой кошек. В результате брошенные киски дичают. Может, они, заранее зная свою судьбу, и рожают таких котят — диковатых, вороватых, приспособленных неделями жить в лесу и степи?

Обнимать Наташу расхотелось окончательно. Сон не шел. Бари пробормотал: «Любови, оказывается, все мешает», и стал одеваться. В это время марийская краля сквозь сон обняла его жаркой рукой за шею, пытаясь удержать его предутренней лаской. Но тепло любовницы не согрело Бари, он грубо откинул руку красотки, соскочил на пол. С улицы раздавалось хриплое карканье воронья. Село еще не

проснулось. Крик воронья всегда омерзителен. Для Бари вопли этих птиц были особенно ненавистны сегодня. Настроение у него было — хуже некуда. Ведь сегодня он сделал «открытие» в любви. Заряжая ружье-двустволку, Бари выскочил на улицу и пальнул в стаю жирных ворон, голосащих на верхушках столбов. Село, еще томящееся в предутренней неге, вздрогнуло от выстрелов. Крыши домов, казалось, подпрыгнули в небо, а стекла окон разлетелись бледными предрасветными искрами. Даже солнце, край которого уже робко зарделся над марийским лесом, казалось, остановилось в испуге на некоторое время.

...Жена комбайнера Валерия — в деревне его звали просто Балюк — Настя была уже на седьмом месяце беременности, и поэтому неудивительно, что ее часто поташнивало. И на этот раз тошнота привалила к горлу Насти (марийское произношение — Начтя) прямо на рассвете, и она вышла на двор, за лабаз, едва успев склониться прежде, чем ее вырвало. И вдруг грохнул этот ужасный, оглушающий выстрел, испуг от которого словно покатился по ляжкам Насти, и она грузно села на то, что только что исторгнула. Резкая боль пронзила чрево будущей матери, которая вынашивала первенца для Балюка, и она истошно завопила — то ли от страха, то ли от боли, а скорее всего, и от того и другого вместе.

Псы уже не лаяли: их хвосты были трусливо прижаты к задам.

Балюк и сам спал плохо. Рано утром ему предстояло завести комбайн и выйти в поле. А тут еще вчера они с Бачилаем (марийский вариант имени Василий) так «наклюкались», что спозаранку казалось, что башку у Балюка открутили, а на ее место приделали мельничный жернов. Во всяком случае, голову от подушки нельзя было приподнять. Балюк матерно выругал Бачилая, который, как ему казалось, и был виноват, что довел его до такого состояния. А дело было так. Пospорили они, ударивши по рукам, о том, как родится сын Балюка. (В том, что будет сын, никто, само собой, не сомневался.) Дело в том, что Насте в больнице сказали: если не сумеешь родить сама, сделаем кесарево сечение. Балюк отродясь этого диковинного слова не слышал. Интересно ему стало: что это еще за кесарево? Заморское какое-то слово-то! Не дай бог, если после «кесарево» сын Балюка заговорит по-иностранному. Бачилай оказался малость пограмотнее дружка, и объяснил так: «Если хочешь знать, «кесарево» — это когда режут живот! Вот!»

Тут-то и возник пресловутый спор: как будут резать живот бедной Начти: вдоль или поперек? Бачилай упорно стоял на своем: дескать, вдоль. А Балюк тоже заупрямился: нет, поперек! И подтверждал свою правоту самым простым способом: мол, раз сын будет мой, значит, и резать будут по-моему: поперек!

Так и не придя к консенсусу, они начали выяснять истину при помощи кулаков. Оба были дюжими бойцами, поэтому на землю падал то один, то другой, причем друзья заранее условились: кто падает, тот покупает «маленькую», которую тут же распивали и продолжали спор. Наконец, согласились на мирный договор: взять в складчину еще «четверть» водки и завершить таким образом «пари». Печать под составлением мирного договора ставили довольно долго, причем последний гост был, кажется, за этого самого заморского «кесарева», будь он не ладен.

А назавтра!.. Утром, возможно, полегчает, если как следует выматеришь этого проклятого Бачилая.

Но тут истошный крик жены мигом отрезвил Балюка — он от испуга свалился с кровати на пол, а потом опрометью бросился во двор.

У Насти начались преждевременные родовые схватки. Не зная, что делать в такой ситуации, опешивший Балюк выбежал на улицу. К счастью, неподалеку стоял председательский «уазик», вокруг которого бегал и ругался его хозяин Акберов. Оказалось, какой-то злоумышленник проколол все четыре шины «уазика». Балюк подбежал к председателю и, запыхавшись, сбиваясь с дыхания, объяснил суть дела и попросил помощи. Акберов еще раз зло пнул колесо машины и спросил: «А комбайн твой где?» Комбайн стоял на окраине села. Бари быстро зашагал туда. Балюк остался с женой, к которой уже начали сбегаться сердобольные соседки. Пока Бари заводил вечно капризный комбайн, Настю со всеми предосторожностями привезли на ручной тележке, «управлял» которой лично Санюк — отец Балюка. Сам Балюк толкал тележку сзади, а мать, тетя Соня, поддерживала невестку за плечи. Маленького роста, с сухощавым лицом, но чрезвычайно живой и энергичный дед Санюк чуть ли не на каждом шагу умолял сноху: «Начтук, миленькая, обязательно сына привези, ладно?»

Толкавшему тележку Балюку, видимо, надоели причитания отца, и он бросил в сердцах: «Ну, хватит, батя! Заладил: сын да сын. Молись, чтобы невестка твоя осталась живой-здоровой!» Но маленький дед упорно твердил:

— Вот кабы сыночка... Я его, когда он вырастет, председателем поставлю, ведь Акберова все равно в Казань на повышение позовут.

Старик не лукавил насчет возможного повышения Акберова: председателя уважали в этом марийском селе, как говорится, и мал, и стар. «Уж как Бари Хазиевич для нас старается!» — приговаривали марийцы. И все-таки... Кто-то же проколол шины его машины...

В участковую больницу вели две дороги: одна покорооче, но вся в ухабах, а вторая — вкруговую, но относительно ровная и асфальтированная. Ко второй дороге надо было выходить через поле: примерно

полтора километра. Бари повел комбайн через поле, на котором рос отменный ячмень. Это было не колхозное поле, а участок фермера Сибгатуллина. Еще до назначения Бари на председательский пост Сибгатуллин, ходя по разным инстанциям, ругаясь с бюрократами и крючкотворцами, добился выделения ему земли под фермерское хозяйство. И на его земле вот уже который год вырастает замечательный урожай ячменя. Но мало вырастить сельхозкультуру: надо ее собрать, куда-то определить. Сибгатуллин и тут нашел выход: стал сдавать свой ячмень на Казанский пивоваренный завод, благо что его ячмень отвечает всем требованиям заказчика. Вон, недавно и новый «КамАЗ» приобрел. Но почему он оставил эту махину в поле? Для работы вроде бы рановато. Может, он решил заночевать в машине, в поле?

«Какое дело мне до этого Сибгатуллина, пропади он пропадом! — выругался в сердцах Акберов. — Куркуль! Все равно я его раздавлю, как гниду!»

От злости Акберову даже малость полегчало. Но жгучее стремление сделать какой-нибудь подвох, подлость этому «куркулью» настойчиво искало выход. И Бари отдался на волю этому чувству. Иначе какой он Бари?

Одно «крыло» комбайна на полной для этой машины скорости садануло по краю кузова «КамАЗа», стоявшего на берегу полувысохшей речки. Стук, треск, скрежет — и новый грузовик сдвинулся с места, падая в русло речки.

В это время комбайн уже поднимался на шоссе. До больницы оставалось совсем немного. А новый «КамАЗ» ткнулся «носом» в обмелевшую речку. Дремавший за рулем Самигулла среагировал вовремя: переключил рычаг на заднюю скорость и снял ногу с муфты. Движение машины замедлилось, хотя она едва не очутилась в реке полностью.

Самигулла посчитал, что аллах спас его во имя его детей, а Гульюзум — во имя счастья ее единственного сына — Анвара.

Машине был нанесен сильный урон. Самигулла сокрушенно вздохнул: сидевшая рядом Гульюзум испуганно прижалась к нему, одной рукой ухватив его за шею, а другой держась за ушибленный лоб. Самигулла не спешил освобождаться от ее мертвой хватки, хотя у него самого ныли от удара шейные позвонки. В этот момент оба они поняли и поверили, наконец, что остались живы, но все еще находились в сильном смятении. Первым пришел в себя Самигулла, лицо которого с невероятной силой было прижато к груди Гульюзум. В нос ему ударила горячая волна судорожно дышащей груди Гульюзум, и от этой волны Самигулла словно снова потерял голову: рука его лихорадочно освободила полные, нежные груди женщины, на пол кабины посыпались пуговицы от халата, и Самигулла почувствовал, что волна, исходящая от женской груди, стала еще горячее. Не помня себя, Самигулла ткнулся потным носом в середину оголенных прелестей Гульюзум. Она засмеялась, как будто и не была только что на краю гибели.

Подул ветер, наклоняя ветки прибрежной ивы...

В эту минуту начисто забыта была искалеченная машина... Черт возьми, как хорошо все-таки жить!.. И любить!..

...Самигулла сам помог Сибгатуллину приобрести новую машину. «Я уже договорился об одной машине, — сказал он. — Жена мне все уши прожужжала насчет легковой машины. И вот, вместо того, чтобы приехать на «КамАЗе», я приехал на «Ниве». А ты бери «КамАЗ». Он знал, что фермеру нужна грузовая машина. Вдвоем поехали они за грузовиком, привезли, обмыли покупку. После Самигулла на этой машине направился к себе в родное село. Проезжая через марийскую деревню, Самигулла увидел возле одного из дворов машину Акберова, и снова остро вспомнил обиду, нанесенную ему председателем. Он потихоньку выехал назад из села, крадучись вышел из кабины, а потом острым шилом проколол все шины «акберовской» машины. Не удовлетворясь этим, он составил новый план мщения. Хотя они были сверстниками и десять лет протирали штаны в одном классе, часто даже за одной партией, но друзьями вовсе не были. Наоборот, ненавидели друг друга, хотя на виду, для всех сохраняли доброжелательные отношения.

Самигулла напрямик направился в лес. Постучав в ворота, разбудил Гульюзум и рассказал об увиденном. Дня два-три назад приходил Бари, клялся ей в любви, божился, что они поженятся. Слух об этом разошелся. Поэтому сначала она хотела набить морду пьяному Самигулле, но потом какая-то сила остановила ее. В душу закралось недоброе сомнение. Ей стало вдруг очень интересно. Возможно, это была ревность... Но ведь и сомнение было! И все-таки она немного постояла в растерянности, наблюдая, как расплзается по земле рассвет, и залезла в кабину «КамАЗа».

Когда они поворачивали к ячменному полю Сибгатуллина, чуткая и зоркая женщина увидела комбайн, спускавшийся с холма возле Чудрасалы. Раз комбайн вышел в поле на рассвете, значит, ему дан наряд. Но почему этот Акберов так рано расстался с жаркими объятиями своей марийской красотки?

Гульюзум

Я уже начала думать, что становлюсь рабом собственных страстей.

...На этот раз месть не совершилась. Снова Бари!

А с другой стороны — спасибо ему. Кажется, спас меня от греха мести.

Жену Самигуллы Разифу он отправил к Мухаммету! Я и сама думала отомстить Самигулле через его жену. Чувствовала, знала, что Разифа — женщина несколько ветреная и пылкая, податливая на мужские ласки. Но я не хотела впутывать сюда Мухаммета!

Чу! Постой-ка, Гульюзумчик!.. Снова обманываешься! При случае ты с удовольствием сама воспользовалась бы Мухамметом! И еще как!

О, Аллах, сохрани рабов своих от земных грехов и страстей!.. Людям дай волю — они по горло завязнут в грехах, и уже не вылезут из этого болота.

Кажется, я пытаюсь оправдываться... Да, что только не сделает человек, чтобы оправдать себя в собственных глазах...

А Бари? Что ни говори, а его поведение очень меня обрадовало: кажется, мы начинаем думать одинаково.

Господи, лишь бы все обошлось!

А ведь это неспроста... не зря... что мы с Бари думаем одинаково... Что-то в этом есть...

Зрелая женщина, уже свободная от пылкой девичьей чувствительности, начинает относиться к любви прежде всего с помощью разума. Может быть, нужно было соединиться с любимым еще в те, глупые, безумно счастливые юные годы?.. Вот еще один вопрос... Вопрос за вопросом...

Веют ветры, текут пески...

Жизнь всегда вносит свои коррективы в планы юности. Например, мечтал после института возвратиться в родное село, а жизнь распорядилась иначе. Да, жизнь — понятие само по себе изменчивое, что ни говори. А уж люди... Интересно: судьба меняет людей или, наоборот, люди — судьбу? Вроде бы простой философский вопрос...

Когда-то была страна — Ватан. Потом ее не стало, а позднее ее чуть ли не глумливо назвали «Республикой». А теперь наш бывший Иль — что-то вроде филиала Москвы. Точнее — Казанский геополитический филиал Федерального Центра. Некоторые называют его Волжско-Камским филиалом... Словом, кому как нравится, смысл от этого не меняется.

Филиал... Это относительно новое словечко не совсем понятное простому народу, но радует хотя бы то, что слово это — явно не татарское, чужеродное. Хотя один маститый академик, покопавшись в дебрях лингвоистории, пытался доказать тюркское происхождение этого слова. Ничтоже сумняшеся академик связывал слово «филиал» со знаменитой деревней Фили, где знаменитый потомок татарских мурз полководец Кутузов проводил свое историческое совещание то ли перед, то ли после решающего сражения с французами. Дескать, «филиал» — это измененный вариант названия бывшей татарской деревни Фили — ни больше ни меньше! Потому, что, видите ли, потомок ордынских ханов Кутузов мог проводить столь важное совещание только в татарской деревне. Да-да! И не спорьте! Это — аксиома. Самое главное, что «доказательство» это — очень простое и понятное. Наверное, поэтому казанцы так полюбили слово «филиал». Главное управление (резиденцию) в Казани они называют Большим Филиалом, или просто «Большими Филиями», подразделения меньшего масштаба — «маленькими филиями». Начальников разнокалиберных «филей» остряки окрестили «слонами», ибо «филь» — по-татарски «слон». И эта «слоновья» традиция «филей» вошла в плоть и кровь большинства населения края.

В связи с «филиями-слонами» невольно возникает ассоциация с Индией, Хиндустаном. Ведь и Казанский филиал иногда, может по инерции, все еще называют «Татарстаном». И вообще, может, слово «филиал» произошло от тюрко-татарского «филь» — «слон»? Нашелся же еще один ученый-историк, утверждавший, что дальние прапредки татар пришли вовсе не из монгольских степей, а из сказочных джунглей Хиндустана! Индийские девушки такие красивые, как и татарочки. Так славно поют. И вообще, мы выросли на чудесных индийских фильмах, и не смейте отнимать у нас юность!.. Что-то в этом смысле говорил и один рыжеволосый депутат... Чего только не бывает...

...Настроение было паршивым. Хотя зайца какого-нибудь застрелить, что ли, для поднятия, как говорится, тонуса... Бари с утра вызвал «на ковер» начальник местных «филей». То есть местный «слон». И вот теперь Бари, слегка помятый «слоном», возвращается в свои «маленькие филии». Проезжая через лес, Бари решил сделать остановку, поразмыслить над новыми идеями «слона».

Хотя начальник приходился ему родственником, Бари понимал, что его вызывают не для того, чтобы попариться в баньке. К тому же Заит Валиевич обязан был своим назначением еще Акберову-старшему, отцу Бари. А теперь такое время, что доверять можно лишь «своим». Вся надежда — на родственников. Дядя, сыновья, племянники, зятья, невестки и так далее...

— Нужно быстро объединить два колхоза! — сказал ему Заит Валиевич. — Не тебе объяснять, какое время на носу.

— Что же мне делать с таким количеством деревень?

— Будешь хотя бы собирать шкуры и выделывать кожу!.. — ухмыльнулся Заит Валиевич.

— А если серьезно?

— Неужели не понимаешь? Не чуешь? Куда катится мир? Скоро с колхозами будет покончено, а все земли распродадут!

— Ну?..

— ...гну! Пользоваться надо моментом, браток! Деньги с неба не падают, их надо организовать. Колхозам «жить» еще года два-три. Умному человеку этого времени хватит, чтобы из вымени побольше и молока выдоить побольше, понял?

— Ты что, собираешься еще три года меня в этом медвежьем углу держать? Знаешь ведь, что я намерен поехать в Казань.

— Никуда ты пока не поедешь, браток. Ты здесь нужен. Скоро из Франции прибудет новая партия беговых лошадей. Готовься принять их.

— Куда их девать? У меня их и так много.

— А Москва? Что собираешься с Москвой делать? Мы же договорились: завоюем Москву французскими скакунами!

— Ты такой же мечтатель, как Хади абы. Москва, дескать... Москва слезам не верит, если хочешь знать. Ее уже ничем не удивишь.

— Как это так, браток? Забыл про соседей?

— Значит, и ты думаешь завоевать Москву скакунами. Интересно... Только сейчас, Заит Валиевич, в моде разные авиашоу, авторалли...

— Москва все еще преклоняется перед всадниками. Видя конные бега, она как бы возвращается ко временам взятия Казани, испытывая сладостно-зловещее чувство торжества и мести. А если кони будут из Казани, исторические воспоминания станут еще более сладостными!

— Мода на лошадей прошла, Заит Валиевич. Теперь — время самолетов.

— Даже если мода на лошадей прошла, то мода на историю — нет! А что, если татарские скакуны будут первыми в России?

— Такого никогда не будет. Никогда...

— Почему?

— Потому... Самых лучших скакунов ты все равно положишь в общий котел. То есть в сборную команду. И потом: у лошадей нет национальности. Да что там лошади! Разве ты не знаешь, какое время на дворе? Теперь даже у людей, у детей норовят отнять или переделать национальность.

— И это ты мне говоришь?

— Не тебе. И никому. Мой вопрос не требует ответа.

Скрипнул стул под Заитом Валиевичем. «Слон» был весьма тяжелым: при малейшем движении стул или стол жалобно поскрипывали. Бари знал и «читал» каждое движение своего хозяина, каждый скрип его стула. Хотя со стороны казалось, что хозяин вот-вот поднимет со стула свою тяжелую тушу и решительным тоном скажет свое окончательное решение, Бари понимал, что это не так, и по-прежнему сидел, даже не шелохнувшись. Разговор продолжался.

— Присоединяя к моему хозяйству новые села, хочешь заварить кашу погуще? Знаешь ведь, у меня и так дел по горло: собираемся перенести село на гору.

— Что ты оставил на этой горе?

— Мы ведь уже обдумывали этот проект. Прекрасно знаешь, сколько усилий я потратил, чтобы народ уговорить на переселение.

— Знаю, браток, знаю. Но одного не понимаю: зачем тебе это?

— Это нужно не только мне, но и тебе. Народ теперь уже не тот, шибко грамотный стал, знает много, видит много. Надо немного расшевелить его, сбить его с панталыку. Глядишь — займутся люди новым, хлопотным делом, и недосуг им будет подсчитывать число твоих коттеджей под Казанью. Просто времени на это не останется.

— Знаю, знаю, Бари-браток. Но это цель у тебя не единственная. Меня не обманешь.

Бари улыбнулся уголками губ. «Уж кого-кого, а тебя, дядя Заит, точно не обманешь», — подумал он, но виду не подал, не хотел сдаваться сразу, продолжать гнуть свое:

— Точно тебе говорю! Вот сам подумай. Я лично погрузил в автобус девятнадцать колхозных алкашей и отвез их на лечение к той чувашке-знахарке. Теперь они отрезвели, не пьют, а стало быть, много стали видеть, понимать. Умничают много. Мораль читают. Раньше как было? Поставь им «пол-литра», и они горы свернут. А теперь на каждом шагу деньги требуют. Так-то вот!

Заит Валиевич усмехнулся. Бари был по-своему прав, но все же что-то другое было у него на уме.

— Так-то оно так, браток. Но ведь я понимаю, что не совсем так. Что ты задумал? Впрочем, знаю, что: хочешь переселением аула сотворить историю, как твой дед.

Бари ничего не ответил ему. Не сердился на то, что его не понимают. Конечно, Заит абзый й, этот увалень, бывший спортсмен-борец, далеко пойдет. Высоко взлетит, да и родственника своего, Бари, не забудет, за собой потянет: верные люди всюду нужны. Кроме того, «слон» по гроб жизни обязан отцу Бари, Хази ага, который, по сути, сделал из него человека, вернее, вывел в люди, посадил на «хлебное» место. Еще в те времена...

Бари не хотел вести пустые разговоры и сказал:

— Ладно, пусть будет по-твоему.

Стул под тушей бывшего борца снова жалобно охнул, вслед за ним ойкнул стол.

«Слон» явно чувствовал себя победителем, но, как этого и ожидал Бари, стал быстро и оживленно приводить дополнительные доводы в пользу своей правоты. Бари чувствовал: Заит абзый сам не верит своим словам, может, поэтому и ждет от Бари чего-то вроде одобрения. В такие минуты он всегда говорил быстро: слова вылетали, как из пулемета.

— Ты сам подумай, браток. Никто не знает, куда теперь катится этот мир. Сегодня так, завтра эдак. А нужно заботиться о будущем. Со временем земли твоего расширенного хозяйства станут продавать и раздавать направо-налево. А земля — самый большой капитал на свете! Без земли-матушки ничего не сделаешь. Придет время — и мы вернем эти земли себе. Дело к тому идет, браток. Земля ведь есть-пить не просит. Умные люди теперь так поступают. Ну, а для того, чтобы встряхнуть массы, нам недостаточно одного переселения аулов. Вот, к примеру, если бы с триумфом вернулся из Москвы, победив там со своими скакунами, а? Тогда скажут: Акберов молодец, он зря время не теряет. Ну, а насчет аула... Да пожалуйста, переселяйтесь, ради бога. Не зря же говорят, что движение — это жизнь. А народ — что, не очень доволен предстоящим переселением?

— Пока не спрашивал конкретно. Думаю так: для начала выберу десять самых лучших участков земли на новом месте, распределю их, объявлю переселение. Остальные, чтобы получить земли получше, быстро придут в движение, друг у друга эти участки рвать будут. Впрочем, с некоторыми колхозниками надо поговорить отдельно.

Оба переглянулись и понимающее улыгнулись.

— Да, нелегко сейчас тянуть колхоз. Приходится потуже перетягивать пояса.

— Ну, скажешь тоже... По крайней мере, себя... и еще несколько человек способен прокормить?

— Так... если поднапрячься... И из сухого глаза слезу можно выдавить. А если серьезно... Ты знаешь, я не из тех, кто любит плакаться в жилетку.

— Знай, браток, тебя к следующим «филям» могут вывезти только лошади.

— Гм-м... Верхом на коне, значит?

— На коне, на коне... Да, кстати... Как там поживает наш дорогой Израиль?

— Когда к его даче подвели асфальтовую дорогу, он сказал, что готов и зимой там жить, — ответил Бари. Он хотел что-то добавить еще, но удержался: то ли мысль была еще не готова, то ли не было желания продолжать эту тему. Заит Валиевич был весьма чутким человеком, способным, что говорится, по движению головы узнать настроение собеседника. Поэтому он тоже немного помолчал. В действительности им обоим хотелось продолжить эту тему, но они не знали, с чего начать, как прервать затянувшуюся паузу. Израиль Исаевич работал в городе в научном институте, а лето проводил здесь, в соседней еврейской слободе. Не так давно Бари с этим ученым евреем сидел на пасеке, потягивая медовуху. Как раз шла перепись населения, видимо, поэтому разговор получился слегка политизированным.

— Если проведете асфальтовую дорогу, мы и зимой готовы здесь жить, — сказал тогда Израиль Исаевич. — Кстати, во время переписи я думаю записаться татаринном. А русскими пусть крещенные татары становятся.

— При условии, что я проведу к вам асфальтовую дорогу? — уточнил Бари. Израиль Исаевич, словно ожидая этого вопроса, ответил без промедления:

— Мы готовы записаться татарами без всяких условий.

— И что, потом всю жизнь в татарах ходить будете?

— Мы можем записаться кем угодно — русскими, марийцами, чувашами... Хоть неграми! Но при этом мы все равно останемся евреями. А вы, татары, не такие. Если татарка выйдет замуж за русского, и сама, и ее дети становятся русскими. Если татарин женится на русской, происходит та же самая ситуация.

— Как это?

— Постепенно он обрусится, охристианится.

...Вспоминая этот разговор, Акберов усмехнулся.

У профессора, доктора философских наук Израйля Исаевича Воронова была любимая поговорка: «Ветры дуют. Текут пески...»

* * *

...Возвращаясь из райцентра через Байтимерский урман, Бари снова испытал желание встретиться с тем волком, морда которого так похожа на человеческую голову, и в конце концов убить его. Ему казалось, что тогда он избавится от какого-то недоброго, дурного чувства, давно поселившегося в его душе.

Но сегодня ему почему-то не хотелось въезжать в лес одному. Он резко повернул и направился в сторону еврейской слободы. Если окажется, что Израиль Исаевич приехал вчера на свою летнюю резиденцию, он не преминет попроситься в машину Акберова, чтобы вместе с ним объездить его владения, а потом по обыкновению остановиться на пасеке попробовать ковш — другой шипучей медовухи, а если есть время — затопить баньку и с удовольствием попариться.

Когда разговор зашел об Израиле Исаевиче, Заит Валиевич спросил у Бари: «К тебе из ФСБ еще не приезжали?» Этот неожиданный вопрос смутил Акберова. «Почему это ко мне должны из ФСБ приехать? По какому поводу? Я им дорогу не переходил», — удивился он, и Заит Валиевич вдруг не стал продолжать тему, а перевел разговор в другую плоскость. А теперь Бари по пути домой продолжал удивляться странному вопросу Заита абзы, и сожалел, что не стал тогда настаивать на пояснении, уточнении этой неожиданной заинтересованности начальника... А теперь он сожалел, что свернул к заимке Израйля Исаевича. Впрочем, маршрут еще не поздно было изменить...

Еврейская Слобода расположена вблизи Казани. Собственно, ее обитатели работают в городе, а живут в этом предместье, прозванном татарами «Тол-Ъби» — по звучанию это близко к «Тель-Авив», но по-татарски означает «Одинокая Старуха», или «Старая вдова». В соседних селах проливают пот на полях и фермах татары, марийцы, а евреи и русские работают в городе. Разница лишь в том, что русские, переселившись в город, давно и полностью оборвали свои корни с землей, а у евреев лишь место работы находится в городе. Станный, непонятный народ. Бари вспомнил оригинальное стихотворение одного поэта, своего друга Мухаммета.

В переводе на русский язык оно звучит примерно так:

«Иван с Абрамом силу трона
Не могут поделить — дела!
И к первому, и ко второму
Лоялен бедный Абдулла!
Иван с Абрамом счастье делят,
И не на шутку та борьба!
Молчит растерянно, покорно
Наш трусоватый Абдулла.
Иван с Абрамом рвут державу
На аппетитные куски.
Наш Абдулла глотает слюнки
И ноет где-то от тоски...»

...Однажды, проводя очередной уик-энд на пасеке, Бари уважительно сказал Израйлю Исаевичу: «На свете, наверное, нет народа умнее евреев». В ответ на это старый казанский иудей с удовольствием рассмеялся и, вытирая слезы смеха на глазах, произнес: «Может, ты тоже думаешь, что евреи движут миром?»

— Ну... если и двигают, то с умом... Вернее, умом...

— Ты бы так не сказал, если был бы палестинским мусульманином.

— Так это политика. Грязная политика.

— Скажи еще: мировая гегемония, — иронически прибавил Израйль Исаевич и некоторое время задумчиво смотрел своими голубыми глазами на расстелившуюся у его ног траву. Нос его засопел. Бари знал: если нос у Исаича засопел, значит, он серьезно задумался и готов сказать нечто, может быть, неожиданное...

— Нельзя ко всем евреям относиться одинаково. Еврей во многих случаях начинает поедать самого себя. Вспомни хотя бы тех же Троцкого, Зиновьева, Каменева...

— Да, их уничтожили...

— И теперь дело обстоит ненамного лучше. В будущем еврейский народ сильно пострадает от олигархов. В русской стране еврей не должен делать революции, и не должен быть олигархом. Он просто не имеет на это права. Россия для евреев — очень опасная страна. Как нельзя понять до конца повадки дикого лесного медведя, так нельзя понять до конца характер до сих пор полудикой России. Изобретенное евреями «новое колесо» со временем может переехать их самих же. Олигархи этого не понимают. Кто даст гарантию, что в этой стране не появится новый Сталин?..

Пасека расположена у подножья горы, откуда начинаются байтимеровские картофельные огороды. Собеседники смотрели со своей высоты на копошащихся в низине людей. Байтимеровцы в поте лица выкапывали картошку. Вот один старик везет в тележке два мешка выкопанной картошки. «Дед Сирази, — узнал его Бари. — И чего он так мучается? Завтра, в субботу приедут из города пять его

взрослых детей, и в мгновение ока выкопают отцу этот «второй хлеб». Но нет, старику нужно хоть немного накопать картошки до приезда своих сыновей и дочерей. Наверное, с раннего утра копает, бедняга...»

Когда он привез в конюшни закупленных за валюту породистых скакунов, дед Сирази особенно обрадовался. В молодости он был колхозным конюхом. Но теперь в колхозе не осталось ни одной лошади. Сплошная техника и бензин. Вот и пришлось народу, как в годы войны, перейти на тележки. Летом картошку окучивают и пропалывают вручную, а борону и соху тянут сами, словно в доисторические времена.

— Спасибо, сынок! — сказал тогда ему Сирази карт. — Разве можно в деревне без лошадей? Правильно сделал, что привез их, молодец!

И наутро пришел просить лошадь для перевозки картофеля. Народ от души посмеялся над незадачливым стариком.

«Это ведь не деревенские клячи, а породистые скакуны, по миллион рублей каждый! — объяснили ему.

Сильно опечалился тогда дед. И сказал: «Какая же это лошадь, если ее даже запрячь нельзя? Тьфу!..»

Бари показалось, что Израиль Исаевич подумал о том же. Но мысли ученого еврея шли в другом направлении.

— Как продвигаются дела с той церковью... то есть мечетью, которую ты затеял возвести на вершины горы? — спросил он.

— Ну... в общем, это будет и не церковь, и не мечеть, а храм, соединяющий в себе все... то есть три основные мировые религии.

— А вот тут ты ошибаешься, Бари Хазиевич.

— Как это? Разве плохо, когда все религии не только мирно сосуществуют, но и плодотворно взаимодействуют?

— Да нет, это неплохо. Но пойми одно: сейчас в России не осталось идеологии. Раньше был коммунизм. Это еще было идеологией, на которой воспитывали детей. Самое страшное в отсутствии идеологии — это вред делу воспитания. А если мы не сможем правильно воспитать последующее поколение, грош нам цена! Главное дело любой цивилизации — это воспитание достойной смены. Почему бы татарам не использовать в воспитательных целях традиционные ценности ислама, а представителям других конфессий — духовные богатства своих религий?

— Чтобы развивались ваххабизм, другие религиозные секты, да?

— Россия — страна крайностей. Она любит бросаться из одной крайности в другую... Вспомни все эти безумные кампании... А почему бы не идти по золотой серединке? Русских надо воспитывать русскими, татар — татарами, евреев евреями... Это, друг мой, аксиома! Каждый народ должен придерживаться своей религии...

Эта беседа породила в душе Бари какую-то тревогу. Хотя, несомненно, в суждениях старого еврея была своя логика, и логика сильная. Впрочем, спорить с Исаевичем всегда было бесполезно.

* * *

Не доезжая до леса, Бари остановил машину, вынул из чехла свое пятизарядное ружье и положил его на сиденье. Он никогда не въезжал в лес без оружия, потому что до сих пор ждал встречи с волком, морда которого так похожа на голову человеческого ребенка. Он даже не ждал, а искал, добивался, жаждал этой встречи. Ему казалось, что если он убьет это чудовище, то приобретет для души вечное спокойствие...

Приготовив ружье, он несколько успокоился. Японский джип мягко покачивался на дорожных ухабах, словно детская коляска. Бари думал о своем. Нет, не только о разговоре с Заитом Валиевичем. У него были и более приятные мысли. Ведь он твердо решил жениться на Гульюзум! И только на Гульюзум! Он усмехнулся про себя: «Женюсь на матери собственного сына!» Чтобы подкрепить свое желание и решение, он тут же стал звонить по мобильному телефону своему другу Мухаммету, которому хотел сказать о своем намерении, а заодно расспросить о Гульчачак. Он не виделся с Мухамметом с тех пор, как тот вернулся из Италии. Друг обещал, что тоже женится, как только вернется из путешествия. Вдруг Бари представил себе Сирену Самуиловну. «Неужели Мухаммет сумеет сорваться с крючка этой Бабы-Яги?» — подумал он. Отношениями Мухаммета с этой женщиной интересовался почему-то и Ханиф Хатыпович, который относился хоть и не к самой верхушке власти, но все же крепко сидел на своем довольно высоком посту. Да, такой человек никогда не выпустит власть из рук.

* * *

...Несмотря на давность своего одичания, лесной Пират никак не мог выдать из себя остатки собачьей натуры. Да и лес теперь вовсе не такой дремучий, как раньше. Лес ныне поредел и гремит, как полупустая коробка спичек: его воруют, загрязняют, пилят, рубят, приспособливают для пикников и других «изысков» цивилизации. А Пират все же скучал по людям. Ночами он частенько бегал в соседнее с лесом село, ходил между домами, сараями, банями, иногда даже ночевал за каким-нибудь сараем, а утром снова бежал в лес. И знал об этом лишь один человек в селе. Он думал, что одичавший пес ходит по ночам к местным деревенским собакам, и задался целью отстрелять всех одичавших брошенных собак в округе. Ведь никто из других сельчан не смел возражать этому всемогущему человеку.

Если бы Пират знал, что своими ночными вылазками несет гибель своим деревенским собратам, он ни за что не показывался бы в селе. Но он не знал этого. И те деревенские собаки, которые любили свободу и норовили сбежать от хозяев хотя бы на некоторое время, стали гибнуть. Ну, а байтимеровцы, не привыкшие обходиться без собак, стали покупать в городе злых овчарок и собак других свирепых пород. Этих собак, которые стоили дорого, привязывали уже покрепче, понадежней, чтобы не сбежали. И все же — что было бы, если бы все эти мастодонты вдруг сорвались с цепи, одичали и наводнили близлежащий лес?

Однажды освободившаяся от цепи красивая сучка Актырнук (Белый Коготь) отдала свое собачье сердце лесному дикарю Пирату. Обычно она ежегодно рожала по пять-шесть щенят, но от бездомного Пирата она произвела на свет всего лишь одного щенка, который весь пошел в отца, ибо рос чрезвычайно свободолюбивым. Едва встав на лапы, он под воротами выползал на улицу и бегал по всей деревне и окрестностям. Бедная мама рвалась с привязи, беспокоясь за своего сорванца. Однажды щенок не вернулся с одной из очередных прогулок. Актырнук металась на привязи, вся дрожа от тревоги за сына. Наконец, она перегрызла привязь и кинулась на поиски пропавшего щенка. Искала по всей деревне, заглядывала в каждый сарай, побывала на ферме, обошла разрушенные и брошенные картофельные погреба и хранилища, но щенок словно в воду канул. Актырнук кинулась обратно в село, надеясь, что малыш уже вернулся и ждет не дожидается свою маму. Эта надежда придавала ей силы и заставляла бежать быстрее, но вдруг среди ясного дня сверкнула молния, грянул гром, и Актырнук, внезапно споткнувшись, растянулась на земле, словно желая отдохнуть. А позади ее тянулся длинный кровавый след...

А щенок в это время глодал заячью кость в соседнем марийском лесу. Нет, он не смог сам поймать зайца, своей добычей с ним поделился матерый пес, похожий на волка. Малышу понравилась щедрость своего нового покровителя, и он увязался за ним. Дядя пес не возражал, напротив, это ему было, кажется, приятно.

Мальчишкам невозможно запретить играть. Вот и щенок-малыш частенько покидал своего покровителя, чтобы побегать, поиграть, подурачиться. Однажды во время очередного «дурачества» он, с упоением носясь по лесу, вдруг наткнулся на людей. Или люди наткнулись на него? Словом, посередине поляны стояла блестящая красивая машина с открытыми дверцами. Молоденькая девушка собирала на поляне землянику. Вот она обернулась к юноше, стоявшему у машины, и сказала игриво:

— Ты обещал свозить меня в джунгли!

— В свадебное путешествие мы поедem на Кипр!

— Нет, нет! Я хочу в джунгли! Мне хочется увидеть там Маугли.

— Маугли? Если он действительно существует, после Кипра я поймаю этого Маугли и привезу тебе в красивой упаковке. Будешь держать его в клетке!

— Ха! Куда тебе поймать Маугли!

— Если сам не смогу, другие поймают. Нужно только дать достаточно денег, и тебе не только Маугли, но и целое стадо слонов на самолетах привезут!

— Хвастун! — откликнулась девушка и засмеялась на всю поляну. Ее очаровательный, звонкий смех всегда возбуждал юношу. Вот и сейчас он сгреб свою пассию в охапку, осторожно положил ее на траву и стал целовать — страстно, самозабвенно. Девушка снова захихикала — то ли от прикосновения травы, то ли от щекотания усов джигита.

— Я — сам Маугли! Я — дикарь! — рычал юноша, срывая одежду со своей невесты.

Девушке, видимо, приятна была такая грубость, она вся изогнулась, продолжая смеяться. Старая сосна на краю поляны наклонила свою крону, словно стыдясь увиденного. На самой верхней ветке дерева сидел серый вороненок. Он посмотрел на валяющихся внизу двух полуголых людей и громко каркнул. Лес сначала вобрал в себя это карканье, а затем словно выбросил его на поляну. Странное эхо вдруг забормотало стихами:

И вправду, может, это низость?

Рабом игривой плоти быть...

Кто смог на этом белом свете

Свои желанья утолить?..

Кажется, это из Омара Хайяма...

...От душераздирающего девичьего крика старая сосна, будто вздрогнув от испуга, приподняла крону, и серый вороненок чуть не слетел со своей ветки вниз. Щенок, остановившийся на краю поляны, взвизгнул от страха. Хотя бояться было нечего. Просто девушка испугалась стайки взобравшихся на ее округлости муравьев. Может быть, она завизжала не столько от страха, сколько от омерзения перед этими насекомыми, неведомыми в каменных джунглях города. Кроме того, муравьи довольно больно кусались. Словом, такое внезапно нападение лесных «вражеских полчищ» не могло, наверное, не испугать нежную городскую девушку...

Пират бродил неподалеку и, услышав жалобный визг щенка, стремглав бросился ему на помощь. Он ворвался на поляну и с рычанием набросился на парня. Испуганный «дон-жуан», кое-как защищаясь от разъяренного пса, сумел-таки запрыгнуть в машину и захлопнуть двери. Пират, уже больше чем наполовину ставший волком, яростно прыгнул с оскаленной мордой на стекло машины. Перепуганный парень завел авто и рванул с места, совершенно забыв о своей любимой, даже не оглянувшись на нее. Правда, он успел в досаде подумать: эх, если бы он сразу смахнул с тела невесты разъяренную самку муравья! Все бы тогда обошлось. Не было бы крика, не прибежал бы пес...

Пират с щенком углублялись в чащу.

А девушка все еще стряхивала с себя назойливых насекомых.

В это время и Бари приближался к поляне, едва успев уступить дорогу мчавшемуся навстречу джипу. Резко свернув в сторону, он почувствовал, как ветки царапают новенькую краску его машины. Взбешенный, он готов был догнать и проучить обнаглевшего владельца джипа, но, услышав злой собачий лай на поляне, поспешил туда. Ружье было готово.

Увидев полуголую девушку, скакавшую по поляне как полоумная, Акберов поначалу опешил. Так же он растерялся было, когда впервые увидел на этой поляне волка с мордой, похожей на лицо человеческого ребенка. Правда, сегодня растерянность была иного толка, и Бари, слегка поколебавшись, вылез из машины и подошел к девушке. Та, увидев чужого мужчину, юркнула за ближайший куст, прикрывая рукой обнаженные груди. Видимо, она уже справилась со всеми муравьями-агрессорами. Бари накинул на плечи девушки свой пиджак и, не спрашивая ни о чем, повел ее к своей машине. Усевшись за руль, спросил незнакомку:

— Ну, что, догоним того бандита?

— Он не бандит! — возразила девушка. Она уже справилась и с волнением, и со смущением. Засмеявшись, она продолжила: — Это мой жених, как это ни странно! Сын знаменитого Шахмалева! Сволочь! Испугался одичавшего пса, удрал, даже не вспомнил обо мне! Вот тебе и жених! Ну, отец устроит ему взбучку! А если не устроит, пусть сам за него замуж выходит!

Девушка была очень красивой. На вид — лет за двадцать, хотя в ее девчоночьих повадках было что-то и от старой девы.

— И что же мне делать с тобой? — спросил Бари. — Из какого ты села, невестушка?

— Я казанская! Отвези меня в Казань! — нисколько не стесняясь, приказала девушка и лишь потом, чуть помягче, добавила: Отец отблагодарит тебя!

Бари пожал плечами и завел машину.

— А джип у тебя ничего! — отозвалась она о машине.

— Не только ничего, а совсем ничего!

— Это как?

— Как? — девушка начала действовать Бари на нервы. — А вот так, и по земле ездит, и по воде плавает!

Девушка некоторое время молчала, потом не выдержала, снова разболталась.

— Не осталось у нас джентльменов! Мужчины нынче мелочнее и трусливее, чем женщины! Эх, где они, рыцари!

Бари и так был раздосадован, что ему пришлось везти эту кралю в Казань. Не хватало еще выслушивать ее трехгрошовую философию!

— Только женщина может сделать из мужчины и свинью, и льва! — грубо ответил он. — Не рыцарей у нас нет, а настоящих женщин! Все они словно в тряпки превратились!

Его слова произвели неожиданное действие на девушку: она вдруг начала звонко смеяться, переспрашивая сквозь выступившие слезы: «И свинью тоже?» Она то и дело прыскала смехом, словно ее щекотали.

«Как она красиво смеется», — подумал Бари. Ему вдруг стала интересна эта девушка, но он не спешил раскрывать перед незнакомкой свою душу, и лишь улыбнулся.

Как она была красива! Каким изящным, грациозным движением прикрывала она свою оголенную грудь! Не каждая женщина сможет вложить в это движение столько непринужденного изящества.

Постепенно начали открываться замкнутые створки бариевской души.

— Как же тебя зовут?

— Аля! — с готовностью выпалила она, будто давно и с нетерпением ожидала этого вопроса.
— А настоящее имя?
— Ну, Альфия!
— Красивое имя. А меня зовут Бари.
— Боря?
— Какой еще Боря? Сказал же: «Бари».
— Бари-и-и-и!.. Звучит!
— А что, меня можно и Борей назвать?
— Лучше вообще никак не называть!

Девушка оказалась покладистой, понятливой, не злилась ни на намеренную грубость Бари, ни на его каверзные вопросы. Увидев за окном стадо пасущихся коров, Альфия протянула:

— Смотри, смотри! Коровы!
— Ну, и что? Там и быки есть!
— А быков сколько?
— Как сколько? Всего два.
— Два быка! И они способны защищать всех коров? Ведь в лесах, наверное, водятся волки.
— Еще как могут защищать!
— Ох! Какие джентльмены! Настоящие рыцари!

Бари не удержался от смеха. Девушка по-настоящему начала нравиться ему. Однако они уже подъезжали к Казани.

Альфия сошла где-то на краю города.

* * *

Бари сразу направился на конезавод. До конезавода это хозяйство, конечно, еще не дотягивало. Но если привезти еще несколько пар арабских или англо-арабских коней, да еще наладить производство целительного кумыса, то, пожалуй, можно будет с полным правом говорить о конезаводе.

Настоящей хозяйкой породистых лошадей стала Гульюзум. Она забросила свое лесничество и вместе с сыном Анваром целые дни напролет проводила в заботах о своих новых четвероногих питомцах.

Девушке, выросшей в лесах, казалось, ближе по духу всякие лесные твари: те же волки и лисицы, зайцы и ежики, да мало ли кто обитает в дремучих чащобах. Но Гульюзум с детства тянулась к лошадям, и вот, наконец, нашла себе место на конезаводе. Правда, бывали и такие времена, когда хотелось забросить все и сидеть дома, занимаясь воспитанием подрастающего сына. Но это означало полностью погрузиться в семью. А для этого нужна опора в семье, то есть мужчина.

Гульюзум, надо признать, не высматривала себе мужчин, потому что женским чутьем ощущала, верила, надеялась и ждала, что непутевый Бари все же вернется к ней и уже никуда и никогда больше не уйдет.

Ах, эти лошади... Чистокровные арабские скакуны и родственные им, но все же отличавшиеся «англо-арабы»... А вот американские коняги... Их еще называют «американский сэддлбред». Интересна их раскраска: грива и хвост черные, а туловище — рыже-красное... Есть лошади черные, как смоль, и буро-коричневые... Это очень умные животные, а норов их словно создан для верховой езды: даже когда они идут шагом, кажется, что танцуют. Особенно нравилось Гульюзум, как красиво они выгибают шею... Не сравнить с ними французских рысаков, норов которых ей мало понятен. Зато «французы» очень выносливы, и шеи у них длинные, как у лебедей, а похожие на оглобли ноги невероятно сильные.

А вот «арабы» очень умные животные, к тому же весьма выносливые. Лоб у них широкий, а морда небольшая, узкая. Уши маленькие. Изящно склоненная шея и широкая грудь. Все это выдает в «арабах» истинных аристократов лошадиного мира. Несмотря на это, ноги «арабов» не особенно сильны. Лошади этой породы держат хвост высоко, дугой.

Когда скрестили арабских и английских лошадей, получилась особая, не похожая ни на одну из родителей, порода. Обычно они бывают гнедой или темно-рыжей масти. Очень сильные, смелые, они не могут спокойно стоять на месте. Надежные, верные животные. Морды «англо-арабов» очень красивые, груди — широкие, туловища — крупные, короткие, выносливые; ноги — длинные и тонкие... Гульюзум особенно нравились глаза этих лошадей: красивые, умные, и казалось, все-все понимающие.

В связи со смешением кровей у Мухаммета появилась даже своя странная философия, или идеология. После возвращения из Италии он стал сравнивать все и вся. Гульюзум еще иронизировала: как бы он не стал сравнивать свою Гульчачак с какой-нибудь русской блондинкой. А что? Этим байтимеровским «жеребцам» веры нет. Взять, к примеру, хотя бы этого непутевого Бари!

Гульюзум снова вздохнула. Вчера приходил Бари, странный какой-то... Дышит часто, прерывисто, словно его загнали. Спрашивает: «Ну, Гульюзум, когда мы с тобой поженимся?» Гульюзум, видя его в таком странном состоянии, чуть не рассмеялась. Заметив, что она еле сдерживает смех, гордый Бари посчитал это оскорблением... Тоже мне, принц! Ведь Гульюзум сама ничуть на него не обижается, другая на ее месте даже не стала бы разговаривать с ним. «Может, у меня женской гордости не осталось?» — спрашивала она себя иногда. А если это действительно настоящая любовь? Думать о «настоящей любви», конечно, было гораздо приятнее. А если вовсе ни о чем не думать, а только расчесывать роскошные гривы этих лошадей, гладить их крутые шеи, выгуливать их на специальной поляне, чувствуя под собой их грацию, стать, изящество? Но почему-то так получалось, что после долгого общения с четвероногими друзьями Гульюзум невольно начинала думать о Бари, скучать по нему...

Лошади обладают способностью успокаивать, умиротворять человека. Рядом с лошадью чувствуешь, как постепенно расслабляются туго натянутые струны твоих нервов. А что касается пресловутой философии Мухаммета о смешении крови... Как бы ни хвалили коневоды теорию селекции, все же... все-таки это попрание материнских законов природы. При рождении каждого организма, если брать шире — при появлении каждого вида, подвида, племени, рода в них закладываются только им присущие гены, то есть при рождении организма в него уже закладывается природой 90 процентов генофонда. А если скрестить два разных вида или два разных организма, то генофонду наносится невосполнимый ущерб, начинается смешение и связанные с ним потрясения.

Разве знают об этом изощренные в кровосмешительстве коневоды или хотя бы этот дед Сирази, всю жизнь ухаживавший за колхозными лошадьми и даже попросивший однажды у Бари чистокровного «араба» для перевозки картошки со своего поля! Таких коней не запрячь в телеги или кареты. Они просто не созданы для этого. Городские девушки способны, например, без усталости ночи напролет плясать на дискотеке, а на колхозном поле они выбиваются из сил уже через час-другой.

Смешение кровей особенно сильно влияет на генофонд детей: в результате смешения гены уродуются, обессиливаются, поэтому дети вырастают неполноценными и физически, и духовно. Раньше наши предки поступали мудро, когда, выдавая дочь замуж или женив сына, в первую очередь обращали внимание не только на национальность, но и на потенциальных родственников. Именно в таких тщательно подобранных семьях в конце XIX — начале XX века рождались одаренные дети, становясь потом цветом татарской культуры, гениями и талантами в различных областях деятельности. Во время русской революции и разных репрессий татарский народ обезглавили, оставив его без высокоодаренных сынов и дочерей. Поэтому сейчас народ превратился в серую массу!

С одной стороны, это нетрудно понять, но с другой стороны, в этом вопросе не все так просто. Если, скажем, большинство народа постепенно превратилось «в стадо баранов», то «пастухи» бывают особенно бессовестными и наглými. Таким просто начхать на народ! Кстати, некоторые утверждают, что «начальник» и «начхать» — однокоренные слова. Кто знает...

...Непонятно, почему так изменился Мухаммет: то ли под впечатлениями от поездки в Италию, то ли под влиянием своей Сирены Самуиловны. Во всяком случае, он теперь уже не тот восторженный юноша, который носил в душе образ прекрасной Гульчачак и мечтал соединиться со своей любимой. И не нашлось человека, который взял бы его за ухо, как нашкодившего школяра, и строго-настрого предупредил: «Что ты делаешь, парень? Порви постыдную связь с этой «Бабой-Ягой», ведь тебя ждет чистая любовь юности! Ведь в основе твоего таланта лежит твоя беззаветная когда-то любовь к Гульчачак!»

Но никто ему так не говорил. А сам он... Эх!.. Если что-то ценное, высокодуховное не вошло в человека с молоком матери, то с молоком телки и подавно не войдет, — так, кажется, гласит одна из татарских пословиц.

«Ты — Бари Акберов!»

Дед Сирази так и умер на своем картофельном огороде. В тележке остались лежать два небольших — по три корзины — мешка с картошкой. Старик умер возле тележки, которую тянул. А ведь он никогда не держал во дворе тележки — всю жизнь был при лошадях, так что ручная тележка ему была ни к чему. Когда он сдал свою лошадь колхозу, то сразу почувствовал отсутствие в хозяйстве тягловой силы с телегой. Будучи отменным плотником, дед Сирази смастерил тогда себе эту злосчастную тележку, именуемую у татар выразительным словосочетанием «уф, алла!»

В тот день с утра он пришел в правление колхоза просить лошадь. «Не ходи тут под ногами! Не мешайся! — грубо одернул его бригадир. — Нет тут тебе никакой лошади!»

Когда старик упал бездыханным возле своей тележки, в деревне почему-то стали винить в этом не грубого бригадира, а председателя Акберова: дескать, накупил скакунов по три миллиона каждый, а

для старика, всю жизнь отдавшего колхозным лошадям, не смог найти даже захудалой клячи! Совесть надо иметь! Дед Сирази, небось, с обидой на него ушел из этого мира. Другое дело, если бы Сирази карт с двенадцати лет не ухаживал за колхозными лошадьми! Грех-то какой! Совести нет у этого Акберова!

А ведь есть и у Бари душа! Не бесчувственный же он чурбан! Но нужды простого народа давно уже не интересовали не только руководителей среднего звена, но и начальников покруче. Будто загоняли они нужды народа в глубину своего пупка, а пупок у начальников ой-ой какой глубокий — все в нем пропадает, как в преисподней!

Бари и сам знал об этом, поэтому слова и укору народа для него не оказались ни новостью, ни откровением. Да, он знал об этом, правда, не помнит точно, откуда знал, просто это ему в голову не приходило. Будто пролетел над их селом серый вороненок, противно каркая: «Помни, что ты — Бари Акберов!хлопот и забот у народа много, но ты не бери их в голову, не принимай близко к сердцу. Ты — Бари Акберов!»

Интересно получается: если, по образному выражению народа, все чаяния простолюдинов бесследно исчезают в его, Бари, бездонном пупке, значит, эти чаяния не поднимаются не только до уровня головы, разума, но и до уровня сердца? Но куда же они деваются?

Значит, так нужно... О том же прокаркал ему когда-то серый вороненок — птенец черных родителей... И все-таки Акберов убьет этого ненормального серого вороненка... Убьет...

Аристотель разделял удовольствия человека на три вида: духовные, телесные и внешние. К тому же каждый человек смотрит на мир через призму своих взглядов, представлений, ощущений. Скажем, в реке утонула курица. Для меланхолика это трагедия, для сангвиника — любопытное явление, для флегматика — ничего не значащий эпизод. Каждый человек варится в собственном соку, если только какие-то внешние события, впечатления извне не заставляют его высунуться из своей скорлупы, из своего бурлящего под крышкой котла. Размер каждой души имеет свои четко прочерченные границы. Даже собранные с великим трудом знания ненамного раздвигают эти границы... А самое большое удовольствие — духовное — связано с силой духа человека. Величина этой силы всю жизнь остается на одной, определенной с рождения отметине. Кроме того, глупый всю жизнь остается глупцом, а умный — умницей. И счастье человека определяется именно этим обстоятельством. Словом, оно закладывается во внутренний мир человека еще при его рождении.

Здоровый бедняк намного счастливее больного богача...

Наш Бари пока был здоровым богачом.

По мысли древних философов, талантливый бедняк по сравнению с талантливым богачом намного быстрее продвигается по служебной лестнице, потому что не чурается таких качеств, как лизоблюдство, приспособленчество, подхалимство. Он просто привык ко всему этому. Что касается талантливого богача, то он эти качества благородно презирает, считает, и справедливо, это низостью, подлостью. Гордость не позволит материально обеспеченному таланту угодливо завязывать шнурки на чьем-то начальственном ботинке! Именно поэтому он может, образно говоря, выпасть из обоймы, или, как говорят татары, упасть с арбы...

Наш Бари с детства рос обеспеченным, хотя и не слыл особенным богачом. Был он действительно талантливым человеком. Древние философы почему-то ничего не говорили о судьбе людей такой категории. Так что предсказывать будущее нашему Бари будет не так-то просто... Если провидение не пошлет ему на помощь какую-нибудь судьбоносную случайность... Кто знает...

У Бари свой взгляд на мир. По его мысли, например, самая дешевая гордость — это гордость национальная. Настоящая личность не бьет в барабан по поводу своей национальности хотя бы потому, что его соплеменников — миллионы.

Настоящая личность старается видеть сильные и слабые стороны своей нации. А люди, бедные и слабые как индивиды, стремятся побыстрее ухватиться за хвост нации и начинают дудеть во все дудки и бить в барабаны, подчеркивая свою национальность, безуспешно пытаясь таким образом заполнить свое природное духовное бессилие и пустоту. Например, скажите на милость, как, каким способом в марийском селе, входящем в колхоз «Кукуруза», могут произрастать «чувашские» липы? Но ведь именно так, или почти так поется в одной из песен! Вот это и называется дешевой национальной гордостью.

Правда, марийцы любят липы, из которых делают мочалки, лапти, веники...

Да разве в этом дело?!

У Бари есть своя природная гордость, хотя другие и пытались объяснить его гордость тем, что он является сыном бывшего председателя колхоза Хази Акберова. Бари, впрочем, не удивляется этому толкованию. Ему, по большому счету, все равно, почему считают его гордым, и вообще считают ли его гордым или нет. Еще арабы смеялись над рабами: «Если надумаешь в разговоре пошутить с рабом, он повернется к тебе задом». Да, раб не воспринимает шутку. Может, потому что у него есть своя гордость? Парадокс какойто...

Честен ли он, Бари? И вообще, что такое честность? На протяжении тысяч лет люди задавались этим вопросом. Дядя Хади, например, пытался привить и Барию, и Мухаммету философию Ницше и Шопенгауэра...

Эти философы еще полтора столетия назад старались понять и объяснить, что же такое честь. Со стороны кажется, что честь — это то, как, что и в какой степени думают о тебе другие, то есть отношение других к твоему духовному богатству, духовным способностям. Субъективная честь — это, наверное, как раз и есть степень страха человека перед тем, как образуется, складывается отношение других к его духовному миру.

Для Бари, впрочем, хватит и этих не очень глубоких знаний для того, чтобы не выкипеть в этом котле жизни. Поживем — увидим...

Разве не желанием Бари вызвать к себе определенное отношение продиктовано его намерение переселить деревню к подножью горы?

Интересно, как, когда пришла ему в голову эта мысль? Кто или что подтолкнули его к этому решению?

«Дядя» зовет

...Испытывая неловкость, какой-то духовный дискомфорт, Бари все-таки решил пойти на похороны старого Сирази. Поначалу он не хотел идти туда, ведь сельчане видели причину смерти старика не только в естественной старости, но и в отношении Бари к усопшему. Поэтому Бари не хотелось лишний раз нервировать людей. Однако перед похоронами он все-таки зашел к вдове Сирази бабушке Галиме, чтобы выразить свое соболезнование. Испытывая неловкость, он все-таки достал из кармана пачку денег — на похороны и другие расходы, связанные с кончиной Сирази бабая. Бари с облегчением перевел дух, когда заметил, что бабушка Галима весьма благосклонно отнеслась к его поступку. Одна из старух, оставшаяся у тела покойного на ночь, едко заметила было Бари: «А ты для этого несчастного одну лошадь пожалел!» И тут бабушка Галима сердитым взглядом осадилась свою соседку, увела председателя в сторонку и рассказала:

«Перед смертью он ходил к этим... ну, к твоим быстробегущим лошадям. Сказал: «Попрошу-ка Гульюзум, может, она позволит мне прокатиться на одном из ее скакунов. А вернулся он оттуда очень грустный. «Я, старуха, с детства с лошадьми возился, сама знаешь, — говорил он, — потом полжизни конюхом проработал, эти животные понимали меня с полуслова, с полвзгляда. А эти скакуны... Знаешь, они какие-то не такие». Я спрашиваю: «Какие не такие?» А он отвечает: «Не знаю. Вот какие-то не такие, и все. И взгляд у них не как у наших колхозных лошадей». Словом, очень грустный он с конезавода пришел. Места себе не находил. Поэтому, наверное, и вышел в огород картошку копать. Хотя дети строго-настрого нам сказали: «К лопатам даже не прикасайтесь! Приедем и выкопаем за два дня!» Но только не стала я перечить старику. Думала, и так не в себе после конезавода, пусть немного поковыряется в земле, душу свою успокоит. Думала, ему уже под восемьдесят, силы не те, так что больше получаса на огороде все равно не задержится. Поковыряется маленько, да и домой пойдет. А оно вон как получилось. Жду, а его нет и нет. Не вытерпела, сама вышла в огород, а он уже неподвижный возле своей тележки лежит. Кинулась я к нему, он еще живой был. Шепнул перед смертью: «Знаешь, Галима, там у одной лошади глаза были голубые-голубые...» И отдал богу душу. Знаю, Бари, народ тебя винит в смерти Сирази, но ты не беспокойся, на тебе нет ни малейшей вины, ни с ноготок. В последние дни ему буквально везде мерещились голубые глаза той лошади. Он словно зачарованный чем-то ходил... Видно, судьба такая. Время было прийти к нему ангелу смерти Газраилу. Пусть земля будет ему пухом...»

После разговора с бабушкой Галимой на душе Бари стало легче. Правда, ненамного легче. Душа — она на то и душа, ее трудно успокоить. Не давал покоя вопрос: а сельчане? Как они относятся к этому? Что думают? Знают ли о том, что говорила ему бабушка Галима или нет?.. Бари, Бари... Что с тобой происходит? Разве раньше ты обращал хоть немного внимания на те или иные суждения односельчан? Почему же ты так изменился? Этот мир заставил тебя измениться? Наверное, так... Почему ты чуть ли не каждый день едешь на охоту, но до сих пор не подстрелил даже хромого зайца? А возле села, говорят, повадились бродить волки, причем волки необычные, а какие-то другие. Раньше волк, проникнув в деревню, пытался уволочь барана или козу, а если не удавалось, гасил свою злость, растерзав пару собак на привязи. А нынешние волки, говорят, снюхались с деревенскими псами! Надо же! Каково время на дворе, таковы и хищники? Народ в тревоге, все говорят о каких-то «современных» волках. Впрочем, теперь и человек человеку волк! Смутное время...

Бари интуитивно чувствовал, что во главе стаи «современных» волков стоит тот самый, встреченный им однажды волк с мордой, похожей на лицо человеческого ребенка. В душу Акберова закралась тревога... Недобрая, смутная, зловещая тревога...

Отец Мухаммета, Уразмет ага, умел когда-то делать искуснейшие капканы на зверя. Теперь он уже старый, на пенсии. Вместо него капканы изготавливает немой Абдрахим: человек упрямый, своенравный, единственный, кто не обращает ни малейшего внимания на распоряжения председателя. Вряд ли он прислушается и к просьбе Акберова о капканах на волков. И заменить этого строптивого кузнеца пока некем. Молодежь не особенно рвется встать у наковальни и горна... Вон он, немой Абдрахим, стоит на той стороне улицы и что-то жестами объясняет Галлямю абзы. Может, через этого Галляма передать кузнецу просьбу о капканах?

Мысли Бари прервала молоденькая девушка, работавшая секретарем в приемной правления колхоза.

— Бари абы! Дядя Бари! Вам срочная телефонограмма! — Шла она к нему, махая листом бумаги. Девушка только в этом году окончила десять классов и осталась в колхозе.

Зарина, дочь тракториста Галляма. Она побежала вперед председателя, чтобы первой сесть в его машину. Вот егоза... Видя это, Бари хотел назло наглой девушке пойти в правление пешком. Зарина была девушкой очень красивой, смелой, если не сказать, прыткой. В последние несколько месяцев она то и дело вертелась возле председателя. Народ может разное подумать. Да и отец ее тут же, неподалеку стоит. Но потом Бари передумал, и направился к машине, побоялся новых сплетен: вдруг люди подумают, что Бари специально так делает, чтобы не показать свои более близкие отношения с молоденькой Зариной? Людям рты не заткнешь. Деревня испокон веков слухами полнится.

Бари открыл дверцу машины и стараясь казаться грубым, сказал Зарине:

— Я же не в правление еду!

Сидевшая на переднем сиденье девушка миленько улыбнулась и растерянно заморгала длинными ресницами:

— Абау, Бари абы, серьезно? Я же не знала.

Потом надула свои и так полные губки и произнесла с чуть заметной обидой:

— Как это не поедете? В телефонограмме вам велено прибыть немедленно!

Бари вынул из кармана телефонограмму, подписанную Мухамметом. Действительно, велено в течение получаса прибыть в Казань. Посткриптум гласил: «Решается твоя судьба».

Бари слегка растерялся. «С чего бы вдруг?» Потом прочистил горло, завел машину. Зарина с улыбкой сообщила:

— Бари абы, а ведь в смерти Сирази бабай тебя обвиняют.

— А я здесь причем? — удивился Бари, все еще пытаясь осмыслить содержание телефонограммы. Слова девушки привели его в себя, и он повторил:

— Что я ему сделал? Как это можно меня обвинять в его смерти?

— Я и сама так думаю, но ведь у народа язык длинный. А вот я вовсе не считаю тебя... то есть вас виноватым. Честное слово!

Бари вдруг стало смешно от этих по-детски искренних слов. Эта девушка настолько хотела понравиться, угодить Бари, что он невольно заподозрил в этом подвох.

— А ты сама что думаешь?..

Бари замялся, забыв имя девушки. Слово угадав причину его заминки, девочка весело пришла ему на помощь:

— Меня Зариной зовут.

— Да, Зарина. И что же ты думаешь?

— Я-то? А я и не думаю, просто знаю.

— Что знаешь?

— Сирази бабай увидел на конезаводе лошадь с бесцветными глазами и испугался. Потом все думал об этом, и умер от страха, то есть от разрыва сердца... Вот так...

— Не бесцветные глаза у той лошади. Бабушка Галима говорила, что глаза у лошади были голубыми... А кто знает, может, и бесцветными...

Девушка продолжала как ни в чем не бывало щебетать:

— Сирази бабай сказал, что в глазах этих лошадей нет ни одного лучика... Поэтому...

Бари пожалел, что встрял в этот никчемный разговор. Хмыкнув, он дал понять, что не желает больше отвечать на вопросы вздорной девчонки. Слава богу, уже подъезжали к правлению. Машина резко затормозила, и говорливая Зарина со всего размаха ударилась лбом о ветровое стекло. Бари забеспокоился, одной рукой привлек девушку к себе, другой дотронулся до ее лба.

— Сильно ударилась? Больно?

— От твоей руки вся боль мигом улетучилась, — радостно сообщила Зарина, вытирая выступившие от боли слезы.

Только этих нежностей Бари не хватало. Он резко убрал от нее руку и вылез, недовольный, из машины. В то же время он почувствовал, что на душе стало хорошо, и чуть улыбнулся краями губ. Стараясь не показывать Зарине эту глупую улыбку, он поспешил в правление.

Мухаммет

Сына Уразмета ага словно подменили после возвращения из Италии. Это был уже не прежний Мухаммет. Казалось, от байтимеровского юноши осталась одна оболочка. Ранее скупой на слово, Мухаммет теперь вдруг сделался болтливый; ранее терпеливый, выдержанный и серьезный Мухаммет теперь обо всем имеет свое суждение, которое тут же готов выдать всем и вся. Он может с удовольствием говорить даже о незначительных мелочах, причем — часами! А вот отношения с Гульчачак у него, кажется, остались прежними. То есть они встречаются так же редко, как и раньше.

Может, их любовь постепенно принимает вид платонической? По мысли самого Мухаммета, для творческого человека важны и платоническая и, так сказать, физиологическая любовь. Ну, ладно, с «платонической» более-менее понятно. Под другим более осязательным видом любви, стало быть, надо понимать Сирену Самуилловну?.. Интересно... Ах, эти чувства!.. По первой любви он скучает, тоскует, а ко второй просто-напросто привыкает. Разве не так? Но ведь это опасное, даже страшное чувство. Или раздвоение чувства? Кажется, Мухаммет сам это понимает и бьется, словно щука в сетях.

Но жизнь так не может продолжаться. Нужно на что-то решиться. Эдак и Гульчачак скоро может заартачиться, заупрячиться. Впрочем, что от этого изменится? Взбешенная невидимой преградой муха все равно не сможет разбить окно. Прежде всего надо это окно открыть. А ведь Мухаммет — действительно, человек творческий, ему еще расти и расти, творить и творить, добиваться больших успехов. Но ведь все это он делает ради будущего, ради Гульчачак!

Во время последних встреч он пытался объяснить ей «философию» творческого человека. Но девушка не растерялась и в ответ на его безосновательные доказательства своей «теории» спросила напрямик: «Думаешь, я буду мешать твоему творчеству?»

«Мне пока нужно пообтереться в этой среде, побулькать в этом сумасшедшем бульоне, словом, вертеться, как белка в колесе! У меня просто не будет хватать внимания и времени для тебя. Сама же потом обидишься на меня», — снова попробовал объяснить Мухаммет.

Неужели любовь всегда бывает слепа? Во всяком случае, девушка поверила своему возлюбленному и даже выразила свое согласие с ним. Однако так и не поняла: согласие в чем? С чем? Впрочем, и для Мухаммета, изображающего из себя всезнайку, этот вопрос остался без ответа и превратился в какую-то непонятность, в тайну. Однако «подающий надежды художник» не стал работать над выяснением этой «тайны», возможно, первой в его жизни. Душа его прошла мимо этого вопроса. Так ему казалось удобнее, потому что было в его пользу.

Что ни говори, но ему больше нравится мир, в котором живет Сирена Самуиловна. Творчество его было на взлете, авторитет его рос. Вскоре дошло до того, что картины, на которые его вдохновляли чувства к Гульчачак, добивались успеха именно через Сирену Самуиловну. Такую странную конструкцию успеха, наверное, даже специально придумать нельзя было. А в жизни это получилось как-то само собой, и хотя Мухаммету такая ситуация понравилась, все же до известной степени она и пугала, тревожила. То есть: он стал бояться потерять одну из двух своих «вдохновительниц». Кого он потеряет первой? Может быть, лишится сразу обеих? Не было ответа на этот вопрос, да и не ждал он его в настоящее время. В таких случаях лучше прикинуться эдаким «дурачком». Мухаммет Уразов так и поступил. Хотя тот мучительный вопрос вовсе не торопил его с ответом, все же есть у жизни свои законы: удовольствия и удобства за бесплатно не бывают, в конце концов за все придется платить, за все отвечать. Мухаммет как бы раздвоился и жил на две жизни, а такая ситуация ни для кого не бывает и не может быть приятной. Он попытался по-своему объяснить затруднительное положение, в которое попал. Дескать, он художник, творческая личность, таким, как он, все сходит с рук... Как это ни странно, он, с одной стороны, вроде бы прав. Гм-м... Возможно, даже не только «с одной стороны».

На первом месте в жизни творца, безусловно, стоит его творчество. В злосчастном обществе, в котором вертелся Мухаммет, существуют свои неписанные и очень суровые законы. Или творчество, или семейное болото. Особенно резко стоит эта дилемма перед истинными талантами. Для «средненьких» творцов могут быть исключения. Во-первых, «серенькая» интеллигенция обычно прет как танк, оставляя после себя одни ямы и ухабы. Причем эти ямы он принимает за русла высохших прудов или даже озер и начинает наполнять их своей «водичкой», считая их чистыми прудами с родниковой водой. По краям этих «неестественных» водоемов он сажает камыши, прибрежные хилые заросли он воспринимает за стройные ивы, высокие тальники. Потом он поселяет там соловья и заставляет его петь. Конечно, голос такого «соловья» едва ли отличишь от кваканья лягушки, но слушателям вменяется в обязанность воспринимать эти корявые звуки именно как трели соловья! Ведь это такая страна, где по чьему-то приказу, повелению, словом, по «щучьему велению, моему хотению» кваканье лягушки может звучать как соловьиная песнь, и наоборот, трели соловья — как лягушачье кваканье. Более того, не может, а должно восприниматься именно так! Если ты к этому не

приспособишься, эта страна тем более никогда не способна приспособиться к твоей песне, рожденной истинным талантом. Лучше такую песню если не запретить, то объявить «кваканьем»...

Конечно, такие мысли вовсе не составляли суть жизненной философии Мухаммета Уразова. Он пока не жил полностью по этой теории, еще не понимая, что своим поведением уже сует голову в тиски подобной «идеологии». Ведь пока его творчество гладко катится по дороге, высланной Сиреной Самуиловной.

Сегодня он приехал в загородный коттедж одного очень большого начальника. Уважаемый Садык Сираевич пожелал украсить свою трехэтажную виллу исключительно картинами Мухаммета Уразова. Труд оплачивается, конечно, долларами, что весьма немаловажно для становящегося «модным» художника. Нельзя же питаться одним лесным воздухом, изображенным на твоих картинах. Как бы ни был похож лес на холсте на настоящие дубравы, грибы и ягоды с полотна не соберешь и уж тем более в рот не отправишь.

Скоро должен подъехать и сам Садык Сираевич. Его жена оставила в доме двух поварих, одного домработника (типа мажордома), а сама отправилась на очередной сеанс массажа, пообещав скоро вернуться. Пользуясь отсутствием хозяев, Мухаммет осматривал покои огромного, как дом культуры, коттеджа, где даже туалет напоминал скромную однокомнатную квартиру художника. Словом, это был почти ханский дворец. Но что удивительно — хотя Мухаммет и удивлялся богатству и роскоши этих апартаментов, они не вызывали в нем чувства зависти. В душе его царило совершенно другое, немного странное и смелое чувство: будто Мухаммет сам пришел сюда из такого же коттеджа в гости к соседу. Непонятно, откуда появилось в нем такое ощущение. Хотя можно и догадаться: ведь недавно с успехом прошла выставка его работ в Италии!

Огромное спасибо Сирене Самуиловне: после своей первой зарубежной выставки Уразов будто вырос сразу на две головы. Посыпались предложения о персональных выставках из Москвы и Петербурга, городов Волго-Камского региона.

В молодого художника вселилась невиданная доселе уверенность, вера в свои силы. Но вера эта не жила сама по себе, она всегда находилась рядом со всемогущей Сиреной Самуиловной. Эта женщина служила ему опорой, подпоркой, охраняя неокрепшее дерево его творчества от разных ветров и буранов этой жизни. Боже, почему ты не даешь людям это замечательное чувство уверенности, когда они только-только встают на ноги? Это удивительное чувство: уверенность в завтрашнем дне, более того, — уверенность в собственных силах, в собственном таланте! К сожалению, общество, в котором мы живем, в первую очередь убивает, растаптывает в людях именно это чувство уверенности. Ослабление, изнеможение этого чувства превращает людей в некое подобие тряпки, оставляя от личности одну лишь оболочку. Впрочем, если бы не Сирена Самуиловна...

Мухаммет искал подходящее место для своей картины, когда заметил, как чья-то тень проскользнула через открытую дверь и направилась в ванную. Долго слышался шум воды, и наконец тень обрела плоть: из ванной вышла дочка хозяина — красивая, как фарфоровая куколка, студентка Альфия, или Аля. Мухаммет был давно с ней знаком, и знал, что она тоже учится на художника. Наверное, поэтому они были особенно дружны.

— О, как красиво! — воскликнула Альфия, увидев новую картину своего приятеля.

— Вот, ищу место, куда бы повесить.

— Ты меня обижаешь, сэр. Разве ты забыл, что в этом деле я — специалист? Сейчас, сейчас, дай подумать. Вот тут, между двумя окнами есть, конечно, подходящее место, но туда ничего вешать нельзя: эта сторона для отца священна, как сторона Мекки. Он туда ничего не разрешает вешать. Послушай, здесь и места для картины не осталось!

Мухаммет пожал плечами и предложил:

— Может, на втором этаже посмотрим?

Он почему-то терялся, немного робел перед этой девушкой, даже начинал краснеть, как глупый стеснительный юнец. Во-первых, его смущала необыкновенная красота девушки, во-вторых, немного пугала ее смелость, даже дерзость, неожиданные и непонятные капризы, а иногда — почти неправдоподобная резкость ее характера. Когда они познакомились, Альфия запросто попросила нарисовать ее в обнаженном виде. Услышав такое предложение, Мухаммет представил себе ее отца, всемогущего Садыка Сираевича, и будто снова ощутил на себе его тяжелый, медный взгляд, проникающий до самых печенок, как бы переворачивающий все твои внутренности. И Мухаммет отмахнулся от предложения вздорной девушки, как от атаки какого-нибудь назойливого комара. К счастью, девушка не стала настаивать.

— А зачем нам второй этаж? — возразила Аля и подошла к прислоненной к стене картине. — Я повешу ее в своей комнате. Как великолепно ты нарисовал лес! Я люблю лес! Но почему ты всегда изображаешь только дремучие дубравы? Ни одного спиленного дерева, ни одной тропинки. Будто в этих лесах живут только мифологические Шурале. Таких лесов теперь уже нигде не найдешь.

— Таков был заказ твоего отца.

— А-а... Тогда понимаю, понимаю... в последнее время ему хочется спрятаться от людей куда-нибудь далеко, в такие вот уже не существующие дубравы... А знаешь, я сегодня побывал в лесу!.. Фу, настоящая мусорная свалка! Но вот что удивительно: мы видели там волка! Такого свирепого! Бр-р!.. Было очень страшно!

— Волк? И как же он не набросился на тебя?

— А меня спасли! Один рыцарь! О, это настоящий мужчина!

И Альфия, вынув из кармана фотографию, показала ее Мухаммету. Этот снимок дерзкая девчонка сфотографировала из кабины бариевской машины, а изображены были на фотографии Бари вместе с Гульюзум. Увидев знакомые лица, Мухаммет от удивления потерял дар речи. На него глядели счастливые лица друга Бари и ее возлюбленной Гульюзум. Альфия мгновенно заметила, как изменился в лице художник, и тут же, что говорится, вцепилась в него с просьбой, вернее, требованием: расскажи, кто изображен на снимке!

— Ну, я этого парня, кажется, знаю, — ответил наконец, Мухаммет.

Альфия от него не отставала: расскажи да расскажи! Ведь все равно расскажешь!

— В общем, так! — перешла в решительное наступление девушка. — Мне расскажешь или отцу?

Она была не только благодарна спасшему ее «рыцарю». Этот джигит, кажется, сразу же вошел в ее душу. Обратив внимание на странный блеск в глазах Альфии, Мухаммет даже испугался. Не за себя, конечно, а за друга. «Что произошло между ними?» — тревожно подумал он. Альфия, видимо, почувствовала своей тонкой женской натурой внутренние переживания художника, и сказала не менее настойчиво, чем до этого:

— Я должна отблагодарить его! Ты слышишь? Он спас меня от волка!

Мухаммет перевел дух. Внутреннее напряжение в нем будто стало ослабевать.

— Да это мой однокашник... Бари... Акберов... Глава того колхоза, на земли которого ты «залетела».

Он не успел увернуться от новой атаки Альфии: девушка подбежала к нему, обняла за шею и чмокнула в щеку. Вот это да!.. Щека бедного художника словно запылала огнем, а по жилам разлилась река несказанного удовольствия! Девушка как-то вся переменялась, что не прошло, конечно, мимо внимания Мухаммета. Значит, Бари Акберов явился причиной такой разительной перемены в Альфии! Когда, как они успели познакомиться? Один — в деревне, другая — в городе. К тому же Аля — дочь высокопоставленного казанского чиновника! Если Садык Сираевич заметит какие-нибудь «шухры-мухры» между ними! Пропадет, погибнет тогда Акберов! Сираевич его живым в землю закопает. Тем более что именно в эти дни он познакомил дочь с потенциальным женихом из своего круга — сыном самого Шахмалиева! О, боже!

Кажется, на шею строптивой дочки собираются надеть соответствующий хомут. И надо же было в это время появиться Бари! Да его могут просто-напросто растереть в порошок! От тревоги за друга у Мухаммета даже голова закружилась. Снова девушка пришла ему на помощь, взяв в руки его картину и попросив повесить ее.

Они поднялись на второй этаж.

— Повесим картину здесь, пока отец не приехал. Сделаем ему сюрприз.

— А как же ты с Бари познакомилась?

— Значит, моя нога ступила в его владения? Надо же... Да я пока не успела познакомиться с ним. Надеюсь сделать это с твоей помощью.

Мухаммет облегченно вздохнул: значит, они еще не успели...

— Ага-а... — многозначительно протянул он и шутливо подкольнул: «То есть, не могу жить ни с тобой, ни без тебя?»

Альфия спокойно ответила:

— Великая вещь — любовь!

— У тебя ведь жених есть. Куда денешь Шахмалиева-младшего?

— Шахмалиев — чмо!

— А если отец узнает?

— Любовь и кашель не скроешь нигде, — последовал ответ.

«Словно солнце горит, не сгорая, любовь.

Словно птица небесного рая — любовь.

Но еще не любовь — соловьиные стоны.

Не стонать, от любви умирая, — любовь!» —

продекламировал художник.

Но Альфия тоже была довольно начитанной, и тоже знала стихи Хайяма. Улыбнувшись, она продолжила:

«В этом мире любовь — украшение людей,

Быть лишенным любви — это быть без друзей.

Тот, чье сердце к напитку любви не прильнуло,
Тот — осел, хоть не носит ослиных ушей!..»

— Прекрасные строки, — похвалил девушку Мухаммет. Хоть и напоминала Алечка пустую фарфоровую куколку, но на деле оказалась вовсе не такой, и это радовало Мухаммета. Поковырявшись в своей памяти, он вытащил оттуда стихи Тукая, желая удивить девушку.

Не бывать цветам и травам, если дождик не пойдет.
Что ж поэту делать, если вдохновенье не придет?
Всем известно, что, знакомы с этой истиной простой,
Байрон, Лермонтов и Пушкин вдохновлялись красотой.
Ведь пока не искромсает сердца нам любви клинок,
Что такое наше сердце? Просто мускулов комок...

И тут девушка подхватила:

О, как сладки муки эти, муки тайного огня!
Есть ли кто-нибудь на свете, понимающий меня?..*

От удивления глаза Мухаммета полезли на лоб.

— Ну, ты даешь! — не смог скрыть он своего изумления.

— А ты что думал? Что я испорченная, капризная девка, обладающая единственным достоинством — тем, что дочь Садыка Сираевича?

И она с удовольствием засмеялась — звонко, искренно, совсем по-девчоночьи. Во всяком случае, так показалось Мухаммету. Что ж, может, это к лучшему... Но... будет ли оно, это лучшее? Неизвестно, что ждет их впереди...

Коршуны клюют звезды

Садык Сираевич обрадовался появлению в доме художника Уразова. Ему нравился этот талантливый молодой человек. Понравилась и его новая картина, выполненная с большим мастерством и вкусом на высоком художественном уровне. «Дремучий лес» была одной из самых любимых картин Садыка Сираевича. Он это понимал на уровне интуиции, эстетики, но не понимал логически, то есть на уровне сухого разума, которым и привык оперировать. Но это пока... Придет время, и он откроет это чувство и в пределах своего разума, почувствует, как формируется оно в его черепной коробке. И тогда он по-детски обрадуется, одновременно сожалея, что осознание этого чувства пришло с некоторым, даже значительным запозданием... Действительно, вид дремучих лесов может вызвать разные мысли...

Я, как автор, с некоторым удовольствием думал, что знаю Садыка Сираевича хорошо и со всех сторон, даже чувствую, как и чем дышат его поры. А что, разве так не бывает? В противном случае не стоит мне вводить в заблуждение читателей, рассказывая о нем самом и его слегка взбалмошной дочери Альфии! Да я же их знаю так хорошо! Так хорошо!.. Словом, если в печку залезут, то по пяткам узнаю.

Вот, к примеру, я назвал Альфию «взбалмошной». Да где вы видели девушку, которая до своей свадьбы сидела бы тихо и смиренно? Некоторые подружки утверждают, что Альфия родилась под счастливой звездой. В этом случае «счастье», видимо, надо воспринимать как условное понятие, некую абстракцию. Действительно, трудно быть несчастной, имея такого папеньку с его капиталами и властью, не зная, на каком дереве растут деньги, но тратить их направо и налево. Вообще, счастье — это удивительно интересное понятие! Ни один ученый или философ еще не объяснил внятно, что же такое счастье. Я как писатель тоже не рискну определять это понятие, ибо, по правде говоря, не хочу запутаться в нем.

Раньше, помню, на колхозных полях стояли каланчи, называемые в народе караульными или пожарными. Чем больше поле, тем выше каланча, и наоборот. Думаю, что и счастье в какой-то степени можно сравнить с этой каланчей. Каково твоё поле — такова и высота твоей каланчи. То есть для людей нет одинакового счастья. Каждый человек может быть счастлив и несчастлив по-своему. Однако тут я могу возразить самому себе и сказать: нет, братцы мои, не будем делать поспешные выводы. Ведь есть еще и деньги, обладающие вроде бы одинаковой ценностью для людей. То есть деньги — это, условно говоря, некий знаменатель, общая и неизменная часть бытия людей, независимого от степени их счастливости. Но и в этом случае, даю голову на отсечение, что я и прав, и неправ одновременно. Приведу лишь два примера. Есть у меня один очень денежный приятель, который считает себя несчастным. Почему? Да потому что в юности женился стгоряча, стал отцом двух детей... Словом, жену он не любит, и очень мучается из-за этого. Развестись не может, поэтому и считает себя самым несчастным человеком на земле. Другой мой знакомый, тоже богат, слаб здоровьем. Когда-то он рвал

жили, больше десяти лет ишачил, а еще говорят, горбатился на золотых приисках Сибири. Вернувшись богатым, но с подорванным здоровьем, он отгрохал себе коттедж с целый дворец, пристроил детей в престижные учебные заведения, но вскоре слег окончательно. За его красоткой-дочкой увивается какой-то юный хлыщ подозрительного вида, а жена с утра до вечера болтается без дела, посещая родственников да соседей, благо коттедж был построен в ее родном селе. Так какое же это счастье?

Разумеется, я не призываю отказываться от денег, а просто размышляю таким образом над извечно загадочным понятием счастья.

Садык Сираевич — человек думающий, иначе он не достиг бы сегодняшних высот в своей карьере. И все-таки жизнь не всегда идет так, как тобой было задумано. Ох, не всегда!

Вырастили они с супругой двоих детей. Старший, сын, два года тому назад, во время авиасоревнований попал в катастрофу. До этого все шло как будто хорошо. Шамиль свои самолеты менял чуть ли не ежемесячно. Тренировался упорно, стал высококлассным спортсменом-летчиком, занимал призовые места в престижных соревнованиях. И вдруг... на последнем соревновании не смог справиться с самолетом и врезался в землю. Жив остался, но травма головы оказалась настолько сильной, что Шамиль до сих пор находится в огромной, с летное поле, больничной палате и пускает ртом пузыри, играя с игрушечным самолетиком и бессмысленно улыбаясь... А ведь он должен был стать наследником в деле отца. Единственным наследником. В смысле: не занять по наследству его высокую должность, а продолжать его бизнес на посту руководителя фирмы «Джин».

В Казани немало таких преуспевающих фирм, как «Джин». До сих пор их возглавляли воротилы пенсионного возраста, готовя себе смену из детей или ближайших родственников молодого поколения.

Садык Сираевич назвал так свою фирму, вспомнив восточную сказку о волшебной лампе Алладина. Помните? Поскреб лампу, а оттуда Джин появляется и спрашивает: «Чего угодно?» Да, этот сказочный герой способен из ничего сделать все. А откуда берутся сказочные герои, мы с вами прекрасно знаем: здесь, на этой грешной земле, а не где-нибудь в облаках. Они живут и ходят рядом с нами. Это по их желанию и воле «осиновые листья» превращаются в зеленые доллары, Волга вдруг начинает течь пенящимся кумысом, вороны превращаются в ястребов, а навозные мухи — в трудолюбивых медоносных пчел... Вот в каком сказочном времени мы живем! Как же не придумать своей фирме какое-нибудь сказочное название! Почему бы осинового листья не превращать в зелененькие купюры?! Осиновых деревьев на земле растет видимо-невидимо, хотя для того, чтобы пробиться к небу и наполнить свои стволы и кроны живительным соком, они вынуждены тихо сосать своими глубокими корнями подземный нектар...

Словом, Садыку Сираевичу позарез нужен был достойный наследник. Знакомя Альфию с сыном Шахмалиева, он надеялся, что парень сможет стать ему достойной заменой. Однако сын друга и компаньона разочаровал его. Кроме того, этот хлюпик, выращенный на сметане и белом хлебе, стал объектом презрения и со стороны своенравной дочери Альфии. А вообще-то поначалу они неплохо смотрелись вместе. Тем более что с Шахмалиевым-старшим Садык Сираевич чуть ли не всю жизнь вел общие дела, они доверяли, помогали друг другу, и Садык Сираевич резонно подумывал, что если и сын пойдет в отца... Увы: яблоко от яблони откатилось слишком далеко. Из молодых могла получиться такая чудесная пара... Но видно, не судьба...

Это снова автор

«...Я сказал, что хорошо знаю Садыка Сираевича. Никого не хочу удивлять, залезая в душу Садыка Сираевича, погружая свое перо в пестрые чернила его противоречивых чувств и выводя им какие-то односторонние суждения. Пожалуйста, поймите меня правильно, с одной стороны, я очень любил своего героя, с другой стороны, очень жалею его, и это чувство жалости временами переходит в ненависть. Так бывает, когда очень за кого-то переживаешь. Но я хорошо знаю, что в этом случае мне никак нельзя давать волю чувствам, иначе я сам смешаюсь со своими героями и исчезну как личность...»

* * *

...В середине восьмидесятых годов кандидат медицинских наук Садык Сираевич тихо-мирно работал помощником главного врача городской психиатрической больницы. Супруга Таслима, учительница татарского языка и литературы, в городе не нашла себе места по специальности (татарский язык как раз начинал входить в моду) и стала преподавать русский язык в средней школе. Они растили двух прекрасных малышей — чудесных мальчика и девочку. Видимо, не без влияния жены Садык Сираевич стал интересоваться национальными проблемами, культурно-духовными запросами своего народа, оставаясь в то же время интернационалистом. В девяностых годах, когда давление Москвы несколько ослабло, ущемленный в национальных правах татарский народ впервые

заявил о себе. Появились первые демонстрации, митинги. Садык Сираевич не осуждал митингующих, не обвинял их, как большинство зажавшихся бюрократов, в национализме. Напротив, будучи здоровым по духу сыном татарского народа, он тоже мечтал о национальной свободе, о лучшем будущем для своего народа.

Да, Садык Сираевич возлагал большие надежды на будущее. Но по мере того, как росли дети, все чаще предавался унынию и тоске. Ни с того ни с сего у него могло испортиться настроение, все валилось из рук, в голову лезли черные мысли. Наличие больших денег не обязательно улучшает настроение. Один очень умный человек сказал: «Величина богатства измеряется не объемом прибыли, а образом жизни, привычками и традициями человека». Мудрец знал, что говорил. И потом: сколько бы ни воровал делец, сколько бы он ни копил, ни тянул на себя, умножая свои капиталы, — когда-нибудь все это богатство придется кому-то оставить. Не забирать же его на тот свет. Но вот вопрос: кому оставить? Поначалу человек даже не понимает, насколько труден и сложен этот вопрос. Но когда-нибудь его припрет, приспичит... Шекспир писал: «В них оправданье старости моей!» Да, конечно, это не о деньгах, а о детях! А один из героев Грибоедова, Фамусов, например, часто повторял: «Что за мучение, создатель, быть взрослой дочери отцом!»

Да, Альфия уже взрослая девушка, и Садык Сираевич должен позаботиться о ее будущем, сказать свое решающее слово. Когда Альфия стала рассказывать ему о каком-то Бари, в его душу сразу же заполз червь сомнения. Впрочем, этот червь, смотря по обстоятельствам, мог превратиться и в добрую наживку для крючка. Что ни говори, но Альфии нужен настоящий джигит, которого Садык Сираевич смог бы полюбить как своего сына и вверить в его руки дело своей фирмы. Не успела Альфия сказать, что этого Бари хорошо знает их общий друг, художник Мухаммет, как Садык Сираевич уже был в курсе всего, что следовало знать об этом парне. Да, этот мир учит ни на минуту не расслабляться. Старый лис Садык Сираевич уже успел собрать от Ханифа Хатыповича всю необходимую информацию об Акберове...

Быть хитрым лисом научила его сама жизнь... А ведь когда-то он не помышлял ни о чем ином, как защитить докторскую диссертацию и тихо-мирно продолжить работать врачом. Но у этой жизни есть свои неписанные, невидимые, неслышимые законы — суровые и непреложные.

В начале девяностых годов татары особенно всколыхнулись. Отовсюду слышались требования суверенитета и свободы... Сегодняшние ненасытные правители России, вспоминая те времена, чешут, небось, затылок, приговаривая: «Да, им только дай волю, столько суверенитета слопают, что от России ничего и не останется». У татар есть поговорка: «Стоит только показать нищему приветливое лицо...» Один из российских правителей лихо разбил на сабантуе кувшин, показав таким образом «приветливое лицо». А после пришлось ему, бедняге, раздавать материал на заплаты. Зато теперь его преемники старательно распарывают эти заплаты прямо по швам. Да, то ли еще будет... Придет время, и народ, конечно, поймет, что достоин ходить не только в заплатках, пусть и «дарованных», но и в лисьих шубах... Конечно, сегодня Садык Сираевич так пока не думает, на такие щекотливые мысли у него нет ни времени, ни желаний. Но в те, митинговые, годы он хотел так думать и думал... Тогда он еще работал помощником главврача психиатрической больницы... Жаль, что в то время не позволили ему думать так, как он хотел. За него все уже было передумано и решено. Оставалось лишь одно — подчиниться...

Суверенитет, самостоятельность... Гудит, шумит площадь Свободы. Раньше голодающих в знак протеста людей можно было видеть разве что по телевизору. А теперь на главной площади Казани сидят голодающие татарские писатели, ученые, артисты, известные представители национальной интеллигенции. У всех один протест, одно требование: свободу от русского диктата! Транспаранты, плакаты, знамена... Толпы возбужденных людей. Ходили слухи, что не на шутку испуганная Москва срочно и тайно перебросила в марийские леса, недалеко от Казани, танковый полк в полной боевой готовности.

Именно в это время на лике небосклона появилась и зажглась новая, неведомая астрономам, звезда. Новая Звезда! У нее даже не было имени! И вот эта Звезда спокойно стала наблюдать за происходящим на главной площади Казани, причем интересно, что Звезда эта не гасла даже днем. К сожалению, люди не успели увидеть эту Звезду. И все же ее увидели два живых существа — жившие в заказанских лесах два могучих беркута — самец и самка. Их зоркие глаза тут же зафиксировали необычное свечение новой Звезды. Поднимаясь в небо, птицы от радости стремились приблизиться к Звезде, а потом, устав, опускались обратно, неся в клювах корм своим птенцам. И снова взмывали вверх, к Звезде...

А в это время лучшие сыны и дочери народа день и ночь проводили на площади Свободы, они шумели, митинговали, с их языка то и дело слетало это сладкое слово — «свобода»!

Однажды к Садыку Сираевичу в психбольницу (главврач тогда был в отпуске) пришел очень серьезный человек в кожаной куртке. С подчеркнутой важностью он показал свое удостоверение, после чего они вдвоем заперлись в кабинете главного врача.

— Вы бывали на площади Свободы? — прямо спросил «кожанка».

— А как же? — искренне ответил ничего пока не подозревающий Садык Сираевич. — Все настоящие татары теперь там.

Кажется, человек в «кожанке» не ожидал такого ответа. Ведь он ясно дал понять, кто он такой, показывая свое удостоверение. Это было своего рода предупреждением. И все-таки, подавив в себе недовольство, посетитель продолжил:

— Как выдумаете, что там делает народ?

— Требуем суверенитета, свободы...

«Кожанка» нахмурился.

— Свободы, говоришь?

И не давая ответить, продолжил:

— А вот интересно, требуют ли твои пациенты свободы? Тем более что они находятся под надежным железным замком. На вид вроде здоровые люди, а?

Садык Сираевич пробовал улыбнуться, но тут же почувствовал, что хмурый посетитель вовсе не намерен шутить. Вздохнув, он ответил:

— Так ведь мои пациенты люди слабоумные, психически неполноценные. Ну, в народе их еще называют просто дураками.

Он хотел выразительно повертеть пальцем у лба, но передумал, не зная, как к этому отнесется грозная «кожанка». Он лишь сказал:

— Да если моим пациентам дать свободу, они тут же стены разломают и на улицы выбегут.

— Значит, и им нужна свобода?

Садык Сираевич не спешил с ответом, ломая голову: как понимать этот необычный вопрос? Он понял лишь одно: дело пахнет керосином. И кто его тянул за язык? Забыл судьбу отца? Именно эти люди из «компетентных органов» перед войной увезли в неизвестном направлении их отца, оставив сиротами четырех детей — трех старших сестер и его, младшего и единственного сыночка Садыка. И он рос «сыном врага народа». В крови, в жилах остался кошмарный страх перед этой ужасной организацией. Видимо, события последних лет притупили бдительность Садыка Сираевича.

Он почувствовал, как мгновенно пересохли губы.

— Вашего отца Сирая Габитова в каком году оправдали?

— Мой отец ни в чем не был виноват, — с трудом разлепил губы Садык Сираевич.

— Знаю, что не был виноват, — невозмутимо продолжила «кожанка». — Я пришел не для разговора о вашем отце. Теперь другое время. Но я одного не понимаю, как, с каким сердцем вы держите взаперти, в четырех стенах ваших несчастных пациентов? Ведь на улице такой хороший день! Прекрасная погода!

— Вы что-то хотите от меня? — растерянно спросил Садык Сираевич. «Кожанка» пришел ему на помощь:

— А пусть погуляют, свежим воздухом подышат!

— Как? — глаза у Садыка Сираевича чуть на лоб не вылезли. — Каким образом? И зачем?

Посетитель кивнул на окно и леденяще спокойным, не знающим возражения голосом произнес:

— Там автобусы стоят! Пусть съезжают на площадь Свободы, ноги разомнут, покричат.

Садык Сираевич все еще не понимал. Он сам, как слабоумный, открыв рот, недоуменно смотрел на чекиста. А тот спокойно, как факир, вынул из кармана еще одну бумажку с печатью.

— Вот...

...С этого дня в рядах митингующих на площади Свободы находились и пациенты Садыка Сираевича.

А та, безымянная, никем незамеченная Звезда вдруг начала тускнеть, гаснуть. Сначала она долго мигала какими-то беспокойными, сильными вспышками, а потом стала гаснуть и, наконец, вовсе исчезла, невидимая глазу... Исчезновение Звезды особенно переживала мать-беркутиха. Она осунулась, потеряла аппетит, взгляд ее стал каким-то отрешенным, отсутствующим и в то же время страдающим. Видя переживания любимой супруги, отец-беркут предпринимал отчаянные попытки как-то расшевелить, оживить ее, замершую в горе. Видя бесплодность своих попыток, он расправил могучие крылья и взмыл в небо, полный решимости найти угасшую Звезду. Он поднимался все выше и выше, выше и выше... В это время в марийских лесах, неподалеку от Самары, изнывали от скуки бойцы танкового полка. Один из солдат, разглядев в небе набирающего высоту беркута, лениво снял с плеча автомат, прицелился и дал длинную очередь. Лес лихорадочно задрожал, и в быстрые воды древней Илети с плеском упало прошитое пулями насквозь тело мятежного беркута... Лес поглотил звуки стрельбы...

Семья беркутов осиротела, осталась без защиты. И долго-долго плакали, жалея осиротевшую семью, столетние сосны, молоденькие березки, нежные ивы, пышные ели...

Будущий дедушка закидывает крючок

Бари направлялся в один из загородных коттеджей. Приглашение застало его врасплох, явилось настоящей загадкой. Сам Габитов Садык, один из ключевых людей в региональном правительстве, вдруг ни с того ни с сего приглашает к себе какого-то занюханного предколхоза! Да, тут было над чем подумать.

Его душу глодали тысячи сомнений, тысячи вопросов. Во-первых, откуда Габитов знает Бари? Во-вторых, зачем он его вызвал? Почему не к себе в служебный кабинет, а в свою загородную виллу, то есть практически к себе домой? Почему вечером, а не днем?..

Во время последней встречи Заит Валиевич упомянул было о ФСБ, но ничего не объяснил. И Бари не стал уточнять. Интересно, что имел в виду Заит абый? ФСБ — это не та организация, на которую можно было не обращать внимания.

Перед поездкой он пытался дозвониться до Заита Валиевича, но безрезультатно. После обеда его очень трудно было найти. Бари посидел немного в своем правлении, потом пошел в гараж, где стоял его черный БМВ: не на задрипанном же «уазике» ехать к Габитову. На заднее сиденье он положил охотничье ружье, надел пояс с кобурой, где лежал пистолет. Так он вооружался лишь тогда, когда выезжал на охоту на волка «с детским лицом». Правда, гранаты на этот раз не взял, все же они были приобретены незаконно, а это, как говорится, чревато... Сначала он сразу поехал в лес: хотелось увидеть Гульюзум, сына. Кто знает, что с ним может случиться? Он давно уже хотел сделать ей предложение руки и сердца, вот и настала, кажется, решающая минута для осуществления этого намерения.

Сегодня лес встретил его тихо, настроенно. Странная и тревожная была эта тишина. Или это так кажется от подспудного страха, у которого, как говорится, глаза велики? Заехав в лес, Бари остановил машину, вышел и, подняв ружье вверх, выстрелил в воздух, чтобы хоть как-то разрядить напряженные нервы, чтобы нарушить эту гнетущую тишину. Не успело отозваться эхо выстрела, как к ногам стрелка упала изрешеченная крупной «волчьей» дробью белка, вернее, даже детеныш белки, крохотное тельце которого еще вздрагивало, испуская последние вздохи. Потрясенный Бари молча и с каким-то непонятным ужасом смотрел на это окровавленное, бившееся в конвульсиях тельце. «Это недобрый знак...» — подумал он. Ему почему-то вовсе не хотелось ехать к Габитову. Видимо, не к добру вызвал его этот могущественный человек. Может, не ехать? Ха!... Когда сам Габитов вызывает? У которого охрана, говорят, сильнее и многочисленнее, чем у самого главы региона? У Бари только одна голова. Может, позвонить Мухаммету? Впрочем, что он знает? Чу! Погоди! А Ханиф Хатыпович? Бари радостно вздрогнул: почему это раньше не пришло ему в голову? Ханиф Хатыпович в курсе всех дел в главном региональном «куряльнике». Надо же... А Бари выехал, вооружившись, как ковбой из затасканных американских вестернов... Акберов немного повеселел и даже вырос в собственных глазах... Откинув носком ботинка тушку несчастной белочки, Бари снова сел за руль. Сначала встретиться с Гульюзум!

Она была дома одна. Сына Анвара увезла к себе в гости бабушка. К воротам дома Гульюзум Бари подъезжал уже почти успокоенный. Габитов исчез где-то за горизонтом, забыта окровавленная беличья тушка...

О, спокойствие души! Тебя не купить ни за какие деньги! Ни за какое золото мира! Почему человек слишком поздно понимает это, хотя, казалось бы, всю жизнь стремится именно к душевному покою, душевной гармонии? Да, непонятное это существо — человек.

Кажется, впервые в своей жизни Бари оробел, увидев Гульюзум. Все его только что приобретенное спокойствие, вся его решительность, независимость, словом, все его «барийство» будто завязалось в один клубок и покатило под ноги! «О, боже! — подумал Бари, удивляясь самому себе. — Кажется, все еще способен стесняться! Значит, у меня еще есть совесть!» Откуда ему было знать, что после того утреннего случая на ячменном поле в кабине «КамАЗа» произошло нечто, после чего Гульюзум уже не была совсем одинокой. Не зря ее женскую душу постоянно терзал мучительный вопрос: «Знает ли о произошедшем Бари? Наверное, знает, ведь Самигулла, эта свинья, в отместку Бари, чтобы досадить, отомстить ему, мог похвастаться своей «победой». Видимо, так оно и есть: не зря Бари приехал сегодня сам не свой, с каким-то изменившимся лицом, словно его подменили. О, боже!.. Если он знает... Если он узнал... Он же ее... Он ее просто-напросто выведет в лес и...»

Бари знал, что неловко, нехорошо эдаким истуканом стоять перед Гульюзум, словно он кочергой подавился. Стоять с таким видом, будто намеренно предал самого себя... Чтобы не молчать, он разлепил вдруг пересохшие губы и с трудом произнес:

— Может, прокатимся по лесу?

Его слова резали женщину без ножа. Она вся сжалась, чувствуя дрожь во всем теле. Губы ее тоже слегка задрожали. Однако истинно женским инстинктом она безошибочно, хотя и бессознательно, нашла единственную в создавшейся ситуации линию поведения. В наиболее трудные минуты ее выручал именно этот инстинкт, действующий как шприц, впрыскивающий в ее организм неизвестные природе, но чудодейственные стимуляторы и регуляторы поведения. Гульюзум вдруг подумала: «А

что, если я вцеплюсь Бари в волосы, напомню ему, кобелю, все его похождения с марийскими девицами?...»

Дрожание ее губ Бари объяснил по-своему: «Любит! Соскучилась! А я, осел, все по марийским бабам шастаю, когда рядом мается моя прекрасная Гульюзум!...» Он осторожно привлек женщину к себе и дотронулся щекой до ее дрожащих губ. Полных, чувственных губ, с детства пахнувших ароматом лесных ягод. О, почему еще до рождения Бари какой-нибудь ученый не выдумал прибор для измерения любви с прилагающейся, как положено, инструкцией? Скажем, создали бы такой прибор в виде, например, градусника. Подержал его немного у сердца — и получай результат: температура твоих чувств к данной женщине составляет ноль градусов или наоборот, сто! Тогда человек не сомневался бы в выборе своей второй половины, и семьи были бы счастливы, и молодежь бы не суетилась, как бабочки, летя от цветка к цветку.

Бари шагнул к дверце машины. Гульюзум молча, как во сне, последовала за ним. В эту минуту обоим мучила одна и та же мысль: не показать друг другу, что за страсти кипят у них в душе. Но они недооценили одного: душа человека — словно зеркало, и все его чувства отражаются в его поведении, в малейшем движении, мимике, взглядах... Они не понимали этого, потому что пребывали примерно в одинаковом душевном состоянии. Они чувствовали, что сейчас самое лучшее для них — найти какое-нибудь общее занятие, чтобы связать им свои чувства, руки, взгляды, слова... Но не знали, как и где найти такое занятие. В растерянности они смотрели на вековые сосны, на кудрявые кроны березок. Увидев на краю поляны две стройные сосенки, посаженные еще в пору ее детства, Гульюзум почти машинально, хотя и с радостью, подумала: «Надо же, как быстро выросли эти сосенки!»

Одна из сосенок была немного наклонена к своей подруге, словно голову ей на плечо положила. Бари, кажется, всю жизнь знает эти две сосенки на кромке широкой поляны, сколько раз он здесь бывал, благо поляна эта недалеко от их дома, но только теперь заметил, словно впервые увидел эти стройные деревья, одно из которых тянется к другому. Как это прекрасно! Замечательно! Бари даже не заметил, как потянулся к сидящей рядом женщине и нежно заключил ее в объятия...

Лес скрыл их стыд, подсказал выход из затруднительного положения. Впрочем, лес не впервые помогал своей девушке — Гульюзум, родившейся и выросшей в его недрах...

* * *

...Когда Бари приехал к коттеджу, Садыка Сираевича еще не было дома. Бари решил ждать хозяина на улице, в своей машине.

По привычке он хотел включить радио, но вспомнил, что недавно у него украли автомагнитолу. Взломали дверь джипа и унесли. И где? Не в миллионном городе, где такие кражи происходят ежедневно, а в деревне, где друг о друге знают все, вплоть до количества яиц, снесенных за день каждой курицей каждого двора! Вспомнив эту кражу, Бари помрачнел. Да, кажется, кончаются времена искренних, наивных, до смешного честных деревень. Все эти «перестройки», «демократизации», «реформы» расшевелили мирно копошившиеся «муравьиные кучи» городов и сел. Все перемешалось в этом мире: сын перестал понимать, а уж тем более слушаться отца, мать отказывалась понимать дочь... Боже, что творится! Бари, конечно, понимал необходимость перемен, но даже он не представлял, что они пойдут так наперекосяк, не по-человечески...

Поползли слухи, что Советский Союз разрушили евреи, потому что им, дескать, нужно было выпустить из «тюрьмы народов» СССР все русское еврейство. Евреи хлынули в Израиль и другие страны Запада, но многие остались в «Советии» и стали разрушать ее изнутри. Эти разрушения, впрочем, не принесли счастья и самому Израилю: веками пропитанные русским духом и разбавленные русской кровью евреи приносили своим израильским собратьям лишь одну головную боль за другой, одни хлопоты за другими. И эта бесконечная война с Палестиной...

Конечно, сам Бари думал не совсем так. Этими рассуждениями, может быть, излишне политизированными, пичкал его друг Мухаммет... Не успел Бари подумать об этом, как где-то рядом скрипнули об асфальт шины, из приехавшей иномарки выпрыгнул Мухаммет Уразов и заключил друга в объятия.

— Чего здесь сидишь, как курица на насесте? — рассмеялся он.

— А ты здесь каким боком?

— Да вот, узнал, что ты должен сюда приехать, ну, и прикатил. С полчаса назад сам Садык Сираевич звонил.

«Откуда он знает Садыка Сираевича?» — подумал Бари, но вслух этого не произнес: мало ли что...

— В последнее время забывать стал родную деревню, — укорил друга Бари.

— Да просто не хочу снова услышать, как чехвостят тебя дорогие односельчане! — отпарировал Уразов.

Бари снова промолчал, хотя ему очень хотелось дать другу хлесткий ответ.

— Ты не знаешь, зачем меня сюда позвали?

Мухаммет засмеялся. Видно было, что он-то хорошо знает причину вызова Бари. От этого Бари стало немного легче на душе, и он уже не обижался на грубоватые манеры друга, со всем вниманием приготовившись слушать его объяснения. Но друг ответил:

— А-а-а, нет! Пока это сюрприз. Скоро сам узнаешь и увидишь. Только, прошу тебя, не беспокойся, эта встреча принесет тебе лишь пользу...

Его излияния прервал звонок мобильного телефона. Вернее, не звонок, а крик петуха и последовавшая за ним мелодичная музыка. Мухаммет достал из кармана и приложил к уху мобильник.

— Да, я слушаю.

По его интонации Бари понял, что его друг разговаривает с очень важным человеком. «Да, понял, не беспокойтесь, все будет, как вы скажете!» — отвечал он кому-то одновременно озабоченным и радостным голосом. Наконец, Мухаммет в разговоре несколько раз назвал собеседника по имени-отчеству, и Бари уже не сомневался, что на связи был сам Садык Сираевич.

Мухаммет подмигнул другу и подтвердил:

— Звонил сам Садык Сираевич, сказал, что сегодня встретиться с тобой не может, переносит разговор на следующую неделю. О дне встречи сообщит отдельно. А я тебе...

— погоди! Неужели сам Габитов звонил?

— Сам, сам, собственной персоной.

Бари снова посмотрел на друга, но так, словно видел его впервые. Какие-то непонятные чувства зашевелились в его душе: недоверие, смятение, зависть?.. Бари не знал этого. Он только подумал о друге: «Да, парень сильно изменился!» Взгляд Мухаммета словно говорил другу: «Вот с кем теперь яшась! Теперь в наших с тобой отношениях лидер я, а не ты, председательский сынок!» Однако такие отношения, построенные на расчете и осознании собственного «я», не могли, конечно, долго продержаться между двумя старинными друзьями. Во всяком случае, так думал Бари. А Мухаммет Уразов не стал тянуть и водить друга за нос и сказал прямо:

— С Садыком Сираевичем, от имени которого ты аж вздрогнул, мы давнейшие друзья! Конечно, я прекрасно осведомлен о причине твоего вызова к «его сиятельству». Поэтому я и вызвал тебя специально, чтобы вы сначала переговорили с Садыком Сираевичем прежде, чем... Впрочем, не все сразу. Встреча все равно перенесена на следующую неделю. Могу сказать лишь одно: ты очень понравился «его сиятельству»!

— Да иди ты!.. Откуда вообще он меня знает? Он же меня даже не видел!

— Знает, дружок, знает... Он, вернее, они все про тебя знают...

— Через ФСБ, что ли? — снова вспомнил Бари разговор с Заитом Валиевичем.

Мухаммет слегка улыбнулся и заговорщически подмигнул другу:

— Хуже, чем ФСБ!

Он хотел что-то еще добавить, но сдержался, лишь пригласил друга в дом:

— Пошли, зайдем на чаек. Сам увидишь...

— Что я должен увидеть? Тем более, что хозяйина дома нет.

— Зато есть его жена, дочка, сын...

«Он говорит об обитателях этого почти венценосного дома с такой простотой и спокойствием, что... погоди! Не собирается ли его дружок стать зятем самого Габитова?» — думал Бари.

Друг, словно прочитав его мысли, сказал:

— У него замечательная дочь — красавица! Я тебя познакомлю с ней.

Бари не привык говорить загадками, и грубовато бросил:

— Сам знакомься!

— Я с великим удовольствием познакомился бы с ней поближе, но увы!..

— Из-за Гульчачак?

— При чем здесь Гульчачак?

— Как это при чем?

— Вот так: ни при чем... Эта девушка хочет познакомиться именно с тобой.

Бари сердито посмотрел на друга, но тот и ухом не повел:

— Честное слово, Бари! Чем обвинять меня в чем-то несуществующем, лучше сам расскажи, как сумел познакомиться с дочкой Садыка Сираевича. Тем более что ты живешь в лесу, как медведь, а она — в городе. Вот это загадка! Не я, а ты чего-то скрываешь от меня.

В голосе Мухаммета явно сквозила обида на друга: дескать, я тебе все как на духу рассказываю, а ты что-то от меня скрываешь. Друг таким хитрым не должен быть.

Есть несколько способов объясниться: с помощью слов, письма, жестов, мимики, взглядов... биотоков, наконец... Последний метод возможен лишь между самыми близкими людьми. Например, между теми, кто с детства росли и дружили вместе, привыкнув понимать друг друга с полуслова, с полувзгляда, с полужеста.

Так и Бари моментально понял, что хотел сказать его друг, и почувствовал себя в чем-то виноватым.

— Да, к сожалению, о себе мы судим через призму идеалов, а о других — по их поступкам, — сказал он. — Но уверяю тебя, друг, что мне нечего от тебя скрывать. Просто я пока не понимаю, о чем тебе говорить? Вообще, в чем дело?

— Хочешь сказать, что ты не знаешь Альфию — дочку Садыка Сираевича?

— Альфия?

— Ну, да, Альфия, у нее еще есть фотография, где запечатлены вы с Гульюзум — прекрасная пара! Лицо у Бари недоуменно вытянулось, и он еще раз пожал плечами.

— Тогда пошли, познакомлю, — сказал Мухаммет и подтолкнул Бари к железным воротам особняка. Потом вдруг передумал, потянул Бари обратно за рукав и с самым серьезным видом спросил:

— На прошлой неделе ты знакомился в лесу с девушкой, которую проводил потом до Казани?

Бари недоуменно огляделся по сторонам, и постепенно выражение растерянности на лице сменилось явной заинтересованностью.

— Так-так! Альфия! Вспомнил. Уже не хочешь ли ты сказать, что эта девушка... оказалась дочерью Садыка Сираевича?

— И притом единственной, обожаемой дочерью!

Мухаммет теперь сам пребывал в растерянности: но не как Бари, только что услышавший новость, а как человек, попавший в почти безвыходную ситуацию. Все-таки он быстро взял себя в руки и пришел к решению:

— Пошли-ка отсюда! Если нужно, сами тебя найдут. Ты еще не жених! Тоже мне, устроили смотрины...

Бари не противился решению друга, оно его тоже устраивало. Они сели каждый в свою машину, договорившись остановиться на повороте в Казань.

Перед тем, как принять это решение, Мухаммет с быстротой молнии продумал возможные последствия, все «за» и «против» намеченной встречи своего друга с олигархом Габитовым.

В последнее время жизнь научила его серьезнейшим образом продумывать каждый свой шаг. Как говорится, обжегшись на молоке, дуешь и на воду! Человек в основном учится на своих ошибках. И эта теория не искусственная, не высосанная из пальца. Это законы природы, идя против которых человечество уже совершило массу непоправимых ошибок! В результате все та же плачевная картина: миллионы человеческих жертв, голод и нищета... Неужели был прав Черчилль, говоря: «Смерть миллионов — это статистика. Гибель одного человека — это трагедия?»

Мухаммет не хотел, чтобы судьба его друга Бари стала, или хотя бы могла стать трагической... Хватает и того, что он сам, Мухаммет Уразов, стал жертвой этой неумолимой системы. Впрочем, пока не такой уж и жертвой... И все же...

Если Садык Сираевич намерен связать Бари с Альфией узами брака, то как переживет это известие, это потенциально возможное событие бедная Гульюзум? Ведь у них есть общий ребенок, сын Анвар. Почему из-за глупости двух друзей эта нежная лесная фея должна остаться несчастной? Ведь Мухаммет и сам чуть ли не в глаза обманывает свою Гульчачак... Во всяком случае, он до сих пор не распутал этот затянувшийся клубок. Человек в какой-то мере — неисправимый эгоист. Пытаясь оправдать самого себя, он до последнего будет цепляться за соломинку.

Фу... Этот нескончаемый поток мыслей бурлит похуже, чем речка Ташсу во время весеннего половодья!

Что ни говори, а Мухаммет вовсе не был каким-то растяпой. Он даже сказал как-то это почти слово в слово своей Сирене Самуиловне. Ну, допустим, молодец, высказал, что называется, правду-матку. А дальше? Дальше жизнь снова ударила его, словно обухом по голове.

В одну из суббот Мухаммет собрался ехать в Бугульму, к своей Гульчачак. И билет на самолет купил. Поскольку они с Сиреной были довольны близки, более того, Мухаммет часто ночевал у нее, секретов у них друг от друга вроде не было. И все же Уразов скрыл, что едет на свидание со своей Гульчачак. Как будто женщину, тем более такую, обманешь! В тот же день узнав причину его отъезда, Сирена Самуиловна назначила срочное совещание в правлении Союза художников, на котором должна была обсуждаться поездка местных художников в Москву и утверждаться планы персональных выставок в Первопрестольной. Заявление от Мухаммета Уразова о его желании участвовать в выставке уже давно лежало в правлении. И вопрос вроде бы был уже решен положительно, тем более, что в недавнем региональном конкурсе он занял первое место. А по условиям конкурса занявшие первые три места художники автоматически зачислялись в кандидаты на поездку в Москву. Поэтому Уразов не стал сдавать обратно билет в Бугульму, тем более, что свидание с Гульчачак было заранее обговорено. Но Сирена Самуиловна сказала: «Вопрос стоит очень серьезно. Желательно твое присутствие».

Этот разговор состоялся в пятницу вечером, а после работы Сирена Самуиловна срочно позвала Уразова к себе домой. Причина приглашения как будто уважительная: из Челябинска приезжала ее подруга, искусствовед Изольда Сафаровна, которая, хоть и была намного младше Сирены Самуиловны, но переняла у своей старшей подруги немало ее навыков, а главное, ее «смертельную хватку» в разных жизненных обстоятельствах, особенно трудных. Изольда была чудо как хороша! И к тому же молода, соблазнительна, нежна. Красота ее не была искусственной, то есть преимущественно косметической, но природной. Изольда обладала тонким вкусом, и естественную свою красоту искусно подчеркнула лишь парой-другой умелых мазков дорогой косметики.

Сирена Самуиловна утром старалась встать раньше Мухаммета, чтобы не показывать ему своего истинного, стареющего лица, и спешила в ванную, где наводила на себя ослепительный макияж, а после встречала пробуждение молодого любовника «во всеоружии». Но разве она позвала к себе Мухаммета для того, чтобы продемонстрировать ему красоту своей молодой подруги? Вряд ли... Хотя кто его знает... Уразов не слепой, к тому же художник: уж чего-чего, а женскую красоту замечает и оценивает мгновенно. Вот и сегодня он не мог отвести от Изольды своего восхищенного взгляда. А Сирена Самуиловна, темнеющая лицом при одном упоминании имени Гульчачак, делала вид, что не замечает, как увлекся Уразов ее гостьей, наоборот, казалось, только радуется этому обстоятельству. Да, женщина — это вечная загадка. А Сирена Самуиловна, в жилах которой течет еврейская и татарская кровь, — вдвойне загадка, загадка из загадок. К тому же она никогда, вы слышите, никогда не плачет — просто потому, что не умеет плакать. Это для женщины, согласитесь, уже нонсенс. Сирена не могла плакать не потому, что боялась, как бы не «потекли» тени и другая косметика на глазах, просто такой у нее был характер. Впрочем, один-единственный раз в жизни она все-таки дала волю слезам. Было это, когда она первый раз встретила Мухаммета. Вернее, при виде Мухаммета у нее «лишь» екнуло и тревожно забилось сердце, а вот при виде его картины «Лесная девушка» Сирена Самуиловна, узнав, кому посвящена эта работа и кто фактически является ее вдохновителем, не выдержала и, оставшись одна, расплакалась навзрыд. Не от горя, конечно, а от радости. От радости, что встретила такого человека. Ее удивила и восхитила способность юноши поднять свою любовь в сердце на уровень высокохудожественного произведения. Всю жизнь объяснявшая другим секреты и тайны произведений искусства (такова ее специальность), Сирена на этот раз сама на минуту-другую растерялась, сразу влюбившись в изображенную на картине прекрасную гармонию природы и человека, более того, она испытала такой жгучий огонь зависти, который, казалось, мог испепелить полпланеты. Планета осталась цела, но стареющее увядающее сердце Сирены ханум воспламенилось неистовой и, наверное, последней любовью, которая заполнила каждую клетку, каждую пору ее организма, каждый нерв души... Мухаммет Уразов стал ее мужчиной... В юности по глупости она вышла замуж за Ханифа Хатыповича, но вскоре охладела к нему, и ушла, пока дело еще не дошло до скандалов и взаимных упреков. Правда, успела родить двух чудесных девочек, в которых души не чаяла. Теперь обе дочери — уже почти невесты, почти взрослые девицы...

Со временем Сирена ханум превратилась в женщину, которая может решить любую проблему. Она считала себя очень сильной личностью. Но только встретившись с Мухамметом, она поняла всю свою беспомощность, уязвимость, и чуть не умерла от досады! Как, где-то в лесу живет полудикая девица Гульчачак, перед которой бессильна даже Сирена Самуиловна? Это чувство бесило, терзало ее до сих пор. И вот снова Мухаммет собирается уехать к этой прекрасной дикарке. О-о!.. Сирена готова была приволочь в свою квартиру целую ораву самых дорогих и самых молодых проституток, лишь бы ее Мухаммет не уезжал в Бугульму, к той лесной нимфе...

Весь вечер они вели довольно светскую беседу об искусстве, живописи, листали разные альбомы. А часов в одиннадцать вечера зазвонил телефон. На проводе оказалась молодая жена ее бывшего супруга Ханифа Хатыповича. Она что-то горячо стала объяснять Сирене Самуиловне. Оказывается, дорогой ее супруг снова пребывал в сильнейшей депрессии, и бывшая соперница умоляла Сирену ханум помочь им. Сирена Самуиловна быстро оделась, извинилась перед гостями и ушла, пообещав скоро вернуться. У двери подъезда ее ждал шестисотый «Мерседес» Ханифа Хатыповича.

Гости остались вдвоем, зная, что хозяйка вернется лишь утром. Мухаммет оказался в положении «козла в огороде, где капуста растет». Однако Уразов не спешил, делая вид, что уже «объелся капусты». Разве что эта «капуста» сама к нему в рот залезет. Сирена заранее знала, что в дни полнолуния у ее бывшего муженька случаются приступы депрессии, и поэтому именно на этот день пригласила в гости свою красивую подружку. Да, она готова была на все, даже подложить под Уразова свою подругу, лишь бы не отпустить его в Бугульму... Она знала, что Изольда, легко соблазнив Уразова, наутро как ни в чем ни бывало улетит в свой Челябинск, а Уразов снова останется с ней, Сиреной Самуиловной. Но если он уедет, улетит к своей Гульчачак, оттуда он уже может не вернуться... Любовь и ревность чуть не сводили с ума Сирену...

Раньше, услышав такую историю, какой-нибудь деревенский старик лишь презрительно сплюнул бы: «Тьфу!..» Впрочем, прошедшая эпоха тоже была по-своему сумасшедшей. Смутное время, когда

люди шли против законов Матери-Природы. «Детям природы» вдруг втемяшилось в голову, что Мать-природа ошиблась и ее следует «поправить». И они усердно «правили», даже реки пытались вспять повернуть, и этим неумолимо приближали собственную погибель. Со временем эти «дети природы» решили было возвратиться к искренним, первозданным, естественным чувствам, дарованным им Матерью-Природой. Но возвращались они к этим чувствам настолько ретиво и бесшабашно, что невольно вновь подвергли себя опасности духовной гибели. Для оправдания разнузданности они придумывали тысячи причин: «свободная любовь», «свободный секс» и так далее, и тому подобное. Человечество стало загнивать духовно, и от него довольно дурно запахло. Власть предрежущие, зажав нос, будто находились на территории казанского мыловаренного завода, бросились прочь от вони, разбегаясь по зеленым окрестностям Казани. Но пригородные леса и озера не спасут их от гниения. Испортилась сама кровь общества, на заднице которого к тому же выскочил огромный чирей...

...В ту ночь Изольда с Мухамметом предавались долгой, мучительно сладкой страсти...

...Но рано утром прекрасная еврейка была уже на ногах, и, наскоро приведя себе в порядок, уехала в аэропорт. Ее миссия была выполнена.

...Именно этот день и эту ночь вспоминал Мухаммет, следуя за другом в своей иномарке. Да только ли этот день!.. Сколько раз Сирена ханум говорила ему прямо в глаза: «Что даст тебе эта лесная девушка, дорогой мой? Ты — талант! Тебе надо расти! В первую очередь я влюблена в твой талант. Поэтому стараюсь вывести тебя в люди! А ты только и норовишь, как бы окутать себе брачными узами и погрузиться в цепкое болото семейной жизни!..»

Ее слова не являлись откровением для Мухаммета. Он пробовал объяснить Сирене ханум:

«Без Гульчачак я не стал бы художником! Это из-за любви к ней я взял в руки кисть. Конечно, я рисовал и в детстве, и в отрочестве, но больше как любитель. А в четырнадцать лет я поклялся перед Гульчачак нарисовать ее портрет. С тех пор жизнь моя изменилась, и сам я изменился. Я поклялся, что добьюсь своей цели. И вот, наконец, мне удалось написать портрет «Лесной девушки». Я воспрянул душой, мечтая стать великим художником!..»

Сирена ханум спокойно слушала его и отвечала: «В этой стране недостаточно одного только таланта, чтобы стать признанным художником». «Но я буду работать день и ночь», — горячо восклицал Уразов. «И что толку? — усмехалась Сирена Самуиловна. — Да хоть всю кисть не в краски, а в чистое золото мажай, все равно без определенных условий не станешь большим художником». Мухаммет сердился на свою пассию и, бывало, уходил, в сердцах хлопнув дверью...

Создалась такая ситуация, что все три новые картины Уразова могли не попасть на выставку в Москве. Дело в том, что в дополнение ко множеству уже готовых документов не хватило одной «бумажки» — справки из ЖКО о семейном состоянии. Узнав об этом, Мухаммет хотел позвонить сначала Сирене Самуиловне, но вспомнил, что после поездки в Бугульму поссорился с ней. Пришлось самому идти в ЖКО. Но в понедельник эта уважаемая контора не давала никаких справок — хоть лопни и тресни! Но и вторник оказался для Уразова неудачным. Толстая чиновница, ковыряясь в носу, пропищала:

— Нужна справка об оплате за квартиру!

Мухаммет квартплату платил аккуратно, поэтому уверенно сказал:

— С этим у меня полный порядок! Можете проверить по компьютеру.

— Ну, сейчас, разбежалась! — взвизгнула толстуха. — Принесите справку из бухгалтерии!

Уразов отправился в бухгалтерию, у дверей которой выстроились аж две длиннющие очереди: одна за справками, другая — с коробками конфет и разными красивыми свертками. Стоящие в очереди объяснили непонятливому джигиту: когда возьмешь у паспортистки нужную справку, ее нужно завизировать, то есть подписать у бухгалтера. «Подарочная» очередь стояла как раз к бухгалтеру. Такая ситуация, конечно, возможна лишь в России, но что делать? Стиснув зубы, Мухаммет встал в очередь. Прошло почти полдня, пока он встал в хвост «подарочной» очереди. Вот, наконец, и бухгалтерша появилась. Уразов отдал ей «подарок», но справки не получил.

— За квартплату у вас почему-то на десять рублей больше заплачено. Не положено так! — прогудела необъятная во всех трех измерениях тетя Наташа, то бишь бухгалтер.

— Ну, и что? Очень хорошо! Главное, что заплачено. Мне бы справку подписать.

— Не могу!

— Почему? Заплачено же!

— Переплачено. Десять рублей!

— Так... и что же? Государству, стало быть, хоть маленькая польза будет. Я ведь не прошу этот червонец обратно.

Бухгалтер колыхнулась на стуле и взглянула на Мухаммета из-под густых бровей:

— Ты что, парень, думаешь, здесь взяточники сидят?

— Я же не о вас говорю, а о государстве.

— Значит, по-твоему государство — взяточник?

— Вы... Что вы такое городите? Государство я люблю и уважаю...

— Если уважаешь, значит, надо его законы чтить. А то получается, что дочерей обнимаешь, а о теще забываешь.

— Что, и тещу тоже обнимать?

— Следующий!

Взбешенный, он вышел на улицу. Позвонил организатору выставки, объяснив, в какую ситуацию он попал. Но так и не услышал конкретного совета. Одно ясно: без этой бумажки нечего и думать о выставке, потому что сама Сирена Самуиловна поставила это условие. И если организатор выставки нарушит предписание мадам Сирены, то вылетит с работы как миленький.

К счастью, Сирена Самуиловна позвонила сама, хотя должна была находиться в это время в Америке.

— Вы откуда звоните? — удивился Уразов.

— Из Нью-Йорка, конечно! — ответил знакомый голос, показавшийся на этот раз Мухаммету бесконечно близким и дорогим. — Какие проблемы, дорогой?

— Да нет, никаких, — постарался он сохранить спокойствие.

— Не лги! Знаю все! Нужна справка из ЖКО. Я не могу нарушить этот порядок. Даже для тебя.

Женщина умела разговаривать. Как бы парень ни ерепенился, стараясь выглядеть самостоятельным, она все равно прибирала его к своим рукам, делала беспомощным, словно ребенок, а потом великодушно приходила на помощь. Оставалось только с благодарностью ткнуть носом в ее мягкую грудь. Талантливая женщина — Сирена Самуиловна.

— Слушай! — продолжала она. — Я звонила министру строительства и обо всем договорилась. Иди в ЖКО и получай справку!

И положила трубку. Нет, какова, а?.. Класс!

Плюясь от ярости, Мухаммет снова пошел в ЖКО. На этот раз слоноподобная тетя Наташа расплылась в улыбке: «Что же вы раньше об этом не сказали? Ну, эта молодежь, до чего скрытная!...» Продолжая что-то бормотать в этом же духе, она ловко подписала справку и поставила печать, даже сделала, на всякий случай, ксерокопию. Коробку с конфетами отодвинула обратно: «Спасибо за уважение, но я не могу принимать подарки на рабочем месте. Я — на службе!»

Уразов ничего не ответил. Только стиснул от ярости зубы, и в конце концов отдал конфеты какой-то бабушке, стоявшей в конце очереди. Вышел, с шумом захлопнув дверь этой уважаемой конторы.

...Доехав до поворота на Казань, друзья остановили свои машины в сторонке от дороги.

Мухаммету хотелось все-все, как на духу, рассказать Бари. Но вспомнив его довольное лицо, когда тот сидел в ожидании Садыка Сираевича, передумал. И как не быть довольным Бари, когда его сам Габитов к себе пригласил!

Поссорившись с Сиреной Самуиловной, Мухаммет сразу столкнулся с массой различных трудностей. Нет, Сирена ханум вовсе не была виновницей или причиной этих трудностей. Она не создавала ему трудности. Но и не помогала ему. И тогда Уразов понял, почему в этой проклятой стране человеку недостаточно одного лишь таланта, чтобы сделать карьеру. Потому что этой страной рулят бесталанные мужи с луженой глоткой. А таким на кой ляд нужно твое искусство! Хорошо, что Уразов вовремя познакомился со всемогущим Садыком Сираевичем. Впрочем, разве не та же Сирена Самуиловна познакомила его с ним? Если она захочет, то может и оборвать связи Уразова с Садыком Сираевичем. Может, рассказать обо всем Бари — все-таки друг? Объяснить ему, что дочь Габитова вторглась в него, в эдакого бирюка Бари, и что Садык Сираевич вовсе не против видеть его своим зятем. И вообще, тебе, Акберов, нужна Альфия, только женившись на ней, ты найдешь твердую опору в этой жизни. Так что забудь свою Гульюзум, ни к чему она тебе...

Но... Но неужели нет иного выхода? Неужели и такой жертвы требует от человека наше беспозвоночное общество?..

Поболтав о том, о сем, так и не затронув ни одной серьезной темы, друзья попрощались и разъехались. Уразов — в Казань, Акберов — в свою глухомань. Да, пути их вроде бы разнились, но судьбы, видимо, будут похожими... Хотя... Время покажет...

Не стоит бить пса по голове

Воронья стая совсем обнаглела. Никогда еще вороны не причиняли сельчанам такого ущерба, как в этом году. Как только вороны появлялись над деревней, люди хватались за ружья и палили из них в крылатых воров, банду которых возглавлял тот самый Серый Ворон, превратившийся из наглого птенца-урода в молодого, дерзкого, жестокого и хитрого хищника. В результате организованных им налетов уничтожались не только стоявшие во дворах корма для кур, жертвами стервятников

становились цыплята, утята, гусята. Вороны могли оставить без только что посеянных семян целое поле.

В начале лета в Байтимерове начались странные, даже удивительные явления. Супруга Галляма абзы Джамили апа в этом году не стала сажать в палисаднике редиску, потому что в прошлом году от этого овоща у Галляма абзы заболел желудок.

Зато их соседка Салима апа по примеру Джамили уже несколько лет подряд сажала редиску, которую с удовольствием ел ее муж Салих абы, привыкший к таким овощам во время своих плотницких «шабашках» в марийских селах. Осенью и зимой на их столе, по примеру марийцев, появлялись соленая капуста, моченые яблоки, соленые, маринованные и сушеные грибы...

Словом, одна соседка нынче редиску вообще не сажала, а другая посадила этот овощ в изобилии. Вместо редиски Джамили апа посадила какую-то полезную для желудка культуру, наименование которой так и не запомнила, но зато знала, что они вырастают в форме собачьих ушей. И вот в самом разгаре весны, когда остатки снега, превратившись в облака, давно пролились на теплую благодатную почву, новая «безымянная» культура дала всходы. Но-о, ужас! — это оказались вовсе не полезные для желудка «собачьи уши», а та же самая... редиска, которую Джамили апа не сажала! Зато в палисаднике Салимы апа уродились не привычные редиски, а тщетно ожидаемые Джамилей апа «собачьи уши». Мать честная!.. Соседки были несказанно удивлены, озадачены, огорчены! Не иначе их бес попутал! Мужчины, как всегда в таких случаях, обвинили своих женушек: дескать, эти болтливые бабы за разговором не заметили, как перепутали семена. Всего-то! Резюме: болтать меньше надо! Словом, пусть соседки разбираются сами, на худой конец, могут потом урожаями обменяться. И нет проблем! Но... Чу! Не спешите, мудрые мужчины! Тогда почему в саду Кадрии апа, что на верхней улице, на участке, где не посажено ничего, вдруг стали «пробиваться» те же «собачьи уши», впервые в этом году привезенные в деревню из города младшей дочкой Галляма абзы Зариной? А позднее, в конце мая в огороде Альфии апа, что на новой улице, вместо посеянной мяты стал расти... алтей, он же просвирняк аптечный! Впрочем это не единичные примеры. Нынешней весной перепутались семена на всех палисадниках села! Что это за наваждение?

...Пока народ недоумевал и готов был свалить массовую весеннюю путаницу семян на «нечистую силу», немой кузнец Абдрахим очень просто решил эту загадку: во всем этом виноваты вороны! Да, да, именно вороны!

— Как так — вороны? — удивился Самигулла.

— Быть не может! — поддержал его фермер Сибгатуллин.

— Лопни мои оба глаза — не верю! — решительно заявила Джамили апа, на один из глаз которой лет десять назад вышло бельмо, что ничуть не мешало ей при любом возражении применять вышеуказанное словосочетание «лопни мои оба глаза! — Не верю!»

Даже Галям абзы, не веривший ни в бога, ни в черта, немного помолчал и сказал, привычно искажая букву «ф» на «п»:

— Это какая-то фантазия!

— Какая еще фантазия? — передразнила его Альфия апа. — Глаза у тебя, что ли, повывлезли?

Правда это, правда!

В подтверждение своих слов она попыталась взять Галляма за грудки, и взяла бы, и встряхнула бы — с нее станет! — если бы не странный звук, изданный немой кузнецом. Полумычание с жестами означало его любимое ругательство:

— Яффаймайлар!..

Лишь односельчане знали, что это полупроизнесенное слово невесть как образовалось от крепких русских матерных слов.

— Я-афф-ай-мм-май-и-лар!..

И все знали, что Абдрахим зря ругаться не будет. А уж если он использует эту страшную русскую ругань, значит ему можно верить на все сто. И все верили... Кроме Салиха абзы — единственного в деревне человека, способного перечить своему кузнецу. Салих абзы говорил наперекор кузнецу, даже когда тот был явно и бесспорно прав. Да, их отношения дружескими назвать, конечно, нельзя. А все началось лет десять или более назад, когда сын кузнеца — шалопай и хулиган Абдулла, или, как в народе называли его, «рыжий Абдул», в последний весенний вечер перед уходом в армию притащил пригожую дочку Салиха абзы в клуб, поставил ее на середину сцены, обнял и поцеловал при всех, а потом больно стянул за длинные косы и заставил прилюдно поклясться: «Я, Саня, клянусь, что пока Абдулла будет в армии, не выйду замуж за сына Батая!»

Впрочем, все это оказалось не таким уж важным или из ряда вон выходящим событием. Ну, похвастался кузнец перед односельчанами, что сын его, дескать, молодец, настоял на своем, заставил Санию прилюдно поклясться ему в верности.

Вроде давно было это, но для деревни — будто бы вчера. Если уж раз попадешь на язык сельских балаболок — это навсегда, потому и кажется, что только вчера. К тому же пресловутый сын Батая, то

бишь механика Бахтияра, вскоре вслед за Абдулом уехал в армию, и тоже в Чечню, где и погиб. А рыжий Абдул уцелел, вернулся в деревню, успел развестись со второй женой и жениться на девице Узкей из марийского села.

... — Я-ффайм-май-ла-ар! — еще раз грозно выругался немой кузнец и жестами подтвердил: да, в этой семенной истории виноваты вороны!

— Как так? — снова возмутился Самигулла. — Причем здесь птицы? Загибает, Абдрахман!

— А кто тогда? — спросил Галям абзы, в упор смотря на плотника.

— Не смешите меня! Как можно верить этому полоумному немому?

Разъяренный этими словами, кузнец схватил Салиха за шиворот своей железной рукой и замычал, размахивая другой дланью и делая страшную мимику:

— Ааа-уу-иии!

Он припечатал своего оппонента к воротам галлямовского дома и наверняка сломал бы ему пару ребер, если бы жена Салиха, Салима апа, не вмешалась в мужской спор, отшвырнув кузнеца на середину улицы с невесть откуда взявшейся у нее дикой силой. Надо сказать, что вплоть до недавнего времени никто из мужчин деревни не поднимал друг на друга руки. Но в последние несколько лет село неузнаваемо изменилось — в худшую, конечно, сторону. И как раз в этом не было никакой вороньей вины. «Моду» на драки местные мужики переняли у так называемых «кайтканнаров», то есть «возвращенцев» — так называли тех, родители которых родились здесь. В городе их чада попадали в один из многих его капканов. То есть это были люди уже почти опустившиеся: алкаши, наркоманы, за каждым из которых числилось какое-нибудь, крупное или маленькое, правонарушение и даже преступление. Родители старались сами привезти или отправить в свою полузабытую деревню сбившихся с пути великовозрастных детей, чтобы оградить их от козней города и окружить чисто деревенским, патриархальным бытом, словом, попытаться их перевоспитать в селе. Для таких «кайтканнаров» наспех восстанавливались и ремонтировались старые дома.

Правда, кроме «возвращенцев», было в селе и «сословие эремтамаков», то есть дармоедов. От «кайтканнаров» они отличались, пожалуй, лишь тем, что родились и выросли в селе, большинство из них даже женились на местных девицах, хотели осесть в родном колхозе. Но вот начались «великие стройки века», которые стали засасывать сельчан в свою ужасную воронку: Челны, Елабуга... В семидесятых годах, когда Бари с Мухамметом были еще мальчишками, группу мужчин из Байтимерово отправили работать на стройку «КамАЗа». Объяснялось, что работа будет временной. Те из мужчин, кто был обременен семьями, помыкавшись между городом и селом, в конце концов махали на стройку рукой и насовсем возвращались в село. Мужчины помоложе оставались в Челнах, работали, ютились в бараках, дожидались заветной квартиры и становились горожанами. В родное село приезжали только в отпуск, а детей могли отправить сюда на целое лето. Когда распался Советский Союз, в России началась безработица, рабочие по три-четыре-пять месяцев не получали зарплаты, их стали отправлять в «неоплачиваемые отпуска». Вот эти горе-отпускники тоже вынуждены были возвращаться в родную деревню, где хоть как-то можно было прокормиться, тем более их родители пенсию получали своевременно, хотя когда-то им «не нашлось места» в городских квартирах детей: кто-то не нашел общий язык с невесткой, а кого-то невестки или зятя под разными причинами отправляли потом обратно в деревню. Между тем многие приезжали к своим городским чадам, продав в деревне свои дома с огородами. Деньги за проданные родовые поместья тут же перекочевали под лифчики невесток, или в карманы зятьев, а старики, более не нужные молодежи, вскоре вынуждены были возвращаться в деревню и приспособливать для жилья старые, чуть ли не вековой давности, избы, вросшие в землю. Некоторым из них везло: они уговаривали соседей, купивших когда-то их дома, уступить им обратно свои родовые гнезда за дешевую цену, но и ту отдавали частями, годами. Сердобольные соседи соглашались. Но дело в том, что соседи купленные дома давно приспособили под разные хозяйственные нужды, и теперь, чтобы восстановить и привести в надлежащий вид эти строения у возвращенных (или выгнанных) в деревню пенсионеров денег не было. Под лифчиками их невесток родительских денег тоже давно не было, видимо, именно эти деньги были причиной смены лифчиков на больший размер: раздобрели красавицы на родительских харчах! Но старики были довольны и этим, радуясь, что возвратились умирать на родную землю... Пенсию, слава богу, платят аккуратно, с голоду не помрешь, да еще на безработных детей с внуками хватит, если учесть дары сада и огорода... Все-таки своя кровь, пусть и дармоеды.

Эх, судьбы российские... Корчи родной страны... И когда она, несчастная, выздоровеет? Разве можно веками прозябать в нищете?!

Должна же быть какая-то причина несчастий страны. Может, эта причина спрятана в национальном характере? В особенностях национального менталитета?

Словом, мы обрисовали читателям и второе «сословие», или «прослойку» деревни Байтимерово — «эремтамаков» или «дармоедов».

Когда оба вышеописанных «сословия» вернулись на землю предков, тогда в деревне все и началось. Сначала появилось воровство. Воровали зелень и овощи с огородов, выкапывали картошку, «исчезали» куры, утки, гуси. Хозяева боялись привязывать к столбу телят на лужайке, где они паслись и резвились: уж очень легко было украсть этих доверчивых животных. Потом начались ссоры, скандалы, а когда вор попадался, все обычно заканчивалось самосудом. Гостя побивали не камнями, а просто мордовали от всей души кулаками и ногами. В гражданский суд дело не отдавали: пусть воры, но все-таки «свои» односельчане. Так «привилась» в деревне драка. Позднее стали драться даже по малейшим пустякам, чего в жизни не бывало в татарской деревне.

Байтимер было, возможно, одним из самых больших и богатых сел во всей России. Одно население, без учета «возвращенцев» и «дармоедов», насчитывалось более пяти тысяч человек! Когда-то в ауле действовали семь мечетей со своими «махалля»-приходами. Поэтому ни «кайтканнары», ни «эремтамаки» не могли существенно повлиять на общий, веками заведенный ритм деревни, в первую очередь потому, что очень сильны и глубоки еще были здесь местные обычаи и традиции. Ну, а для воров хозяева стали держать свирепых овчарок и мастодонтов других пород, некоторые держали по два сторожевых пса: во дворе и саду. Поэтому нашему давнему знакомцу Пирату вовсе не скучно было ночами в огромной спящей деревне...

... Увлечшись спором, люди не заметили ухода кузнеца. Но вот он пришел, держа в руках тушки застреленных кем-то ворон. Из клюва ворон посыпались какие-то семена. Все ахнули: так вот, оказывается кто внес путаницу в развитие сельского овоще и зеленородства!

— Яффа-аймма-айлла-ар! — победоносно промышчал Абдрахим, потом укоризненно обвел глазами притихшую толпу и отправился в свою кузницу.

* * *

Пирату удалось приучить к себе самого злого в деревне пса, принадлежавшего Самигулле. Пес был куплен в городе и стоил очень дорого. Звали его Барсом. Первая их встреча состоялась в лесу. Уже на второй день после того, как Самигулла привез его из города, Барс порвал цепь и умчался в лес, ибо в его жилах текла наполовину волчья кровь. Кажется, говорили, что отец его был волком, а мать — собакой. В ту ночь они с Пиратом самозабвенно носились по дубравам и полянам, сумели поймать перепуганного зайца и полакомиться им. Лишь вечером следующего дня Самигулле удалось найти своего пса. На этот раз он посадил его на более мощную, толстую железную цепь. Однако хозяин понимал, что свободолюбивого пса никакая, даже самая крепкая в мире, цепь не удержит. А тем более поборит. И Самигулла обратился к двум, казалось бы, надежным методам приучения зверей: ласке, ласковому слову и вкусной еде. Но даже этими эффективными способами трудно было воспитать в звере чувство верности хозяину дому. С началом сумерек Барс начинал проявлять явное беспокойство, скулил, лаял, даже выл, смотря в сторону леса. Но и Самигулла был на редкость упорным, терпеливым и упрямым: теперь он стал спать не дома, а во дворе, в телеге, устланной сеном. Телегу он притащил поближе к будке Барса. Вот наступала ночь, беспокойство и волнение Барса усиливалось, он то и дело смотрел в сторону леса, скулил, лаял. Тогда Самигулла подходил к собаке, клал ее морду к себе на колени и гладил, гладил ее, щекотал под шеей, угощал заранее подготовленными мясными вырезками. Так прошли три ночи. На четвертый день взбеленилась благоверная Самигуллы. Разифа подняла в доме скандал: «Я тебе не нужна! Ты меня избегаешь! Тебе нужен этот вонючий пес! Тогда тебе надо было хотя бы самку, а не кобеля привезти!»

Самигулла да сих пор любил жену, хотя у них были уже почти взрослые дети, и до сих пор старался завоевать ее расположение. Поэтому он лишь вздохнул и не стал противиться требованию жены. Вообще, в последнее время Самигулла жил в каком-то страхе. Боялся своей Разифы, боялся Мухаммета. Разифу он любил, но боялся, что Мухаммет уведет ее от него, поэтому терпеть не мог Мухаммета. Страх его усиливался тем обстоятельством, что Мухаммет до сих пор даже ни разу не был женат и ходил в холостяках. Можно приучить дикую собаку или волчонка, но чрезвычайно трудно добиться любви женщины. Ох, как трудно! Уж кто-кто, а Самигулла знал об этом вовсе не понаслышке, а испытал и до сих пор испытывает это на собственной шкуре, на собственной мужской гордости. Конечно, ничего этого не было бы, если Самигулла не любил бы жену по-настоящему самозабвенно, страстно... Порой готов был с ума сойти от любви... Что поделаешь... Со временем, кажется упорство, терпение и любовь сделали свое дело: теперь Разифа, видите ли, уже спать без него не может?... Дай-то бог!..

Самигулла вовсе не был «тряпкой» или «подкаблучником». Время от времени он вылезал из-под юбки жены. Вот и на этот раз он нашел выход: вечером ложился с женой спать, но ушки держал на макушке, и чуть ли не каждый час выходил проведать Барса, гладил его по голове, щекотал под шеей, угощал мясом. Не зря же говорят, что в отличие от кошек, собаку перед кормлением не надо стучать по голове. Это старинное народное предание. Оно гласит, что кошки настолько коварные существа, что на

том свете на вопрос: «Кормили ли тебя хозяева?» они непременно солгут: «Нет, не кормили!» Собаки не такие неблагодарные твари. На том свете на аналогичный вопрос они честно ответят: «Да, мой хозяин хорошо кормил меня!» Поэтому всякий раз, когда начинаешь кормить кошку, говорят, нужно стукнуть ее по голове. В этом случае на том свете ее ложный ответ будет истолкован так: «Ты обманываешь нас? У тебя на голове темное пятно, куда тебя стучал хозяин всякий раз, когда давал еду! Это след твоего обмана!..»

Барс потихоньку привыкал к хозяину. И все-таки, как волка ни корми... На четвертую ночь, соскучившись по Барсу, прибежал Пират и сунул свою морду под ворота дома Самигуллы. Увидев друга, Барс рванулся с места, но толстая стальная цепь и не думала поддаваться. И все же Барс был настолько силен, что разорвать даже такую цепь было для него лишь вопросом времени. Но Самигулла вовремя услышал шум и визг на дворе, и тут же выскочил на улицу. Пират бросился наутек, и Самигулла даже не успел разглядеть этого одичавшего пса, про которого в деревне уже ходили легенды. Самигулла все-таки догадался, что это был Пират, бывший пес председателя Акберова! Говорили, что Пират тоже был рожден от волка и собаки. Уже который месяц... который год ищет Акберов своего Пирата. Не для того, чтобы привязать его во дворе, а чтобы убить! Из-за Пирата Акберов потерял покой и сон: чуть с ума не начал сходить, даже к психотерапевту пришлось обращаться! В Байтимере ничего нельзя скрыть. Все знают все о всех...

...Да, пса не нужно бить по голове: он и так все хорошо помнит. Он — не коварная кошка. Уже который год Пират живет один в лесу, и все эти годы он преследует Акберова, а тот, в свою очередь, караулит Пирата, чтобы убить его.

И тут Самигулле пришла в голову одна идея. Ха, отличная идея!.. Подвернулся неплохой случай, чтобы отомстить Акберову! Черт возьми!..

Месть — это, как известно, зачастую единственный способ успокоить бурю в душе. Уже который год Самигулла вынашивал в душе это тяжелое, мрачное чувство, и теперь уже при всем желании не мог от него освободиться. Это почти звериное чувство не подчинялось разуму... Скажем, если любовь делает женщину умной, то мужчину, наоборот, сводит с ума. А у Самигуллы для «сдвига по фазе» есть еще одна причина, кроме любви: идущая в организме химическая реакция. Да-да! Эта та химическая реакция, при которой в организме выделяется серотин — именно он отвечает за половые гормоны человека. Дело в том, что в марийских лесах произрастало странное и почти неизвестное людям дерево с необычно вкусным ароматом. Именно в молекулах запаха этого дерева и заключена химическая формула элементов серотина. Попадая в организм человека, эти молекулы вскоре начинают выделять серотин.

Это безымянное дерево сыграло далеко не последнюю роль в истории, и особенно в демографии села Байтимера. Ходившие в лес по ягоды девицы, надыхавшись ароматом «любовного» дерева, чуть не бесились от страсти и готовы были тут же отдаться марийским рыбакам, удящим рыбу рядом с деревом, на берегу лесной речки Илети. Недаром народонаселение Байтимера росло как на дрожжах, как у китайцев, и быстро перевалило за пять тысяч человек — по западным меркам, небольшой городок.

Плотник Самигулла частенько ходил в лес, выбирая себе древесину, поэтому выделение серотина в его организме не прекращалось. Сам он объяснял это силой любви к своей Разифе. Ну, а любовь, как известно, шагает в ногу с ревностью, или, как в народе говорят, любовь и ревность спят под одним одеялом.

В тихом омуте черти водятся

Мир — что колесо... Когда-то монголы завоевали русские земли. Были жестокие битвы. Но церкви остались не тронуты, их даже налогами не обкладывали. Таково было повеление великого хана — «Потрясателя Вселенной». Но русское население веками было обречено выплачивать «ордынский выход», ясак.

Мир — что колесо...

Погибших и умерших было великое множество: на лугах от Казанки-реки до леса и даже на лесных полянах лежали бесчисленные трупы татар. В самом городе и окрестностях трупов было навалено столько, что приходилось ходить по мертвецам. Ямы за ханским дворцом, берега Казанки, луга — все было завалено трупами, а на некоторых улицах тела погибших лежали в два-три слоя. Иван Грозный, которого литвины (современные белорусы) называли еще Иваном Жахливым, то есть Ужасным, приказал оставить в живых только женщин и детей, а всех трудоспособных мужчин — умертвить...

... «Собакам и татарам вход запрещен!» — гласила одна из табличек в городском саду уже русской Казани.

Мир — что колесо...

...Вождь хазар иудей Песах разгромил русских... Взял в плен бездетную вдову убитого им старого князя Игоря... Она стала то ли наложницей, то ли женой Песаха... От них пошли дети... Так кровь русских князей перемешалась с иудейской...

Мир — что колесо...

...Казачи Петлюры... грабили евреев подчистую, а самих, связанных, подвешивали к потолку и поджаривали на кострах... У одного старого еврея отрезали и заставили есть собственную бороду, а потом с хохотом разрубили его тело на мелкие части. Остальным отрезали руки-ноги, вырезали губы, выкалывали глаза, вспарывали животы беременным женщинам. Тех, кто пытался убежать, косили из винтовок и пулеметов...

Мир — что колесо...

* * *

...Я — Израиль Исаевич Воронов, родился в Советском Союзе, второе гражданство — израильское. Работаю в Казани, живу в еврейской слободе под Казанью.

Я — мониторинг израильской разведслужбы «Натив». Проще говоря, агент, шпион. Впрочем, не совсем шпион. Это название вызывает у меня улыбку. Я всего лишь собиратель информации. Если сегодня собираемые мной сведения нужны разведслужбе Израиля, то в будущем они станут главной темой моей научной работы.

Меня особенно интересуют татары. Их исторические судьбы схожи с судьбой еврейства. Они также рассыпаны по всему миру, и что интересно: живущие в Казани, в Волго-Камском регионе и вообще в России татары постепенно забывают свой язык, традиции, обычаи, и только зарубежные татары упорно хранят и свою речь, и вообще свое национальное лицо, национальный характер.

«Верьте мне: народ никогда не стареет и не умнеет: он всегда остается ребенком», — сказал еще Гёте. Замечательные слова. Поэтому мне интересны и прошлое, и настоящее загадочного татарского народа.

Мой приятель Бари Акберов — хозяин тех мест, где мы живем. Этот молодой человек уже успел почувствовать вкус власти. Впрочем, не секрет, что тяга к власти, наслаждение властью — самое сильное чувство у человека, даже сильнее любви. Бари не понимают, недолюбливают, но боятся. Да, противоречие между властью и народом заложено в самой природе человека. Каждое существо думает, что стоит выше других, и что ему положено больше благ от жизни. С возникновением человечества самые лучшие шкуры, самые вкусные яства, самые красивые женщины принадлежали сильным мира сего, то есть власти предрержавшим.

Каждый человек стремится стать первым и присвоить себе самое лучшее, что есть в этой жизни. И все же он не может жить в одиночестве, ему нужно общество, а в обществе должен быть лидер. Скажем, если в одном месте собирается несколько человек, среди них обязательно нужно выбрать лидера, в противном случае неизбежно возникнет драка за власть с возможными жертвами, а то и полное взаимоистребление.

Но не каждому дана способность становиться лидером. Этот талант, как и другие, дается человеку свыше.

«История татар весьма и весьма поучительна». Свою будущую научную работу Израиль Исаевич начнет именно такой фразой. Ведь судьба этого народа близка и к судьбе его собственной нации. И судьба, и перипетии истории... Татары и евреи рассеяны по всему миру. Более того, их исторические связи временами переплетаются. Ведь большинство хазар были тюрками, и только их верхушка состояла из иудеев. Они вместе ходили на Киев, покорили князя Игоря, чья жена Ольга имела сына от... еврея! О, это единство и противоположность Истории!

Татар как нацию сохранил ислам. Другие народы своим существованием обязаны своим религиям... Но у нас даже есть свои общие пророки: Гайса (Иса), Муса (Моисей), Якуб и другие. Все мы признаем наличие Божественной Силы, которую не смеют отвергать даже ученые, вернее, самые мудрые и умные из ученых.

«Все существа на земле и на небе, кто вольно, а кто невольно, будут поклоняться Богу, и утром, и вечером при совершении молитвы их тени тоже будут класть земные поклон!..»

«...Есть люди, которые будут копить золото и серебро, не давая богу проникнуть в душу, им сообщит о будущих муках перед лицом Всевышнего. Собранное ими золото-серебро в судный день будет раскалено на адском огне и приложено ко лбу, ребрам и спинам таких людей. И будет сказано: эти люди собирали в бренном мире богатства, предназначенные другим. Так пусть они испытают муки адские из-за своей алчности и жадности к богатствам, предназначенным множеству других!..» Через пророков этот призыв был ниспослан на землю, людям. Это не угроза, не запугивание, это — сама Истина!

Знаменитый физик, лауреат Нобелевской премии Вигнер еще в прошлом веке писал, что объяснить все значение математики для естественных наук можно только существованием во Вселенной Божественной Силы. Не могли отрицать существование Божественной Силы и другие крупные ученые: Ньютон, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, Гегель...

Я, Израиль Исаевич, приобщил Бари Акберова к великой истине, в результате чего он задумал построить на горе Храм религий! Он думает, что это его собственная идея, и вряд ли догадывается, что здесь не обошлось без моего труда. Ведь именно я посеял в его душе семена этой идеи. Впрочем, я и не настаиваю на приобретении авторских прав. Я опасуюсь лишь одного: как бы на основе ислама не расплодились ваххабитские секты. Ведь я вижу, какой урон моим соплеменникам в Израиле наносит фанатическое движение ваххабитов: чуть ли не ежедневные смерти, взрывы, ранения, боль от потери близких, имущества, дома...

Религиозные каноны нужно принимать целиком и полностью, как предписанное доктором лекарство для спасения души, глотать, а не жевать их, вырабатывая ядовитой слюной разрушительную смесь псевдоверований.

Равенство, братство, свобода! Вот наша цель!

Сибгат Валеев, его дочь и торгующий фруктами жених

Когда Бари Акберов стучал в ворота, Сибгат абзы видел, наверное, уже седьмой сон. На стуки сначала проснулась хозяйка, Санифа ханум. Во всяком случае, так думала она сама. На самом деле их дочь Салима в эту ночь вовсе не смыкала глаз, надеясь, что Нури ночью подкрадется и тихонько постучится в окно ее спальни. Санифа как была в ночной тонкой рубашке, несмотря на прохладную майскую ночь, подбежала к воротам и сердито окликнула пришельца:

— Кто там?

Она всеми силами навалилась на щеколду, опасаясь, что к ним опять появился азербайджанский воздыхатель их дочери, и готова была в любую минуту позвать на помощь мужа, и вообще, поднять хай на всю деревню. Она кинула взгляд на прислоненные к забору вилы: как-никак, а для холодного оружия сгодится. К сожалению, их сторожевого пса не так давно кто-то отравил.

Она собиралась крикнуть что-нибудь грозное, но услышав знакомый голос председателя колхоза, миг обмякла, и виновато, даже почти нежно залебезила.

— А-а... Сейчас, сейчас, Бари Хазиевич, сейчас открою.

Сообразив, что она одета лишь в тонкую ночную рубашку, хотела быстренько накинуть дома халат, но не решилась заставлять ждать гостя, пусть ночного, но всегда желанного, ибо он — сама власть! Она лишь надела большущие для нее галоши мужа, лежавшие на крыльце, и снова зашлепала в них к воротам, думая: «Наверняка, председатель пришел за мной! Опять, наверное, телята некормленными остались. Может, он уже принес мне ключи от склада и хочет назначить меня бригадиром вместо этой непутевой Каримы? Уволил ее среди ночи, увидев голодных телят, и пришел ко мне?»

Такие сладкие мысли вертелись у нее в голове, пока она возилась с засовом и приговаривала:

— Я же говорила Сибгату, чтобы не закрывал ворота. Мало ли кто из начальства может зайти...

Голос председателя был немного раздраженным. В другое время Санифа своего мужа-тюленя разругала бы почище, чем председатель, но сегодня она будто чувствовала себя в чем-то виноватой, так как хотела пожаловаться председателю на постигшую их, как ей казалось, беду.

И она тем же голосом продолжала:

— Тот азер, торговец фруктами, совсем обнаглел. Жить не дает! День и ночь здесь, под окнами околачивается. И дочка, негодница, хороша: связалась с ним, даже замуж за него тайком собралась. Что делать, ума не приложу!

— Что еще за азер? — хотел было спросить Бари, и тут Санифа, уже набравшая в рот воздуха, чтобы обрушить на гостя все свое женское многословие, вдруг запуталась в огромных мужниных калошах и, не удержав равновесия, почти упала в объятия Бари, припечатав его к забору своей необъятной грудью. К тому же одна грудь обнажилась, теплая, трепетная, выпуклая, еще не успев остыть в прохладной ветреной майской ночи. Пытаясь подхватить хозяйку, чтобы не дать ей упасть, Бари ткнулся носом аккурат в обнаженную грудь, отчего его дыхание вдруг стало прерывистым, и ему захотелось впиться губами и зубами в эту манящую, зовущую женскую плоть...

Санифа была сверстницей старшего брата Бари Хади. Одноклассницы Хади во время учебы в школе любили шутить и подтрунивать над младшеклассником Бари. «Эй, Бари! — шаловливо кричали они ему. — Будешь моим женихом?» Иногда они ловили мальчугана и запросто целовали его в губы, а потом со смехом убегали, повторяя: «Будешь моим женихом?» Бари тогда не знал, куда деваться от стыда. И вот... Через столько лет... Может, наступил его черед целовать и спрашивать: «Будешь моей невестой?» Бари смело положил руку на горячую обнаженную грудь Санифы... Та будто шутя

уперлась руками в Бари, только делая вид, что отталкивает его. Ух, отдалась бы ему прямо здесь, на дворе! Но вовремя опомнилась баба: как никак, а муженек ее, хоть и «теленюк», но все таки супруг, к тому же находящийся в доме.

— Где Сибгат? — Бари тоже взял себя в руки и спросил уже почти привычным, начальственным голосом.

— Как где? Дома спит, где ему еще быть, заморышу?

Санифа отвечала как-то лениво, даже почти жеманно, потому что все еще находилась в плену ложных мыслей, что Барий пришел именно к ней, и сейчас предложит ей место завфермой, или хотя бы завскладом — потому что прежняя заведующая оставила телят голодными и была уволена за это. Санифа знала, что еще с вечера вдовая Карима вместо того, чтобы отвесить для телят положенные килограммы муки, завалилась в амбар пьяной и заснула там. Но сладкие мысли Санифы были развеяны в одно мгновение. Председателю, видишь ли, понадобился ее доморощенный супруг Сибгат. «Наверное, где-то застряла машина, и Бари хочет воспользоваться трактором Сибгата, — подумала она. — У них на уме одни машины да трактора, тоже мне — мужики! Они даже не способны позаботиться о голодных телятах!»

Между тем Сибгат Валеев считался у Бари одним из самых опытных и передовых механизаторов. И Бари не просто так пришел к нему, тем более среди ночи. В последнее время он чаще стал беспокоить людей по ночам. Ведь после окончания посевных работ ожидалось очередное, одно из последних и решающих, собрание насчет переселения деревни.

— Сибгат абзы, — обратился Бари к еще не совсем проснувшемуся хозяину. — Я тебе решил дать землю рядом с мечетью!.. Самую лучшую землю! Почти на вершине горы, где лучшие горные долины и пастбища, сочные травы и плодородная земля! Не бойся, место там ровное.

— У мечети? — переспросил Сибгат, разом проснувшись. — Ты что, решил, что нашему женишку узбеку или как его там, ближе будет в мечеть ходить? Или ты издеваешься надо мной? Бари, браток, а?

От неожиданного ответа Бари слегка растерялся, не зная, что сказать. А хозяин продолжал:

— Слышал, небось, что моя старшая, Салима, с базарным торгашом спуталась, с узбеком этим. Поэтому и ворота уже с вечера запираю.

Председатель наверняка был в курсе этих слухов, но Сибгат еще раз намеренно рассказывал историю «падения» дочери, надеясь, что Бари как-нибудь поможет ему «отшить» нежеланного жениха. А что? Ведь Сибгат — не кто-нибудь, а лучший механизатор Бари!

— Гнал бы ты этого узбека взащей из Казани, а, Барийчик? И собаку нашу только этот азиат отравил, больше никому!

Он умоляющее посмотрел на председателя. Тот выдержал паузу и спросил:

— И... Что?.. Тогда ты согласишься на землю возле мечети?

— Соглашусь, соглашусь, только прогони этого кавказца, чтобы духа его здесь не было! Тогда соглашусь хоть на пустыре или хоть на ямах селиться!

Они ударили по рукам.

— Не беспокойся, поезда «Казань — Ташкент» еще не перестали ходить.

К сожалению, сам торговец фруктами не слышал этого разговора, не то быстренько собрался бы и укатил к себе на родину, от греха подальше. Бедняга...

В действительности, голову Салиме вскружил не узбек, а азербайджанец Нури, приехавший, как и многие его соплеменники, за длинным рублем в Казань... Остальные его сородчи, приехав пораньше, уже устроились кто где, женились на одиноких или вдовых татарочках, так что для Нури осесть в городе было теперь очень трудно. Оставались окраины Казани. Нури, не откладывая дела в долгий ящик, высмотрел себе кралю в одном из ближайших к городу сел, а именно Салиму из богатого и большого села Байтимера. Не важно, что у него дома, в Сумгаите, осталась жена с тремя детьми. Женившись здесь на Салиме, Нури приобрел бы несомненные для себя выгоды. В деревне фрукты можно хранить тоннами, кроме того, решилась бы и проблема с пропиской. Проторговав тут года два-три и сколотив приличное состояние, Нури потом бросил бы и Салиму, и Казань, вернулся бы к себе в Сумгаит и зажил бы припеваючи. Достроил бы свой дом, и снова соединился бы со своей черноокой супругой Зэллей. «Салима, Салима, — думал Бари, выходя из ворот сибгатовского дома. — Погоди-ка! Кажется, в свое время он уже принимал какое-то участие в ее судьбе. Да, да, в тот год, когда в колхозе работали шабашники-армяне, он чуть ли не силой заставил Салиму варить обеды для этих кавказцев. Словом, еле-еле уговорил девушку, предварительно, конечно, переговорив с ее родителями. Сибгат в то время работал на маленьком тракторе Т-25, и Бари пришлось по его просьбе доверить ему большой, более мощный трактор. А Санифе пообещал «ключи от амбара», то есть пост завскладом. В то время, вспомнил Бари, мать Сибгата лежала уже при смерти. Когда старушка умерла, и стало быть, перестала поступать в дом ее пенсия, трудно стало Сибгату кормить четырех детей, работая на маленьком, малоодоходном тракторе. К тому же осталась без работы и Санифа — закрылся деревенский медпункт, где она работала медсестрой. То есть без работы сестра милосердия не осталась, но без денег осталась

точно. Чуть кто в деревне заболел — все спешили к дому Санифы. Разве можно отказать в помощи больным односельчанам, многие из которых были Санифе родственниками? Сначала Сибгат был против подобной «медицинской практики» жены, но передумал, когда двоих старушек повезли в райцентр измерить подскочившее давление, но по пути бабушки взяли да померли. А тут еще ветераны войны, труда, бывшие труженики тыла, которые вдруг оказались для государства лишними людьми... Словом, очень скоро дом Сибгата превратился в своеобразный медпункт. Нельзя же спокойно смотреть, как сельчане мучаются, а порой и умирают от какой-нибудь безобидной, на первый взгляд, болячки.

А тем несчастным старушкам, что померли по дороге в больницу, достаточно было всего одного укола!..

Шабашники-армяне, строившие в Байтимере ферму для телят, а в райцентре — коттедж для одного из местных начальников, потребовали себе в повара только девушку-татарочку. Бари не мог противиться их желанию, в результате юная и свежая, как луговой цветок, Салима стала поваром в армянской артели, хотя в том году мечтала уехать в Казань, чтобы поступить в педагогический институт. Правда, через полгода она сбежала-таки в Казань, но прежде всего для того, чтобы скрыть от односельчан свой округлившийся живот и не допустить разных слухов. В Казани она жила в общежитии, нарочно с силой перетягивала живот поясом, и в конце концов «армянский выкидыш» бесследно исчез в общаговском туалете... Помучившись в городе без работы, она вернулась к родителям, поплакалась, покаялась... Но... Но была уже знакома с азербайджанином Нури и готова была выйти за него замуж.

А собаку свою Салима отравила сама...

Галлям Бахетгареев и его дочка Зарина

Бари той ночью хотел постучаться и в ворота тракториста Галляма. Во-первых, ночью всегда застигаешь человека врасплох, во-вторых, ночная беседа волей-неволей располагает к искренности, раскованности. В таких случаях редко кто отказывал председателю в просьбе. Этот способ был уже им испытан, апробирован.

Несмотря на полночь, ворота Галляма оказались открытыми. Бари зашел во двор, постучал в окно. Со стороны скотного двора послышался лай собаки. Двор Галляма сторожила огромная, ростом с теленка, овчарка. Бари заметил, что дверь скотного лабаза закрыта, значит, овчарка не может выскочить наружу. Он облегченно перевел дух и снова постучал в окно.

Галлям, выйдя на крыльцо, слегка растерялся, увидев председателя, но быстро взял себя в руки, догадываясь, с чем пожаловал к нему Бари в такое неурочное время.

— Уже не загорелся ли мой трактор, Бари? А если и загорелся, это не мое дело, потому что вчера на нем работал мой младший напарник. А я что-то расхворался, кажется, поясницу надорвал.

— Знаю, знаю, Галлям абы. Я по другому вопросу.

Галлям включил в сенях свет, уселся на скамейку, закурил папиросу.

— Ну, что случилось?

— Да сам, небось, знаешь. Все о том же переселении забочусь, места себе не нахожу.

Галлям с удовольствием затянулся папиросой, покосился на председателя своими зеленоватыми глазами, потом усмехнулся:

— Это туда — на гору, что ли?

— Да... Всей деревней.

— Всей деревней, говоришь?... Всем миром, ветрам и бурям наперекор?

— Я бы не сказал так.

— Ты и не говоришь так, но подразумеваешь.

Этот грузный, пожилой мужик с длинными могучими руками не был лишен чувства юмора. Но вдруг Галлям абзы стал серьезным:

— Ты знаешь, юноша, за что в тридцать седьмом году увезли моего отца?

— Не знаю, Галлям абзы.

— Значит, тебе нужно изучать историю села, прошлое наших людей. Если не знаешь, так и быть, скажу: один красный коммунист Акбар агай тоже хотел переселить деревню на эту злосчастную гору. Мой отец отказался и за это был сослан на каторгу, откуда уже не вернулся. В тот год я и родился, но с тех пор ни разу не видел отца.

— Разве в этом виноват был мой дед?

— Ну, вот... А говорил: не знаю. Прекрасно все знаешь, браток. Да, твой дед не был виноват в гибели моего отца, более того, он пытался его защищать, потому что они дружили. Акбар абый, пусть земля будет ему пухом, сам был вынужден уехать из родных мест, когда в райкоме ему пригрозили арестом и расправой. Это он провожал в последний путь моего отца. Затем все рассказал моей матери,

а потом... Потом он всю жизнь помогал нашей семье. Да самой своей смерти. Видимо, все-таки считал себя виновным в смерти моего отца.

— А раз так, почему ты противишься, Галлям абы? Я выделил бы тебе самые лучшие земли. Скажи народу, он тебя слушается.

— Я знаю, что хватит одного моего слова, чтобы народ пошел за мной. Но не скажу. Не буду говорить этого слова. И сам не переселюсь. Ты лучше куда-нибудь в ссылку меня сошли, глядишь, и снова тридцать седьмой год повторится. Ты чувствуешь запах тех лет?.. А что?.. Меня и теперь с удовольствием могут сунуть в какую-нибудь каталажку. Правда, до Сибири я не доеду, стар уже, кости в дороге сами рассыпятся ...

Бари помолчал, потом попрощался с трактористом и пошел восвояси. Только напоследок сказал:

— Ты свою псину с цепи не спускай, Галлям абы, сам знаешь, последнее время кто-то стал отстреливать псов в наших краях.

С тяжелым сердцем открыл Бари дверцу и замер: в кабине кто-то был.

— Это я, Бари абы, Зарина.

— Зарина? Что ты здесь делаешь, и откуда появилась?

— Из окна выпрыгнула. Когда вы с отцом на скамейке разговаривали.

— Ну, и что тебе надо, девочка?

— Я не девочка!

— А мне все равно!

— Бари абы, пожалуйста, не сердись, сначала выслушай меня. Знаю, зачем, зачем ты приходил к папе. Но ты его, упряма такого, никогда не уговоришь, а если он не согласится переселиться к горе, никто другой тоже с места не сдвинется.

— Ну, и что дальше?

— Дальше? Поехали, Бари абы, к горе. Будем выбирать нам место для дома и сада-огорода. Отец может послушаться только одного человека — меня!

— А если не послушается?

— Послушается! Еще как послушается! Я даю тебе слово! Вы же выполнили данное слово: устроили меня на учебу в Академию искусств!

Машина повернула на дорогу, ведущую к горе. Въехав на самую вершину горы, где располагалось нечто вроде плато, они вышли из машины.

— Бари абы, а где будет клуб, дом культуры? — спросила девушка.

Она кружилась вокруг машины в нетерпении, даже пританцовывая, напоминая ночную бабочку, порхающую при свете луны.

— Бари абы, вам говорю!

Акберов показал ей место, отведенное под клуб. Зарина покружилась по этому участку, встала на какой-то пенек и церемонно, как на концерте, объявила саму себя:

— Первый голос, лучший соловей деревни Нагорный Байтимер Зарина Бахетгареева!

А потом запела удивительно чистым, сильным голосом.

Улетают птицы в теплые края.
Вот и осень тихо наступает.
Как печально смотрят милые глаза.
Как печально это расставанье...
Мы с тобой уходим, жалобно грустя,
Лето и друг друга покидая...
Видно, нам такая выпала судьба:
— Эти встречи... Эти расставанья...
— Голоса весны нас вновь соединят,
И забудется озноб осенний...
И глаза с надеждой в небе проследят
Наших птиц счастливых возвращенье...
А потом уйдем мы, жалобно грустя,
Лето и друг друга покидая...
Видно, нам такая выпала судьба:
— Эти встречи... Эти расставанья...

Какой удивительный у нее голос! Бари замер от восхищения. Не зря эта девушка так стремилась попасть в Академию искусств! Бари почувствовал, как от чудесного пения какая-то нега разлилась по всему его телу. Он вдруг ощутил себя совсем-совсем маленьким человеком, более того, ему казалось, что он растворяется в волшебных переживаниях пения. Вот это голос! Чудо! Бари стоял, все еще замороженный, когда Зарина подбежала к нему, обняла и чмокнула его в щеку.

— Спасибо, рахмат вам, Бари абы!

— Спасибо? За что?

— Да, да! Спасибо! Я ведь вас ни разу еще не поблагодарила! Хотите, я снова спою? Бари абы! А, Бари абы? Между прочим, следующая моя песня посвящается вам!

Ты смеешься? Почему же
Не признаешься в любви?
Ты пойдешь к любви навстречу
И ее не упусти!
На заре открой окошко,
Посмотри на небеса:
Обижаться на любимых,
Видит бог, никак нельзя.
Если ты пока не видишь
Пламень чувств в душе моей,
Что ж... Посмейся. Это можно.
Только загрустить не смей!
А когда твое сердечко
Это пламя ощутит...
Потеряешь ты рассудок,
Потеряешь аппетит.
На рассвете встрепенется
Тень твоя у родника:
— Вон идет к тебе, смеется,
Наконец, любовь сама!

Честное слово, Бари в эти минуты не чувствовал самого себя, весь растворившись в пении. Зачарованная душа Бари прозрачным ручейком стекала к подножию горы, а его невесомые, ставшие вдруг невидимыми руки потянулись к небу и дотронулись до той самой звезды, которую он и подарил счастливой обладательнице счастливого голоса... Боже милосердный!..

Повеяло свежим ночным ветерком. Бари поднял доверчиво прильнувшую к нему певичку на руки и, бережно прижимая ее к своей груди, понес к машине.

В ту ночь злая овчарка, которую почти семидесятилетний тракторист Галлям Бахетгареев недавно привез из города, пролаяла только один раз. Вернее, не пролаяла, а завывала, рванулась, легко порвав толстую цепь, и разорвала в клочья одну из сидевших на насесте куриц. Наверное, ей хотелось вырваться на свободу, а может, она почуяла близость лесного пса Пирата? Выла ли она от страха, или таким образом зазывала гордого хозяина местных лесов — Пирата?

Впрочем, как бы ни было, а едва подросшая курица уже лежала растерзанной на земляном полу...

Арслангали Минлекаев и его жены

Ворота лесника Арслангали были на запоре, собака без цепи ходила по двору. Учув постороннего, овчарка залаяла. Появилась супруга лесника Маймуна ханум:

— Кто там? Арслангали, это ты вернулся?

Маймуна была когда-то одноклассницей Акберова. Узнав председателя, она загнала овчарку в будку и открыла ворота. Бари почувствовал себя неловко, ведь как-то не этично заходить к хозяйке в отсутствие ее мужа. Да и Маймуна удивилась ночному визиту председателя. Зато вдова Асма, спрятавшаяся за баней, потирала от радости, вернее, от злорадства руки: «Ага! Попался! Сколько времени она караулила этот момент. И вот дождалась. Надо же! К Маймуне именно в отсутствие ее благоверного ночью тайком приходит... любовник? Да еще какой любовник! Сам председатель Бари Акберов! Не на работу же он ее зовет ночью-то. Какая тут «работа» — ежу понятно. Тем более они вместе учились, гуляли, наверное, целовались... Ну, все! Теперь она точно уведет Арслана от этой злочки Маймуны! Попомнит она еще разбитые стекла! У-у, стерва!.. Ни с того, ни с сего прибежала тогда с палкой в руках и давай орать: дескать, ты моего Арслана здесь прячешь! И давай крушить палкой все стекла в окнах. Думаешь, твой Арслангали испугался и убежал? Как бы не так! Он лишь спрятался за печкой, чтобы его не видно было, а ворваться в дом Маймуна все равно не сумела бы: Асма такую баррикаду у дверей понастроила!»

Когда Асма овдовела, лесник по мере возможности помогал ей дровами, оказывал другие мелкие услуги. Асма с Маймуной сверстницы. До смерти мужа Асмы Сайтгарая они и вовсе были неразлучными подружками. И мужья тоже дружили. Сайтгарай был отменным плотником, вместе со своей бригадой мог собирать по одному срубу в неделю, работал на строительстве коттеджей в пригородах Казани. Однажды в лесу на Сайтгарая упало дерево. Шансов выжить не было. Асма осталась с ребенком без средств к существованию. Как же не помочь жене погибшего друга! Не оставишь же ее на произвол судьбы. И Арслангали помогал ей чем мог, тем более у Асмы никогда не переводился ни чистейший самогон, ни закупленные в еврейской слободе вина. Впрочем, изделие Асмы самогоном назвать трудно. Это маришцы гонят самогон, а в еврейской слободе изготавливают

настоящий нектар, эликсир молодости! Хочешь — крепкий, как спирт, хочешь — настоящее вино, не хуже французских. От марийского самогона человек дуреет, а от еврейского «изделия» — веселеет. В свое время Бари закупал для еврейской слободы новенькие трактора и комбайны, выделял самые плодородные земли. Сейте, выращивайте, собирайте урожай! Но закупленная техника быстро пришла в негодность, и толстые, как на подбор, мужья евреек, прозванные в народе «гренадерами», снова стали гнать свой первоклассный «нектар». Гораздо выгоднее им продавать самогон и домашнее вино. А земли, выделенные евреям, заросли лебедой, лопухами, другими сорняками.

Асма постоянно брала у евреев на продажу самогон и вино. И дело у нее постепенно пошло на лад. Но молодой, цветущей, здоровой вдове, кроме достатка, нужна была, конечно, и мужская ласка. Ее истомившееся по мужчине тело нельзя было согреть только дровами, которые привозил ей Арслангали. Поэтому само собой получилось, что очень быстро Арслангали стал «согревать» безутешную вдову в ее собственной постели... Ревнивая Маймуна догадывалась об изменах мужа, но поймать их с поличным пока не удавалось. Окна Асмы остались без стекол именно в тот день, когда Арслан заночевал у Асмы, а утром на их голову свалилась разъяренная ревностью тигрица.

Саитгарай погиб, когда выполнял работу, порученную ему Арсланом. Поэтому молодая вдова считала, что Арслангали должен принадлежать не только Маймуне, но и ей, Асме.

Однако выходы разбушевавшейся Маймуны заставили любовников призадуматься нужно было искать выход из создавшегося затруднительного положения. Самый лучший выход — поймать саму Маймуну в объятиях любовника, а потом пригрозить ей разоблачением. А после этого со спокойной совестью «делить» Арслана. Действительно, почему подруга спит с мужем, а Асма мается в одинокой холодной постели? Делиться надо с подружкой! Чтобы все справедливо было. Иногда Арслан неделями пропадал в лесу. Неужели за это время никто не навещает к Маймуне? Нужно только пожертвовать сном, караулить, караулить, выжидать, бдиль, когда к ней, наконец, придет любовник. Чу!.. Погоди-ка!.. Кажется, Бари спросил об Арслане. Более того, узнав, что его нет дома, он, кажется, ушел. Вот скотина! Ну, чего стоило ему войти к ней в дом, а? Может, Маймуна все-таки заметила прятавшуюся за баней Асму? Нет, в таком случае она спустила бы на нее свою овчарку. Да эта псина, кажется, и так без цепи по двору ходит! О, боже! Вот Бари ушел, и хозяйка снова заперла ворота. Асма поспешила спрятаться в бане и посмотрела оттуда в подслеповатое оконце... Пес бродил рядом. М-мда... Как же теперь Асме выбираться отсюда? Где-то в углу темной бани послышался шорох. Асма в испуге отпрянула, обо что-то споткнулась и с размаху села на низенькую скользкую скамейку. Ой, кажется, лягушка! Асма пулей вылетела из бани, помчалась к воротам, забыв о злой овчарке. Только когда сзади раздался почти львиный рык, она в ужасе обернулась: перед ней, оскалив клыки, стоял взъерошенный зверь. Но Асма все-таки боялась больше Маймуны, чем ее овчарки. Поэтому она тихонько открыла калитку и быстро шмыгнула на улицу, героически подавив в себе крик, потому что овчарка все-таки успела тяпнуть ее за ягодицу.

Мирхайдар — «Корреспондент ТАС»

Сторожа байтимеровской фермы зовут Мирхайдаром. Вечером он зовет к себе маленькую звонкоголосую собачку и идет дежурить на ферму. В отличие от многих других сторожей, днем он тоже не спит, выполняя мелкие, нетрудные колхозные поручения.

Среди всех деревенских произзвиц у Мирхайдара самое интересное и необычное: «Корреспондент ТАС» (именно с одним «с»), данное ему за пристрастие собирать последние новости и слухи деревни и окрестностей.

...В полночь Мирхайдар решил покинуть пост и навеститься в село. Цель у него была, конечно, «святая». Нынче апрель выдался теплым. Вот-вот начнется посевная. В колхозных амбарах день и ночь идет прочистка зерна. Когда контроль Акберова ослабевает, ловкачам удается продать «на сторону» или перевезти к себе домой пару — другую машин зерна. Мирхайдара выводила из себя такая несправедливость. От этого у него даже несварение желудка началось. На нервной почве. Ему страсть как хочется доложить об этих безобразиях Акберову. Надо только где-нибудь «поймать», встретить председателя. У сторожа есть своя причина угодить председателю: желание урвать участок получше при переселении на новое место. Нынешний огород Мирхайдара чуть ли не сплошь состоит из камней да песка. Какой уж тут урожай! Соседи выкапывают картошку, а Мирхайдар — в основном камни. А история его «каменистого плато» такова. Лет пять-шесть назад Мирхайдар пил по-черному, еще немного, и стал бы он законченным алкашом. Однажды у него, кажется, началась «белая горячка», и он долго бегал по дому голый, полоумный. Жена его давно бросила, жил-тужил он один. Как-то, мучаясь алкогольной жадой, он продал свой плодородный участок под картофель всего... за литр водки! Протрезвев, конечно, сильно жалел об этом. Хотел где-нибудь приобрести хоть какую-нибудь земельку, но хороших земель в деревне уже не оставалось, и Мирхайдар стал обрабатывать какой-то пустырь на околице, но наткнулся на сплошные камни.

...В ту ночь Бари решил постучаться в дом сельского муллы Алихана эфенди. На улице он чуть лоб в лоб не столкнулся со сторожем Мирхайдаром.

— Ты почему бросил дежурство? — строго выговорил ему председатель. Тот почему-то побоялся сказать правду. Да и вор ведь еще не был пойман за руку. Поэтому Мирхайдар решил схитрить:

— С вечера жена приболела. Вот, думаю, схожу быстренько, проведу, как она.

Председатель не стал больше «наседать» на провинившегося сторожа, сказал только:

— Не оставляй свое рабочее место!

И растворился в ночи.

Узнав, что Акберов навещает колхозников по ночам, Израиль Исаевич пожурил его: «Не сталинское же время, чтобы по ночам будить. Зачем людей среди ночи беспокоить?»

Бари в ответ засмеялся, и нехотя ответил: «А кто поручится, что те времена не вернуться вновь? Стукачам, например, снова зеленая улица открылась». Это был его намек на речь президента в связи с угрозой терроризма. Говорилось, действительно, о терроризме и террористах, но народ как обычно, все понял по-своему: если хочешь, доноси, жалуйся, ябедничай на здоровье, «стучи», сколько тебе влезет! Тебе за это только спасибо скажут!.. Бари вспомнил тот разговор с Израилем Исаевичем, и вдруг остановился: «Погоди!.. Разве это не совет самого же Исаевича? Как он говорил ему? «Тебе нужно во что бы то ни стало обойти всех людей. Если днем не успеешь, найди другое время, зайди хоть ночью, но к большому собранию подготовься заранее, затронь людей за их чувствительные струны, чтобы склонить их на свою сторону!» «Да-а, не поймешь этого старого еврея», — подумал Бари, подходя к воротам Алихана.

А Мирхайдар, видимо, нутром почуял, к чему идет дело. Всю ночь он бродил по деревне, но так и не встретил ни одного вора. В подавленном настроении побрел он на ферму. А там его ожидала сногшибательная новость: с фермы украли ее гордость: всех трех великолепных быков-производителей! Маленькую собачку воры просто-напросто закинули в печь и закрыли заслонкой, откуда она и надрылась испуганным лаем. Освободив собаку, сторож кинулся к коровнику, дверь которой была приоткрыта. Значит, здесь кто-то побывал. Мирхайдар с замирающим сердцем зашел внутрь и ахнул: так и есть! Исчезли все три быка-производителя! Сторож лихорадочно стал пересчитывать коров: слава богу, хоть коровы все на месте. Колени Мирхайдара противно задрожали, он вышел на ватных ногах из фермы и увидел на земле свежие следы от колес грузовой машины...

У Алихана Шангараева дрожит пупок

Пусть пока увозят подальше от Байтимера трех уворованных быков, а мы последуем за Акберовым. Все-таки не к рядовому колхознику идет, а к мулле, особе духовной. Надо сказать, что на весь большой Байтимер, где когда-то было семь мечетей, ныне есть только один человек, способный справляться с обязанностями муллы — это бывший агроном и бывший секретарь парткома колхоза Алихан Шангараев. Он не учился специально на муллу, но знал наизусть много молитв и мог читать-писать арабскими буквами. Говорят, что всему этому его научила еще в детстве набожная бабушка Гаифа. А когда пришла пора выходить ему на пенсию, он снова потянулся к религиозным книгам и одно время даже брал уроки у районного муллы.

Конечно, все в деревне, от мала да велика, знали, что Алихан вовсе не является святошей. Но тем не менее любили слушать, как вдохновенно он читает молитвы и проповеди, в связи с чем прощали ему некоторые небольшие грешки, водившиеся за ним. В Байтимере недавно построили новую мечеть, и теперь большинство мужиков, ранее собиравшихся поболтать о том, о сем в тесной прокуренной сторожке, потянулись в мечеть, учась совершать тахарат (омовение), творить намазы... Тех, кто по привычке хотел превратить мечеть в некое средоточие слухов и сплетен, как это было в сторожке, Алихан быстро поставил на место. «Эй вы, непослушные рабы Аллаха! Остановите поток своих сплетен! Не будьте такими нерадивыми в стенах священного храма! — восклицал он. — Если мы хотим быть правоверными мусульманами, то должны постичь речь ангелов, говорящих: «О, стремящиеся к намазу! Да будет милостив к вам Аллах, мы попросим Его, милостивого и милосердного, простить ваши прегрешения до следующего намаза!» Когда мы потакаем сплетникам, то лишь выносим из мечети проклятие ангелов, рискуя навлечь беды на себя и свою семью!

«Йһ йһрадһ филь-мһсһкиди йһкһльль-хһсһнһт кһмһ тһжкһль һлбһцимһтһл-хһшишһ!..» Словом, «как коровы перетирают в своих зубах благодное для них сено, так и разговоры в мечети должны перетирать темы мироздания и святости».

Из этого выходит, что всякое словоблудие в стенах мечети, будь то сплетни, унижительные для кого-то слова или клевета на других, строго порицается, потому что стоит далеко от истинной веры. Так же ошибаются и те, кто гордо заявляют: «На мне никаких грехов нет, и если я прочитаю соответствующую молитву, то, несомненно, попаду в рай». Братья и сестры! Очистим наши души, пока

они еще есть в наших телах! Аллах умеет прощать, что является самым ценным приобретением для благочестивого мусульманина.

«Иннѣд-динѣ гыйндѣл-лаци ислѣм» — «Перед Аллахом есть только одна истинная вера — ислам». Так вступим же со своими любимыми молитвами на намазлык (молитвенный коврик) и по-детски чистой душой совершим намазы, приравняв их к ежедневно необходимой пище...»

В таком примерно духе читал Алихан свои проповеди, и народ внимал, смотря ему в рот.

Мы упомянули, что Алихан, по сути, вовсе не был святошей. Да, когда-то он сильно пьянствовал, принося этим несчастье и вред не только семье, но и колхозу. Теперь, вспоминая те кошмарные времена, он сам с издевкой смеется над собой, однако в этом смехе чувствуется и какое-то сожаление, что ли... В общем, странное и не совсем чистое чувство... Что-то, похожее на попытки оправдания... Тем более, ни для кого не было секретом, что мулла Алихан и теперь изредка может «сорваться» и запить.

Правда, смеяться над самим собой, над какими-то своими действиями, тем более в глазах посторонних — это требует смелости. Не каждый способен на это. Алихана, как видно, это не смущало. О себе он рассказывал зачастую с иронией, смеясь, говорил иногда так увлекательно, будто сказку сказывал. Слушатели, конечно, смеялись от всей души: и те, кто когда-то также пил, и те, кто сейчас пребывал в состоянии смутного похмелья, и те, кто уже успел малость «хлебнуть». И только самому Алихану нельзя было смеяться, не только потому, что серьезность его повествования давала дополнительный юмористический эффект, но, главным образом, потому, что при громком смехе мог соскочить пластырь с пупка. «Причем здесь пупок и пластырь?» — спросите вы. Не спешите. Началось это так...

«Запой» у агронома, он же секретарь партийного комитета колхоза, начинался обычно с «пустяков». Ну, например, нынче выдался отменный урожай пшеницы на подсечном поле. Как же это дело агроному не обмыть? Грех не обмыть такой агрономический успех. Тем более в кабине авто в любое время найдется «чекушка», любовно и давно запасенная на всякий случай. «Своей», то бишь служебной машины у Алихана нет — не положено. По бескрайним колхозным полям его возили свободные от рейсов «молоковозы». Золотое было время. Надо сказать, что после приема водочки в организме Алихана начиналась необычная, странная реакция: рот его пересыхал, губы трескались, будто шел он по раскаленной пустыне, а живот возле пупка мелко-мелко трясся, прося, таким образом, добавить в него водки. Так проходила неделя. Алихан к тому времени уже испытывал алкогольное отравление, поэтому пил тяжело, давясь позывами рвоты. В такие дни он лежал пластом на кровати. Все его тело болело, ныло. Утром жена уходила на работу, дети — в школу, и дышать Алихану становилось немного легче, забывалась утренняя ругань жены, которой приходилось терпеть смрадный перегар загулявшего мужа. Алихан вставал в постели, смотрелся в зеркало: м-м-да... морда кирпича просит, налитые кровью глазки пороссячьи сузились, заплыли, лицо распухло от пьянства. Да, с такой физиономией на улицу не выйдешь. Все-таки он не только агроном крупнейшего в районе колхоза... М-мди... Значит, «лекарство» нужно искать дома. У жены должна быть где-то запрятана бутылка, а то и две, «сорокаградусной». Алихан вышел во двор, глубоко вздохнул свежий утренний воздух. Мозги со скрипом заработали. Так... в холодильнике, конечно, нет, в кухонном шкафу — тоже... Стоп! На чердаке! В одном из валенок, терпеливо ожидающих прихода зимы! Алихан медленно и мягко, как кошка, стал подниматься по лестнице на чердак, быстро нашел валенки и сунул руку в первый же из них попавшийся. Пальцы дотронулись до холодного горлышка бутылки... Она, родимая! Как объяснить чувство невыразимого блаженства, охватившего Алихана при виде бесценной добычи?! Это чувство невозможно выразить ни звучащим, ни письменным словом, каким бы талантливым оратором или писателем ты ни был. Это иная, высшая точка блаженства! Эта радость во сто крат сильнее радости человека, даже нашедшего в земле полный золота кувшин! К черту все золото мира! Разве им можно опохмелиться?!

К возвращению жены и детей бутылка постепенно выпивается, и Алихан засыпает. Супруга еще в сених тянет чутким носом и определяет, что муж опять напился. Значит, нашел ее «заначку»! Бессовестный пьяница! Где, какую именно из спрятанных бутылок нашел этот пьянчуга? Она поднимается на чердак и обнаруживает пропажу припасенной «на всякий случай» бутылки водки. И как он догадался? Вот стервец!.. Наутро у Алихана снова болит голова. Давление поднялось, кажется, до критической точки, губы слиплись, сердце гулко-гулко бьется, из последних сил пытаюсь разогнать отравленную алкоголем кровь. При каждом толчке измученного сердца, кажется, покачивалась и кровать. Мерзостное, пакостное ощущение! Пока жена не проснулась, он идет в кухню и жадно пьет воду из носика чайника. Давление снова подскакивает. Жена начинает собираться на работу, что-то недовольно ворча. Время течет медленно. Скорей бы ушла благоверная! Уходит. Чтобы ее успокоить, Алихан обещает с этого дня «завязать». Поверив, жена уходит почти успокоенная. Дети бегут в школу. Дома душно, дышать нечем, сердце стучит как колокол. Он выходит во двор, но и здесь душно уже с утра. Потирая похмельную голову, Алихан бредет к погребу, где под низеньким навесом тоже стоит

старая ржавая кровать. От наполненного снегом погребца веет прохладой. Полежав так с полчаса, Алихан почувствовал небольшое облегчение, голова снова стала «шурупить», причем снова в одном только направлении: где найти? Возможно, это происходит по инерции, потому что сегодня Алихан действительно уже не хочет пить, он действительно заболел. Ему показалось, что сам погреб стал нагреваться от жары его больного, отравленного тела. Алихану вдруг захотелось открыть погреб. Из открытого люка подул холодом. Хорошо... Он уселся, свесив ноги в погреб, думая, что не мешало бы этот погреб расширить и поместить туда эту старую кровать или соорудить какой-нибудь топчан, лежак, прямо на снегу. Рядом — холодное молоко, катык, масло... Да ничего с ними не случится! Да, нужно будет так и сделать... В таком «оборудованном» погребе Алихан может всего за час протрезветь...

Откуда-то со стороны бани прискакала лягушка и уставилась на Алихана выпуклыми глазами. Надо же, тварь, даже не боится! Может, она тоже с похмелья?.. Хи-хи!.. Ну, лягушка-квакушка, скажи по дружбе, где спрятана твоя «чекушка»? А-а-а, за печкой, говоришь? Нет, там я уже смотрел. В одном из мешков с зерном в клетях? Нет, я и там проверил. И на чердаке нет, вчера уже тамошнюю находку оприходовал... Что говоришь?

В гнезде гусыни? Класс!.. Точно!.. Правильно мыслишь, уважаемая лягушка! Ты — настоящий друг! Гусыня действительно сидит на яйцах, женушка моя каждый день их проверяет. Запросто может спрятать там «пол-литру». Сейчас, сейчас, мы эту вполне правдоподобную версию проверим, сей момент!

Алихан, спотыкаясь от запойной слабости, пошел в птичник. Гусыня сидела в гнезде. При виде Алихана птица грозно зашипела, но человек, не обращая на это ни малейшего внимания, берет ее за шею, вышвыривает из гнезда и сует туда руку... Ура!.. Молодец, лягушка-квакушка, верно подсказала. Спасибо тебе! Живи вечно! Нашел ведь! А жена-то, а? Вот дура! Нашла место прятать водку! Нет, чтобы спрятать бутылку сразу в аду, чтобы до нее уже никак нельзя было дотянуться. До поры до времени... Прячешь, так прячь архинадежно!

Словом, опять жена виновата... в том, что не умеет прятать водку...

К вечеру бутылка постепенно опустошалась, и на весь двор раздавался храп спящего Алихана.

Пришедшая с работы жена загнала гусыню обратно в гнездо, подошла к погребу, который был открыт. А над погребом, в старой железной кровати мирно почивал хозяин. Растормошив мужа, жена спросила:

— Ты почему погреб открыл? Все молоко прокиснет!

— А я-а... — бормотал Алихан сквозь сон, — лягушку из плена вызволил. Какая тварь выживет в холодном погребе, на холодном снегу, м-м-м?..

Жена вскипела от гнева, не зная, что и сказать пьяному главе семейства. Наконец, она выпалила в сердцах: «Ты знаешь, кто? Ты — настоящий алкаш, понял? Обыкновенный алкаш!!!»

Алихан терпеть не мог этого слова, поэтому мгновенно проснулся, уселся, сердито взглянул на жену и буркнул: «Ну, а ты сама кто? Ты хоть знаешь это?»

— Я? — удивлялась жена. — Кто я? Как это кто? По крайней мере, не пьянствую, как ты, чуело! Ну, скажи, скажи, чудище, и кто же я?

— Ты... Ты, стало быть, жена алкаша, вот кто ты... Поняла?.. То есть алкашиха...

Жена, поначалу сбита с толка логикой пьяного мужа, подумав, смеется от души. Наконец она переходит на ласковый тон:

— Алихан, дорогой, слышишь? Алихан! Пора трезветь, нельзя же в таком виде валяться каждый день, а, золотко?

Доброе слово тут же входит в обмякшее, истрепанное алкоголем сердце Алихана. И он действительно, всамделишно решает «завязать». С завтрашнего дня — ни грамма! Ни капли! Клянусь!

На завтра, конечно, снова наступает похмелье. Снова вода из носика чайника. Сегодня болит уже не только голова и тело, но и все нутро. Алихана выворачивало наизнанку. Хорошо, что туалет рядом, далеко не бегать.

Нет, сегодня — ни грамма! Хватит!.. Кажется, малость полегчало. Полежав немного, Алихан встал и снова посмотрел на себя в зеркало. Поднял рубашку и чуть не упал от изумления: пупок двигался вниз-вверх — как заведенный. Двигался, а не трясся мелкой дрожью, как раньше! С каждым движением пупка все нестерпимее становилось желание выпить! Алихан зажал одной рукой пупок, зажал крепко, чтобы пупок не смог даже шевельнуться. И сразу почувствовал, как отступает желание выпить! Так вот кто во всем виноват! Пупок! Это он, двигаясь как помпа, требует и требует алкоголь! Как насосом качает! Алихан убрал с живота руку, и пупок снова задвигался, вызывая желание «остограммиться». Гм-м... До это же настоящее открытие! Вот это да!.. Даже Архимед, наверное, не радовался так своим открытиям. Эврика!.. От радости и гордости у Алихана даже голова перестала гудеть. Он по-прежнему крепко прижимал рукой пупок. Та-ак... И что теперь делать? Одному Алихану с этой проблемой не справиться. Здесь, очевидно, нужен медицинский подход. Медицинский... Но к

кому же обратиться? Нельзя же пойти к жене Сибгата и демонстрировать ей голый пупок. Сибгат — мужик ревнивый. И вдруг Алихана осенило: у него же есть друг, Гаптегани, ветеринарный врач! Пусть ветеринар, но все-таки в медицине кое-что смыслит.

И Алихан прямо через картофельный огород направился к дому приятеля. Надо ведь решить загадку «блуждающего пупка»! К счастью, Гаптегани был дома, во дворе, хлопотал по хозяйству. Едва закрыв за собой калитку, Алихан воскликнул:

— Годок! (Они были одногодками.) Смотри-ка сюда, я покажу тебе что-то очень интересное.

Пить они начали вместе, но Гаптегани уже «завязал». «Тормознул, сволочь!» — благодушно подумал о друге Алихан.

— Иди сюда, смотри!

Алихан поднял рубаху.

— Видишь, двигается?

— Ну, да... Двигается... И что?

— А то, что он таким образом водку требует!

— Иди ты! Сказки!..

— Не веришь? Тогда принеси грамм сто водки, проверим!

Гаптегани так и сделал. Вынес из дома початую бутылку водки.

— Только много не наливай. Грамм пятьдесят. Хватит. И смотри на пупок.

Алихан медленно стал цедить из стакана водку.

— Смотришь? Не остановился еще? Я о пупке говорю.

Гаптегани от удивления разинул рот. Потом спросил:

— Это шутка, годок? Или действительно так происходит?

— Так... Сам же видишь! А через полчаса снова начнет двигаться! Вот где, годок, причина пьянства. Вот где корень зла! В пупке проклятом. Ты доктор, пусть и лошадиный. Придумай что-нибудь. Не то с таким ненасытным пупком сдохну от пьянства!

Гаптегани в раздумье почесал голову, а потом хлопнул себе по ляжке: — «Нашел! Придумал, годок!»

Он забежал в дом и вскоре вышел со своей ветеринарской сумкой, вынул оттуда то ли лейкопластырь, то ли скотч.

— Сейчас мы зафиксируем твой пупок с помощью специального пластыря!

Сделав свое дело, доктор спросил:

— Ну, как, двигается?

— А полчаса уже прошло?

— Нет еще. Подождем.

Подождали. Прошло полчаса, сорок минут, пупок даже не шелохнулся.

— Ну, и как? Теперь выпить хочется?

— Нет, ни капли не хочется.

— Тогда пластырь не отрывай, годок, следи за ним. Чтобы не отклеился.

Жена, возвратившись с работы, увидела мужа совершенно трезвым и очень даже обрадовалась. Алихан ей тут же обо всем рассказал, продемонстрировав залепленный пластырем пупок. Как только он отлепливал пластырь, пупок начинал двигаться, вызывая острую алкогольную жажду. Жена поспешила быстренько залепить пупок заново. Пить действительно не хотелось — ни грамма, ни капли, хоть убей! Значит, все дело в пупке, а сам Алихан, оказывается, ни в чем не виноват. К такому выводу они пришли вместе с женой. С тех пор Алихан обходил стороной все места, где пахло спиртным или где видны были бутылки с соответствующей этикеткой. Правда, после бани приходилось заново заклеивать пупок. Эту процедуру охотно и с удовольствием выполняла жена. Отсюда распространилось и прозвище Алихана — «Брюхо с заплаткой». Ну, и что? Пусть называют, пусть дразнят! Плевать! Зато Алихан стал жить спокойной, трезвой, размеренной жизнью, вообще, начал находить вкус к жизни, смысл своего бренного существования. А выйдя на пенсию, обратился к вере. Дай-то бог...

А жена до сих пор спрашивает по утрам и вечерам: «Ну, как, Алиханушка? Пупок не двигается?»

— Нет, женушка. Хвала Аллаху!..

Последние часы Серого Вороненка

Пирата очень раздражало карканье пролетающей над лесом вороньей стаи. Особенно омерзительно кричал Серый Воронок — ошибка природы. Когда стая летела со стороны деревни над лесом, Серый Урод орал так истошно, будто в Байтимере беда какая-то стряслась. А сын Пирата, рожденный от ласковой Актырناق, сегодня как раз убежал в деревню. Может, с ним что-то случилось? Может, и на

него уже надели ошейник? Пират места себе не находил от беспокойства. Он рвался на помощь сыну, но не мог переступить свой неписанный закон — не появляться в деревне днем. Пытался он и сына приучить к этому, но бесполезно. Молодой еще, глупый, хотя и красивый, как его убиенная мать — с такими же белыми на концах лапами. Акаж — Белоногий... Не знает, не понимает он, бедняга, что люди в деревне бывают подчас злее самых матерых волков.

Забой скота в деревне производят не только поздней осенью, но и перед майскими праздниками, в канун очередного сабантуя. Запах скотобойни привлекает к себе и волков, и одичавших собак, которые совершают дерзкие ночные вылазки в переполненный мясом аул. Но вот беда: все потроха достаются местным, то есть домашним собакам, а «чистое» мясо надежно прячется в погреб. Лесным хищникам остается надеяться разве на то, что на ферме, может быть, вдруг околеет какой-нибудь теленок, или на улице подвернется ненароком заплутавшаяся и оставшаяся на улице курица. Белоногий давно убежал на разведку в окрестности фермы... А этот Серый Воронок орет так истошно... Может, он сообщает таким образом о гибели Белоногого?

Пират постарел, его некогда необыкновенная сила уже не та, да и чутье притупилось.

И все же дикий образ жизни не позволяет ему чересчур расслабляться. Он все еще силен, к тому же мудр и опытен. И все же он так и не смог отговорить Белоногого от посещения деревни. Почти взрослому полуволку становилось тесно в зеленом приволье леса...

Противный и громкий крик Серого Ворона услышал и Бари. С утра он решил подвезти Зарину в райцентр, на автовокзал: девушка уезжала в Казань. После той памятной ночи на горе он как-то сразу привязался к этой необыкновенной девушке, хотя и считал эту привязанность временным явлением. Вот поможет он Зарине с организацией своего ансамбля, с выпуском пары-другой видеоклипов...

Зарина очень этого хочет и, конечно, будет так благодарна благодетелю. Что делать? Бессмысленно соваться в шоу-бизнес без своего спонсора. Конкуренция в этом бизнесе жестокая, особенно нагледят бесталанные, которые, видимо, считают, что в осыпанный долларами микрофон даже рыба запоет! Специальная аппаратура нынче настолько усовершенствована, что и козлиное бляение можно выдать за соловьиные трели.

Бари встрепенулся от воплей Серого Воронка, сразу ударивших его по нервам. Он остановил машину, взял свое ружье, прицелился и выстрелил. Грянул выстрел, и одна из дробинок оторвала Серому Воронку голову. Наверное, впервые в жизни человек сумел исправить ошибку природы!

Бари, однако, не был рад меткому выстрелу. Когда тушка навечно заглохшего серого уродца упала к его ногам, он испытал какое-то странное, непонятное чувство, от которого нервно запульсировал левый висок.

Его мысли начали работать как бы в обратном направлении, словно ветряная мельница, ставшая вертеться назад. Он вспомнил слова Израйля Исаевича в связи с идеей постройки на горе Храма трех религий.

— Если мы не объединим религии, вражда между народами может продлиться вечно, — поучал старый еврей, хотя не так давно был против идеи Бари и даже приводил доводы в доказательство своей правоты. Ведь если бы не он, вряд ли идея о «Всемирном храме» пришла бы в голову Бари, озабоченного в основном то надоями молока, то привесами скота и другими делами в том же духе. Почему Израиль Исаевич повел себя так двойственно? Может, преследует какую-то особую, тайную цель? И почему приезжавший недавно сотрудник ФСБ расспрашивал Бари об этом Воронове? Разве тот не живет в собственной стране? Ах, да! У него же двойное гражданство, он к тому же гражданин Израйля. Может, именно этот факт вызвал интерес ФСБ?

Самое удивительное в том, что эта мысль пришла к нему лишь сейчас, когда он так удачно подстрелил застрявшего у всех в печенках Серого Ворона! Почему? Почему только сейчас его душу начали раздирать какие-то смутные противоречия, неопределенные, но беспокойные мысли? В конце концов, какая может быть связь между Серым Вороном и старым евреем Вороновым?

— Бари абы, ты стрелял в волка? — полюбопытствовала Зарина.

— Нет... В белого медведя.

Девушка наивно удивилась:

— Как?... У нас в лесу есть белые медведи?

— В нашем лесу есть даже волк с мордой, похожей на лицо человеческого ребенка, Зариночка...

— Абау!.. Похожего на ребенка? Волк?

— Успокойся, это я так пошутил, — отмахнулся Бари, садясь в машину. — Ты вот что мне скажи, Зариночка. Когда станешь знаменитой певицей, ты хоть здороваться со мной будешь?

Девушка положила ему голову на плечо.

— Еще как буду... Но... Ты уже тогда будешь женатым, да?

— На ком?

— На лесной девушке.

— На лесной девушке? Гм-м... Нет уж, пусть Шурале женится на лесной девушке.

— Это правда?
— Правда.
— А Гульюзум? И потом: правда ли, что Мухаммет Уразов стал большим художником благодаря любви к Гульчачак? Так все говорят...
— Ну, и пусть говорят... Правильно говорят.
— А Гульюзум? — повторила она свой вопрос.
— Ты же видишь, что я не стал великим художником...
Они уже подъезжали к райцентру.
— Скоро мы поедem по районам с концертной бригадой. Купите наш концерт?
— Куплю. Только сообщи заранее.

* * *

...В первые же дни и недели существования государства Израиль сюда потянулись евреи со всего мира. Окруженный враждебными арабскими странами, Израиль спешил укрепить и встать на ноги. Но массовому притоку евреев в страну обетованную мешали чрезмерно жесткие иммиграционные законы многих стран. Поэтому решено было развернуть деятельность специально созданных разведслужб Израиля. В 1948 году с этой целью образован Институт «Алия-Бет», а также одноименная служба разведки. Эти организации провели для Израиля большую работу, способствуя увеличению иммиграционного потока евреев в страну. В течение 1948-1949 годов только из Ирака в Израиль переселились 50 тысяч семей, а в 1950-1951 годах эта цифра достигла уже ста тысяч.

Но как бы успешно ни действовала «Алия-Бет», почти все эмигранты приезжали из Ближнего Востока. Число переселенцев из СССР и стран Восточной Европы было крайне незначительным. К тому же отношения между СССР и Израилем стали портиться, особенно после 1949 года, и Тель-Авив стал ориентироваться на США.

На основании специальной директивы, изданной премьер-министром Бен-Гурионом, «Алия-Бет» была распущена и вместо нее в 1951 году создана разведслужба «Натиф», целью которой была пропаганда идей сионизма в странах социализма и массовое привлечение оттуда в Израиль этнических евреев.

«Натиф» подчинялся напрямую премьер-министру, его деятельность была глубоко законспирирована, сведения о нем находились за семью печатями.

Что только не предпринимал «Натиф» для увеличения еврейского населения Израиля! Например, в 1980 году сотрудники «Натиф» организовали туристическую поездку из Лондона в СССР более чем ста человек. Эта многочисленная «туристская» рать привезла в СССР литературу, видеокассеты и другие пропагандистские материалы на иврите. Разгорелся международный скандал, после чего Б.Бегин уволил Леванона с поста руководителя «Натиф».

Эта спецслужба не оставляла в покое и другие социалистические страны. Например, Румыния получила 60 миллионов долларов за то, что «отпустила» своих евреев, причем половину этой суммы прикарманил лично Чаушеску. Каждый еврей обошелся Израилю в три тысячи долларов...

А мы, к стыду своему, не знаем, как принять и где разместить приезжающих в Татарстан татар! Вот и мыкаются они на своей исторической родине...

Когда Горбачев в 1985 году пришел к власти, он открыл всем советским евреям «зеленую улицу» в Израиль. В результате полмиллиона евреев покинули Советы и выехали на «землю обетованную». Что ж, остается, видимо, только предполагать, что первый президент СССР был близким другом массонов.

Когда в 1991 году СССР распался, задачи «Натифа» несколько изменились. Теперь они стали выманивать из России и стран СНГ талантливую еврейскую молодежь, и, кроме того, установив связи с российскими учеными и специалистами, принялись собирать передовые идеи в области науки, изучать и анализировать политико-экономическое положение России. Наконец, «Натиф» стал углубленно интересоваться и отдельными нациями и народами России, сведения о которых передавали израильским специалистам-аналитикам, в число которых входил и наш Израиль Исаевич. Наряду с работой в научном институте он завязал довольно тесные отношения с татарами из разных слоев общества. Внешне жизнь его текла размеренно и спокойно, но не зря говорят, что в тихом омуте черти водятся. Вот и в тихом «озере» Израиля Исаевича сидел такой «черт» по имени «Натиф». Правда, «озеро» было довольно глубоким, и «черт» никогда не появлялся на поверхности акватория... Ни Израиль Исаевич, ни его хозяева не ставили целью переселить всю Еврейскую Слободу колхоза в Израиль... Нет, напротив, многие местные евреи женились на татарочках, и от них пошли особенно одаренные, интеллектуально развитые дети, которые по всем параметрам на голову, а то и две были выше детей других национальностей. Так что в Израиль они вовсе не стремились. Зачем им лезть под бомбы палестинцев и теракты других арабов?..

Улетали... уходили... села... люди...

В ночь перед распределением новых земель у горы народ не спал, готовился. Каждому хотелось прихватить участок получше, пожирней. Сибгат Валеев все уши жене прожужжал: дескать, если там, на горе какая-нибудь стычка произойдет, будь начеку, спустишь с цепи овчарку. После своего казуса с тремя уворованными быками на ферме сторож Мирхайдар безжалостно утопил свою собачку и привез из города за большие деньги огромного звероподобного пса. Правда, Акберов простил сторожу кражу быков, но поставил условие: Мирхайдар должен жениться и привести в свой дом вдовую марийку Наташу, беременную от Бари. Чего только не сделаешь, чтобы не сесть в тюрьму или не отправиться на сибирскую каторгу! Мирхайдар согласился, и уже нашел общий язык с Наташей, приказав ей быть бдительной, когда ее новый муж отправится на гору «завоевывать» себе жизненное пространство.

Впрочем, подобные приказы, правда, не афишируя их, отдали своим женам все мужья.

Поначалу Алихан не хотел идти к горе, но вечером к нему заявился приятель Гаптегани.

— Ты чего, годок? Без земли хочешь остаться? — спросил он прямо с порога. — Отдать ее этим «кайтканнарам» и «эремтамакам»?

Ответ Алихана был готов:

— Я же мулла, оставят и мне землицу где-нибудь возле мечети.

— Какая мечеть! — возмутился Гаптегани. — Там не только мулла, но и поп будет, и даже еврейский мулла!

Об этом Алихан даже не подумал. Он встал и посмотрел на приятеля:

— Думаешь?

— Уверен! На все сто!

— Значит, и мне надо идти!

— Ты, годок, не сиди тут сиднем! Или пупок снова шевелиться стал?

И Гаптегани вопросительно посмотрел на жену друга. Та поспешила опровергнуть его сомнения:

— Нет, нет, не шевелится, слава богу!

— Тогда вставай, поднимайся! У тебя, кажется, и ружье где-то было?

— Да есть ружье, только оно не стреляет.

— И пусть не стреляет. Все равно с собой возьми.

Вмешалась жена Алихана:

— Вы что, за землю в своих односельчан готовы стрелять?

— За землю, уважаемая, я своих дорогих односельчан не только застрелить, но и бомбой взорвать способен! Это ведь земля, понимаешь? Земля!

— Абау, Гаптегани, ты чего мелешь-то? Мы в этот мир, считай, на три дня пришли. Как ответишь на том свете перед Всевышним?

— Ответим! — коротко ответил ветеринар и хохотнул. — Мулла у нас свой, так ведь, годок?

Алихан не ответил, он был занят тем, что приклеивал уголок отклеившегося пластыря на пупке. Закончив, он сказал жене:

— Можешь спустить с цепи нашего «кабысдоха». Если услышишь с горы мой голос... Слышь, годок, а мой крик в ночном воздухе далеко слышен будет? А?

...Сын механика Желтый Абдул пришел к горе со своим, похожим на кабана, псом. «По пути, с охоты», — объяснил он другим. Вдовая Асия вооружилась остро отточенными вилами. «На улице полно собак, пройти не дают!» — оправдывалась она. Сын немого кузнеца гладил в кармане рукоятку самодельного пистолета, заряженного кусочками гвоздей...

В тот вечер Акберова не было в деревне. Сначала он поехал к Исаевичу, но жена старого еврея сообщила, что хозяин еще не вернулся. Бари поспешил в город.

Мухаммета он нашел быстро: тот только что переселился в новую трехкомнатную квартиру неподалеку от старого Татарского театра. Неделю назад Мухаммет вернулся из Парижа, и сразу же занялся новосельем. Бари обо всем этом знал, даже успел побывать в новых апартаментах друга.

Мухаммету Уразову выпало счастье участвовать в международной выставке в Лувре. Туда они поехали, естественно, с Сиреной Самуиловной. Уразов был на седьмом небе от счастья.

Мухаммет оказался дома. Друзья обнялись. Хозяин разлил по рюмкам французский коньяк. «Мы этот коньяк в Париже стаканами хлестали! — хвастался Мухаммет. — То есть... не мы, а почти я один. Другие цедили из крошечных рюмок. А мы, татары, настолько обрусели, что и пьем, как Ваньки. Ведроми!» Да, видно было, что друг уже вылакал не одно ведро французского пойла. Вид его был помятый, какой-то развинченный... В последнее время он вообще стал частенько прикладываться к рюмке. С тех пор как вернулся, даже ни разу не звонил своей Гульчачак. А та, бедненькая, не вытерпела, приехала в Казань сама и увидела своего возлюбленного пьяным, заходившим в свой подъезд в обнимку с Сиреной Самуиловной. Тогда она еще не знала, что Мухаммет живет с этой женщиной...

Вот и теперь, не успел Бари поздороваться с другом, как на пороге появилась Сирена Самуиловна с хозяйственной сумкой. В магазин, оказывается, ходила. Словом, заботливая, практичная жена. Да, Мухаммет Уразов даже не заметил, как женился на своей Сирене. Все произошло быстро. Но у Бари не было ни желания, ни времени спрашивать друга об обстоятельствах его скоропалительной женитьбе на этой «молодухе». Зато об этом рассказала ему сама Сирена Самуиловна. Правда, она посетовала, что новоиспеченный муженек стал часто закладывать за воротник. Вот и теперь, пока друг болтал с Сиреной ханум, Уразов успел выпить едва ли не полковша коньяку и уже изрядно окосел. А тем временем Сирена Самуиловна уже до кого-то дозвонилась и сообщила Акберову: «Твой Воронов будет здесь через пять минут!»

«Пить начал! — опять пожаловалась она на Мухаммета. — Вот так! Если татарин имеет какой-то талант, то спешит непременно погрузить свою светлую голову в винные пары! А ведь его во Францию на постоянную работу приглашают! Картины его всем очень понравились!»

Бари промолчал. Сирена продолжала изливать душу: «А как напьется, начнет плакать и вспоминать свою Гульчачак! Да что это за девка такая? Что в ней такого особенного?!»

Бари по-прежнему молчал.

— «Его «Лесная девушка» покорила весь Париж! Предлагали огромную сумму, но Мухаммет так и не продал эту картину. Упрямый татарин!»

Бари и тут промолчал, только слегка улыбнулся какой-то натянутой улыбкой. Он и сам в своих чувствах запутался. Его связь со сладкоголосой Зариной дошла и до ушей Гульюзум, и та сейчас его даже близко к своим воротам не подпускает. Испортился Бари, да и весь мир каким-то странным стал, путаным, сумбурным. Все так запуталось, что потерялась сама нить жизни. Как же ее снова отыскать?

Израиля Исаевича вызывали в местный Комитет государственной безопасности, о чем старый еврей не пожелал распространяться. И только перед тем как уйти, сказал: «Придется, наверное, уезжать...»

Бари опять не стал задавать ему вопросов, хотя догадывался о подоплеке вызова в «компетентные органы». В действительности же дело обстояло таким образом, что в Москве «застукали» на шпионаже родного брата Воронова...

Израиль Исаевич записал в свой дневник несколько предложений, которыми планировал завершать свою будущую научную работу:

«...Итак, татары — древняя нация, несколько веков находившаяся в стагнации и упадке. В настоящее время на татарской почве, сохранившей в основном свое плодородие, взойшли и начали крепнуть молодые всходы.

В истории татар было и много ошибок, и достаточно великих деяний. Теперь они намерены постепенно освободиться от своих недостатков, в частности развивать свой язык и расширять сферу его применения, упрочить его позиции в науке через создание национального университета с восточным факультетом; покончить с присущими татарам завистью, недоверием, враждой, заменив эти отрицательные черты на чувство сплоченности, взаимопомощи, солидарности в достижении общих целей; избегать смешанных браков, крепить национальное единство... Движение татар в этом направлении неизбежно. Другого пути нет, ибо всякие другие пути ведут в пропасть!..»

Погасший на горе месяц

Над горой взошел полный месяц.

Снизу, из Байтимера, казалось, что месяц взобрался и сел прямехонько на вершину горы. Может, он совместно с отрядом верных ему звезд инспектировал вверенную ему ночную часть Вселенной, а потом притомился и решил отдохнуть на этой горе? Ах, какое это было красивое зрелище! Многим байтимеровцам, наверное, пришла в голову фантастическая мысль прикатить этот месяц с горы домой и запереть в амбар или сарай. То-то соберется народ у ворот! За деньги люди будут этот месяц смотреть по очереди, мечтая купить за любую сумму хотя бы один его лучик! И тогда не заросла бы народная тропа ко двору, где спрятан месяц. А на гору вместо луны можно установить мощные прожектора! Денег-то будет навалом!

Особенно любил мечтать об этом Садык Сираевич, когда проезжал Байтимерово по пути на свою пасеку в марийских лесах... Да, прикатить луну с горы к себе на дачу и устроить сногшибательный лунно-туристический бизнес!

Такая смешная, глупая, дурацкая мечта не пришла бы в голову даже его бывшим пациентам из «психушки», и Садык Сираевич прекрасно понимал это. Но мечтать не запретишь! От мечты человек получает особенное удовольствие... У Садыка Сираевича в этой жизни есть все. Еще бы дочку замуж выдать... Да полнолуние к своим рукам прибрать... Вот только сын... Что поделаешь?... Видно, судьба...

Мечта продолжала обволакивать его мозг. Итак, представим себе на мгновение, что он стал владельцем Полной Луны...

Садык Сираевич закрыл глаза, предаваясь сладким грезам, ласково потрепал сидевшего рядом пса с маленькими прижатými ушами, хотел сказать что-то теплое шоферу, но передумал.

У его пса Казбека уши были порваны в схватке с лесным Пиратом. Досталось тогда Казбеку: чуть без ушей не остался, но не уступил, дрался свирепо. Видимо, поединок закончился тогда вничью. Пока вничью... Впрочем, после этой драки бывшие враги каким-то образом умудрились подружиться и часто уединялись в лесу для своих собачьих разговоров. Когда Садык Сираевич отдыхал на своей пасеке, за ближними деревьями то и дело мелькала тень большой собаки, похожей на волка. Это Пират вызывал к себе Казбека, соскучившись по другу. Наигравшись в лесу, псы возвращались на пасеку, и Пират провожал приятеля чуть ли не до самой дачи, то есть передавал в руки хозяина. Умная тварь!..

Итак, о чем он мечтал? Ах да! Погрузить бы эту полную луну в свой джип, привезти к себе домой. То-то удивились бы люди, а недруги и соперники по бизнесу просто полопались бы от зависти и злости! Теперь народ никаким богатством не удивить. Ведь большинство населения нищее, поэтому не в состоянии понять суть богатства. А единомышленники и так богатые. Интересно, а понимают ли они, так называемые «новые русские» (или пусть «новые татары»), суть и смысл своего богатства? Например, Садыку Сираевичу богатство досталось не по наследству. Прадед его был батраком, дед — пастухом, отец всю жизнь конюхом проработал. Садык, может быть, смог бы понять и оценить богатство, если бы оно досталось ему по наследству. А так... Сначала, когда он разными хитрыми способами обворовывал государство и набивал себе мощну, то боялся в один день все потерять и остаться нищим. А теперь он как-то привык к этому чувству страха. Вернее, чувство это настолько притупилось, что временами Садыку казалось, что свое богатство он действительно получил по наследству...

Хотя богатство свалилось на него почти неожиданно, как будто с горы к его ногам вдруг послушно скатилась яркая золотая луна. Поэтому, чтобы не упустить это богатство из рук, он вцепился в него мертвой хваткой. Никому! Ни с кем не делиться! Прочь глупую благотворительность! Не тратить свои «кровные» ни на культуру, ни на религию, ни на национальное движение!

В народе не зря говорят: если нищий разбогатеет, то и лапти свои в тереме вывесит. Садык Сираевич уже давно не общается и даже не разговаривает с теми, кто озабочен сохранением так называемого национального наследия... Вспомнилась еще одна татарская поговорка: «Если татарин разбогатеет, то берет себе еще одну жену...» Но Садык Сираевич — татарин особенный, он с женой не развелся, но гулять на стороне себе, любимому, позволял. Вот и сегодня он едет на пасеку, где его ждет новая пассия, чтобы спинку в бане потереть.

Услышав какой-то шум и громкие разговоры со стороны горы, Садык Сираевич велел шоферу остановиться. Что там делают люди ночью? «Уж не за его ли луной пожаловали?» — усмехнулся про себя Садык эфенди.

А на горе разворачивались серьезные события.

Гора была крутой только со стороны деревни, а на вершине, по другую сторону села, начиналась относительно широкая равнина, или по-другому ровная и длинная возвышенность. По сути, с другой стороны гора не кончается, а тянется расположенными на этом же уровне лугами и лесочками почти до самой Казанки и только там спускается к берегам речки. И вот там, возле Казани, очутившись на этой возвышенности, не сразу понимаешь, что перед тобой простирается своеобразный горный хребет в миниатюре, или часть Средневожской возвышенности, где есть разные земли: и плодородные, и песчаные, и каменистые, и пересеченные природными складками. Байтимеровская сторона горы заросла можжевельником, встречаются здесь и чистые, прозрачные родники.

Почти пять веков назад прогнали татар с больших рек и плодородных земель в лесные, болотистые или бесплодные земли, но историческая память народа упорно цепляется за землю лучшую, за то исконное, древнее понятие, что земля всегда была и будет источником существования...

Луна помнит много войн и битв за землю... По-прежнему за землю и земляное «масло» — нефть проливается кровь тысяч невинных людей, а лицо земли испещрено шрамами от бомб и ракет.

Говорят, что в результате всех этих катаклизмов у девушки-Луны на одном глазу вышло бельмо, поэтому, когда она идет с коромыслом и полными водой ведрами, частенько расплескивает воду с одной стороны... А на земле это вызывает цунами...

За лишней аршин земли брат шел на брата, село — на село, исчезали города, страны, царства! Улетали, уходили куда-то в небытие люди... села... города... государства...

...На вершине горы виднелись стены будущего храма религий.

Гаптегани повел Алихана прямо к этому недостроенному мутанту веры:

— Твое место должно быть возле храма религий. А я, годок, буду твоим соседом.

Они принялись забивать колышки, намечая свои будущие участки. Тут к ним подскочил непутевый Абдул, сын Батая.

— Вы чего тут колышки забиваете, людей подстрекаете? Народ и так нервный пришел! У меня, например, ни колышек, ни топора нет.

— Ляг на землю, которая тебе нравится, и весь сказ! — огрызнулся Гаптегани.

— Что? Мне лечь? И лежа смотреть, как ты захватываешь лучшие земли у мечети?

— Гм-м... Тогда стоя лежи, удобнее смотреть будет, — хмыкнул ветеринар.

Сын немого кузнеца увидел ружье Алихана и возмущился:

— Ты чего сюда с ружьем приперся, ваше преосвященство мулла эфенди?

— До оно не стреляет.

— Тем более!

От сына кузнеца несло самогоном.

— Зачем же тащить с собой не стреляющее ружье? Врешь, твое ружье стреляет, иначе ты не взял бы его!

— Говорю тебе: не стреляет! И чего ты пристал к этому деревянному ружью?

— Я пристал? Я не приставал! А вот сейчас возьму и луну подстрелю из твоего обреза! И подстрелю!

Он ловким движением схватил лежавшее на земле ружье, наставил на луну и нажал на спусковой крючок. Раздался сухой треск. Ружье действительно не стреляло. Абдулла в сердцах швырнул бесполезное оружие на землю, и вдруг эта допотопная винтовка времен русско-французской войны разразилась оглушительным выстрелом — видимо, от удара о камень что-то сдвинулось в этом кремневом ружьишке. От выстрела исторического ружья Луна, казалось, вздрогнула и чуть не свалилась на землю, едва не осуществив заветную мечту Садыка Сираевича.

Кто-то заорал: «Алла! Убили!» Оказывается, ядрышко от дроби, когда-то предназначавшейся непобедимым французам, попало в ногу Сибгату.

Услышав вопль мужа, его жена, как было договорено, мигом спустила с цепи здоровенного пса, и сама помчалась вслед за ним к горе. Услышав хриплый лай сибгатовской овчарки, другие жены тоже спустили с цепи своих церберов...

Началась нешуточная баталия. Собаки дрались между собой, люди сцепились с людьми. Полилась первая кровь.

Машина Бари Акберова в это время въезжала в село.

Садык Сираевич не любил шумных сборищ, а тем более потасовок, и хотел уже приказать водителю ехать дальше, но решил подождать своего верного пса Казбека, которому приспичило поднять ногу за ближайшим кустиком. Не дождавшись пса, он решил выйти из машины. Казбека нигде не было видно. Садык Сираевич не особенно расстраивался, потому что знал: выдрессированный Казбек прибежит к нему по первому свисту. Однако он не знал одного: Казбек почуял запах друга и устремился в его сторону. Кроме того, псу до смерти надоело трястись в машине: все его мышцы застоялись, но сказать об этом хозяину он никак не мог, ибо тот не понимал собачьего языка. Казбек решил немного размяться и поиграть с прибежавшим на шум Пиратом. А хозяин пусть подождет. Пират тоже учуял запах друга и рад был снова повидаться с ним. Они встретились и, как положено, сначала обнюхали друг друга, виляя хвостами. И вдруг Пират попятился: от Казбека резко и неприятно пахло порохом. Он не мог знать, что его друг в машине сидит как раз возле ружья и поэтому провонял порохом. Казбек к этому запаху привык давно, но Пират на дух не выносил его. Этот запах напоминал ему о смертельной опасности. Поэтому Пират счел за лучшее вместе со своим Белоногим унести ноги подальше от этого запаха. Они побежали в сторону, где раздавались рычание и лай дерущихся собак. Казбеку ничего не оставалось, как последовать за ними. Когда эта собачья тройца достигла вершины горы, здесь уже разгоралась настоящая «Бородинская битва». Перекусав и растрепав людей, церберы сцепились между собой в лютой схватке, и даже Луна задрожала от их ярости.

Пират, увидев кровавое побоище, остановился, поднял морду и завыл на луну, приводя в ужас и так перепуганных людей и еще более озлобляя дерущихся собак.

Самигулла в порванной собачьими клыками одежде, размахивая окровавленной рукой с почти откушенными пальцами, бежал в деревню, чтобы спустить с цепи своего цербера. Отвязав пса, он еще издали увидел Акберова и со злорадством натравил на него своего мастодонта...

Сколько ни свистел Садык Сираевич, но Казбека так и не дождался. Потом он взял ружье и пошел на шум битвы. Поднимаясь на гору, он среди сотен собачьих глоток узнал лай своего Казбека и без раздумья выстрелил сначала в воздух, а потом начал палить куда попало.

Казбек был привезен им из Москвы и выдрессирован, как и его предки, так, что все люди, кроме хозяина и нескольких его приближенных, были для него кровными, смертельными врагами. Поэтому, очутившись на горе, он первым делом растрепал по пути несколько женщин и начал входить в азарт, в слепую ярость. Заметив Белоногого, он кинулся на него и разорвал на части. Увидев гибель сына, Пират молча бросился на вчерашнего друга.

Силы их были примерно равны. Казбек был помоложе, но сытая и спокойная жизнь у хозяина сделала из него отчасти сибарита. А хозяин лесов Пират жил в условиях суровых и был бойцом закаленным, опытным, несмотря на свой солидный возраст.

Схватка затягивалась, и тут на подмогу Пирату прибежал пес Самигуллы, который трепал в можжевельнике какого-то бедолагу, но, узнав лай Пирата, тут же побежал к нему. Теперь против Казбека встали уже два здоровенных противника, и Казбек, этот неукротимый убийца, вдруг поджал хвост и жалобно заскулил, оглядываясь в сторону покинутой им машины хозяина...

Полная луна от стыда за людей натянула на себе одеяло из облака. На горе стало темно...

* * *

...Темно было и в недостроенном храме религий. Но вот и там обозначились какие-то тени, двигавшиеся к выходу из здания. Несмотря на крошечную тьму, эти тени были видны отчетливо. Вот появились и обладатели этих теней — три ангела и один дьявол. Они о чем-то спорили. Особенно гордо и уверенно вел себя один из ангелов, прекрасный и весь светящийся каким-то внутренним светом. Каждое его слово было весомым и не требующим возражения или доказательства. Вот он протянул:

— Бисмилла-а-ахир-рахмани-рахим!

Затем, семь раз вздохнув, он сказал семь вдохновенных речей, потом сотворил молитву и совершил земные поклоны Адаму, сотворенному Богом из глины.

— Поклоняйтесь только той книге, которую ниспослал вам Аллах!

— Нет, мы пойдем путем предков.

— Вы спрятали истину, ниспосланную вам Аллахом, и живете тем, что задешево торгуете ею. Ваши животы наполнены не едой, а неугасимым пламенем, но тем, кто преклоняется перед вашими речами, Аллах уготовил тяжелое наказание!

Другие две Тени покачали головами в знак несогласия.

— Эй вы, книжные душонки, зачем спорить? Я имею в виду спор вокруг пророка Ибрагима. Ведь только после него Всевышний ниспослал нам и Тору, и Библию! Неужели вы не понимаете этого? Вы же сбиваете мусульман с пути истинного, обманываете их! В конце концов вы сами себя сбиваете с пути, не понимая этого! Ибрагим не христианин, не иудей. Он тот, кто признал единство и неделимость Всевышнего, то есть истинный мусульманин!

Одна из Теней зашевелилась и сказала:

— Верьте днем, а вечером отрекайтесь...

— Путь Аллаха — самый верный путь. Учение, похожее на Тору и Библию, может проповедоваться и другим людям. «Верьте в этого пророка, не верьте в другого» — разве не так говорят те, кто выбирает путь между верой и ересью? Разве не так? Именно они и становятся настоящими еретиками. Знайте, что Аллах сурово наказывает еретиков.

Другие Тени продолжали возражать.

— Почему вы не согласитесь со мной и не придете к согласию, миру? Во время исторических битв между иудеями и христианами вы потеряли свою Библию и вовсе запутались. А теперь пытаетесь проповедовать веру в разных ипостасях. Разве это настоящая Истина?

Тени по-прежнему упорствовали.

— Сегодня — Судный день! День, когда справедливые наконец извлекут пользу от своей справедливости. Их ожидают райские сады. Аллах доволен ими, и они благодарны Аллаху!..

На этот довод две ночные Тени не смогли возразить.

Дьявол до поры до времени не встревал в спор...

Когда ему поступил приказ: «Поклоняйся человеку!» — он не послушался, потому что считал себя лучше человека. «Ты создал меня из огня да полымя, а человека — всего лишь из глины!» — возразил он Всевышнему. Тогда ему снова поступил приказ: «Покинь рай! Ты, без сомнения, тот окаянный, кого, камнями побивая, надо выгнать из садов Эдема!.. До самого Судного дня будут сыпаться на тебя проклятия!»

Так очутился Дьявол в сетях ереси, удостоился проклятия божьего, был низвергнут в ад. Племя дьявола многочисленное: не только разные черти, бесы и злые духи, но и некоторые люди и животные. Особенно опасны черти, которые отрывают людей от важных дел и направляют их энергию на бесполезные действия. К сожалению, большинство людей не понимают этого, не отделяют божественное от дьявольского. Впрочем, таким людям можно в какой-то мере посочувствовать, ибо черт открывает перед ними семьдесят дверей нищеты и бед и вынуждает, в конце концов, переступить порог, за которым начинается зло.

Ведь черти слепо выполняют все повеления Дьявола, олицетворения всего зла на свете. Иблиса-Дьявола можно обрисовать так: имя — Дьявол; место постоянного пребывания — ад; место действия — равнодушие, беспечность, легкомысленность; имущество и богатство — пустопорожние мечты; праздники — время проведения базаров; враги — все божьи и верующие люди, особенно мусульмане; занятие — способствовать утере нравственности; внешний облик — хамелеон; любимые женщины —

полуобнаженные; любимые помещения — отхожие места и бани; среда обитания — беспринципность, слабодушие; день рождения — день, когда он отказался поклоняться человеку; друзья — двуличные существа; религия — ересь; обязанность — возглавлять неугодные Богу силы, быть во главе шабаша чертей и ведьм; время действия — до Судного дня; черти и бесы выступают в облике разных людей, они боятся молитв, но не боятся впадать в грех, применяют в качестве уловок женские чары, а также распространяют мужеложство и лесбийскую любовь...

...В храме религий снова послышался шум. Вскоре из трубы недостроенного дома повалил дым с огнем, потом оттуда вылетели два шайтана, спустились на землю, отряхнулись. Один из них сказал:

— Ангелы ушли! А там, где нет ангелов, нам, чертякам, раздолье!

Другой задумчиво произнес:

— Почему эти люди так расшумелись?

— Люди обыкновенно дерутся в двух случаях: из-за женщин или из-за богатства и земли!

— А третий случай? Я имею в виду: по национальному признаку...

— Да, в списке Дьявола татары стоят отдельной графой, мишаре тоже отдельной. Своими глазами видел. Значит, это две разные нации! И мы потихоньку отнесли этот список в институт антропологии, в Москву! Я сам незаметно заменил список на директорском столе другим. А теперь он думает, что это его собственный список! Ха-ха!.. Сам директор ходит по бесовской подсказке. Кого только мы не сбиваем с пути, а?!

— Так ты же читать не умеешь, бестолочь!

— Ха, а вот и умею. Я десять лет приучал девушек из татарских гимназий курить сигареты. Между делом и грамоту освоил.

— Время татарских гимназий, кажется, проходит: говорят, их закрывать собираются. Об этом один чиновник из Москвы шепнул на ушко своему казанскому коллеге.

— Ха! Это я был! Влез в шкуру того московского вельможи и нашептал ему что надо. И меня, представляешь, за настоящего чиновника принимали!

— Хе! Значит, и гимназии закроются по бесовскому наущению?

— А как же еще! Видишь, и у тебя башка заработала!

— А ты чего лыбишься-то?

— А ты чего толкаешься?

— Ну, хватит. Нас большие дела ждут. Нам ссориться никак нельзя.

— Хочешь сказать, успеем подражаться, когда влезем в шкуры людей?

— Это точно!

— Не голова у тебя, а дом советов!

— Не без этого... Кстати, пора тебе учиться говорить на человеческом языке. Кто знает, кем ты станешь в человеческом обличье? Вдруг обернешься мафиозником...

— Я одолею их силой колдовства!

— Это само собой. Но и разговаривать надо учиться. И крыша нужна будет!

— Крыша? Это еще что? Зачем?

— Крыша! Там, наверху!

— Ты чего, хочешь сказать, что у меня крыша поехала? Опять надо мной издеваешься? Я... Да я сейчас!..

— Ну-ну, успокойся! Я же так не сказал. Баклан ты, понял?

— Баклан?

— Да. Я тебя научу сейчас самым распространенным среди молодежи словам. Баклан — значит дурень, бестолковый. Короче, тупой.

— Баклан — тупой. Понял. Дальше?

— Жопа на два базара — это значит двуличный человек.

— Один базар, два базара... и... или... одна жопа, да?

— Да-да!.. Гринь — доллар!

— Ага... Доллар.

— Дичь — некрасивая женщина.

— А нормальная девушка?

— Тема... Девушка — значит тема.

— Господин профессор, над какой темой вы сейчас работаете? Ха-ха-ха!..

— Чмырь — плохой человек.

— Чымерь?.. Фу! Чмырь!

— Шнурки в стакане.

— А это еще что?

— Это значит родители дома.

— Шнурки! Ха-ха-ха!..

— Доить самовар.
— Самовар доить? Может, корову?
— Сам ты корова. Это значит просить у папаши денег. Еще есть слово «лечить».
— Лечить?
— Это значит читать мораль, умничать. Все эти и другие слова выдумал Главный Дьявол и через своих помощников распространил среди людей.
— Послушай, а если мы не сумеем выполнить приказ Главного Дьявола, какое наказание нас ожидает?
— Наказание? Хе... физического наказания не будет. Просто Старшой прогонит нас с работы и навечно оставит в людском обличье.
— Ого! Мне совсем не хочется становиться человеком!
— А мне хочется? Скажем, из-за какой-то смазливой красотики напороться на нож ревнивца? Дьявол упаси! Или проливать свою и чужую кровь за власть, чины, деньги?.. Нет уж!
— Да уж, и в земле ковыряться ради скудного пропитания тоже не хочется.
— Ладно, не скули! Лучше учишь повадкам человека. Иначе погорим! Надо научиться жить среди людей.
— Смотри-ка! А это что за бутылка?
— Водка!
— Водка?
— Ну, по-нашему «бесовская вода». Мы испокон веков спаивали людей этой водкой, забыл, что ли? Когда наши колдовские чары ослабевали, на помощь нам приходила именно водка. Тут даже никакого колдовства не надо. Люди перепьются и сами начнут буяннить, драться, грешить.
— А как же! Как же! Вспомнил! Сколько семей мы погубили с помощью этой водки — со счета сбиться можно! Ха!.. А теперь нам самим придется хлестать горькую. А потом?
— Что потом? Напьемся и будем поступать, как поступают в таких случаях люди. Сначала начнем песни горланить, потом бахвалиться, ну а затем дубасить друг друга. Красота!.. А после придем домой и станем колотить своих ненаглядных жен.
— Интересно, а женщины у людей пьют?
— Еще как! Напьются и забывают, что они — женщины, хозяйки домашнего очага.
— Как это они забывают?
— Ну, какой ты наивный! Очень даже просто забывают. Забываются до того, что уже не контролируют свои... ну... эти самые места... Ну, интимные. Понял?
— А-а!.. Понял, конечно!.. Они в таком состоянии вообще над собой контроль полностью теряют.
— Соображаешь!
— Айда, сначала похвалимся!
— С превеликим удовольствием!
— Слушай-ка! Шутка шуткой, но мне действительно очень не хочется оставаться человеком! Мы же их с самого семнадцатого года с панталыку сбиваем! За это время среди них появились такие, что по части злодейства и нас далеко позади оставили!
— Это точно! И я горжусь этим! Мы старательно выполняем поручения Главного Дьявола.
— Сначала выслали к черту на кулички — ха-ха, какая игра слов! — самых трудолюбивых крестьян под видом «кулаков». Потом миллионы людей сделали «врагами народа». Я тогда так здорово влез в шкуру этого Сталина! Уж постарался на всю катушку! И он беспрекословно исполнял каждое мое желание, повеление.
— А до этого я внедрил в мозг Ленина и так замутил, перевернул весь мир, что любо-дорого было смотреть!
— А я хочу поскорее внедриться в Главного Вождя этой бестолковой страны, чтобы дать ему приказ об уничтожении всех наций и народов. Особенно мне эти татары надоели! Ну и зануды! Трудно поддаются наущению, неохотно идут на злодейство, упрямятся! Татарва, одним словом!
— А я бы все его указы заменял своими, бесовскими. А он пусть думает, что это его собственные указы! Ха-ха!..
— Начнем с порчи молодежи. Нужно отлучить их от книг, литературы, искусства, словом, от всей этой дребедени. Отрежем им язык, вернее, лишим их родного языка. Потом они сами по себе портиться начнут, по наклонной вниз катиться! Вот увидишь!
— А я бы раз и навсегда покончил с их селами! В этих деревнях — вся их сила, вся нравственность! Впредь мы этого не допустим! Весь мир должен жить по указке Дьявола!
— И будет так жить!
— Послушай, а ты кнутом щелкать умеешь?
— Зачем? Что я тебе, пастух?!

— Нужно научиться! Забыл, что ли: коммунисты давно превратили народ в быдло, в подобие овечьего стада?

— Как же, как же, хорошо помню!

— И в стадо стукачей!

— Стукачей и вспоминать не надо! Сейчас на них снова мода появилась. Растут, как грибы! Понимаешь?

— Конечно понимаю!

— Погоди, что-то мы с тобой часто на русский язык переходить стали, а ведь собираемся среди татар жить, насколько я понял?

— По-русски мы не говорим, а ругаемся!

— Как так?

— Когда татары в своих разговорах вставляют русские слова и выражения, значит, они вставляют ругань! Забыл моральный кодекс, написанный специально для людей самим Главным Дьяволом? Там об этом даже отдельная статья есть!

— Точно, есть. Вспомнил.

— Ты куда сейчас поправишься?

— Я — напрямиком в Москву! Все указы, законы, указания, лежащие в папке Президента, буду подменять документами, написанными его преподобием Главным Архидьяволом.

— Будь осторожным! Знай меру!

— Да ни черта они не догадуются, никакого подвоха не обнаружат. Не беспокойся, все будет шито-крыто!..

Два беса обнялись и поспешили спуститься с горы вниз, где лежала деревня Байтимер, — первый объект на их славном злодейском пути...

Но за ними наблюдал один Ангел — тот самый, со светящимся изнутри лицом. Он начал читать волшебные слова молитвы, и по мере чтения от него исходили лучи, превращающиеся в сотни, тысячи, миллионы других ангелов! Вскоре их число достигло семи миллионов, а потом — двадцати миллионов! Эти рабочие ангелы рассыпались, как и татары, по всему миру, так что на каждого татарина пришлось по одному ангелу... Началось возрождение веры, чести, совести, по-татарски — «имана». Теперь никакие шайтаны-ибليس — бесы не были страшны людям. Во всяком случае, так им казалось...

Мухаммет и Любовь

После кровавых событий на горе районные и городские больницы заполнились ранеными, изувеченными, искусанными байтимеровцами.

Бари Акберова сразу же повезли в лучшую клинику Казани. Врачи стали «колдовать» над его нещадно искусанным телом, пытаясь возродить к жизни руки, ноги, пальцы, не говоря уже об изорванных в клочья ушах. Брат Бари, Хади, уехал искать Мухаммета, надеясь на его международные связи: врачи рекомендовали Акберову лечение за границей. Желательно было также пригласить лучших специалистов из Москвы.

Хади, однако, нигде не мог найти Мухаммета.

А в это время знаменитый художник заперся в своей квартире, отключил все телефоны, чтобы никто не мешал ему пить горькую. У него не было никакого дела до остального мира. Правда, чуть ли не каждый вечер он пробовал вдохновляться, брался за кисть, что-то малевал, но утром просыпался абсолютно свободным от каких-либо задумок или идей. Талант угасал.

В квартире они жили вдвоем с собакой Сирены Самуиловны. Жена уехала в командировку и, как всегда в таких случаях, оставляла собаку на попечение Мухаммета. Или Мухаммета — на попечение собаки? Кто его знает...

Дверь он никому не открывал, телефоны же отключал.

Однажды утром с похмелья он опорожнил полчайника воды, нехотя заглянул в мастерскую и обомлел: начатая им картина была закончена несколькими мастерскими мазками, но не им, а кем-то другим! Вчера Уразов для удобства положил начатую картину на пол, набросал пару-другую мазков, но на большее его не хватило. Ну не получалось ничего у Мухаммета! Последнее, что перед сном помнит Уразов: как с досады он пошел на кухню и выпил полный стакан коньяка. Но... После этого он, кажется, в мастерскую не заходил, потому что почти сразу «отключился». Правда, он пока ничего еще не понял в композиции своего рисунка. Но сразу почувствовал: стиль Пикассо! Уразов ущипнул самого себя за ухо: уж не снится ли ему это спяну? Боль в покрасневшем ухе свидетельствовала: картина существует наяву. «Может, у меня галлюцинации начались?» — смятенно подумал художник. Или, возможно, он вчера в пьяном состоянии все-таки что-то нарисовал, но не помнит что?

Вот до чего доводит пьянство!

Мухаммет, все еще озадаченный, пошел на кухню «подкрепиться» очередным стаканом... Нет, на этот раз не стаканом, а маленькой чашечкой коньяка, надеясь, что, опохмелившись, он что-нибудь вспомнит. Уже с некоторой опаской, даже страхом шел он обратно в мастерскую: может, это было лишь видение? Мираж? Нет... картина на месте: все эти мазки, черточки, непонятные закорючки в стиле Пикассо...

Зажав ладонями виски, он вышел на балкон. Ему казалось, что он сходит с ума. К счастью, послышался звук открывающейся двери: приехала Сирена ханум. Увидев картину, она замерла на мгновение, потом подбежала к Уразову и обняла его.

— Ты мой гений! Ты — Пикассо! — целовала она его небритое, опухшее от пьянства лицо. — Да ты знаешь, что сегодня, именно сегодня у нас в Казани открывается Международная выставка художников! Нужно немедленно отнести туда твою новую работу!

Она принялась звонить шоферу. Однако Мухаммет сидел на диване, безучастный ко всему, сжав ладонями свою бедовую голову. Ни на какую выставку его арканом нельзя было затащить. Сирена Самуиловна поехала сама, решив: скажет, что Уразов болен. Ведь именно сегодня на эту выставку должны прилететь французские специалисты-искусствоведы!

...Новая работа Уразова произвела настоящий фурор!

Когда мадам Сирена вернулась домой, Мухаммет дремал на диване. Он еще не отошел от пьянки, не мог толком заснуть, голова кружилась, трещала, как старый комбайн, а перед глазами мелькали, как в кино, какие-то странные, фантастические кадры. Постепенно они превращались в светлую, радостную картину: они с Гульчачак гуляют по яблоневому саду, о чем-то тихо разговаривают. Лица их радостные, счастливые. Вот они останавливаются, нежно целуются, идут дальше, обнявшись за плечи. Вдруг Мухаммет превращается в яблоню, а рядом Гульчачак тоже становится яблоней и начинает цвести. От яблони Гульчачак расходятся во все стороны волшебные, сказочно яркие лучи. Мухаммету так хорошо, невыразимо хорошо! Высшая степень блаженства! Мир так прекрасен! Хочется жить! Хочется любить и быть любимым!..

А между тем один француз намертво «прилип» к новой картине Уразова, умоляя продать ее за любую сумму, обещая выставить ее в Лувре. Но для этого нужно получить разрешение автора, то бишь Уразова. А Мухаммет уже два дня лежал на своем диване без движения, временами теряя сознание, не произнося ни единого слова. К концу второго дня мадам Сирена вызвала врачей. Но никакие уколы, никакие лекарства не помогали бедному Уразову. Он по-прежнему лежал без сознания и тяжело дышал. Всполошилась Сирена Самуиловна, заволновались родные и близкие. Наконец на третьи сутки Мухаммет приоткрыл глаза и сказал лишь одно слово: «Гульчачак...» Услышав это имя, Сирена ханум сама чуть не упала в обморок. Но будучи женщиной столь же сильной, сколь и умной, тут же поняла, в чем состоит болезнь Мухаммета и после двух дней мучительных раздумий приняла трудное и мужественное решение. Ей не хотелось терять Уразова, но не хотелось и губить его талант. И потом... Она поняла все свое бессилие перед матерью-Природой. Однако Сирена Самуиловна вовсе не хотела сдаваться, о нет! Просто она решила предпринять, так сказать, профилактические меры временного характера. Впрочем, она в глубине души своей и так была уверена, что такое состояние у Мухаммета продлится недолго.

И вот открылась дверь — на пороге появилась сияющая Гульчачак. Мухаммет, еще не видя ее, узнал шаги любимой. Казалось, вся квартира сразу наполнилась светом, солнцем... Ее голос... Ее движения, жесты... Как мило она кладет на его лоб свою нежную руку!.. Дотрагивается до его руки... О боже! Неужели это правда? Не сон? Да-да, конечно, правда, иначе и быть не может!

...Мухаммета Уразова пригласили в Париж, в Луврский музей. Не на выставку, а на работу.

Сирена Самуиловна сделала визу для Гульчачак. Поехала их провожать — стойкая женщина! Ей надо было во что бы то ни стало сказать Мухаммету важные слова: «Ты никогда не должен меня забывать! Ты никогда не должен меня бросать! Мы все равно будем вместе. Понимаешь?» «Кажется, понимаю...»

Сирена Самуиловна приехала на квартиру Мухаммета, чтобы забрать свою собачку, и только тогда увидела перемазанные краской лапы и хвост животного.

Собачка гордо прошла по чистому полотну, которое сползло со стены на пол. Хвост ее бодро стучал при этом по холстине. Вид перемазанной краской собачки на полотне о чем-то напомнил Сирене Самуиловне. Но она отогнала прочь лишние мысли, взяла кисть потоньше и вывела внизу холста: «М.Уразов. Через тернии к звездам». Очередную «новую» картину надо было срочно отправить на выставку. Приготовив картину к отправке, Сирена Самуиловна с легким сердцем принялась отмывать любопытную собачку от разноцветных красок.

Перед послесловием

Байтимеровский тракторист Галлям абзы долго искал в Казани специализированную клинику. Только вечером вышел на ее след и нашел Акберова, лежавшего в своей палате в далеко не лучшем состоянии.

Бари все еще был лежачим больным. Левая рука до локтя забинтована, туловище снизу от пояса тоже стянуто повязкой. Возле кровати сидят его брат Хади и Гульюзум.

При виде старика Галляма Хади с Гульюзум удивленно переглянулись.

Галлям абзы неловко потоптался на месте, тихонько кашлянул и посмотрел почему-то на Хади:

— Ты, братец Хади, наверное, не знаешь. Мы уже шестьдесят лет скрываем это от людей. Но пора, думаю, раскрыть эту тайну... Ваш род с нашим родом... Ну... словом, мы очень близкая родня! Со стороны деда твоего Акбара... Когда увели отца, я поставил вашему деду жесткое условие: «Никто не должен знать о нашем родстве... Следующие поколения должны забыть об этом!» И он согласился. Он моего отца... В общем, он очень раскаивался... Пытался вызволить отца, но было уже поздно, более того, ему пригрозили: «Не ходи тут, а то самого посадим!»

Он сказал это не поднимая головы и тут же ушел.

Бари Акберов вспомнил Зарину, дочь Галляма абзы, и сразу понял, в чем дело. Понял, но не в состоянии был что-либо сказать.

Гульюзум, тоже догадавшаяся о тайне старика Галляма, с улыбкой покачала головой: «Значит, молодая любовница Бари была ему... сестрой!» Но она решила ничего не говорить об этом Хади. «Чего доброго, растрезвонят на всю деревню!» — вздохнула «лесная девушка»...

Послесловие

Собравшегося в больницу Садыка Сираевича остановила дочь Альфия.

— Папа! — сказала она. — Не ходи к нему! Мне такой жених теперь уже не нужен.

— Почему, доченька?

— Он уже не мужик...

В эти минуты Бари Акберова готовили к перелету в Москву для сложной операции, кроме того, возможна была и транспортировка больного в одну из лучших клиник США. Обо всем этом им рассказал Мухаммет.

Уразов справлялся о здоровье друга по телефону из Парижа. Сам Мухаммет находился в то время на седьмом небе от счастья, ведь рядом с ним была его любовь — Гульчачак! Однажды она удивила его своим замечанием.

— Послушай, Мухаммет, — сказала она, — а здесь, оказывается, умеют ценить таланты!

Да, тут талантами не бросаются, даже бесхитростная Гульчачак это заметила. Более того, здесь у Мухаммета появилось чувство уверенности в себе как художнике, как человеку творческом. Это чувство придавало ему силу, подняло его в собственных глазах на целую голову, пролилось благодатным дождем на цветы его таланта, которые чутко впитывали каждую каплю этой живительной влаги, раскрылись и расцвели в полную силу! Это великое чувство, так сильно контрастирующее с унижениями на родине, пробудило и укрепило в нем желание жить и творить! Как остро нуждаются в этом великом чувстве педагоги и врачи, писатели и художники, артисты и композиторы, ученые и музыканты на его несчастной исторической родине, где даже неизвестно, кто и как оценивает труд представителей творческих профессий! А ведь это бесценные специалисты! Великие мастера своего дела! И находятся сановитые невежи и бездари, которые неизвестно из каких критериев и соображений ставят «пяť» одному творцу, «тройку» — другому, а иных и вовсе не замечают. Что за страна, боже мой! И таково отношение здесь к людям любой специальности — от академика до дворника. Отношение свысока, презрительное. Бедных педагогов и вовсе задержали, чуть ли не нищими оставили. А ведь в их руках — воспитание и формирование следующих поколений. Значит, в России перестали ценить даже детей, то есть свое будущее? О боже!..

Мухаммет часто думал об этом. Конечно, ему были непривычны и странны, особенно поначалу, образ жизни, привычки и традиции французов, впрочем, как и других народов западного мира. Вообще, он чувствовал себя здесь так, как будто ежедневно с утра ел кашу без соли и масла. Тоска по родине, по родной земле глодала душу. Хорошо, что Гульчачак была вместе с ним. Глядя на нее, свою «лесную девушку», он почти явственно ощущал запах дремучих урманов, видел кряжистые столетние дубы и стайку кокетливых березок в пышных бело-зеленых юбочках... И что интересно — здесь, на чужбине, за тысячи километров от родного Татарстана Мухаммет особенно остро ощущал свою «татарскость», принадлежность к тюрко-татарскому, туранскому миру, полнее стал осмысливать свою национальную суть. И это, конечно, не могло не отразиться на его творчестве, на его картинах, что, кстати, весьма даже нравилось привередливым французам, которых, в отличие от россиян, татарская тематика не раздражала, а наоборот, вызывала живой и неподдельный интерес. Однако... Не зря

говорят, что нельзя воспевать свой сад, сидя на ветке другого сада. И Мухаммет хорошо понимал это. Но пока он был полностью во власти все растущего чувства уверенности и с нетерпением ждал, когда наконец это чувство укрепитя в нем настолько, что можно будет думать и о своем дальнейшем будущем, о своих планах, намерениях, проектах...

...Из души словно выпорхнула маленькая птичка и стрелой взмыла в небо, летя к голубым облакам. Птичка не была похожа ни на жаворонка, ни на скворца. Эта была особая птичка. Она наслаждалась обществом облаков на всем видимом ей пространстве, а потом вдруг стала подниматься все выше и выше, к белым, словно лебяжий пух, перистым облакам. Она блаженствовала, нежилась и никак не могла насладиться этим бескрайним, чистым, голубым небом...

Перевод Фаяза Фаизова

СКАЗАНИЕ О ЗУЛЕЙХЕ

Зулейха притихла на заднем сиденье легковой машины, а когда автомобиль выехал за город, и вовсе опустила голову, словно пряталась.

Молодой водитель, наблюдавший за ней в зеркальце, предложил:

— Если хочешь спать, ложись, довезу, как на перине.

— Не хочю! — отрезала сердитым голосом девушка, но тут же решила смягчиться. — Боюсь, что свою деревню просплю.

Зулейха увидела в зеркальце улыбку парня. Шофер хотел что-то сказать, но в это время их обогнал какой-то «Москвич». Парень чуть было не чертыхнулся, но сдержался — неудобно при даме. Только сказал сквозь зубы:

— Тьфу! Лихач!

Зулейха, наблюдая выражение его лица, едва спрятала улыбку.

Потом, когда они сами обогнали тот «Москвич», спросила:

— А у тебя тоже «Москвич»?

Джигит гордо выпрямился:

— У меня «Жигули». Куда этой консервной банке до «Жигулей»?

— А сколько стоят «Жигули»?

— Хе... Своя цена — семь кусков, ну а с рук — вдвое, а то и втрое дороже.

Зулейха замолчала, снова привалившись к спинке сиденья. «Чепуха! — подумала она. — Захочу, три такие машины куплю!»

Их «Жигули» обогнал автобус, и Зулейха снова вобрала голову в плечи: не дай бог, автобус окажется чакматашским, увидит кто-нибудь из односельчан Зулейху одну в «Жигулях» с молодым водителем, по всему аулу разнесет....

Зулейха могла бы в свой Чакматаш и на автобусе доехать. Но с большака до деревни надо еще попутку ловить, скорее всего придется трястись в грязном, пыльном, промасленном кузове грузовика. Зачем? Зулейха на автовокзале посулила одному парню три «красеньких», да еще «пятерку» в придачу, чтобы по дороге никого не сажал. Обрадованный парень мигом упаковал в багажник ее вещи.

Обогнал автобус — нет, оказывается, не чакматашский.

Один глаз парня-водителя смотрел на дорогу, другой — на красивую пассажирку. Зулейха высокомерно поморщилась, отвела от зеркальца взгляд и вынула из сумочки косметику. Перебрала все помады и тени, однако наводить «шик-блеск» не стала. Во-первых, лицо и так было «в норму», во-вторых, не хотелось показываться в ауле перед родителями слишком размалеванной.

Постепенно она погрузилась в сладкую полудрему: «Отныне в деревню только на легковушках ездить буду».

Впрочем, в городе она не слишком задержится. Еще, наверное, год пройдет, и вернется Зулейха в свой аул, обязательно вернется. Вон одноклассница недавно аж из Москвы приехала, вернулась навсегда, не променяла столичный град на родную землю. Зулейха тоже вернется...

Так думала девушка, но, по правде говоря, и сама толком не знала, что ждет ее впереди: на все воля Аллаха. Однако такие мысли успокаивали, убаюкивали ее.

Может, просто-напросто не надо было уезжать из деревни? Кто знает?..

Три года назад восемнадцатилетняя Зулейха выпорхнула из родимого гнезда и подалась в город. До большака, как сейчас помнит, добиралась в кузове грузовика, среди бидонов с молоком.

После школы год работала она в колхозе. В деревне, известно, девчатам и работы никакой нет. Единственное место, где можно трудиться женщине, — ферма, да и та сплошь укомплектована, за каждое освободившееся место чуть ли не драка.

К счастью, соседка Зулейхи вышла в декретный отпуск, так что девушке «повезло»: год работала она дояркой. Потом родители уговорили ее поехать в город. Отец, Галиулла абзый, работает конюхом. Мать, Галима апа, летом ходит на различные сезонные работы, а зимой, как большинство женщин в ауле, вынуждена домохозяйничать. Впрочем, она еще вяжет из козьей шерсти шали и продает их на базаре.

— Чем ковыряться здесь всю жизнь в навозе, может, в город подашься, доченька? — уговаривала мать.

— И то, что делать тебе в нашей богом забытой деревушке? — поддакивал отец.

Младшая сестренка Зулейхи, красивенькая, нежная, прикована к постели: не двигаются ноги. Брат нынче идет служить в армию. Что делать?

Выкопали картофель и стали собирать Зулейху в дорогу.

Боялась Зулейха города. Эдакий монстр, чудовище, гигантский каменный муравейник пугал девушку своей агрессивной суетой, чужеродной, какой-то злой сущностью. Как к нему привыкнуть?

Как бы то ни было, а уехала Зулейха в город, прихватив адрес одноклассницы, уже жившей в одной из казанских «общаг».

Да, как сейчас помнит Зулейха: одноклассник Юсуф, устроившийся шофером на молоковоз, довез ее и еще несколько сельчан до автобуса. Юсуф — джигит стеснительный, не решился прилюдно пригласить Зулейху в кабину, только крикнул с досады.

Старенький грузовик отчаянно елозил по грязной проселочной дороге. Шел дождь.

Зулейха стояла среди бидонов и плакала, но никто не замечал слез, ведь лил дождь, и от него не спасал даже накинутый на голову бешмет Юсуфа. Одной рукой она держалась за трясущийся борт, другой — держала сумку с нехитрыми пожитками да горячими эчпочмаками. Зулейха вспоминала маму и плакала. Вспоминала отца, которого на скрипучей телеге тащила на работу понурая кляча, и снова плакала...

У автобусной остановки машина остановилась.

Зулейха протянула Юсуфу его бешмет. Джигит хотел что-то спросить, но, видно, снова постеснялся — ох, Юсуф!

Зулейха сказала сама:

— Вот в Казань еду, на работу устраиваться.

— А-а...

— Да... вот так...

— У тебя пальто молоком обрызгано, Зулейха. погоди, я сейчас вытру.

Юсуф стал копать в кабине, выискивая тряпку почище.

— Во-от, держи...

— Нет, нет, не надо, Юсуф... У меня есть... носовой платок...

* * *

Парень снова пригласил Зулейху сесть на переднее сиденье «Жигулей», рядом с ним.

— Спасибо, мне и здесь хорошо, — упрямыствовала девушка, а сама исподтишка разглядывала хозяина легковушки.

Лицо чуть рябоватое. Нос удлиненный, губы толстые. Зулейхе показалось, что парень похож на какого-то артиста. Но на какого — не могла припомнить.

Вот их взгляды встретились в зеркальце.

«Красивая, черт побери!» — подумал парень.

Ему вдруг нестерпимо захотелось дотронуться до длинных ресниц девушки. Но он только нажал на газ, подавляя в себе искушение.

— Познакомимся хоть, что ли? — предложил парень.

— Зачем?

— Так... просто...

— Хм-м... Просто так нырнул хвостом урдак...

— Хе, а ты зубастая.

— Нет, я — «просто так»... — мило смягчилась девушка.

— А ты не артистка?

— Нет. Почему?

— На одну индийскую кинозвезду похожа.

— Ты тоже...

— Хи-хи... На этого, что ли, как его... Раджа Капура?

— Нет, на артиста эротического кино.

Парень от таких слов, естественно, слегка «забалдел», сбавил ход машины. Стремясь продолжить разговор в том же приятном духе, он искал нужные слова, даже вспотел и в конце концов брякнул:
— А-а... почему ты попросила никого не сажать по дороге? В машине ведь места много...
Не зря говорят, что характер женщин неисповедим и стократно изменчив.
— Потому что на перекрестке меня ждут муж с детьми, — послышался ледяной, жесткий голос Зулейхи. — Нужно будет их захватить.

* * *

Солнце клонилось к закату, когда Зулейха отыскала общежитие, где жила ее одноклассница Сария. Пять этажей «общаги» молча оглядывали свою очередную жертву. Немного поколебавшись, Зулейха потянула на себя входную дверь. Дверь поддавалась трудно, сдерживаемая мощной пружиной. Только протиснулась девушка внутрь, как дверь тут же захлопнулась, отчего вздрогнули все пять этажей «общагского» чрева.

В будке, отгороженной от вестибюля «вертушкой», сидя спала дородная женщина.

Зулейха попробовала к ней обратиться, но железная «вертушка» не пропустила девушку. Зулейха растерялась, обнаружив, что «вертушка» и назад ее не отпускает. Оказавшись «в плену», девушка позвала вахтера на помощь, но та лишь на мгновение приподняла голову, что-то пробормотав спросонья.

В это время в вестибюле показалась высокая женщина решительного вида.

— Эй, Михайловна! — грозно закричала она. — Опять спишь? Говорила я тебе: еще раз увижу спящей, уволю! Иди дома дрыхни, а не на работе!

— Что? А? Кто спит? Да что ты? Кто видел? Не было!..

Женщины принялись выяснять отношения, совершенно забыв о девушке, зажатой в «вертушке». Наконец начальница «заметила» испуганную девчонку.

— Куда прешь? Зачем? К кому? Откуда? — короткими очередями слов «расстреливала» она вконец оробевшую юную провинциалку.

Зулейху от испуга бросило в жар, она и слова сначала не могла выговорить. Кое-как придя в себя, все же объяснила причину своего появления.

— Пашпорт! — опомнилась и вахтерша, бдительно насторожившись.

Паспорт лежал в сумке. Зулейха нагнулась было за документом, но тесные объятия «вертушки» не позволили ей и шевельнуться. Что делать? На глаза девушки навернулись слезы. Зулейха затравленно смотрела то на вахтера, то на воинственную начальницу.

— Без пашпорта никого не пускам! — с достоинством объявила вахтерша.

«Вертушка», придя в движение, вытолкнула девушку. Зулейха и не помнила, как выскочила на улицу.

Переведа дух, чуть-чуть успокоившись и вытерев предательские слезы, она снова посмотрела на вывеску: может, ошибка? Может, это и не общежитие, а какое-нибудь строгорегимное предприятие? Да нет же, все правильно, общежитие. И улица, и номер дома совпадают с написанным в блокноте адресом.

Она несколько раз обошла здание, заглядывая в его равнодушные окна. Потом решила, достала из сумки паспорт и, стараясь унять гулкое сердцебиение, снова потянула на себя скрепленную бешеной пружиной дверь.

Вахтерша, насупившись, сидела одна. Как люк танка, захлопнулась входная дверь.

— Придержи дверь-то, руки отсохли, что ли? — крикнула вахтерша.

Зулейха протянула ей паспорт.

— В какую комнату? К кому? Кто ей будешь? До сколько часов? Когда уйдешь?

Внимательно сверив фотографию с лицом посетительницы, «стража» наконец пропустила девушку.

Найдя нужную комнату на втором этаже, Зулейха немного постояла, не решаясь постучать.

Кажется, в комнате никого нет. За дверью — ни звука. Через щели света не видно.

Она постучала.

Тихо.

Попробовала открыть дверь. Тщетно!

Вдруг в конце коридора послышалось урчание воды и стук передвигаемой посуды.

Зулейха пошла на шум и увидела девушку, моющую на кухне тарелки.

— Сария? — переспросила девушка. — А они с подружками в кино пошли.

У девушки было открытое, приветливое лицо, и Зулейха немного осмелела, оттаяла.

— Когда же это кино кончится? — спросила она.

— А кто его знает? Ты ей родня, что ли? Из деревни?

— Ага... односельчанка.

Девушка закрыла кран и, поправив рыжие свои волосы, сказала:

— Через час, наверное, придут. Айда пока к нам, посидишь, подождешь...

— Да нет, спасибо, — застеснялась Зулейха. — Я здесь постою...

— Не говори глупостей, — улыбнулась девушка, — пойдем к нам. Ко мне мама из деревни приехала. Посидим, почаявничаем. Ну айда, айда...

Девушка взяла сумку Зулейхи и пошла. Зулейха — за ней. Вообще-то эта девушка сразу понравилась Зулейхе.

По обеим сторонам небольшой комнаты стояли кровати. В середине — стол. На стене зеркало. У двери — шкаф. Обстановка скромная, но уютная.

На одной из кроватей сидела пожилая, лет пятидесяти — пятидесяти пяти, женщина с козьей шалью на плечах.

Познакомились. Девушку звали Наиля, ее мать — Гайша апа. Родом они из Дубьяз, недалеко от Казани, можно сказать, почти из пригорода.

Гайша апа оказалась такой же приветливой и радушной, как и Наиля.

— Айда, кызым, айда, доченька, разогреем чайник, Зулейха с дороги устала небось, проголодалась. Принеси чашки.

Гайша апа стала готовить на стол. Говорила она быстро, с каким-то приятным, мягким говором, на одном из казанских диалектов, вместо «ч» произнося «с», стягивая некоторые соседние слоги в один звук. Зулейха быстро привыкла к этому говору.

Стол был накрыт.

Зулейха хотела вынуть из сумки свои эчпочмаки, но побоялась, что их уже раздавили железные объятия «вертушки».

Задымился в чашках ароматный чай. А какое чаепитие без беседы?

Узнав о планах Зулейхи, Гайша апа пожалела ее, а заодно и свою дочь.

— Говорят, трудно стало в городе, девочки. Ой, трудно. Да сохранил вас Аллах от злых людей. Жизнь-то, она, по сути, везде одинакова, было бы что поесть и что надеть. Вот и мы уговорили Наилю в город уехать. В деревне-то из нужды не вылезает. Пусть хоть доченька по-человечески поживет... Да... А жизнь-то везде одинакова. Жить можно, если не лениться да сноровистым быть. Вот мы всего достигли своим трудом, горбом своим. Хвала Аллаху, какой-никакой достаток есть, обуты-сыты. Вот только жаль, что девушкам на селе работы по душе нет... Да, и трудно, и опасно, говорят, в городе жить сейчас. Иной раз смотришь телевизор или читаешь газету, и аж душа замирает от страха: как же так, а? Ну да что же, на все воля Всевышнего. Не приведи только господь и вам испытать то, что мы когда-то испытали...

Зулейха с Наилей принялись убирать со стола, а Гайша апа, надев очки, взяла в руки спицы и вязание.

Зулейха вышла в коридор: не вернулась ли Сария?

Дверь закрыта.

Зулейха прошла в кухню. Отсюда, оказывается, можно выйти на балкон.

Огражденный частой решеткой балкон был похож на клетку зверинца. Зулейха посмотрела вниз, на прохожих, втайне надеясь увидеть Сарию.

— Марзия! Марзия! — вдруг закричал какой-то паренек, задрав голову и жестикулируя. В соседней с балконом комнате открылась форточка.

— Зуфар!

Парень обрадовался, увидев свою девушку:

— Марзия! Меня вахтер не пропускает, а я в кино билеты взял! Через полчаса начнется. Выходи, а!

— Сейчас!

Форточка захлопнулась.

Зулейха улыбнулась и хотела было уже уйти с балкона, как увидела двух джигитов, затаившихся под одним из окон.

Сверху опустили прочную, узловатую веревку. Парни быстро и бесшумно, один за другим, поднялись по веревке на третий этаж. Две девушки, раскрыв окно, помогли своим друзьям влезть в комнату. Веревка исчезла.

Зулейха снова улыбнулась. Ей стало зябко, и она поспешила в теплую комнату.

Вскоре пришла Сария и заключила подругу в объятия.

Сария жила в трехместной комнате.

— Одна из нас замуж недавно вышла, другая — в отпуске. Так что я пока одна, — сообщила Сария. — Будешь жить у меня. В детсаде, где я работаю, как раз нянечка нужна. Конечно, не невесть что, но пока поработать можно, а потом найдем что-нибудь получше.

Подружки говорили о последних деревенских новостях, как вдруг по комнатам загромыкала грозная комендантша.

— Обход! — заорала она. — Почему в комнате посторонние люди в неположенное время? Гостям разрешается находиться до 21-го. А сейчас уже десятый час пошел! Что за безобразие? Для кого составлен распорядок дня, а? Для черта лысого, что ли? Чтобы через пятнадцать минут ни одного постороннего человека в общежитии не было!

Наиля уговаривала начальницу:

— Зинаида Серафимовна! Какой же это посторонний человек? Это же моя мама! Пусть уж только сегодня переночует. Она же из деревни...

— В таком случае надо было за пять дней писать заявление на мое имя. Забыла, что ли, правила посещения? — была неумолима грозная Зиночка.

— Это комендант, — шепнула подруге расстроенная Сария.

— О Аллах! — сокрушалась Гайша апа, ища сквозь выступившие слезы упавшее на пол вязание. — Что мы такое сделали? Отчего беснуется эта женщина?

Наиля готова была расплакаться, но крепилась. Девочки знали своевольный, деспотичный характер «Зиночки» и не особенно обращали на это внимание. Но чтобы выгнать пожилую женщину, мать, приехавшую из деревни к дочери?! Это ни в какие ворота не лезет.

— Завтра же пойду к директору завода! — негодовала Наиля. — Пора обуздать эту несносную бабу! Что за дикие выходки?!

Сария осторожно поддакнула: она ведь на заводе не работала, а воспитателям место в общежитии дается с великим трудом, благодаря поклонам да просьбам роно.

— Наиля, — сказала подруге Сария, — айда пойдем на квартиру к Лене. Ее самой нет, а ключ она мне оставила, чтобы рыбок покормить.

— Да ты что, Сария, этого цербера боишься? И не подумаю уйти, до директора дойду...

Гайша апа все еще не может успокоиться. Она то встает с кровати, то снова садится, не знает, куда деть трясущиеся руки.

— Наиля, доченька, пойдем отсюда. Как бы боком тебе это не вышло. Не встревай... Не кипятись... Не дай бог... Перебьемся...

— Зачем перебиваться, Гайша апа? У Лены отличная квартира, почти с удобствами. Наиля, ты же знаешь, где Лена живет. Айда, пойдем. Здесь рядом, Гайша апа.

— Нет! — упорствовала Наиля. — Завтра до директора...

— А Кашпировский? — вдруг спохватилась Сария.

Все трое устали на нее, ничего не понимая.

— Ведь сегодня после «Времени» — сеанс Кашпировского!

В самом деле, две недели назад они смотрели у Лены сеанс Кашпировского. В цветном изображении. Вообще-то в красном уголке «общаги» тоже цветной «телек» стоит. Но напротив красного уголка — вахта. Входная дверь то и дело со скрежетом открывается и с треском захлопывается, сотрясая телевизор вместе с вмурованной в стену цепью (как бы не украли!). А если еще несравненная Зиночка начнет распекать какого-нибудь незадачливого жильца, тут уж и сто Кашпировских не смогут обуздать комендантскую ретивость. Зинаида не верила ни во что, тем более в кашпировских...

Наиля постепенно начала поддаваться уговорам подруги и матери.

— Кызым, доченька, — увещевала ее Гайша апа, — тебе еще жить здесь, а я все равно уеду, не лезла бы на рожон, а? Из-за меня ведь может влететь тебе...

Словом, вышли они все вместе из общежития.

Ленин дом — через квартал. Деревянный двухэтажный дом старинной постройки с крутыми узкими лестницами. Гайша апа даже споткнулась.

Сария включила свет. Маленькая лампочка осветила тесный длинный коридор со множеством дверей. Как в бараке. У каждой двери — фанерный ящик, на нем облезлые игрушки, на гвоздях висят санки, маленькие велосипеды. И здесь, оказывается, можно уютиться с детьми.

Сария открыла нужную дверь, вошла, щелкнула выключателем.

Квартира была двухкомнатной, хорошо обставленной. Большая комната выполняла, видимо, функции зала. Сборный стол. Цветной телевизор на тумбе. Единственное, но просторное и светлое окно, у которого расположился вместительный с зеркалами шкаф. В углу — аккуратно прибранная кровать.

Во второй, меньшей, комнате была тахта, кухонный стол и небольшой сервант со стеклянными дверцами.

Зулейха удивилась, во-первых, богатым коврам, мягким паласам, хрустальным и фарфоровым сервизам. Во-вторых, обилию на стене фотографий с изображением голых девиц и разных непристойных сцен. Стало стыдно перед Гайшой апа.

Включили телевизор. Диктор, похожий на муэдзина, созывал телезрителей на сеанс Кашпировского.

Зулейха вспомнила, как две недели назад они смотрели Кашпировского в деревне. Сельский человек особенно доверчив. Сестренку-инвалида, луноликую Файрузу, осторожно перенесли на пуховик, разложенный перед телевизором. Выключили свет. Бедненькая Файруза, как она ждала Кашпировского! Морщась от боли, Файруза кое-как вытянула ноги и буквально впилась глазами в суровый взгляд телевизионного мага.

Родители стыдливо прятали повлажневшие глаза, но всем видом тоже демонстрировали веру в чудо. Сквозь туман слез они честно «прилипли» к экрану.

...Сердце Зулейхи сжалось от таких воспоминаний. Наверное, и сегодня сидят они перед телевизором, посадив Файрузу на пуховик, и ждут, ждут... Файруза, нежный плод красоты, пытается поддаться «чарам» и безуспешно старается шевелить бездвиженными ногами... О Аллах!

Гайша апа, прикорнувшая на кровати у стены, внимает «колдовским» словам и что-то шепчет про себя — не молитву ли? Конечно, молитву. Каков бы ни был итог «волшебного сеанса», Гайша апа привычно сотворит дога — молитву, в которой попросит Всевышнего заступиться за дочку и ее наивных сельских подружек, оградить их от злых людей, от городских пороков и соблазнов. О Аллах, сохрани чистоту душ наших деревенских девочек!..

О человек в телевизоре, хотящий стать исцелителем духа и тела человека, не забывай, что ты тоже ходишь под Богом! Все мы подвластны воле Всевышнего. А если есть у тебя, о человек в телевизоре, какая-либо свыше данная благодать, обрати ее на очищение души, укрепление веры человека, наставление его на путь истинный, исцеление немощных и возврат к совести погрязших в грехе!.. Но прежде всего, о Всевышний, сохрани самого себя!

«Увезти, увезти отсюда доченьку, — шептали сухие губы Гайши апа. — Подальше от плохих людей. Увезу, завтра же увезу. Хозяйка этой квартиры—женщина непорядочная, не дай бог, втянет девчонок во грех... Надо будет сказать Наиле...»

А Наиля в это время, закрыв глаза, изо всех сил просила сурового телемага повлиять на ее рост, чтобы стать хоть немного выше. Коротышка Наиля, как она хотела вырасти! Помогите, человек в телевизоре!

Зулейха ничего не просила для себя. Аллах не обидел ее красотой и здоровьем. Чего же еще? Зулейха просила милости для Файрузы. Сестреночка, дивный, нежный, благоухающий цветок, когда к тебе повернется лицом Всевышний — Тенгре? Ведь тебе уже в десятый класс с подружками бежать...

А потом... Погодите, потом... Потом и самой Зулейхе кое-что нужно. Нужны деньги. Много, много денег... Ни копейки не взяла бы себе Зулейха, все бы отдавала родителям, спину гнушим в глухой деревушке. Сказала бы так: «Мама, папа! Всю жизнь трудились вы не покладая рук, спасибо до земли вам за это, вот вам много-много денег, отдохните!»

Впрочем, родители ничего не просят и ни на что не надеются. Да им и не нужно богатства. Возвращенное здоровье Файрузы — вот это было бы богатство! Благополучное возвращение из армии братьев и счастливая судьба замужних сестер — вот было бы богатство!..

Зулейха, освобождаясь от дум, подняла голову. Уставшая с дороги Гайша апа спала, свернувшись калачиком. Посапывала и Наиля. Сидевшая у стены на мягком паласе Сария что-то бормотала спросонья, видимо, улавливая отдельные звуки телесеанса.

Зулейха вышла в другую комнату. Хотелось пить. Она выпила холодного чая и принялась осматривать себя в зеркале. Вдруг... о боже, она заметила над грудью большое родимое пятно, которого раньше не было!

Чашка выпала из рук. Зулейха поспешно подняла подол платья. О Алла, исчезло родимое пятно над коленкой!

Испугалась она, побежала в зал, закричала:

— Ай, девчонки! Гайша апа! Пятно! Родинка!

Комната всполошилась:

— Где? Что?

— У меня... на ноге... родимые пятна кончились!

Сообщение сие возымело немедленное действие. Гайша апа даже суеверно сплюнула и зашептала дога — молитву. Наиля уселась на кровать и стала осматривать свое тело. Сария начала щупать свой длинный нос.

Зулейха пришла в себя, огляделась, затем украдкой снова подняла подол платья. Большое родимое пятно было на своем извечном месте над коленкой... В чем дело?.. Опешившая девушка выбежала в другую комнату и впилась глазами в зеркало. Родимое пятно над грудью резко сместилось и оказалось почти под воротником платья.

Впрочем, вся «алхимия» быстро разъяснилась, стоило только Зулейхе прикоснуться пальцем к одному из пятен на старом зеркале. Посмеялись. Наиля и Сария перестали щупать себя. Успокоилась и Гайша апа. Еще раз подтрунив над самими собой, все легли спать, забыв о «телемаге».

* * *

По обеим сторонам узкой асфальтовой дороги тянулся молодой лесок. Стройные березки, казалось, бежали вслед за машиной, но безнадежно отставали.

Парень молчал, время от времени поглядывая в зеркальце на пассажирку.

— Меня зовут Зулейха, — сказала девушка и невольно смутилась.

«Что за странная девушка», — подумал парень и, улыбнувшись, назвал:

— Очень рад. Я буду Якубом.

«Впрочем, почему странная?.. Просто мне показалось... Остановиться, что ли, где-нибудь, воздухом лесным подышать...»

«А у тебя при улыбке уши назад двигаются», — подразнила про себя Якуба Зулейха.

— Зулейха... Очень красивое имя. Только за одно имя ты должна быть благодарной родителям.

Девушка промолчала.

«Может, действительно, воздухом подышать?»

Якуб скосил глаза на зеркальце: девушка внимательно следила за дорогой.

«Знаю, о чем ты думаешь, Якуб. Все вы из одного теста. Попробуй только остановить машину!..

Попробуй сказать что-нибудь срамное!.. Такое устрою — света белого не взвидишь. Понял, Якубчик? Я к родителям еду...»

Однако напрасно Зулейха ожидала приставаний и намеков. Наоборот, Якуб замолчал, весь ушел в себя.

«И что за тоска в ее глазах?»

— Ты в отпуске или на выходные дни? — подал наконец голос Якуб.

— На выходные...

— Красивые у вас места. Речка, лес... Был я как-то раз в Чакматаше...

— Мне еще дальше ехать.

— А-а...

С каждым километром на спидометре углублялась и тоска в глазах девушки.

«Говорила, что на дороге ее ждет муж. Или обманула?»

— Где твои ждут тебя?

Зулейха давно уже забыла придуманного мужа. Засмеявшись, она ответила:

— Никто не ждет. Пошутила я. «Ну и простофиля ты, парень».

— А-а...

— Чего же опять не спрашиваешь: почему просила никого не сажать?

— Хе, сама, наверное, знаешь... «Спросил бы, не сказала».

— Ты женат?

Уши у Якуба сдвинулись назад — значит, улыбнулся.

— Нет. Времени не хватает.

— Деньги копишь?

— Какое... Машину бы окупить...

«Хм... тоже мне мужик... Слабак... Какие же они все-таки забытые, беспомощные! Разве я на своей машине занималась бы извозом? Фу, не люблю вас, мужики!»

Она посмотрела на широкие плечи, аккуратную стрижку, чистую белую шею Якуба, и ей вдруг стало противно.

«Значит, денежки копишь... Копи, копи... А я вот возьму и не дам тебе ни рубля. Ни копейки. Нет у меня, дядя, денег, скажу».

* * *

На второй день Зулейха пошла с Сарией в детский сад. Заведующая сначала охотно согласилась принять девушку на работу, но узнав, что Зулейхе негде жить, потускнела и задумалась, приложив к тонким губам указательный палец с длинным красным ногтем.

— Трудный вопрос... Ну да ладно, пока работай, а я попробую договориться о жилье.

Зулейха неделю проходила медицинскую комиссию и жила пока в пустующей квартире Лены.

Работа девушке пришлась по душе. Детей она обожала. «Это то, что мне надо», — думала Зулейха и мечтала выучиться, хотя бы заочно, на воспитательницу.

Полюбившаяся работа смягчила трудность привыкания к городскому образу жизни. Вот только по родному аулу, по родителям и домочадцам скучала Зулейха. Каждую неделю на выходные ездила она домой, и с каждой неделей все больше скучала по дому.

Шли недели, но места в общежитии не находилось. Скоро должна была вернуться Лена.

Зулейха смущенно заикнулась было заведующей о проблеме жилья.

— Нет пока, сестричка, говорят, что полгода ждать надо, — участливо ответила заведующая. — Обожди малость, может, что придумаем.

Приехала с юга Лена. Сария объяснила ей ситуацию.

Лена, которая когда-то работала в этом детсаде, хмыкнула:

— Хм-м... Да че вы этой жабе верите? Какая она заведующая? Тряпка! У нее все плохо, врет она все!

— Нет, нет, она обещала, — возразила Сария.

— Ну, обещала так обещала. Через две недели ко мне мой парень приедет, я замуж выхожу, так что до его приезда можешь пожить у меня, — смилостивилась Лена.

Зулейха быстро привыкла к Лене, хотя поначалу побаивалась ее... Золотоволосой, голубоглазой красавице Лене было всего двадцать пять лет, а выглядела она и того моложе. А одевалась!.. Зулейха сроду такой модной и красивой одежды не видела. А какие у нее украшения!

Лена работала секретаршей в какой-то организации. Зулейха рядом с элегантной Леной чувствовала себя обыкновенной деревенской дурнушкой, хотя и понимала, что она сама в общем-то ничуть не хуже Лены.

Сначала Зулейха удивилась тому, что Лена курит. Привыкла.

Будучи не в настроении, Лена могла запросто и матом выругаться. И к этому привыкла Зулейха.

Часто Лена возвращалась домой перед рассветом. Зулейха привыкла и к поздним возвращениям хозяйки.

Вообще-то Лена была приветлива с Зулейхой, не обижала ее, называла сестричкой.

Прошло две недели. Жилья для Зулейхи все не находилось.

— Говорила же я, что нельзя верить этой жабе, — повторяла свои слова Лена.

Однажды она вернулась вовремя, долго копалась в шкафу, выбирая и примеряя одежду. Скоро на кровати уже лежала огромная куча разных платьев, кофточек, костюмов, курток... Вытащив из вороха шмоток яркую модную куртку, Лена сунула ее Зулейхе в руки:

— Ну-ка, примерь.

Зулейха растерялась, но просьбу хозяйки выполнила.

Оглядев ее со всех сторон, Лена щелкнула языком:

— Во! Классно! В самый раз! Не снимай, считай, что куртка — твоя. Ты сейчас должна одеваться по-городс-кому!

Зулейха покраснела от смущения:

— Нет, нет, не надо!

Лена изумленно сморщилась:

— Ты что? Я же говорю — идет тебе! Сидит как надо! Не веришь?

— Нет, нет, я не говорю, что не идет. Но... это, наверное, очень дорого. К тому же импортная...

— Еще какая импортная! Мейд ин Япон! Да кто у тебя деньги спрашивает, дурочка? Может, думаешь, что она надеванная или с чужого плеча? Честное слово, она моя, и я ее ни разу еще не надевала. Дарю! Забирай!

Зулейха снова покраснела, но послушаться хозяйку не посмела.

— От подарков не отказываются, душечка! — продолжала Лена. — Вот тебе еще презент от меня.

Лена взяла с тумбочки флакон французских духов.

— Держи! Пусть от тебя Парижем благоухает!

С помощью Лены нашли наконец квартиру. Неподалеку, на первом этаже деревянного двухэтажного дома, в трехкомнатной квартире жили одинокие старик и старуха.

Девушки договорились со стариком и пришли к нему с нехитрыми пожитками Зулейхи.

— Михайлыч, — представился хозяин.

Его супруга, Николаевна, давно болела и почти не вставала с постели. Табурет возле ее кровати был весь заставлен лекарствами.

Зулейхе выделили комнату, где были диван-кровать, письменный стол, старинный шкаф и маленький телевизор.

Девушка несказанно обрадовалась: такая удача! Отдельная комната с обстановкой, свои ключи...

Старики в ее жизнь не вмешивались, жили себе, поживали.

Однажды, готовясь ко сну, Зулейха услышала чьи-то осторожные, крадущиеся шаги.

В комнату вошел хозяин. Зулейха в ночнушке сидела на кровати и смотрела телевизор. Увидев старика, она испугалась и быстро накинула на себя одеяло.

— Не бойся, доченька, не бойся, — зашептал старик, — поговорить с тобой надо. — Он сел на стул.

— Знаешь, дочка, мы, кажется, с самого начала не так договорились... Вон у соседей, Петровичей, парень один живет, по сорок рубликов в месяц платит...

Девушка поняла намек. Старик хотел увеличить плату вдвое, с двадцати до сорока рублей. Но ведь у нее зарплата — всего-то девяносто в месяц! Как же жить?..

— Я столько, наверное, не смогу платить, Михайлович, у меня тогда на жизнь не останется, — ответила она.

Старик облизал губы, покосился на нее, слегка крикнул, словно что-то хотел сказать. Потом участливо спросил:

— Неужели в нужде такой живешь?

— Да, — шмыгнула носом готовая расплакаться Зулейха.

Старик поерзал на стуле, потом встал:

— Ну ладно тогда, доченька, не беспокойся.

Он пошел к двери, но прежде чем выйти, обернулся и громко прошептал, показав на окно:

— Тогда, доченька, не занавешивай окно, ладно?

Недвусмысленно подмигнув, старик вышел.

Потрясенная Зулейха словно окаменела в своей постели. Ее пронзил озноб. Девушка заплакала, обняв подушку...

На другой день Зулейха пошла в общежитие к Сарии.

Вахтерша заученно гавкнула:

— Куда? К кому? Когда уйдешь?

Девушка терпеливо отвечала.

— С односельчанкой своей и в деревне лясы точить успеешь! Каждую неделю сумки набиваете да в деревню тащите! Из-за вас в Казани ничего нет, все деревенские растаскивают!

Нагрубить бы этой толстой бабе и уйти, хлопнув дверью. Но девушка смолчала, стерпела.

Сария была в комнате. Обрадовавшись подруге, поставила чайник. Зулейха сразу заметила перемену и в облике, и в поведении односельчанки. Сария, до этого пренебрегавшая косметикой, была ярко напозажена, напудрена, весела и беспечна.

Что это с ней?

Сария сказала как-то, что недавно перешла на другую работу. Работа легкая, денег много. Обещала и насчет Зулейхи поговорить. Интересно, что это за работа, на которой Сария так преобразилась?

— Слушай, мне предложение сделали! — сообщила Сария. — Один казанский парень. В кооперативе работает. Трехкомнатную квартиру имеет. Зовут Максом. На следующей неделе к моим родителям в деревню поедет.

Так вот, оказывается, отчего преобразилась Сария! Счастливая! Только одно показалось Зулейхе странным: всего месяц знакомы Сария с Максом. Не спешит ли она?.. Как бы потом не раскаяться. Впрочем, Сария девушка неглупая, знает, наверное, что к чему.

Зулейха, конечно, ничего не сказала подруге о своих сомнениях.

Поведала о своей жизни и Зулейха. О приставании старика сообщить не решилась, сказала только о денежной проблеме.

— Уйти тебе надо с этой работы, — посоветовала Сария.

— Да... Может, на завод устроиться?

— Ну, знаешь... Айда к нам в кооператив, к Максиму, — предложила подруга. — Сама поговорю. Зарплата большая, сможешь тому старому скряге не сорок, а даже пятьдесят рублей в месяц давать.

Словом, Сария вселила надежду в растревоженную душу Зулейхи. Окрыленной выходила девушка из общежития, и даже цербер-вахтерша показалась ей милой женщиной, и даже с неукротимой комендантшей она радушно поздоровалась.

Хорошо, что есть у нее подруга, готовая помочь. Спасибо ей!

Зулейхе хотелось немедленно сделать что-нибудь хорошее для Сарии. Но что? Зулейха стала перебирать варианты. Что если купить ей дорогой подарок?..

Однако эта мысль поубавила настроения. В карманах Зулейхи ветер гуляет. Осталась последняя десятка, а жить еще больше недели, да еще в деревню надо что-то купить...

Дома отец непременно спросит:

— Дочка, у тебя деньги-то есть? А то возьми сколько надо.

— Есть, есть, — торопливо ответит смущенная Зулейха.

И мать подхватит:

— Не стесняйся, если нет, скажи, нечего без денег ходить. Ну-ка покажи, сколько у тебя осталось?

Как же может Зулейха брать у них деньги? Ведь она сама должна помогать семье.

Приехав в Казань, Зулейха обязательно обнаружит среди деревенских гостинцев то десять, то пятнадцать рублей, украдкой положенных сердобольной матерью. И так всегда. А потом Зулейха тихо плачет, глядя на эти бумажки, пахнущие маминым сундуком.

Нет, нельзя даже мечтать о дорогом подарке для Сарии. Вот когда начнет работать в кооперативе, тогда другое дело...

Зулейхе не хотелось идти на квартиру, не хотелось видеть масляных глазок старика. Вспомнив вчерашнее, девушка снова ощутила озноб.

Она остановилась на каком-то перекрестке. Перед ней возвышались многоэтажные дома с весело освещенными окнами. Хлопали двери, входили и выходили люди.

Зулейха прислонилась к тополи на тротуаре и смотрела, смотрела на уютный свет окон. Там, в тепле, в удобстве, в независимом, обжитом пространстве наслаждались счастьем незнакомые люди. Да, это счастье — иметь свой дом!..

Шумный, суетный, древний мой город! Неужели ты не сможешь принять в свои объятия невинную, беззащитную девушку?! Зачем заставляешь ее, одинокую, бродить по темным, холодным улицам? Ведь она приехала к тебе с верой и надеждой! Теперь в деревню она не сможет вернуться. Засмеют: мол, дочка Галиуллы и в городе не прижилась, неспроста это! Деревенский народ простодушен, но в словах весьма искушен, скажет — как отрежет...

Зулейха обняла одной рукой холодный ствол тополя. «Я должна жить здесь, о Казань!»

Из дома вышли две девушки лет пятнадцати. Постояли у двери, поболтали, похихикали, затем направились к Зулейхе.

— Спички не найдутся? — спросила одна из них, держа в руке сигарету.

Зулейха испуганно покачала головой.

Девушки остановили прохожего — мужчину, курившего папиросу.

Зулейха поспешила к Лене.

Лена была дома. Одета она была как куколка, тщательно навела косметику. Зулейха подумала, что Лена собирается куда-то идти.

— Да нет, никуда не иду, — сказала Лена. — Я парня своего жду, он должен сегодня прийти.

При виде открытой, приветливой Лены Зулейха как-то смягчилась душой, оттаяла. Захотелось поделиться всеми своими печальями да заботами.

Хорошо Лене. Кажется, она живет легко, припеваючи. Правда, когда они жили вместе, Зулейха видела иногда по утрам мокрую от слез Ленину подушку, но ничего не спрашивала. Временами ей казалось, что Лена изо всех сил старается выглядеть беспечной, беззаботной. Впрочем, беспечность всегда к лицу Лене. Казалось, что сама природа создала Лену не для горестей и забот, а для вольной, как у птицы, жизни...

Зулейха тянулась к этой золотоволосой, голубоокой красавице, словно ища у ней легкости, беззаботности. Зулейхе хотелось, чтобы Лена утешила, пожалела ее.

Лена с первого взгляда почувствовала настроение подружки.

— Ну что, Зюечка, чего нос повесила, а? Не распускай нюни, а то джигиты тебя за версту обходить будут. Что случилось-то?

— Да ничего особенного. Просто так... — пробовала отмахнуться Зулейха, но не выдержала, расплакалась, выложила все, что было на сердце.

— Тьфу! Вот старый хрыч! — рассердилась Лена. — И этот вонючий старик глаз на тебя осмелился положить?!

Долго ругала Лена старика, а потом сказала:

— Да и ты хороша! Стоило из-за этого нюни распускать! Ну и пусть пялится на тебя сколько угодно! Да, пусть пялится, пока глаза у него не вытекут, старый х... Тебя-то от этого не убудет!

Лене все к лицу, даже брань. Если бы она даже сказала: «Ну и переспи с этим стариком», и то Зулейха не удивилась бы.

Шмыгая носом, смотрела Зулейха на Лену. Смотрела и любовалась.

— Знаешь, что я бы на твоём месте сделала? — продолжала Лена. — Я бы... я бы часами стояла голой перед этим плешивым дедулей. Что он мне сделает? Да ничего! Тем более он ни на что уже не способен. Пусть смотрит, слюной изойдет и захлебнется! Пусть глаза на его сопливый нос вывалятся! Лена засмеялась и обняла Зулейху:

— Дурочка! Нашла из-за чего расстраиваться!

Зулейха обидчиво отстранилась.

— Тебе смешно, а мне какво?.. Возьму и в деревню уеду. Ну и что, посудачат, потреплют языками да перестанут. Что мне до них? А может... может, на завод устроиться? Если и место в общаге дадут... Живут же люди, не жалуются...

Лена поморщилась:

— Пробовала я на заводе работать. Год вытерпела... Ну, сколько можно жить в этой общаге? Как вспомню, мурашки по коже бегут. Бр-р... Хочешь, иди поработай. Ты еще молодая, лет пять на заводе вытерпишь. Может, и замуж выйдешь...

Лена вдруг встрепенулась:

— Постой, ты что-то о кооперативе говорила. Так иди туда, попробуй сначала там, может, все и образуется.

...У Зулейхи полегчало на душе после разговора с Леной. Действительно, стоит ли принимать все так близко к сердцу? Все образуется...

Поскольку Лена ждала парня, Зулейха поспешила попрощаться с подругой.

Провожая, Лена шептала ей на ухо:

— Не вешай носа, Зочка. Другая с твоей красотой такой фурор произвела бы! Всех парней с ума бы свела! В тебе все еще деревенщина не выветрилась. Впрочем, я тоже когда-то такой была. Ничего, жизнь научит... И мне ведь эту квартиру никто на блюдечке с голубой каемочкой не поднес, сама купила. Да я, если в раж войду, могу хоть полгорода скупить!

«Какой такой фурор можно произвести с моей красотой?» — думала-гадала Зулейха.

Вот одноклассник Юсуф в деревне — тот по уши влюблен в Зулейху. Ну и что из этого? Юсуф — теленок. Самый смелый поступок, на который он способен решиться, это тащиться из клуба в пятнадцати метрах от Зулейхи и иногда свистеть.

...Девушка пришла на квартиру поздно. Старика не видно, наверное, спит. Слава богу.

Зулейха включила телевизор, разделась. Комната, к которой она уже успела привыкнуть, со вчерашнего дня стала вызывать у нее неприязнь.

Она заперла дверь, положила ключ на телевизор, потом встала перед зеркалом... и разделась донага.

Впервые в жизни девушка смотрела на свое нагое тело. В ушах звенят Ленкины слова: «С твоей красотой ты на весь город шорох навести можешь, Зочка!» — «И что ты за человек, Лена? Почему ты так говоришь?» — «Зочка, не обижайся на меня, ладно? Я видеть не могу, терпеть не могу эту жизнь! Поэтому у меня всегда коготочки наготове. Не люблю я этот мир, и себя не люблю... Не люблю за то, что явилась на этот свет, что вынуждена жить здесь... Понимаешь? Плевала я на весь мир! Я живу, мстя ему! Живу, смеясь и плюя на весь свет! Так и надо ему!.. Ты со своей красотой тоже сможешь мстить этому миру!..» — «Уйди, Лена, уйди, уйди! Не зови меня, не разговаривай со мной!»

Обнаженная девушка стояла перед зеркалом. Старинное зеркало, чего только не выдавшее на своем веку, впитывало в себя чудесное видение, постепенно влажнея от смущения и стыда... Вдруг поверхность зеркала помутилась, на нем смутно обозначились очертания старческого лица, приплюснутого к стеклу окна. По лицу текли слезы, рот с редкими зубами был широко раскрыт...

Девушка быстро щелкнула выключателем и нырнула в постель. Тело ее дрожало от озноба, зубы стучали друг о друга, слезы текли на подушку. Ее не покидало ощущение, что тайна, которую знала только она сама, вырвалась за окно, украдена навсегда и больше не вернется. Зулейхе казалось, что она теперь сможет без стыда ходить нагишом перед кем угодно, даже перед этим стариком. Не осталось тайны, которую надо беречь...

Выплакавшись, девушка почувствовала в себе опустошенность. Все слезы кончились, все мысли пропали, все тепло вышло, тело — словно чужое. Странно, но так было легче, приятней.

...Ее окружили бородатые старики. Она хочет убежать от них, кусает и царапает тянущиеся к ней трясущиеся руки, вырывается, бежит, ее снова догоняют... На горе стоят ее родители. Зулейха бежит к ним, но на пути снова встают бородатые, распаленные старики.

Рядом с родителями стоит Юсуф. Почему он не мчится на помощь Зулейхе? Она машет руками, зовя Юсуфа, кричит, но крика не слышно!

Увидел ее Юсуф, увидел-таки! Он бежит к ней на помощь. Бежит и отец с топором в руках. Полчища бородатых стариков догоняют девушку. Один из них схватил ее за подол платья. Зулейха сопротивляется, царапается, кусается. Вот с нее уже сорвали платье, и Зулейха осталась обнаженной. И тут... вспыхнул ослепительный свет, от которого старики ослепли и упали навзничь, но все равно змеями ползли к Зулейхе, протягивая дрожащие алчные руки. Девушка изо всех сил бежала на гору, но вдруг очутилась в какой-то темной пропасти и полетела вниз, в черноту. Наверху быстро таял светлый круг, вокруг которого стояли люди. Ей кинули веревку, Зулейха потянула к ней руки. Вот-вот она уцепится за спасительный аркан...

Зулейха ухватилась за веревку... и проснулась.

* * *

...Вскоре в городском кооперативе «Горный баран» начала работать провинциальная девушка с поэтическим именем Зулейха.

Кооператив изготавливал и продавал в парке шашлыки. «Горный баран» расположился почти в центре парка, в здании бывшей «общепитки». Работало в кооперативе всего несколько человек.

Высокий, кудрявый Эдуард и смуглый грузин Мамуки рубили мясо. Как две капли воды похожие друг на друга Альберт и Абрик, раздувая ноздри горбатого носа, готовили шашлык. Рыжеволосая, рябая Ольга продавала «изделие». Будущий муж Сарии Макс был снабженцем и поэтому подолгу пропадал то в сельских районах, то в мясных магазинах. Зулейха стала седьмым работником кооператива.

— Ты, Зочка, встанешь на продажу, а то к Ольге клиенты неохотно подходят.

Зулейха стала продавать шашлык на пару с Ольгой. Желающих отведать шашлыка было достаточно. Зулейха снимала с шампуров готовые куски шашлыка, клала их на фарфоровые тарелки, нарезала зеленый лук и хлеб. Ольга шашлык взвешивала и продавала.

Так прошла неделя. В субботу «Горный баран» остался без сырья: Макс вернулся из вояжа с пустыми руками. Недовольный Мамуки отпустил девушек домой, наказав прийти утром.

— До завтра все равно мясо найдем, — сказал он.

Зулейха удивилась, когда Мамуки выдал аванс не только Ольге, но и ей, проработавшей всего неделю.

На следующий день работа возобновилась как обычно. В воскресенье особенно много охотников до шашлыка. «Горный баран» трудился на полную катушку. Обедали кооператоры обычно здесь же, закрыв дверь и повесив на нее соответствующую табличку. Шашлык, чай — и снова за работу, время не терпит. Но в это воскресенье Мамуки почему-то повел всех в кафе «Картофель» на окраине парка.

Ольга заулыбалась:

— Не хочу туда тащиться, устала, я лучше здесь перекушу.

Мамуки поморщился и вышел. За ним вышли другие. Потом Абрик позвал Ольгу «на минутку».

Зулейха, идущая позади парней, уловила краем уха Ольгин приглушенный голос:

— И Тайфуна резали?

— Тс-с, дура!

Сначала Зулейха ничего не поняла. И только потом ее пронзила догадка: с самого утра не было на своем обычном месте, у задней двери кооператива, огромного вечно сонного сторожевого пса.

— Ай! — вскрикнула Зулейха, словно ее внезапно испугали. Не помня себя, она побежала к воротам парка.

* * *

Лена позвала Зулейху на свой день рождения.

Когда Зулейха пришла, стол был уже накрыт, а хозяйка извивалась перед зеркалом, примеряя то одну, то другую «шмотку» из своего богатого гардероба. Для этой девицы, плюющей на весь белый свет, выбор одежды был, наверное, самым важным занятием. Шкаф, набитый всевозможным «импортом», открывался на дню по несколько раз, и с каждым разом Лена становилась все более капризной в своем выборе.

Зулейха поцеловала подругу, вручила букет цветов, окинула взглядом ворох одежды на кровати и, как всегда, безошибочно выбрала.

— Надень вот это платье, светло-голубое. Как раз по тебе, тем более уже выглажено.

Лена не стала спорить, надела указанное платье и посмотрелась в зеркало.

— Ну и вкус у тебя, Зочка! Прелесть! Сколько раз надевала я это платье, и каждый раз откладывала. Как раз то, что мне сегодня нужно!

Хотя у самой Зулейхи платьев по пальцам одной руки можно пересчитать, но вкус у нее, действительно, отменный. Когда они жили вместе, Лена всегда советовалась с квартиранткой в выборе одежды и ни разу еще не отклоняла ее предложения, чем Зулейха втайне гордилась.

А Лена, живущая таинственной, роскошной жизнью, восхищалась естественной красотой и душевной простотой Зулейхи, видя в ней, может быть, себя в юности.

Зулейха исходила много магазинов, но ничего подходящего для подарка не нашла. Она решила подарить подруге конверт с двадцатью пятью рублями. Но как бы это сделать поделикатнее?

Лена сама вручила подругу из неловкого положения.

— Да не день рождения у меня. Просто так позвала, посидеть, повечерять. Устроим небольшой праздник. И ребята клевые придут. Познакомлю. Вот такие мальчишки!

Не дав Зулейхе опомниться, она сунула ей в руки какой-то костюм:

— На-ка, надень, Зочка!

— Нет, нет! — отпрянула Зулейха.

— Ну и ладно, — не стала особенно настаивать Лена, — ты и так хороша. Тогда я уберу все эти шмотки, а то сейчас ребята придут.

Зулейха не очень удивилась обману. Во всяком случае, лучше провести вечер у подруги, чем до дрожи в коленках бояться появления в своей комнате старика с трясущимися руками. Правда, узнав о приходе «клевых ребят», Зулейха ощутила какой-то жгучий холодок в груди. Было немного страшно и интересно.

Зулейха оглядела себя в зеркале и принялась еще раз наводить «марафет». Ей хотелось блеснуть красотой перед гостями, вернее, перед одним из них. Зулейха порозовела до ушей — то ли от робости, стыда, то ли от удовольствия. Лена заметила это, но промолчала: что же, в девушке, свежей, как яблоко, бродили природные соки.

Раздался стук в дверь, и щеки Зулейхи снова вспыхнули, почти как серьги в ушах.

Лена побежала встречать гостей. Зулейха села на кровать, косясь на зеркало, и принялась бездумно перелистывать какую-то книгу.

В переднюю вошли двое высоких, одетых в джинсовые костюмы мужчин. Один из них — смуглый, кудрявый, второй — с рыжеватыми усами и с залысиной на голове.

Усатый высоко поднял Лену на руки, покружил ее по комнате, чмокнул в щечку. Потом он с хорошо поставленной улыбкой шагнул навстречу Зулейхе, сломанной стрелой согнулся в поклоне и приложил губы к девичьей руке.

Кучерявый тоже обнял и поцеловал Лену, а затем повернулся к Зулейхе и вежливо, сдержанно кивнул головой в знак приветствия. Но при этом молниеносный взгляд кучерявого проник глубоко внутрь Зулейхи и заполнил огнем все ее тело. Девушка снова зарделась.

Стали знакомиться.

— Эдик, — указала Лена на плешивого.

— Эдик-медик, — сказал тот и засмеялся.

— Да-да, Эдик-медик, главный врач центральной больницы, — игриво подхватила Лена.

— Роберт, — представила Лена и кучерявого.

— Роберт-робот! — засмеялся кучерявый.

— Да-да, Роберт-робот, ныне финансовый воротила в кооперативе, — сообщила Лена.

При слове «кооператив» сердце у Зулейхи екнуло. Вспомнился «Горный баран», Тайфун...

Впрочем, кооператив кооперативу рознь, нельзя же всех их под одну гребенку... Во всяком случае, Зулейха постаралась казаться равнодушной и вскоре действительно забыла о злополучном «Горном баране».

Никогда Зулейха не смеялась так много, как в тот вечер. Раскованная компания, веселые беседы, глоток густого коньяка животворным бальзамом легли на душу девушки, увязшей в повседневных хлопотах серого быта.

Сначала Зулейха отказывалась от коньяка. Эдик вежливо настаивал.

Лена укоризненно посмотрела на подругу:

— Ну, Зочка, не будь блякой, не отказывайся!

«Ее пригласили на вечер, в приличную компанию, а она строит из себя», — прочитала Зулейха взгляд Лены. Может, и не так думала Лена. Однако Зулейха не стала хорохориться и отпила глоток коньяка, который постепенно теплом наполнил ее тело.

Роберт как будто равнодушен к Зулейхе. Один раз предложил ей шоколад, в другой — протянул яблоко. И все.

«Хорошо, что не пристаёт», — подумала сначала Зулейха. Но потом, после кофе (только Лена знала, что Эдик добавил в кофе армянский коньяк), она стала сердиться на равнодушие Роберта. Боясь выдать свои чувства, Зулейха с готовностью смеялась над куцыми анекдотами Эдика.

Лена включила японский магнитофон и сделала реверанс, приглашая Эдика на танец.

Зулейха сидела как приклеенная. Голова у нее кружилась, казалось, что она упадет, если поднимется. Девушка сделала вид, что наблюдает танец Лены с Эдиком.

Когда Роберт встал, она тоже посчитала неудобным для себя сидеть, но кучерявый пошел не к ней, а в другую сторону. Он зажег светильник из трех свечей и только потом подошел к Зулейхе.

— Можно? — спросил он и, не дождавсь согласия, слегка потянул ее за локоток.

Зулейха встала.

Она была на голову ниже своего кавалера.

Зулейха даже не заметила, как очутилась в объятиях Роберта. Он прижимал ее к себе. Девушка уперлась руками в грудь партнера. Она каждой клеткой чувствовала сильные руки, выпуклую грудь Роберта... Девушка словно отрезвела, ее вдруг охватило другое чувство — чувство радости. Она обрадовалась внезапному открытию: ведь ей нужна сильная, крепкая мужская грудь, которая щитом оградит ее от несчастий и невзгод этого мира! Девушка впервые открыла для себя извечный закон природы...

Никто не может противиться этому закону великой матери-природы. Этому закону возможно только подчиняться — и подчиняться с радостью.

Ей сейчас хорошо, и с нее этого пока довольно. Танцуй, девушка, положи голову на крепкую мужскую грудь, забудься!..

Мужские губы щекотали ее уши, дотронулись до щеки. Девушка спрятала лицо на его груди. Объятие стало крепче, но Зулейха чуть-чуть отстранилась от Роберта. Ей не хотелось выдавать своего чувства, не хотелось, чтобы Роберт заметил ее блаженства.

Попили еще кофе. Снова потанцевали. Часов в двенадцать Эдик и Лена заперлись в соседней с залом комнате.

Роберт поднял Зулейху на руки и понес к кровати.

Оказавшись на постели, девушка очнулась, резко оттолкнула Роберта. Но парень снова повалил ее на кровать, принялся целовать.

Зулейха вскочила, подбежала к соседней комнате и начала стучать в дверь:

— Лена! Я домой иду!

За дверью — ни звука.

Конечно, глупо выходить на улицу за полночь, тем более одной. И голова кружится — теперь уже не от удовольствия, а от испуга.

Роберт снова усадил ее на кровать, разлил в рюмки коньяк. Из комнаты вышла Лена.

— Зочка, ты что, в такой поздний час? — удивилась Лена и приказала Роберту: — Выйди-ка в ту комнату!

Лена достала из шкафа спортивный костюм:

— Надень вот это, Зочка.

Эдик с Робертом передвинули стол от кровати в середину зала. Снова провозгласили тост за здоровье девушек. Зулейха от спиртного отказалась, а кофе, предложенный Эдиком, выпила.

Лена с Эдиком заперлись.

Очень скоро Зулейха вновь почувствовала, как поднимается в ней волна блаженства. Она словно качалась на волнах, а на нее с неба смотрели три звезды.

Роберт задул все три «звезды» и обнял разомлевшую девушку. Горячие губы обжигали ей лоб, щеки...

— Завтра же женюсь на тебе... завтра же... — торопливо шептал он.

Мир, качавшийся на волнах, взметнулся и опрокинулся, жаркий мрак объел Вселенную.

Роберт, что-то бормоча, снял с нее костюм, растянул лифчик, впился губами в шею, груди...

Блаженство нарастало, растекалось по всем клеткам тела и мозга... И все же впитанные вместе с молоком матери гордость и деревенская необузданность победили. Зулейха с силой оттолкнула Роберта и, не дав ему опомниться, стала быстро одеваться. Потом она завернулась в одеяло и легла.

Всю ночь шла борьба, но девушка осталась неприступной.

Утром от ночных минут блаженства и следа не осталось. Зулейху даже затошнило при виде стоявших на столе рюмок. Она раскаивалась, что пришла сюда.

Не выдавая своего настроения, Зулейха помогла Лене убрать со стола, прибраться в квартире.

Гости ушли ранним утром. Лена проводила их. Зулейха не поднялась с постели.

— Ну и дикарка твоя подружка, — сказал Лене Роберт, — всего меня исцарапала.

Эдик усмехнулся и хотел что-то сказать, но Лена, видимо, закрыла ему рот ладонью.

— Тс-с! — сказала она и вышла в коридор, провожая «клевых мальчиков».

О чем они говорили в коридоре, Зулейха не слышала.

* * *

«Да-да, — думала Зулейха, — не дам я тебе, парниша, ни копейки. Скажу, что денег нет. А что ты сделаешь? Побьешь? Не-ет, рука не поднимется... Видно же, что ты, как говорится, из порядочных».

Зулейха усмехнулась. Действительно, ей захотелось поиздеваться над этим парнем, по крохам копившим на машину и польстившимся сегодня на щедрую плату Зулейхи.

«Все вы одного поля ягоды. Вам бы только денег да женщин... Интересно, и Юсуф деньги любит? И женщин?.. Да, Юсуф тоже копит деньги, знаю... На свадьбу копит, хочет на мне жениться. Эх, Юсуф, Юсуф... И отчего ты такой теленок? Наивный, как дитя малое... Как будто только что на свет появился... Эх, Юсуф!»

Она тронула водителя за плечо:

— Быстрее ехать не можешь?

Якуб удивленно обернулся:

— Недавно просила медленней ехать...

— Ты уж чересчур скорость сбавил.

Машина рванулась вперед.

«Наверное, надо все-таки рассказать Юсуфу, — думала она. — А то мучается, бедненький, вкалывает, гроши копит. Сказать ему, что не надо...»

С полгода назад Зулейха шутливо сказала Юсуфу: «Если я когда-нибудь выйду замуж, то свадьбу потребую провести в самом шикарном ресторане Казани!» С тех пор Юсуф и вкалывает до седьмого пота, деньги копит.

Сказать ему все-все, а?.. Рассказать, что ли?..

* * *

Через два дня после «дня рождения Лены» Зулейха наконец пришла устраиваться на завод, где ей обещали место в общежитии.

«Два месяца проучишься, два месяца в учениках походишь, а в общежитие устроишься через неделю», — сказали ей.

Зулейха была довольна. Наконец-то избавится от противного старика! Она будет стараться, очень стараться на работе! Глядишь, и деньги немалые пойдут...

В заводском отделе кадров очкастая женщина тщательно осмотрела документы Зулейхи. Потом подняла очки на лоб и посмотрела на девушку:

— У тебя ведь прописки нет, милая!.. Из деревни давно выписалась, а в городе до сих пор не прописалась. Почему?

Зулейха растерялась, покраснела:

— Не могла... Места не было... Не пускали...

Женщина испытующе посмотрела на нее и сказала:

— Приходи завтра, подумаем.

Забрав документы, поникшая Зулейха отправилась восвояси.

«Надо было сразу на завод идти! — сокрушалась она. — Другие же так поступали. А я... дура ненормальная... Поверила этой Сарии...»

Она шла по улице и плакала. Ехала в трамвае и плакала. Заплаканной шла в свою постылую квартиру. Она плакала не стыдясь, потому что уже не любила ни этот город, ни этих людей. Тяжело, очень тяжело было на душе.

И на квартире она не могла успокоиться. Пойти бы куда-нибудь, что-нибудь бы сделать. Но что? Куда?

Она вспомнила прочитанное где-то объявление, где звали на какой-то завод и тоже сулили место в общежитии. Кажется, этот завод расположен где-то на окраине города. Но где?..

Ее тревожные раздумья прервал Михайлович, без стука и разрешения вошедший в комнату.

— Три дня сроку тебе, милая. Не заплатишь деньги — освобождай комнату, охотников до нее много, за год сразу заплатить могут.

Зулейха вскочила, быстро поправила рассыпавшиеся волосы.

— Михайлович, я на новую работу устраиваюсь. Подожди маленько, а! Ради бога!..

Слезы вновь брызнули из ее покрасневших глаз.

— На новую работу, говоришь? — старик сел на табурет. — И что же это за работа?

Зулейха сглотнула слезы:

— На заводе...

Она снова заплакала, хотя понимала, что старика слезами не проймешь. Фактически он прав, он — хозяин, квартира — его. Но Зулейха не могла сдержать слез, плакала и плакала.

Старик то ли от слез девичьих смутился, то ли смягчился и решил пожалеть постоялицу.

— Чу, чу, дочка, полно реветь-то, — старик подал девушке полотенце, висевшее на спинке кровати, и стал гладить своей заскорузлой ладонью спутанные волосы Зулейхи.

Девушка немного успокоилась.

В эту минуту — надо же! — в двери появилась Лена. Молодец, душечка, вовремя пришла!

Старик немного отодвинулся.

Лена громко поздоровалась и подошла к подруге.

— Аба, Зочка, что с тобой?

Лена обняла ее за плечи и прошептала: «Выйди-ка из комнаты, только быстро не заходи, ладно?»

Михайлович заморгал глазками и, хотя узнал Лену, спросил:

— А вы кто будете?

— Здравствуйте, Михайлович! — игриво пропела Лена. — Зочка, умираю, в горле пересохло, пойди, пожалуйста, поставь чаю. Может, что-нибудь вкусненькое из магазина принесешь?

Зулейха вышла. Лена закрыла за ней дверь.

Что было потом в комнате, Зулейха узнала от Лены.

Лена сняла с себя пальто и толкнула старика на кровать: «Чего застыл как истукан?!» Потом Лена сняла джинсовый пиджак, кофточку, оставшись в джинсовых брюках и лифчике. Старик от изумления онемел. «Быстро давай, быстро», — прошептала Лена и обвила голыми руками стариковскую морщинистую шею. Михайлович чуть не задохнулся от запаха ядерного женского тела. Поняв наконец, в чем дело, он поспешно принялся стягивать с себя засаленную фуфайку, схватился за ремень на штанах. Тут Лена ему и говорит: «Сто рублей! Сейчас же!» Старик сначала ничего не понял, лишь обалдело уставился на нее, прерывисто дыша. «Ты че, Михайлыч, за бесплатно захотел? Принеси сто рублей, сейчас же, быстро!» Старик смекнул, засуетился, выбежал куда-то и зашел снова уже с пачкой десятирублевков. Закрыв за собой дверь, он смотрел то на полунагую девушку, то на пачку денег,

которую держал в руке, и не знал, с чего начинать, что делать. Лена потянулась к пачке денег, но старик спрятал руку за спину и просипел:

— А не обманешь?

— Хи, зачем? — усмехнулась Лена. — Разве стала бы я раздеваться перед тобой, старым хрычом, если бы обмануть хотела?

— Тогда и это сымай, — показал старик на бюстгальтер.

— Да ты, никак, сам обмануть меня хочешь, черт лысый! Сначала двадцатку дай за то, что я уже наполовину разделась!

Старик дрожащими руками протянул ей две десятки, провоявая их тоскливым взглядом.

— Раздевайся дальше, — потребовал он.

— За бюстгальтер еще двадцатку!

Михайлыч протянул еще две «красненькие».

Лена встала к старику спиной:

— Сам расстегни!

Ошалевший старик трясущимися руками попытался справиться с импортной штучкой, но бюстгальтер ему не поддавался. Старик весь извелся, исстрадался, но ничего не мог поделывать. Наконец он стал дергать нетерпеливой рукой лямку бюстгальтера.

— Оборвешь ведь, старый пес! — рассердилась Лена. — Не можешь, не суйся! На себя пеняй!

Она расстегнула лифчик и сунула его старику в руки. Пока старик судорожно глотал обильную слюну, выделившуюся при виде сверкающих женских прелестей, Лена быстро оделась, спрятала деньги и настежь открыла дверь.

— Сейчас Зоя придет. Заметит — скандала не оберешься. А если муж мой узнает, нам обоим шеи свернет. Уж он такой ревнивец!

Лена надевала пальто, а старик все еще стоял, как изваяние, веря и не веря недавнему чудесному видению и все еще не осып от близкого запаха молодости.

Лена сказала подошедшей Зулейхе:

— Пошли отсюда. Я тебе работу нашла. И жилье тоже подыскала.

Быстро собрали чемодан и пошли к хозяину отдавать ключи.

Михайлыч гонял по квартире пушистого кота, швыряя в него башмак. Увидев девушек, он замер, забыв опустить руку с зажатым в ней войлочным башмаком. Глаза его были почти безумны, лицо покраснелось, рот искривлен.

— Зоя уходит отсюда. Спасибо за постой, — объявила Лена как ни в чем не бывало. — А это квартплата, ровно за два месяца.

Старик с силой швырнул башмак в кота, спрятавшегося под кроватью, что-то яростно пробормотал себе под нос и схватил протянутые Леной деньги.

Девушки ушли, сопровождаемые злобным, многоэтажным матом осатаневшего старика.

* * *

Оказалось, что Лена подыскала для подруги место секретарши в одном очень солидном учреждении города.

Директором этого учреждения был некто Альберт Абдрахманович Марлен — высокий, статный, черноволосый мужчина лет пятидесяти. Он передал Зулейху в руки Динары Петровны — пожилой женщины, временно исполнявшей обязанности секретаря, для ознакомления с предстоящей работой, а сам уехал на какое-то совещание.

Зулейха оробела при виде множества телефонов различных размеров и цветов. Они звонили беспрерывно, то один за другим, то все сразу. Динара Петровна ловко манипулировала телефонными аппаратами, успевая говорить во все трубки: «Альберт Абдрахманович на совещании!»

Динара Петровна познакомила девушку с отделами.

Зулейха как будто поняла суть работы. Одно только обстоятельство ее смущало — неважное владение русским языком. Откуда ей, девушке из татарской глубинки, знать тонкости чужого языка? А в таком солидном учреждении на одном татарском далеко не уедешь...

К счастью, все обошлось как нельзя лучше. Все, кто обращался к Альберту Абдрахмановичу Марлену по телефону, неизменно старался говорить по-татарски. Зулейхе показалось это поначалу странным, ведь она и на городских улицах родную речь слышит редко, а тут...

Словом, Зулейхе даже в отношении языка повезло. Она искренне радовалась этому, хотя все же ей казалось странным, что далекое от проблем лингвистики солидное учреждение так ревностно сохраняет татарский язык в общении.

Как бы то ни было, а для Зулейхи наступили радостные дни. Через три дня поселили ее в отличное общежитие, прописали. Комната оказалась всего на два человека. Здорово! Наконец-то аулчанка Зулейха держит в руках птицу счастья!

Как во сне потянулись дни за днями. Девушка быстро освоила свои обязанности, оказалась старательной, исполнительской.

Альберт Абдрахманович был немногословен, даже суров. Со своей новой секретаршей не разговаривал ни о чем, кроме работы. Но любил слушать, как разговаривает Зулейха. Когда она отвечала на телефонные звонки или разговаривала с посетителями, взгляд Марлена как-то смягчался, и даже осанка.

В учреждении наблюдалось еще одно странное явление. В свободные минуты сотрудники как по команде открывали книги, впивались в них глазами, некоторые что-то бормотали, жестикулируя рукой в такт словам, будто стараясь запомнить заклинания. Постепенно Зулейха поняла, что все они зубрили одну и ту же книгу — татарско-русский словарь. Кроме того, к Зулейхе нередко подходили умудренные сединой мужи, прося объяснить значение того или другого татарского слова. Девушке неловко было выступать в роли учителя, но постепенно она к этому привыкла, ей даже понравилось учить «уму-разуму» этих смешных бородатых дядек.

Рабочий день Марлена начинался в семь утра и кончался в семь вечера. Утром он проводил получасовое совещание, потом погружался в разнообразные бумаги, документы, разговаривал по телефону, принимал делегации. После обеда он обычно уезжал на совещание, а приезжал часам к пяти и заперался у себя в кабинете.

Сегодня шеф не поехал на обычное послеобеденное совещание. Он распорядился вызвать машину и, когда Зулейха позвонила шоферу и передала приказ начальника, Марлен вышел в приемную и сказал:

— Зулейха, сегодня со мной поедешь. У меня на даче собираются высокие гости, надо будет помочь обслужить, угостить их.

Девушка в молчаливой покорности пошла за Марленом.

Альберт Абдрахманович уступил девушке переднее место, а сам сел на заднее. Машина тронулась.

Никогда не приходилось Зулейхе ездить в черной блестящей «Волге». Девушка поначалу сидела скованно, даже покраснела от смущения.

Водитель включил магнитофон. Потянулась мелодия татарской народной песни «Карурман» в исполнении Ильгама Шакирова.

Голос певца успокоил, размягчил ее. Зулейха стала смотреть в окно на городские улицы, по которым сновали трамваи, троллейбусы, разнокалиберные машины. Казалось, что пешеходы смотрят на нее с угрюмой завистью, и от этого ощущения Зулейхе вновь стало неловко. «Ведь и я когда-то с завистью смотрела на шикарные «Волги»! Не сердитесь на меня, люди, я ведь ничего плохого вам не сделала!»

Дорога пошла лесом, и Зулейха невольно заволновалась. В душе закопошился страх. Альберт Абдрахманович, видимо, почувствовал настроение девушки.

— Ты не была, Зулейха, в Боровом Матюшино? Это у Волги... Сейчас мы туда едем.

Шофер подхватил:

— М-м... райское место.

За разговорами не заметили, как доехали. Зулейха удивилась красоте местности, нарядным, добротным домам, в которых обитало высокое начальство, охраняемое бдительными милиционерами.

Возле двухэтажного дома Марлена рос могучий, древний дуб.

Почти сразу вслед за «Волгой» подъехал небольшой автобус, из которого высыпали девушки в белых халатиках.

— Сестричка, помоги девушкам стол накрыть, — сказал Марлен, а сам зашел в дом.

Впрочем, помощь Зулейхи девушкам почти не понадобилась, стол был накрыт быстро.

Гости, видно, были такими же бизнесменами, как и Марлен. Они оживленно о чем-то разговаривали, спорили, подписывали какие-то документы, попили-поели, распрощались и уехали.

Стол был убран, посуда вымыта, поварахи да официантки уехали столь тихо, что Зулейха даже не заметила. А ведь и ей хотелось вместе с ними вернуться в город.

Из дома вышел Марлен. Девушка шагнула к нему.

— Альберт Абдрахманович, мне домой нужно! — плаксиво попросила она.

— Да, да... И мне пора домой, — сказал Марлен. Он потер лоб, словно что-то вспоминая. — Ты иди чаю попей, покушай, я малость отдохну, устал сегодня.

Зулейха немного успокоилась. Есть не хотелось. Она села на скамейку и принялась ждать хозяина.

Вокруг никого. Все уехали. Слышно лишь птичье пение.

Девушка закрыла глаза. Ей пригрезилось родное село, родители... Вот они с отцом на лесной поляне. Скошена трава. Отец лежит на свежих валках травы. Зулейха расположилась рядом, на пенек.

После изнуряющей косьбы отдых прекрасен и желанен, он медленно наполняет натруженное тело сладкой, животворной силой.

Да... отец скоро шевельнется и скажет: «Доченька, пора домой».

Они нагрузят телегу свежескошенной травой и осторожно, озираясь по сторонам, — как бы лесник не увидел! — покатают домой.

...Смеркалось. Хозяин все еще не выходил. Девушка снова забеспокоилась, ей совсем не хотелось ночевать здесь. Хотя и неудобно было беспокоить шефа, все же Зулейха тихо вошла в дом. Марлен лежал навзничь на широкой кровати.

Услышав легкие шаги, Марлен, все так же не шелохнувшись, позвал:

— Иди-ка сюда!

Девушка испугалась еще сильнее, сердце ее бешено заколотилось, дыхание перехватило, жар обдал тело. Зулейха уже готова была выскочить из этого дома, бежать сломя голову куда угодно, но тут вновь послышался голос... нет, вернее, стон, жалобный стон Марлена:

— О-о, шея... Иди-ка сюда, иди...

Девушка невольно поддалась полупросьбе-полуприказу и нерешительно шагнула:

— Альберт Абдрахманович, поздно, темно уже, мне домой нужно.

Марлен сделал движение, чтобы встать, но тут же застонал и снова опрокинулся навзничь:

— Шея... Шею не отпускает... Массаж... Сделай массаж... потом поедем.

Девушка наконец поняла, в чем дело, и почти бегом кинулась к кровати и стала массировать шею Марлена.

— Сильнее, сильнее дави...

— Что с вами, Альберт Абдрахманович?

Зулейха снова почувствовала себя в неловком положении — на сей раз из-за того, что вовремя не оказала помощь больному.

На этот вопрос нельзя было ответить в двух-трех словах, так как сложившаяся ситуация имела долгую и немного странную предысторию.

Начнем, пожалуй, с того, что звучная фамилия Марлен представляла собой сочетание сокращенных фамилий Маркс и Ленин (а возможно, и сокращенное от слова «марксизм-ленинизм»). Да, была когда-то такая мода на имена.

Отец Альберта считался татаринком по деду. Однако только сам Бог знал, сколько кровей было смешано в родословной Альберта. Посудите сами: мать — еврейка, дед — татарин, женившийся на узбечке, мать деда — киргизка. Если копнуть родословную деда поглубже, можно «наскрести» даже одного француза, хотя остальные предки — татары. Интересная линия со стороны матери: ее отец — еврей, мать — татарка, бабушка — украинка, прабабушка — тоже татарка, далее идут русская, японка... Остальные корни теряются во мгле веков.

Альберт Абдрахманович рассказывал секретарше свою родословную, а та, не видя в этом связи с болезнью, втайне недоумевала и думала только об одном: приехать в общежитие, отдохнуть.

Сложной оказалась и биография Марлена. Да, ныне он — руководитель очень солидного предприятия в Казани, часто бывает в загранкомандировках, живет на широкую ногу. Но... долгое время он не мог понять, что же с ним случилось на шестом десятке жизни.

В Казань он приехал пять лет назад, оставив в Москве квартиру и значительный пост, высокое положение в столичном обществе.

Все началось с того, что в день сорокалетия Марлена внезапно парализовало. Он был в абсолютно ясном сознании, но ноги, руки, шея словно окаменели. Самые лучшие московские врачи были бессильны перед этим недугом. Жена ушла. Хорошо, что детей еще не было.

Американские друзья увезли его к себе в Штаты, лечили долго и добросовестно, но тщетно. Шло время. Гасли надежды на выздоровление, хотя врачи по-прежнему советовали ждать и терпеть.

Доктора, признаться, сами были в недоумении от странной формы паралича: организм здоровый, кровеносные сосуды в порядке, никаких болей, но тело полностью обездвижено, словно кол в него воткнули.

Так прошло месяца три. И вдруг... удивив всех медицинских светил, Альберт Абдрахманович встал на ноги.

В тот день один из друзей оставил ему магнитофонные записи с татарскими песнями.

Марлен попросил соседа включить магнитофон и долго, почти полдня, слушал песни нижегородских татар-мишарей, а что еще делать человеку, прикованному к постели?!

Принесли Марлену обед. Медсестра хотела, по обыкновению, приподнять больного для приема пищи, и Альберт поддался было ежедневной процедуре, и тут... Наверное, в миллионный раз попытался он двинуть правой рукой, в которой обычно держат ложку, и рука послушалась. Отстранив рукой изумленную сестру, Альберт поднялся и, как ни в чем не бывало, прошелся по комнате.

Поднос с обедом выпал из рук обомлевшей медсестры. А Марлен, все еще не понимая случившегося, ходил по комнате, словно робот, отрешившийся от окружающего мира, и только ойкнувшая медсестра, падающая в обморок, привела его в чувство. Он подхватил медсестру и положил ее на кровать.

На следующий день знаменитые доктора собрались на совещание по поводу чудесного исцеления. Марлен тоже участвовал в совещании. Врачи так и не смогли прийти к единому мнению, и история выздоровления больного на сей раз осталась тайной.

Выйдя из клиники, Альберт Абдрахманович не пожелал оставаться в Москве, а попросил перевода в Казань.

Жена Марлена Маруся узнала о выздоровлении мужа, но не спешила вернуться. Поэтому Марлен и сам не шел ей навстречу.

В Казани Марлен параллельно с руководящей работой продолжал заниматься научной деятельностью, часто бывал на различных зарубежных симпозиумах и был доволен жизнью.

Но через год приступы паралича стали повторяться, правда, частичные и локальные: поражались на час-два то шея, то ноги, то руки. Помаялся так Марлен некоторое время и, не найдя помощи от медицины, решил с отчаяния обратиться к одной старушке-татарке.

Девяностолетняя эби не спешила потчевать клиента разными рецептами из трав, а сначала долго — около часа — поговорила, порасспрашивала Альберта. Потом, удовлетворившись ответами, она сразу же, без перехода и не меняя интонации, сказала «рецепт»:

— В твоих жилах идет война кровей... долгая война разных кровей... Одна из них должна быть сильнее других — вот эта-то кровь и стремится взять верх...

Старуха общупала шершавыми, корявыми пальцами тыльную сторону марленовской руки и продолжила:

— Исцеление тебе принесет массаж, сделанный рукой одной юной девушки. Со временем главная твоя кровь одержит победу, вытеснит другие течения и воцарится в твоём теле, неся здоровье и силу. Помни мой совет!

Марлен был человеком достаточно незаурядным, чтобы, все взвесив, принять также незаурядные меры.

За два месяца он освоил татарский язык, выучил и с удовольствием пел татарские песни. «Параличи» приключались все реже и реже.

— Теперь я понимаю, почему таким целебным оказалось прикосновение твоих рук, — заключил свой рассказ Альберт Абдрахманович. — Ну а теперь пора наконец домой.

Зулейха слушала эту невероятную историю, которая казалась чуть ли не фантастической, и робела. Ей стало боязно — от чего бы? Девушку охватил озноб, закружилась голова, в глазах рябило... Она встала и, чтобы не упасть, оперлась руками о стол.

Марлен легонько обнял ее за плечи и положил ладонь на девичий лоб:

— Ну-ну... поедem...

Шофера не было. Марлен сам вел машину. Он ни слова не проронил в дороге, только напевал вполголоса какую-то старинную татарскую песню.

Сойдя возле общежития, Зулейха еще долго не могла прийти в себя. Входная дверь «общаги», с которой она уже сроднилась, вдруг показалась ей чужой, постылой. Зачем она здесь? Что она здесь делает? Почему она не в деревне, в отчем доме?

Странно, все как-то странно, нелепо...

Лифт поднимал ее на восьмой этаж, и Зулейха постепенно успокаивалась. Все становилось привычным: коридор, кухня, комната... Сейчас она откроет дверь и, как обычно, улыбнется соседке Тане...

В комнате рядом с Таней сидел парень. Его звали Артуром, он был азербайджанцем и хотя редко приходил, но всегда оставался ночевать у Татьяны.

Зулейха сразу скисла: придется погулять на улице, и вообще всю ночь сна не будет... Эх!..

Она посмотрела немного телевизор, потом, придумав причину, вышла на улицу.

Она бродила по вечернему городу и думала о странном разговоре с Альбертом Абдрахмановичем.

Ей захотелось немедленно, хоть пешком, вернуться в деревню, увидеть родителей, односельчан, подружек.

Зулейха почувствовала, что скучает по Юсуфу. Нет, что ни говори, а лучше его джигита нет!

Две недели назад Юсуф провожал Зулейху до автобусной станции. Шли, разговаривали обо всем и ни о чем... А при расставании Юсуф неловко чмокнул ее в щеку.

Зулейха вспомнила этот «отчаянный» поступок неуклюжего Юсуфа и улыбнулась: надо же, каков герой...

Еще ей вспомнилось, как она в шутку сказала Юсуфу, что свадьбу будет справлять в лучшем ресторане Казани. Бедняга Юсуф все понял буквально и сейчас упорно копит деньги на ресторанную

свадьбу. Хм-м... Да и она сама хороша. Что за шутка? Ресторан... Да еще лучший... Ой, дура! Приеду и скажу ему: никакого ресторана, свадьбу в деревне справим и вообще в деревне останемся, в город жить не поедем...

Зулейха шла и шла по тротуарам, погруженная в свои думы. Далеко позади осталось общежитие. Пора возвращаться.

— Помогите! Помогите! Умирает! — закричали вдруг откуда-то сзади.

Крики раздавались со стороны детского сада, окруженного каменным забором.

Не успела Зулейха испугаться, как перед ней появились два подростка лет четырнадцати-пятнадцати.

— Помогите! — кричали они. — Тетя, помогите!

— Что такое? Что случилось? Где? — всполошилась Зулейха.

— Тетя, помогите! Там, в детсадике, у дверей... Друг наш упал и за живот держится. Помогите! Мы пока «скорую» вызовем.

Зулейха побежала к детсаду. Детский сад носил поэтическое название «Подснежник». Возле двери лежал, скрючившись, подросток.

— Что с тобой? Где болит?

— Живот... — застонал мальчик.

Зулейха попробовала поднять его, но не смогла.

Подбежали друзья больного:

— Тетя, давайте в садик его заведем, врачи сейчас приедут. В детсаде дверь открыта, там мой отец охранником работает, сам пошел домой ужинать.

Больного завели внутрь садика.

Один из подростков включил настольную лампу. Зулейха увидела ряды маленьких кроватей, полки с игрушками и вспомнила детский сад, в котором работала.

Больной со стоном опустился на пол. Зулейха присела возле него и приложила свою ладонь к его лбу.

В тот же миг его «друзья» опрокинули девушку на пол, заломили ей руки, стали срывать с нее плащ, кофту... «Больной» взял какую-то куклу и заткнул ее головой рот девушки.

Зулейха отчаянно сопротивлялась, но юнцы были сильнее.

Освободив рот, она закричала:

— Мама-а!!!

Кукла, стоявшая на самом краю полки, качнулась и упала.

На черном небе вспыхнули, забесновались и погасли звезды.

Мрак.

...Когда она пришла в сознание, юнцов уже и след простыл.

* * *

Зулейха чуть не вскрикнула от неожиданности, увидев возле чакматашской столовой Сарию с маленьким ребенком на руках. Когда Сария «заголосовала», Зулейха даже пригнулась, чтобы подружка не заметила ее.

Якуб, не обращая внимания на голосующих, промчался мимо столовой.

Надо, надо было посадить Сарию! Сколько хорошего сделала она Зулейхе!

Но нет... Зулейхе не хотелось даже подружке показываться.

Зулейха слышала, что Сария развелась с Максом. Как-то даже собиралась навестить ее, но... не смогла заставить себя пойти к ней, подумала, что Лена рассказала Сарии «все» о Зулейхе.

После «Подснежника» Зулейха долго лежала в больнице. А потом ее вызвали в милицию. Оказывается, в тот день в детском комбинате «Подснежник» произошла кража. Искали вора. Следователь заподозрил Зулейху.

Нашли и тех юнцов, которые оказались сынками «отцов города». Подростков привлекли к делу в качестве свидетелей. Они «показали», что в тот день видели, как из детсада выбежала «вот эта тетя».

Зулейха, узнав про это, захохотала прямо в кабинете следователя. Хохотала истерично, хотя ей хотелось рыдать и рвать на себе волосы. Хохотала с каменным, сухим лицом, хотя сердце обливалось кровью. Хохотала, чтобы не рыдать...

Про событие в «Подснежнике» услышал и Марлен. Он позвал Зулейху в свой кабинет, погладил ее по голове, помолчал. Так ничего и не сказал. А после обеда снова вызвал ее к себе, предложил сесть. Вскоре в кабинет Марлена вошли подполковник милиции и тот самый следователь, который допрашивал Зулейху.

Марлен не ответил на приветствие вошедших и даже не предложил сесть.

— Если с головы этой девушки упадет хоть один волосок, — сурово обратился Марлен к представителям Фемиды, — пеняйте на себя и потом на меня не обижайтесь. А тех сопляков пусть судят. Я сам проконтролирую. Все. Идите.

...Вечером Зулейха пошла к Лене.

Подруги дома не было. Подождав немного, Зулейха вышла на улицу. От автобусной остановки к дому, где жила Лена, шел Роберт. Зулейха пошла навстречу: ей хотелось хоть с кем-нибудь поговорить в этом огромном, чужом городе. После «Подснежника» в нее вселилось какое-то равнодушие, апатия, казалось, что она потеряла способность смеяться, радоваться. Казалось, что ее собственная душа улетела куда-то в поднебесье, а вместо нее под сердцем притаилась другая, чужая душа.

Роберт узнал ее и деланно улыбнулся:

— О, кого вижу! Зулейха туташ! Только что о тебе думал, представляешь? Вот так встреча! — Он осторожно тронул ее за локоть.

Зулейха тоже улыбнулась:

— Не забыл, значит, и имя запомнил.

— Как можно, Зочка?! Разве тебя забудешь?

— Ты что, шел к Лене меня искать?

— Да... то есть... Эдик билеты купил на видеофильм, хотел с Леной пойти, да что-то не получилось у него. А билеты мне отдал, попросил Лену в кино сводить.

Девушка усмехнулась.

Роберт слегка растерялся, ощутив какую-то перемену в Зулейхе. Недавно стеснительная деревенская девчушка вела сейчас себя по-другому. Взгляд, движения, разговор, манера держать себя — все было другим.

— Тогда я могу тебя обрадовать. Ты избавлен от такой обязанности, потому что Лены нет дома.

— Да?.. Тогда пошли с тобой!

— Пошли!

* * *

Когда до деревни оставалось с полкилометра, Зулейха остановила машину.

— Хватит, останови, — сказала она Якубу. — Дальше пешком пойду.

— Почему? — удивился Якуб. — До деревни всего ничего осталось.

— Нет, нет, я отсюда пешком пойду, мне так удобнее.

Парень, кажется, не поверил Зулейхе, подумал, что у нее другое на уме. Тем более что машина остановилась у самого края леса, в укромном месте. От такой мысли Якубу стало жарко, он подвинулся к девушке и, стараясь унять сердцебиение, прошептал:

— Зулейха, ты можешь не деньгами заплатить...

Зулейха сунула ему обещанные деньги, добавила пятерку и сказала:

— Якуб, у столовой в Чакматаше женщина с маленьким ребенком стояла. Забери ее, пожалуйста, подбрось до деревни.

Она перекинула сумку через плечо и зашагала к деревне. Через несколько шагов обернулась к Якубу:

— Только, пожалуйста, не говори, что я попросила, ладно?

Разочарованный парень не смог скрыть досаду, буркнул недовольно:

— Скажу, так что?

Зулейха положила сумку на обочину дороги, подбежала к Якубу и поцеловала его в щеку:

— Сказала «не говори», значит, не скажешь.

Парень, почувствовав обжигающий поцелуй, привлек к себе правой рукой Зулейху, а левой рукой торопливо совал в карман брюк пятерки.

Не встретив сопротивления, Якуб «сграбастал» девушку обеими руками, впился ей в губы.

Зулейха отстранилась:

— Ну ладно, Якуб, хватит. Послушайся меня, ладно? Если хочешь, в Казани встретимся.

Она побежала по дороге, а ошалевший Якуб долго еще не мог нащупать ключ зажигания и завести машину...

Чем ближе к деревне, тем больше краснели щеки Зулейхи.

Возле самого села Зулейха остановилась, вынула из сумочки зеркало, попудрила пунцовые щеки. Но ее розовые — кровь с молоком — щеки не брала никакая пудра. Зулейха стерла носовым платком пудру, помассировала лицо ладонями...

Зулейха понимала, что ее щеки краснеют не столько от здоровья, сколько от стыда за свои поступки. Ей было стыдно перед аулом, перед родителями, Юсуфом. В городе она не знает, что такое стыд. Когда же это началось? С «Подснежника» или после второй встречи с Робертом?

...В тот день они с Робертом смотрели порнофильм. Зулейха смотрела «порнуху» отрешенно, без стеснения и без волнения.

Потом Роберт позвал ее к себе. Пошли.

Роберт не переставал удивляться перемене в поведении Зулейхи, но удивление свое старательно скрывал.

Да, эта девушка ему очень понравилась еще с первой встречи. Не то чтобы влюбился, но нравится, и все! Хотя он ее отнюдь не искал, не тосковал и т.д.

И вот сегодня упрямая, неуступчивая Зулейха запросто идет к нему домой. Ну и дела! Впрочем, может, она хитрит? Может, она по-прежнему упряма и недоступна?

Роберт был большим докой по части женских сердец, но тут он не мог объяснить «игру» Зулейхи.

Роберт усадил гостью на диван, а сам достал из бара коньяк, рюмки. Нарезал лимон, принес конфеты. Не стал тянуть с тостом.

— Ну, за встречу!

Он опрокинул рюмку, поморщился и потянулся к девушке, шутливо произнеся:

— Самая лучшая закуска — это девичьи губки!

Не встретив сопротивления, он молча стал ее целовать.

— Свет яркий, — шепнула девушка, наклонив голову.

Свет погас. Остался только ночник.

— Включи музыку, — потребовала Зулейха.

Заиграл магнитофон.

Роберта уже не удивляло поведение Зулейхи. Еще свежи были впечатления от эротического фильма, и Роберт снова стал целовать и ласкать девушку. Зулейха не оттолкнула его, не дала пощечину, но и не отвечала на ласки. В ней умерли все чувства, которые она берегла для «единственного».

Розовый туман плыл в девичьих глазах — серьезных, спокойных и холодных.

Что хочет от нее Роберт?.. Отчего он так яростен в ласке? Нет, он меня не посмеет изнасиловать. Ненавижу насилие! Это так отвратительно... Я сама... Я лучше сама...

Вот... вот... любуйся... вот мое тело — прекрасное, молодое, упругое, свежее, как парное молоко. Любуйся, смотри, только душу мою загубленную все равно тебе не увидеть.

Щелкнула застежка лифчика, растянутого лихорадочной мужской рукой, и девушка вздрогнула, напряглась.

— Прибавь музыку!

Чем дольше Роберт ласкал ее, тем больше ее охватывал страх. Пытаясь подавить этот страх, она сильнее прижалась к Роберту. Ей казалось, что так страх пройдет быстрее, наступит спасительный туман, колыхающийся в такт музыке, а потом туман взорвется пучком света...

Девушка закрыла глаза, желая увидеть этот пучок света.

Кассета закончилась, и магнитофон замолк. Квартира снова стала серой и холодной, наполнилась какой-то пустой тишиной. Песня оборвалась...

Наутро Роберт положил у изголовья девушки новенькую хрустящую пятидесятирублевку и ушел на работу.

Проснувшись, Зулейха оделась и долго теребила в руках купюру. Потом огляделась, словно боялась постороннего взгляда, и быстро сунула деньги в сумочку.

* * *

...Родителей дома не было: оказалось, что они уехали за дровами в лес. Сестренка Файруза, как обычно, лежала на кровати. Увидев апа, Файруза обрадовалась, села, цепляясь руками за спинку кровати.

— Ой, апа! Я знала, что ты приедешь! Сегодня во сне тебя видела, и маме об этом сказала. Мама не поверила, сказала, что ты на этой неделе не приедешь. А я говорю — приедет, и оказалась права! Мама не верила, а ты приехала, молодец! Приехала, приехала!..

Зулейха села на край кровати, обняла сестричку и сказала сквозь выступившие слезы:

— Ну конечно приехала, сестреночка моя, конечно. Вещий сон тебе приснился... А я тебе кое-что привезла. Сейчас... сейчас...

Вытирая слезы, Зулейха пошла в кухню распаковывать сумку. Она привезла Файрузе шикарные туфли марки «Адидас». Почти в каждый свой приезд Зулейха дарила сестренке что-нибудь из обуви. Файруза сама так пожелала: она все еще надеялась встать на ноги и щеголять модной обувью. Сестры этот уговор держали в тайне. Вот уже полгода как Зулейха привозит сестренке разную обувь. Мать сначала все охала: «Зачем ты тратишься, доченька?» Но постепенно и она привыкла к причуде дочери.

Новые туфли очень понравились Файрузе. Она прижала обновку к груди и гладила туфли, как гладят любимую куклу. Потом положила обувь на стул рядом с кроватью. До следующей обновки «Адидас» будут красоваться на этом стуле...

Вдоволь налюбовавшись туфельками, Файруза позвала сестру, потупила голову, словно не решаясь сразу сказать что-то секретное, и дрогнувшим от слез голосом протянула:

— Апа-а... Знаешь... а ты изменилась как-то... — Точно так же сказала ей Файруза вскоре после события в «Подснежнике». С тех пор в каждый приезд сестры Файруза повторяет эти слова, повторяет с какой-то полувиноватой интонацией, не требуя ответа, а словно что-то констатируя.

Зулейха обычно отшучивалась.

— Старею ведь, сестренка, вот и меняюсь поэтому, — говорила она, избегая взгляда Файрузы, и обнимала ее за плечи, гладила по голове...

Файруза — умница, знает, что не надо докучать сестре, и «меняет пластинку»:

— Знаешь, апа, я еще один сон позавчера видела. Как будто к маме каждый день прилетает красивая птица и поет песни. Красиво поет, так и заливаясь. У меня и сейчас в ушах эта песня звучит. Во-от... поет, поет, а потом плакать принимается. Долго плачет. Мама хочет поймать эту птицу, но та не дается и в конце концов улетает...

Зулейха успокаивает сестренку:

— Не расстраивайся, чего только не приснится человеку! Ты думаешь много, поэтому и сон у тебя беспокойный.

— Знаешь, апа... этот сон мне часто снится...

Сердце у Зулейхи защемило. Да, у Файрузы очень тонкая, пронизательная натура, ничего от нее не утаишь...

Зулейха вышла на крыльцо, постояла, вдыхая деревенский густой воздух. Потом зашла в сад, сорвала с яблони спелый плод, сунула его в карман. Сорвала гроздь рябины. Ягоды были неспелые, горькие...

Здесь ее дом, родной дом. Все здесь свое, до боли знакомое. Каждое мгновение, проведенное в родном доме, бальзамом ложится на изболевшуюся душу.

В углу сада притихла одноглазая банька. Сегодня мама обязательно затопит баню по случаю приезда дочки.

Раньше Зулейха боялась париться. А сейчас парится по два-три раза, хлещет себя веником до изнеможения, словно изгоняя из каждой клетки тела городские запахи...

Она вышла из сада и направилась к лапасу — хлеву. Из-под ног сиганули в разные стороны вездесущие куры.

Черно-белая телка лежала на полу лапаса, лениво жуя жвачку.

Увидев Зулейху, она попыталась встать, но не смогла.

Файруза уже рассказала, что эту телку весной купили у марийцев, а когда вели ее к себе на аркане в деревню, недоглядели, и в результате телка провалилась ногой в щель деревянного моста. Нога сломалась. «Если нога не заживет, придется резать телку», — сказала Файруза. Жалко.

Да, хлопотно с двумя телками, но жизнь вынуждает. С маминой нищенской пенсией да с небольшой зарплатой отца семью на ноги не поставит. Старших дочек замуж надо выдавать, Файрузу — к профессорам свозить... Сын к тому же из армии скоро вернется, жениться надумает... На все деньги нужны...

Зулейха прекрасно понимала положение семьи. Вот и сегодня привезла она с собой тысячу рублей. Привезти-то привезла, но как вручить родителям такую сумму? Что сказать?

... В прошлый приезд Зулейха взяла с собой пятьсот рублей, тоже думала-гадала, как их передать родителям. Потом вывалила купюры в грязи и завернула в тряпку. Маме сказала, что нашла сверток на дороге. Родители испугались: «Где нашла? Когда? Как?» И вот уже отец пошел по соседним селениям спрашивать, кто потерял пятьсот рублей. Хозяина, конечно, не нашлось. Так и лежит злополучный сверток в трехлитровой банке, дожидается «хозяина».

Зулейха присела возле телки. «Что, милая, болит нога-то? Потерпи уж, потерпи...»

Телка вздохнула, косясь на человека большими круглыми глазами.

Как же ты, бедняжка, не заметила щель на мосту, а? Небось сколько раз переходила этот мост, а тут на тебе... Ну да ладно, не обижайся. Я не ругаю тебя, просто так говорю. Ты же невинная, безобидная скотинка. Я тебя очень-очень понимаю... А вот меня не понимают, не жалеют. И никому не могу я сказать, что у меня на душе. Разве тебе только... Расскажу тебе, может, легче станет...

Хоть и болит у тебя нога, все же тебе в тысячу раз легче, чем мне. У тебя сломана нога, а у меня — душа. Чего вздыхаешь так?.. Думаешь, что можно привыкнуть и к душевной боли?

Что же, ты, наверное, права. Действительно, я уже начала привыкать... Привыкаю, потому что и мне хочется жить не хуже, а может, и лучше других. Хочется веселиться, красиво одеваться... Поняла?

А для этого нужно много денег. Почему, думаешь, тебя у маришцев купили? Потому что деньги на мою свадьбу нужны. А ты, растяпа, взяла и ногу сломала...

Жила бы себе у маришцев, забот не знала, и нога бы целой была... Что ж, видно, судьба такая... Чтобы успокоить себя, человек придумал много слов. Вот, например, «судьба»... Судьба, и точка, никуда не денешься. Хорошее оправдание, да? В случае чего ссылайся на нее, на судьбу. Согрешишь, споткнешься, ошибешься — тут же наготове «судьба»-спасительница.

Вот так, дорогая животинка... Ты уж не пеняй на судьбу, давай выздоравливай скорей, ладно?

Телка еще раз глубоко вздохнула. Из глаз ее текли слезы.

Не плачь, не плачь... Болит, конечно, но что поделаешь?.. Когда-то таких, как ты, запрягали в плуг и пахали землю. Ничего, терпели твои предки, не жаловались. И пахали, и дрова возили... Вот и сегодня родители мои поехали в лес за дровами. Не корову запрягли, конечно, а лошадь. Вас сейчас уже не запрягают... Вы же и мост перейти не можете, обязательно в щель угодите... Ну-ну, не обижайся. Шучу. Видишь, я еще шутить способна. Я и радоваться могу, а что? Хоть и тяжело мне... Вот увидишь, как обрадуются папа с мамой моему приезду!...

Дрова привезти — нелегкое дело. Бывало, и я с отцом по дрова в лес отправлялась. Нужно найти сухостой, распилить, погрузить на арбу. Потом украдкой — как бы лесник Иван не заметил! — везти дрова домой.

А дрова нужны. Дом натопить, баньку справить. А я люблю в бане париться. Изгоняю веником из тела все свои грехи. Из тела изгоняю, а из души — не могу. Для этого нужно кинуться в горящую топку. Впрочем, даже если сама сторишь, грехи все равно останутся, не поддадутся огню...

Вдруг откуда ни возьмись набросился на Зулейху молодой горластый петух и больно клюнул ее в ногу. Девушка вскрикнула и отпрыгнула в сторону. Забияка, хлопая крыльями, снова ринулся в атаку. Зулейха схватила из поленицы толстую увесистую щепу и швырнула в петуха. Щепа попала как раз в голову драчуну, петух зашелся последним криком и, пробежав несколько шагов, упал бездыханным.

В этот момент ворота вздрогнули от удара, раскрылись, и во двор забежала лошадь с телегой, полной дров.

Зулейха, забыв о петухе, выбежала на улицу. Родителей не было. Девушка испугалась: «О Господи, где папа с мамой? Неужели эта норовистая кобыла оставила родителей в лесу?»

Улица была пустынной — некого позвать на помощь. Зулейха с трудом развязала веревки, которыми крепились дрова. Разгрузив телегу, она взяла в руки вожжи, развернула лошадь. Кобыла, почувствовав слабую и неопытную руку, рванулась галопом. Девушка едва успела вскочить и вцепиться руками в край телеги. Лошадь помчалась на другой конец деревни. Зулейха закрыла в страхе глаза. Вдруг арба резко остановилась, и девушка чуть не выпала из телеги. Открыв глаза, Зулейха увидела Юсуфа, держащего лошадь за узду.

— Что случилось? — спросил он.

— С мамой и папой несчастье... Из леса не вернулись...

Юсуф запрыгнул на телегу:

— Останься, я сам поеду!

— Нет-нет, я с тобой!

Парень сильно натянул вожжу, так что морда лошади ткнулась в оглоблю. Кобыла гневно всхрапнула, бросилась было опять галопом, но, почувствовав крепкие мужские руки, уняла свой нор, перешла на ровный бег.

Зулейха обеими руками ухватилась за Юсуфа.

Выехали за село, Юсуф закричал, силясь перебить грохот трясущейся на ухабах арбы:

— Ты не бойся! Эта бешеная лошадь не раз уже оставляла седоков в лесу. Как почувствует, что вожжи ослабли, так со всех копыт в деревню мчится!

— Да, да!.. — крикнула ему в ответ девушка. Джигит, видимо, не мог скрыть радости и гордости от того, что помог Зулейхе и в два счета укротил норовистую кобылу. От робости не осталось и следа.

— Когда свадьбу сыграем, Зулейха?

— Сыграем, сыграем...

— Давай после уборки картофеля!

— Давай, давай...

— А может, не будем тянуть?

— Не будем, не будем, — кричала в ответ девушка, думавшая в этот момент только о родителях.

Джигит от радости еще раз «наподал» кобыле вожжой.

— А ресторан выбрала уже? В котором свадьбу сыграем?

— В деревне!

— В деревне?! — удивился парень, забыв на минуту о лошади.

Кобыла остановилась, свесив морду до земли.

— Да, да. Чего растерялся? Ну давай, Юсуф, поехали быстрее. Не время о свадьбе говорить!

Вожжи снова «проехали» по крупу своенравной кобылы.

Впереди на дороге показались родители Зулейхи — Галиулла абзый и Галима апа.

Юсуф, обрадовавшись, что его догадка подтвердилась, крикнул:

— Я же говорил, что эта проклятая кобыла убежала от них!

— Уф, слава Аллаху!

— Зулейха, давай договорим. Почему в деревне? Я же...

Зулейха вспылила:

— Нашел время о свадьбе толковать!

Юсуф немного помолчал и спросил:

— У тебя настроение плохое, да?

Девушка, увидев родителей живыми-здоровыми, вспомнила о злосчастном петухе:

— Давеча петуха случайно насмерть зашибла.

— Вон как... — протянул парень, словно разделяя ее «горе».

Конечно, дело было не в петухе. Наступило время дать ответ Юсуфу. А что она может сказать? Что она согласна? А потом? Ну, скажем, потом туй — свадьба... А если она откажет?.. Конечно, она скажет «нет». Ясно же, что замуж она не выйдет. Но как это ему сказать?

А Марлен? Ведь он до сих пор нуждается в помощи Зулейхи... А ей, в свою очередь, нужна помощь Марлена. Очень нужна!

Недавно из деревни послали к Зулейхе соседскую девушку Ляйсан с просьбой устроить ее на работу. Зулейха сначала была против того, чтобы Ляйсан покинула деревню, но мать девушки сказала:

— Просьба соседа — святая просьба. Прими ее, доченька, устрой, помоги.

С помощью Марлена Зулейха устроила соседку в общежитие, нашла ей хорошую работу.

Вскоре и другие сельские девчата стали посматривать в сторону города. И каждой из них Зулейха помогала, используя влияние и авторитет Марлена. Пусть отныне никто из деревенских девчонок не повторит горькую судьбу Зулейхи! Не дай бог им увидеть и пережить то, что выпало на долю Зулейхи!

Хлопоты и заботы о судьбе девчат стали своего рода единственным утешением, единственным оправданием для Зулейхи. Вообще Зулейха не могла понять — то ли она старалась быть похожей на Лену, то ли просто находила для себя утешение, оказывая покровительство наивным девчушкам из аула.

...Лена уехала из Казани. Обменяла квартиру на жил-площадь где-то на Украине.

В последнее время отношения Зулейхи с Леной испортились.

Началось с того, что на следующий день после встречи Зулейхи с Робертом позвонила Лена и позвала подружку к себе. После работы Зулейха пошла к Лене. Как только дверь открылась, Зулейха получила от Лены оглушительную пощечину.

Изумленная Зулейха отпрянула, увертываясь от второй оплеухи, и вскрикнула:

— Что с тобой, Лена? За что?

Глаза Лены горели гневом, губы сжаты, голос грубый:

— За что?! Как будто не знаешь?

Зулейха начала догадываться и сказала в оправданье:

— Но ведь Роберт не твой парень!

— Да катись он ко всем чертям! А ты!.. А сама-то!.. Кто ты сейчас? Потаскуха! Проститутка!

Зулейха задрожала как осиновый лист, закрыла лицо руками, расплакалась.

Лена растерялась, обняла подругу и тоже заплакала:

— Ну, ну... не плачь...

...Они плакали, сидя на кровати, плакали долго, не стесняясь.

Успокоившись, Лена выпила воды из крана, под села к подруге:

— Знаешь, Зочка, за что я тебя любила? Не знаешь... Любила за то, что ты не такая, как я... Я тоже зарабатывала таким способом деньги. Сначала вынуждена была, потом втянулась, не могла остановиться. Деньги, деньги... Их нужно было все больше и больше... Все, хватит. Теперь завязываю. Денег достаточно. Брошу все, уеду далеко, очень далеко, рожу ребеночка и всю жизнь ему посвящу... Ты не обижайся, что я так, напрямик тебе сказала, без обиняков... Ведь мы с тобой сейчас коллеги...

Сначала я и завидовала твоей честности, и злилась из-за этого. Испытывала тебя. Роберта притащила. Ты устояла. Я восхитилась тобой, полюбила еще сильнее. Себя, сучку, ругала, а тебя старалась уберечь... И вот ты... В общем, все кончилось...

Зулейха вдруг перестала плакать, встала, поправила свои растрепавшиеся волосы и неожиданно зло крикнула:

— Не болтай чепухи, подруженька, ясно?

Лена в изумлении округлила глаза:

— Как это?

Зулейха одевалась, гневно раздувая ноздри. В прихожей она обернулась и отчеканила:

— Себя знай, а других не проверяй! На своих делах я еще ни разу не попадалась, поняла? Кто видел? А ты о себе сама все рассказала. Ты — проститутка! Ты — шлюха! Ясно? А в мою жизнь не встревай! У меня нет ничего общего с потаскухами!

И она ушла, хлопнув дверью. Долго ходила по улицам. Ей было теперь горько, стыдно. Господи, теперь все узнают, что она — проститутка! До Лены уже дошло! Если и до деревни дойдет?

В душе снова поднялась злость на Лену. Зулейха понимала, что злость эта беспричинна, но ничего не могла поделать. Ведь Лена долгое время была ее помощницей, советчицей, никогда не причиняла ей зла, словом, была как апа — старшая сестра... Ну и что? Подумаешь! Не нужны мне советы и помощь! Лена узнала все про нее! Все!!! Не думала Зулейха, что так скоро обнажатся грехи ее...

...Теперь Зулейха не любит вспоминать о том разговоре с Леной. Все прошло. Кончено. Да и Лена укатила из Казани...

Да, на этом свете дважды не рождаются...

* * *

Родители постарели. С каждым приездом замечала Зулейха, как прибавлялись морщины на их лицах. Поживешь два-три дня в деревне, привыкнешь и к новым родительским морщинам, а через месяц приедешь — глянь, снова густеет паутинка лучей старости.

...Зулейха работала по дому до позднего вечера не покладая рук. Перестирала горы белья, побелила печь, до блеска вымыла полы. Работа была ей в радость.

Затопив баню, Зулейха вымыла сначала сестренку, потом залезла на полочку и вволю попарилась, не жалея пара.

После бани стало легко и приятно, хотя давала о себе знать усталость и физическое ощущение чего-то нехорошего.

Стемнело. В доме готовились ко сну.

Зулейха отдыхала после бани, стараясь унять учащенное сердцебиение (от жаркой ли бани оно или от чего-то другого?). Девушка словно чего-то ждала. Чего?.. Она старалась об этом не думать.

За окном послышался оглушительный свист.

Отец, вышедший на крыльцо покурить, сообщил Зулейхе:

— Тебя...

«Ого, как осмелел этот джигит», — усмехнулась про себя Зулейха.

Она вышла.

Юсуф звал ее в клуб. Пошли. В клуб не зашли. Присели на скамейку возле соседнего с клубом дома. Хоть и хватило Юсуфу смелости свистеть у окна любимой, но сейчас он снова заробел. Или думает, с чего разговор начать?

Молчит джигит.

Если раньше Зулейху брала досада на молчаливого «теленка» Юсуфа, то сейчас она была этому только рада. Ей и самой не хотелось говорить. Вот так и сидеть бы молча до самых петухов... Вон звезды тоже молчат, мерцают, словно подмигивают...

Далеко, ох далеко до звезд! Если бы сейчас одна из этих звезд взяла Зулейху к себе!..

Впрочем, звезда Зулейхи погасла уже тогда...

Да, ее звезда погасла. На небе нет звезды Зулейхи...

Только бы Юсуф опять не заговорил о женитьбе. Не надо этого...

А с другой стороны... О, как ей хорошо в робких объятиях Юсуфа!.. Она словно растворяется в нем... Боже, ведь это он — звезда Зулейхи! Земная ее звезда...

Нет, звезда Зулейхи не погасла!

Зулейха чувствовала, что душа ее вливается в душу Юсуфа. Пусть. Да будет так! Юсуф — надежный джигит, верная опора...

Он никогда не узнает о грешном прошлом Зулейхи. Она выйдет за него замуж, нарожает детей. Они заживут счастливо.

Грехи? Да плевала она на них! Она знает девиц с таким же сомнительным прошлым, которые со временем повыходили замуж за отменных парней и живут себе припеваючи... Чем Зулейха хуже их?..

Девушка потянулась губами к Юсуфу.

— «Юсуф, мы будем счастливы!» — «Что с ней? Не слышал, чтобы девушки целовались первыми... Хе, все равно хорошо...» — «Ты будешь моим единственным. Верь мне! Гулявшая раньше девушка, выйдя замуж, становится преданной, как собака. Я слышала про это...»

— «Давай быстрее поженимся».

«Я буду тебе преданной женой! Буду любить, растить детей, похожих на тебя!»

«Зулейха, ты не обращай внимания на то, что надо мной в ауле смеются. Ты уже который год в городе живешь, а я до сих пор деревенщина. Но ты не бойся, за меня краснеть не будешь. В городе я тоже стану другим».

— Зулейха, ты в этот раз долго не приезжала.

— Это чтобы больше по тебе соскучиться.

— Зулейха, ты не сердись на меня за то, что я такой... нерешительный, что ли... ну, словом, мямля?..

— Хм... мямля не станет так свистеть под окном.

— Может, не надо было свистеть?

— Да нет, почему... ничего особенного...

— Зулейха, я ведь тоже давно в город подался бы. Сама знаешь... мама... А сейчас мне можно уехать...

— Что?.. В город?..

Девушка выскользнула из его объятий и пристально взглянула в лицо Юсуфу.

— А что? Чем я хуже других?.. Дом продам. Мамин брат в Казани обещает помочь с кооперативной квартирой.

— Ты хочешь уехать в Казань?!

— Отчего ты так заволновалась? Не беспокойся, мы сразу поженимся. А на первых порах будем жить у дяди, он согласен. Тем более они своим домом живут. У них хорошо... Ты расстроена? Почему? Я ведь знаю, тебе не хочется в деревню возвращаться.

Девушка молчала.

— Зулейха, послушай, — продолжал Юсуф. — У меня есть одна тайна, которую даже ты не знаешь. Вообще-то никакая это не тайна... так... Словом, раз мы решили связать судьбу друг с другом, у нас никаких секретов быть не должно. Когда мама слегла, меня стали уговаривать жениться. И мама, и дядя, который в городе. Мама говорила: «Долго не протяну, хочу, чтобы в последние дни я была окружена заботой невестки. Обузой ей я не буду, сынок. Женись, не тяни. Женись, пока я жива». Я думал только о тебе. А ты пожелала сыграть свадьбу в городе, в ресторане. Я работал как вол, недосыпал, недоедал, копил деньги. В это время за меня начали сватать девушку из соседнего села. Я даже ходил на встречу с ней... Один раз... А о тебе... о тебе... Ну, говорили разное... Что у тебя парень в Казани...

Зулейха встрепенулась:

— Парень?!

— Да, Зулейха... что парни у тебя...

Зулейха вскочила как ужаленная:

— Парни?! Ты что, позвал меня, чтобы сплетни передать? М-м... Ненавижу! Всех вас ненавижу!..

Да, да, есть у меня парни, есть!

Она закрыла руками лицо и кинулась прочь.

Юсуф побежал за ней.

— Зулейха! Подожди! Подожди, говорю!

У самого своего дома девушка споткнулась обо что-то и упала навзничь. Юсуф поднял ее на руки, прижал к груди.

— Зулейха, я ведь... Я же недоговорил. Никому и ничему я не верю. И тогда не поверил. Честное слово! Биллахи! Они специально слухи распускали, чтобы я от тебя отказался...

Но Зулейха не успокаивалась. Она металась на его руках, отталкивала его, стонала.

Юсуф опустил ее на землю.

— Уйди! Уйди! — еще раз яростно крикнула она, подбежала к своему дому, открыла ворота...

Обессиленная, она прислонилась к прохладному столбу ворот.

Дома еще не спали. В окнах горел свет.

— Что со мной? — думала она, постепенно успокаиваясь. — Почему я так обиделась на Юсуфа?.. Ведь он ни в чем не виноват. Он же правду сказал. Хотя, кроме этих слухов, он ничего не знает...

Нет! Нет! Нет! Отстаньте от меня! Не учите меня уму-разуму!.. И так голова кругом идет... Я от самой себя устала! По горло! Хватит!

Господи, что делать? Что предпринять? Может, догнать Юсуфа? Объясниться?.. Нет, нет, пусть первым придет сам!..

Противоречивые чувства захлестнули ее. Постепенно стало побеждать чувство самосохранения. Никто не должен и не имеет права знать о ее грехах!.. Она даже с Леной из-за этого разругалась. И Сарию на дороге оставила... Да, она была беспощадна к тем, кто владел ее «тайной»...

...На следующий день утром Зулейха вместе с увязавшейся за ней молодой Гулькай собралась в Казань. Гулькай тоже надеялась на помощь и протекцию Зулейхи.

До автобусной станции поехали на грузовике, груженном бидонами с молоком.

Очередь в кассу была небольшой.

Зулейха раскрыла сумочку, чтобы достать деньги. На дне сумочки лежал сверток с тысячько рублями, которые Зулейха так и не решилась отдать родителям, а поверх свертка лежала двадцатипятирублевая бумажка. Опять мама украдкой сунула — видно, за привезенные Файрузе туфли...

В то утро Юсуф тоже встал рано, долго заводил свою колымагу, а потом поехал к дому Галиуллы абзый, полный решимости увезти Зулейху к себе. От Галимы апа он узнал, что Зулейха с подругой уехали совсем недавно.

Убирая постель Зулейхи, Галима апа обнаружила мокрую от слез подушку и встревожилась.

Увидев Юсуфа, старая мать обрадовалась:

— Поезжай, ты еще успеешь догнать их. Они на молоковозе уехали.

Драндулет Юсуфа не ожидал, наверное, от самого себя такой прыти. Он мчался, трясясь, громыхая, готовый вот-вот развалиться, рассыпаться. Натужно, возмущенно выл дряхленький мотор.

На полном ходу въехав на мост через речку Пэри, машина вдруг потеряла управление, резко вильнула и рухнула в воду...

Если бы в машине сидел пассажир, он, конечно, услышал бы последний душераздирающий вопль Юсуфа: «Зу-лей-ха-а!!!» Услышал бы, но никому не смог об этом рассказать.

Жестокосердная судьба навеки разлучила Юсуфа и Зулейху...

Перевод Фаяза Фаизова

ЗАКАЛКА

Сколько колес у этого поезда? А вагонов сколько? Скажем, на один вагон по восемь колес... Однообразно постукивающий на рельсах поезд внезапно дернулся, сбавил ход и протяжно загудел.

Карахмет, надеясь разглядеть станцию, приник к окну. Темно. Лишь где-то там вдалеке едва угадываются тусклые точки огней.

И что он так медленно ползет, этот поезд?

Хочется выпрыгнуть, обогнать его и бежать вперед. Быстрее, быстрее, ну быстрее же!

Впрочем, поезд, можешь не торопиться! Вот так размеренно ползи себе полтора года, и ни днем дольше.

Карахмет хотел спросить у Панасенко, дремлющего рядом: «Как, по-твоему, поезду лучше ехать быстрее или ползти потихоньку?» Толкнул Панасенко плечом. Тот не отозвался. Положив фуражку на колени, запрокинув голову, он дремал; наверно, ему снилось, что стал ефрейтором, иначе бы проснулся, спит он чутко.

Карахмет попробовал окликнуть Дроздова, вытянувшегося на лавке напротив:

— Дрозд! Сколько колес у этого состава?

Дроздов и усом не повел. И этот спит. Спит крепко, сладко, видит, наверное, свою Наташку, оставшуюся на Украине.

И Сало, как назло, где-то ходит. Его слышно аж на другом конце вагона. Наверное, все еще обучает новобранцев азбуке армейской жизни. «Бу-бу-бу», — бубнит и бубнит. Временами громко хохочет.

Карахмет невольно улыбнулся. До сих пор он не видел и не слышал, чтобы Сало смеялся. Надо же, Сало тоже умеет смеяться!..

Колеса перестукиваются. Вот бы знать их язык! Они же по-своему тоже о чем-то говорят!

Сколько же колес у этого поезда?

«Пу-у-у! Пу-у-у!» — еще раз крикнул поезд.

В вагоне стоял монотонный говор. «Говорите, говорите, — думал Карахмет. — Наслаждайтесь «гражданкой», пока еще есть время...»

Они везут из Москвы в Минск двести десять новобранцев. Еще недавно они сами были такими же. Хоть и прошло-то всего полгода, а ведь все-таки прошло!

* * *

Джигит по имени Карахмет жил в деревне за Казанью. В один из плаксивых весенних дней его провожали в армию.

Накануне, перед дорогой созвали народ на проводы. Уже за неделю до проводов парень перестал ходить на колхозные работы: все «лежал на печи», лакомился мамиными лепешками, пирогами, губадией, треугольниками, перемячами. В лес сходил, попрощался со знакомыми лосями и зайцами.

Вечеринка получилась с размахом, вся деревня с удовольствием ела, пила и гуляла.

В деревне Алан, расположенной посреди леса, всего семь домов, из призывников был один только Карахмет. Его одногодки — три девушки; из них двое после средней школы, которая находится в соседней деревне, укатили в город. Третья — Назира, девушка с кривоватыми ногами, не захотела

уезжать из дома, решив, что в тысячу раз лучше жить в деревне, нежели всю жизнь дышать городской сажей. Назира и помогала матери Карахмета готовить угощение.

Мусагит, приходящийся Карахмету зятем, в эти «горячие» дни не ходил, а носился, высекая искры из-под ног. Находил одно, доставал другое — очень старался зять, чтобы проводы получились достойными.

Покрасил забор и ворота, вычистил хлев, сколотил из сосновых досок длинный стол и поставил посреди большой комнаты. В том, что проводы Карахмета стали событием в жизни Алана, — большая заслуга Мусагита. За три дня до вечеринки он прошелся по всем дворам и пригласил в гости всех односельчан от мала до велика.

Не ходивший никуда, кроме школы в соседнее Камышево, не отходивший от матери и на пядь земли его братишка Карахмет призывается в армию. Вот дела! Как говорит старушка Хупджамал: куда попадет этот ребенок и что свалится на его голову?

Ах эта старушка Хупджамал! Могла бы и придержать язык в такой момент. Так нет, язык ей не подчиняется. Она во всех подробностях докладывает жителям Алана о событиях на земном шаре, в Казани, в соседней деревне. Ну и, как говорится, по работе почет, и дали ей прозвище Корреспондент ТАСС или на языке сельчан — ТАСС Хабарчесе.

Когда Карахмету вручили повестку, ТАСС Хабарчесе принялась бить тревогу: «Говорят, татар прямиком увозят в Афганистан! Эти — мусульмане, те — мусульмане, поэтому призывают татар, — так говорят. Очень опасно в Афганистане, говорят. Живым-здоровым редко кто возвращается, говорят. А кто возвращается, на всю жизнь инвалидом остается, говорят».

Наверно, дьявол плюнул старухе на язык, не на шутку растревожила она души односельчан. Вот и зови ее взрослым человеком...

Эти слова дошли и до Карахмета. Парень только посмеялся, чего только ТаСС Хабарчесе не наговорит!..

В самый разгар вечеринки, когда гости задорно отплясывали во дворе, Назира, дернув Карахмета за полу рубашки, отозвала его в сторону и увела за баню. Ничего не объясняя, она прижалась к нему своим упругим полным телом, крепко поцеловала в губы и, вложив в ладонь парня вышитый платочек, побежала обратно в сторону дома.

Откуда появился этот жар? Может быть, из натопленной сегодня и не успевшей еще остыть бани, или тело девушки было наэлектризовано, но жар прошел сквозь грудь юноши, согрев до ног, до самых кончиков пальцев, до щек и ушей. Он бы поверил, если бы ему сказали, что завтра наступит конец света, но никогда бы не поверил, если бы ему сказали, что Назира его когда-нибудь обнимет и поцелует. Так значит, значит, вот какие желания в глубине души у его одноклассницы, вот какими надеждами живет эта упругая длинноволосая с красивым лицом и кривоватыми ногами девушка!

И не только это! До сегодняшнего дня, до этого самого мгновения Карахмет ни разу не был так близок с женским полом, не ощущал горячего девичьего дыхания.

Юноше захотелось сейчас же найти Назиру, уйти от этого шума, от этих людей, уйти с ней в лес и, откровенничая, блуждать с этой девушкой среди берез до рассвета.

На губах Карахмета остался жар девушки, остался соленый привкус.

Когда он начнет служить в армии, придется пережить многое: его будут бить по лицу, его губы будут разбиты в кровь. И все же этот соленый привкус, огонь Назиры не погаснет, не покинет его губ... Во время военных учений в далекой Белоруссии, когда танки и БТРы, а также другая военная техника безостановочно по десять — пятнадцать километров будут проходить по раскоруженной пыльной дороге, его губы пересохнут, растрескаются, но сохранят привкус, оставленный девушкой по имени Назира, живущей в маленькой деревеньке недалеко от Казани...

Наверное, больше всех радовался тому, что Карахмета забирают в армию, его двоюродный братишка Юсуф. Он бегал туда-сюда, основательно выполнял любое поручение матери Карахмета — своей тетушки. Мальчишка прямо летал от радости. Конечно, ведь его брата забирают в армию! Скоро он будет получать от него письма. А потом Карахмет пришлет ему свою фотографию, на которой будет снят в форме и с автоматом в руках. В их деревеньке ни у кого нет такого брата! Но завтра, когда его брата, побрив наголо лезвием косы, будут провожать, ему тоже станет грустно, ох как тоскливо ему станет. Только Юсуф не плакса какой-нибудь, он не раскиснет, не подаст вида.

Наблюдая, как краем платочка утирает слезы его тетушка, как наполняются слезами глаза взрослых односельчан, он постарается сдержать свои слезы и быстренько заберется на забор, чтобы не присоединиться к плачущим. Больше всего его беспокоит, как бы, глядя на провожающих, не заплакал сам Карахмет. Если заплачет — конец! Юсуфу не будет покоя! «Зря ты хвалишься своим братом, он рыдал, когда его в армию забирали», — будут дразнить его деревенские мальчишки.

Юсуф, стоя на заборе, громко откашлялся, прочистил горло и, глядя на брата, пропел куплеты:

На плетень взлетел петух,

Баю-баюшки-баю.
Принесли ему повестку:
Призывают в армию.
Петушку — пора идти,
Клушка встала на пути:
«Без тебя на сеновале
Мне яичко не снести».
Отъезжает старый лапоть —
Грустно Пете-петуху.
Клушка залилась слезами,
Прислонилась к лопуху.

Назира, стоявшая за матерью Карахмета, прислонившись к столбу, кажется, почувствовала себя курицей из пропетых куплетов: лицо ее покраснело словно кумач, мочки ушей порозовели и начали гореть, длинные черные ресницы опустились. Провожающие начали смеяться над выходкой Юсуфа.

В своих частушках мальчишка-проказник высказал все слова, которые были на душе у Назиры. В это мгновение девушке захотелось по-настоящему стать курицей, а Карахмет стал бы петухом. Если бы было так! Эх, запела бы девушка протяжно, на всю деревню, на весь лес громко бы закудаhtала!.. «Не уезжай, Карахмет, ну не уезжай же, Карахмет!», — крикнула бы она. Но она не может крикнуть. Она не курица, Карахмет — не петух...

Карахмет, у которого глаза уже застлала слезы, от души посмеялся над куплетами озорного братишки, запрыгнул в кабину поджидавшего его трактора. Если смотреть со стороны, этот трактор действительно напоминал лапоть.

Вот так и уехал на военную службу из деревеньки, которая находится недалеко от Казани, джигит по имени Карахмет.

* * *

В тот же день собрались в городе Белая Церковь, что на Украине, родные и близкие Ивана Панасенко на проводы его в армию. Многие девушки плакали, прощаясь с Иваном. Многие брали с этого гуляки-парня обещание, что он будет им часто писать письма.

У его матери глаза потускнели от слез. Среди трех девочек рос единственный мальчик Ваня. Он был очень ласковый. Рос под защитой матери, под присмотром сестер.

Окончив восемь классов, поступил в училище, но ему не понравилось там — бросил.

Потом устроил его отец к себе на завод, временно, пока в армию не призовут. Вот это юноше пришлось по душе. Теперь у него были свои деньги на подарки любимой девушке, многочисленным подругам.

На самом верхнем этаже многоэтажного дома всю ночь горел свет. Здесь разговоры шли о сидящем в центре стола симпатичном коротко подстриженном юноше.

Младший брат отца, шахтер дядя Гена, приехавший на проводы, слегка захмелев, обнял племянника и принялся рассказывать о своих приключениях в армии.

«Стремись получить звание», — советовал он.

А матушка, выходя на кухню, чтобы принести что-либо, скорее возвращается и смотрит, смотрит на сыночка. Ставит ближе к нему какое-либо лакомство, проходя мимо, гладит по волосам, по плечу.

Отец не демонстрировал своих чувств. Но было видно: ему тоже нелегко расставаться с сыном. И все-таки гордость за сына сегодня берет верх над всеми другими чувствами. Его сын завтра отправляется на службу в армию. Его родное дитя с автоматом в руках или в грозном танке будет охранять Родину. И не простым солдатом видит Ваню отец, а представляет сына в генеральском мундире.

Очень хочется Ваниному отцу рассказать об этом своему братишке-шахтеру, всем присутствующим гостям, хочется выйти на балкон и громко крикнуть, разбудив уже уснувший город.

Заметив, что изрядно повеселевшие гости сменили тему разговора и перешли на обсуждение сплетен, мать призывника не выдержала и, подойдя к столу, бросила на гостей красноречивый взгляд: «Вы что, сюда сплетничать пришли? Почему вы не говорите о моем Ванечке?»

Затем смущенно кашлянула и заговорила:

— Ванечке было около четырех лет, когда пропадавшая целую неделю кошка вернулась с тремя котятами. Мы тогда были очень удивлены. Каждому котенку он дал имя, сам следил за ними, кормил, спать с собой укладывал. Постоянно возился с ними.

Как-то возвращаемся с отцом домой, а Ваню мы с сестрами оставили, так вот девочки в зале у зеркала стоят, глазки красят, а Вани нет. И котят не видно. Мы опешили. Нашли потом. Он вместе с котятами заперся в ванной комнате. Всех троих опустил в ванну и поливает их холодной водой. «Сынок, что это ты делаешь?» — спрашиваем. «Закаляю. Им ведь нужно будет в армию идти, пусть

закаляются», — отвечает он мне. И тут я вспомнила: в прошлое воскресенье по телевизору мы смотрели передачу «Служу Советскому Союзу!». Вот там-то он и увидел купавшихся солдат.

Гости громко смеялись. А пуще всех заливался сам Ваня.

* * *

В этот же день из Белоруссии, из деревеньки вблизи Гомеля, был призван в армию еще один парень — Валерий Дроздов.

Валера проводы не устраивал.

«Давай соберем твоих друзей», — предложила ему мать. Валера только рукой махнул. До сих пор в их семье ни один праздник не удавался. И во всем виноват отец-пьяница. Если выпьет, все на свете забывает, пристаёт ко всем, кто на глаза попадает, бьет посуду, матерится, а затем начинает рыдать.

«Мы люди военных лет! Мы пережили войну! Мы, хоть и жили под ногтем у фашистов, не поддавались. Да и после победы мы не катались как сыр в масле. Нас обвиняли в том, что мы жили в тылу врага, позорили; были мы голодные, были мы холодные, но терпели, не поступились совестью! Сейчас жизнь хороша! Я сейчас должен наслаждаться жизнью, для меня сейчас каждый день должен быть праздником», — перед кем-то оправдываясь, рыдал Дроздов-старший.

Валера дружил с девушкой по имени Наташа, жившей на той же улице. Ближе к вечеру, попросив мать организовать чай, он оделся и вышел на улицу. Пьяного отца не было дома.

Вместе с Наташей обошли всех друзей и знакомых, потом долго бродили по улице и вернулись домой. Юноша думал, что в этот-то день отец протрезвеет. Только тот уже давно вернулся домой и сидел за столом и выпивал. Валера не сказал ни слова, взял Наташу за руку и опять ушел на улицу. Так и бродили до рассвета.

Валера вернулся домой, когда рассвело. Отец, видно, хорошо отметил проводы сына. Дом перевернут вверх дном, по полу разбросаны осколки посуды, шторы сорваны с карнизов. А сам отец, похрапывая, спит посреди комнаты на полу.

Валера постоял, посмотрел на это зрелище и, расстроенный, вышел из дома.

В ворота входила мать. Они обнялись и долго-долго так стояли. Затем парень закинул за плечо рюкзак и пошел. Он не хотел, чтобы мать его провожала.

Мать вроде бы согласилась с желанием сына, но, как только он скрылся за воротами, быстренько собралась и побежала к клубу. Призывники расположились в кузове грузовика, который уже отъезжал. Запыхавшаяся женщина подняла руку, останавливая машину...

Мать и сын снова сидели рядом. Валера еще раз посмотрел издали на родной дом, помаhal платочком Наташке, стоящей вместе с другими провожающими около клуба.

Машина поехала быстрее... Наташа скрылась из виду, деревня осталась позади...

* * *

«Так-ток», — стучат колеса вагона. «Сколько же у него колес?» — думает Карахмет. И укоряет себя: «Тебе что, больше не о чем думать? Хватит ерундой заниматься!..»

Новобранцы на противоположном конце вагона все еще не спят. Нет-нет да слышатся из купе проводника звуки любви.

Проводник оставил свое купе старшему лейтенанту Швалюку, а сам ушел в другой вагон. В купе Швалюк не один, а с буфетчицей его бригады Серафимой.

Серафима, воспользовавшись тем, что есть попутчики, решила «проветриться», съездить в Москву. Сейчас с этими же попутчиками она едет обратно.

«И чего это пацаны не спят?» — подумал Карахмет. — Ладно, через неделю службы мечтать будете о сне. Это сейчас вы его не цените».

Самому Карахмету уже не хочется спать всякий раз, когда голова к чему-нибудь прислонена. Наиболее трудные времена службы остались позади. Хорошие ли, плохие, но у него уже много воспоминаний из армейской жизни.

* * *

Первые дни он помнит очень отчетливо... Мальчишки, чувствовавшие себя в поезде настоящими солдатами, испытывавшие гордость, пройдя через КПП, вступив на территорию бригады, неожиданно притихли. Прекратилось веселье, они уже не смеялись, указывая на ту или иную бритую голову.

Дежуривший на КПП солдат, открыв ворота, громко спросил у идущих неровными рядами новобранцев:

— Хабаровские есть? Кто из Хабаровска?

Ему никто не ответил. Он повторил свой вопрос еще раз и, убедившись, что среди новобранцев нет его земляков, рассмеялся им вслед:

— Лысое войско!

Через некоторое время Карахмет оглянулся. Встречавший их рядовой, стоявший подбоченившись, вдруг вытянулся в струнку перед сержантом с такой же красной повязкой на левой руке. Карахмет наклонил голову и, толкнув локтем шагавшего рядом Дроздова, кивнул назад. Дроздов оглянулся — рядовой, взяв метлу, старательно мел территорию около КПП.

Мечтавшие до сих пор о солдатской форме мальчишки хоть и улыбнулись, увидев подметающего асфальт рядового, только что обозвавшего их, но опустили головы. Они старались представить себе, что кроется за солдатской формой и автоматом, какая жизнь, какая служба ожидает их, и внезапно дурное предчувствие наполнило ребячьи души.

Их прямоком повели в баню. Старший лейтенант Швалюк, доставивший новобранцев сюда из минского сборного пункта, приказал всем выстроиться в одну шеренгу.

Толкаясь и путаясь, мальчишки наконец-то выстроились в одну шеренгу. И когда самый последний нашел свое место, старший лейтенант заговорил:

— Для помывки в бане вам было отпущено сорок минут. Десять минут из них пролетело. Мы и так уже опоздали. Ровно в два вас ждут на плацу. А теперь — направо! В баню марш!

Мальчишки ринулись к двери. На то, чтобы попасть в баню, ушло еще десять минут. Некоторые из ребят, суетящихся, как стадо баранов, едва успели, встав под душ, смочить голову, как раздалась команда: «Взять солдатское обмундирование!»

Карахмет схватил в охапку новую одежду и, отойдя в сторонку, начал торопливо одеваться. Ему показалось, что голенища сапог высоковаты.

Бригадир Ахматжан абзый надевал свои хромовые сапоги, собирая голенища в складки, как у гармони. Карахмет, вспомнив это, опустил голенища. Получилось красиво. Но тут мимо него прошел солдат, ткнул его и сказал:

— Поправь сапоги. Если командиры увидят...

Карахмет поспешно натянул голенища.

Поджидавший их у бани старший лейтенант вновь взглянул на часы:

— Строиться!

На этот раз мальчишки построились быстрее, может быть, потому, что одеты были в солдатскую форму.

Головы поворачивались то в одну, то в другую сторону, ребят, недавно пестревших разными цветами одежды, теперь невозможно было узнать. Казалось, все они похожи друг на друга как две капли воды. Форма казалась им странной и интересной одновременно. Даже команда: «Смирно!» не смогла навести порядок в строю. Кто-то поправлял пилотку, у кого-то портянки скомкались в сапоге, — все были заняты своей новой одеждой.

«Бегом марш!» — эта команда погнала шеренгу в сторону плаца.

Наверное, солдатская форма придала ребятам сил — они побежали, обгоняя друг друга. Однако кое-кто сразу же отстал, сбились портянки, и пришлось бежать прихрамывая.

Карахмету это зрелище напомнило стадо баранов. Вечером, возвращаясь в деревню, бараны, вытаращив глаза, несутся во весь опор, поднимая облака пыли.

Видимо, такой беспорядочный бег не понравился старшему лейтенанту.

— Стоять! — скомандовал он, и, отойдя в сторонку, вытянул руку: «В одну шеренгу становись!»

Ребята, успевшие убежать вперед, тоже вернулись. Строй притих.

— На-пра-во! А теперь попробуем бежать, выстроившись в колонну по одному. Не выходить из строя. Соблюдайте дистанцию!

И правда, бегать строем, оказывается, легче, не устаешь и не спотыкаешься.

С плаца их увели в казарму. Молодым солдатам, оказывается, полагается пройти почти двухмесячный «карантин», после которого их распределяют по батальонам и ротам. Командир «карантина» вкратце объяснил, для чего это нужно. Оказалось, что в «карантине» молодые солдаты должны пройти азы армейской жизни.

В казарму вошел пожилой прапорщик. Командир «карантина» познакомил с ним солдат:

— Прапорщик Сильванович — ваш старшина. Теперь он для вас и мать и отец. Кто не будет слушаться старшину — не будет вылезать из нарядов. Вы уже солдаты. С сегодняшнего дня начинаете жить по-новому. Каждый сам отвечает за себя. Здесь нет ни бабушек, ни матушек, которые могли бы вас пожалеть.

Примерно таким было первое короткое знакомство с армейской жизнью.

Устроившись в казарме, получили у старшины необходимые принадлежности, сложили свои вещи по тумбочкам.

Старшина проверил каждую кровать и тумбочку, ему не понравился беспорядок. Приказав выставить одну тумбочку на середину казармы и приговаривая, что каждая вещь имеет свое место, Селиванов разложил мыло, зубную щетку и прочие мелочи. После на середину вынесли кровать. Старшина разворошил ее и заново заправил, сопровождая каждое свое действие подробным объяснением. Везде, на каждом месте должен быть идеальный порядок. Армейская жизнь мальчишек началась с приучения к порядку.

...После «карантина» молодых солдат распределили по батальонам и ротам.

Трое ребят, которые покинули родной дом в один и тот же день, все вместе попали в одну роту — роту разведчиков.

В казарму разведроты их повел младший сержант. На его левой руке была красная повязка с надписью: «Дежурный». Почти дойдя до казармы, он посмотрел в сторону шедших за ним солдат и произнес:

— Эх, пацаны, ну вы и попали!

Мальчишки и сами очень обрадовались, когда услышали о разведроте. Подумав, что сержант имеет в виду, как им повезло, они переглянулись друг с другом, счастливо улыбаясь: многие из их друзей попали в пехоту, а они — в разведку! Кому могло присниться такое счастье?!

— Эх, пацаны, ну вы и попали! — повторил младший сержант.

Те удивленно уставились ему в лицо.

— «Деды» у нас очень плохие, — добавил сержант и замолчал, а молодые солдаты побоялись его переспрашивать.

* * *

У командира разведроты, старшего лейтенанта Ильина, возникло странное желание: «Вот бы сбить с ног этого длинного, сухопарого Данилова! Интересно, что бы он сделал? Схватил меня за ворот или перевел все шутку? М-да, интересно!...»

Ильин ускорил шаг, стараясь избавиться от странных мыслей. Но мысли не хотят от него отставать, они, словно дразня, обгоняют старшего лейтенанта и наматываются на блестящие голенища сапог идущего немного впереди командира первого взвода Швалюка.

Тот, словно споткнувшись, неожиданно пробегает вперед, и в это самое мгновение, заметив, что обогнал и свой взвод, и ротного командира, замедляет шаг и едва заметно улыбается.

«Вот собью ударом Швалюка и наверняка узнаю, как он поступит. Впрочем, он не упадет, как бы внезапно ни ударил, не упадет, может быть, упадет на колени, но на задницу не сядет. Если бы и упал, то вскочил бы сразу же, губы свои сжал до крови и весь мир бы проклял за то, что он по званию не старше меня... М-да, этот Швалюк достигнет своей цели, все равно достигнет. Этой осенью готовится стать ротным командиром; он выдержит любые трудности, но цели своей добьется. Ладно, пусть добивается. Видно же, что надоело ему ходить в командах взвода».

Мысли ротного командира опять прилипли к сапогам шагавшего рядом с ним Данилова.

«Эх, жалко этих бедных «двухгодичников». И зачем их нужно брать в армию? Все равно, как пройдет два года, домой смоются. Еле шевелятся, только бы время провести. Ты, Данилов, командир, конечно, неплохой, хоть и чересчур чувствительный человек. Если я тебя свалю с ног, наверняка разрыдаешься от стыда. А уйдя из армии, напишешь в газету обвинительную статью про меня. Ладно, ладно, успокойся, Данилов. Тебе слова не скажи, действительно возьмешь и напишешь в газету статью о жизни роты, сделаешь свое журналистское дело».

Ильин громко откашлялся, словно желая избавиться от таких глупых мыслей, и, ругая себя, пробормотал: «Тьфу. Тоже мне будущий капитан! Дурачишься, как мальчишка».

У старшего лейтенанта Ильина вошло в привычку, разозлившись, ругать себя словами «Тоже мне будущий капитан!» И вправду, если рота не подведет, нынешней осенью Ильин должен получить капитанскую звездочку! Постоянно думает об этом ротный командир Ильин, только об этом и мечтает.

Настроение сегодня у Ильина не очень хорошее. Во-первых, разозлился на глупые свои мысли; во-вторых, в его роту прислали молодых солдат. В роту разведчиков — мальчишек из «карантина», у которых молоко на губах не обсохло...

Ильин хотел было пожаловаться начальнику штаба бригады. Но струсил по такому ничтожному вопросу подходить к Ковалю было бы еще одной глупостью.

Больше всего в бригаде Ильин боялся одного человека — подполковника Коваля. Он даже не скрывал это от самого себя. Глава штаба был создан для армии, суровый и требовательный офицер, во многих случаях чрезмерно. Он держал в страхе всю бригаду.

...Ильин снова бросил взгляд на Швалюка. «Больно уж ты упрям, взводный! Наверно, пора с тобой поговорить откровенно. Только твое заступничество за старых солдат к добру не приведет. Сердцем чую, не к добру это!»

Командир, не глядя в сторону старшего лейтенанта Швалюка, поинтересовался:

— Ну, как тебе молодые солдаты после «карантина», понравились или нет? На вид-то парни ничего, да?

Швалюк ответил ему сразу же, словно давно ожидал вопроса:

— Кто посылает в разведроту солдат из «карантина»? Это ведь разведрота!

Командир не успел вновь открыть рот, в разговор вмешался Данилов:

— Не нужны они в нашей роте.

— Почему?

— Обижать их будут, старики жизни не дадут мальчишкам.

Ильин то ли вспомнил, что он командир роты, то ли все еще хотел выведать мнение Швалюка:

— В таком случае для чего же мы нужны роте? Зачем вы, я говорю, нужны, Данилов, если допускаете притеснение молодых?! Анатолий Сергеевич, правильно я говорю?

Но Швалюк не торопился подтверждать его мнение, а твердил свое:

— Да разве берут в разведроту солдат после «карантина»?! Как-нибудь разместили бы в батальонах.

— Это уже другой вопрос, товарищ Швалюк. — Ильин снова откашлялся.

— Это основной вопрос, товарищ ротный. Когда подойдут осенние проверки, молодые солдаты могут подвести роту, — возразил Швалюк, хотя, конечно, последнее слово осталось за командиром.

— Ладно, понятно, товарищи. Швалюк, не забудь, ты сегодня дежурный по роте!

Войдя в городок, они разошлись в разные стороны.

«Эхма! Есть-то как хочется. Что бы такое приготовить в общежитии?» — подумал Данилов, оставшись один.

Ему осталось служить еще один год. После окончания факультета журналистики в университете хотел устроиться в районную газету, а оказался в армии. На целых два года! Сначала испугался. Успокоила новая надежда работать в военной газете. Высказал в военкомате свое желание, но его, как водится, проигнорировали. Стал Данилов командиром взвода. Мечты устроиться в редакцию не оставалось, и армейским будням с суровыми законами не было конца. Лейтенант решил приготовить жареные макароны, и желудок ответил ему веселым бурчанием.

Расставшись с товарищами, Швалюк свернул налево. Но, вспомнив, что сегодня вновь возвращаться в бригаду, решил пойти домой. Если пойдешь к Серафиме, то скоро не отпустит. Соскучившаяся по ласке женщина не отпустит, если даже объявят «тревогу».

Жена Василиса, наверное, пришла с работы и давно его ждет. Неужели чувствует, что муж ходит по кривой дорожке, — в последнее время она интересуется каждым его шагом.

Только бы не догадалась! Тогда — конец! Сразу же лишишься красавицы жены, Швалюк! Впрочем, лишиться жены не так страшно! Если узнают, что развалилась семья, не быть тебе ротным командиром! Вот это — самое страшное!

Ильин хоть и любит семью, но заботиться о ней не привык. Квартира есть, деньги домой приносит, что еще нужно от офицера, целиком посвятившего себя военной жизни?..

* * *

Казарма вздохнула свободно после ухода офицеров. Кто-то из солдат рухнул на кровать, кто-то подсел к телевизору.

«Молодых», прибывших с «карантина», поселили на верхние этажи двухъярусных кроватей.

Будучи на «карантине», они уже познакомились с неписаными армейскими законами. Вновь прибывшие и прослужившие менее полугода назывались «духами». Они лишены всяких прав, на их голову сваливают всю черную работу.

Отслужившие год — «черпаки». Эти могут уже чувствовать себя людьми. Они обязаны отвечать за порядок в казарме, то есть заставлять «духов» работать.

В армии вольготно живется «дедам», которые только и думают о том, как вкусно поесть и подольше поспать, говорят лишь о «гражданке». Им, конечно, нравится, когда «духи» слушаются и не сопротивляются.

Вот такой примерно здесь расклад. Против этого порядка и пальцем шевельнуть нельзя. Иначе конец...

Рядовой в грязном «хэбэ», в потертых сапогах, с покрытыми цыпками руками велел солдатам, прибывшим с «карантина», пройти в комнату для сушки одежды. Первым тронулся Панасенко, за ним Дроздов и Амирханов.

Напротив комнаты для умывания дверь, на которой написано: «Сушилка». Рядовой, подавая знаки руками, вел за собой и, подойдя к двери, сначала некоторое время прислушивался, потом робко постучал.

— Заходи! — донеслось изнутри.

Только после этого рядовой открыл дверь и пропустил мальчишек.

В комнате на вешалках висят солдатские комбинезоны, в углу лежат два засаленных матраца, в центре, у единственного окна, на табуретках сидят два солдата.

— Подходите, ребята, подходите ближе, — говорит тот, у которого волосы похожи на соломенный сноп. Другой, с худощавым лицом, голубыми горящими глазами и кривоватым носом, крикнул стоявшему у дверей рядовому:

— Сало! Сигареты! Быстро! Не то колбасу из тебя сделаю! — и заржал от удовольствия, восхищаясь своим остроумием.

У солдата сигареты были наготове, он подбежал, протянул одну худощавому и замер, глядя ему в лицо.

— Ладно, вали отсюда!

Сало исчез.

— Вот что, — начал речь худощавый, закурив сигарету и глубоко затянувшись. — Вы попали в хорошую роту. Радуйтесь. Разведрота у нас в бригаде одна. Она — драгоценный камень в перстне! Глава штаба без нашей роты не может прожить и дня!

Речь поддержал солдат с соломенными волосами.

— Рота имеет свои традиции, и вы тоже должны их соблюдать, — сказал он и громко крикнул: — Сало!

В дверь просунулась знакомая голова.

— Что, Сергей?

— Живо принеси табуретки мужикам!

Голова исчезла, но вскоре Сало появился опять — принес три табуретки: одну на спине, а две в руках. Соломенноволосый опять его прогнал, табуретки поставил на середину комнаты перед растерявшимися молодыми солдатами:

— Садитесь, садитесь.

Ребята один за другим расселись по табуреткам.

— Видно, что вы настоящие парни, крепкие, рослые. А то начали нашу роту заполнять всякой мелочью. Если нужно, сам комбриг посылает на дела разведроту, а ее заполняют всякими мямлями. Да вон возьмите хотя бы этого урода Сало. Ну не собрать его, спит на ходу, а уже два месяца в разведроте.

Солдат с соломенными волосами сделал последнюю затяжку и, зажав сигарету между пальцами, щелкнул по ней, запустив вверх. Окурок, ударившись о потолок, рассыпал искры и приземлился точно на голову Панасенко. Тот подскочил словно ужаленный и смахнул окурок с волос, опустил голову, покраснел; казалось, в происшедшем он обвиняет только себя. Соломенноволосый фыркнул, к нему присоединился худощавый. За ними засмеялись Карахмет с Дроздовым, хотя смеяться им совсем не хотелось...

Худощавый вдруг принял серьезный вид, брови его сдвинулись:

— Знаете, что с нами делали за ябедничество?! — и повернулся к солдату с соломенными волосами: — Петя, помнишь?

— Сейчас это ерунда! Когда мы были «духами» — деды были не такими, как мы! Даже в курилку нельзя было войти, когда они курили, выгоняли пинками.

Соломенноволосый и худощавый стали рассказывать молодым солдатам о том, что они вынесли.

У Карахмета и остальных волосы встали дыбом от рассказа об испытаниях, которые пришлось вынести, когда они были «духами».

— И командиру нельзя пожаловаться, — продолжал худощавый. — Наябедничаешь — считай пропал, ни днем ни ночью не будет тебе жизни, пинать тебя будут до окончания срока. Даже друзья отвернутся.

— Ладно, Мантана, — соломенноволосый поднялся с места, — ты не очень затягивай, скоро лейтенант прибежит, — сказал он и вышел из комнаты.

Тот, которого назвали Мантаной, отпустил молодых солдат.

Оказалось, что фамилия у соломенноволосого Рубевский.

Мантана — это не фамилия, а кличка, полученная от изменения фамилии Манатов. Манатову очень идет его прозвище. Брюки ушиты и обтягивают худые ноги, пилотка сидит на макушке, ворот расстегнут. Голубые глаза его вечно бегают и постоянно блестят, как у кота, собирающегося стащить масло. Никто еще не видел, чтобы Манатов сидел задумавшись, глядя в одну точку.

Кличка Рубевского — Петух. Кто ее придумал, тот попал в точку. Он смотрит на окружающих сверху вниз, словно петух, степенно расхаживающий среди кур, чувствующий свое превосходство. Даже лежа на кровати, он смотрит не на потолок, а в пол.

До отбоя оставалось около часа. Карахмет, решив написать письмо, взял из тумбочки бумагу, ручку и сел в красном уголке. С тех пор как уехал из дома, он не написал ни одного письма братишке Юсуфу. Писать из «карантина» не хотелось, ждал, когда переведут в роту.

Да и сейчас на душе беспокойно. Зачем знать Карахмету о страданиях, выпавших на головы тех двоих? На кой черт они пытались вызвать сочувствие молодых солдат? Понятно, что не к добру. Видно, хотели заранее предупредить. Иначе, мол...

Все трое крепко запомнили: что бы ни случилось, нельзя жаловаться командирам. Расскажешь, пожалуешься — конец тебе!..

«Привет из далекой Белоруссии! — начал Карахмет свое письмо братишке. — Юсуф! Брата твоего взяли в роту разведчиков! Пока нет возможности сфотографироваться, служба идет серьезная.

Как дела в деревне? Спрашивают ли обо мне? Передай им привет!

Кровати здесь двухэтажные, поставленные друг на друга. Наши места на самом верху.

Ну ладно, на этом заканчиваю, очень мало времени. Привет от твоего брата-разведчика.

Как там мама справляется с козой? Она ведь хулиганка. Помогай маме».

Карахмет вложил письмо в конверт, подписал и отнес на тумбочку дневального. Он слышал, что накопившиеся письма забирает дневальный.

После отбоя молодые солдаты забрались на свои вторые «этажи».

Только устроились, к ним подошел сержант и прогрохотал:

— Ноги мыли?

Вот об этом-то они действительно забыли. Солдаты схватили сапоги в руки и, шлепая босыми ногами по деревянному полу, побежали в умывальную.

Помыв ноги, Карахмет вернулся.

На нижней кровати разлегся «дед». Даже не посмотрев в сторону стягивавшего сапоги Карахмета, взял с тумбочки смятый обрывок газеты и бросил на пол.

— Иди выбрось в мусорку!

Карахмет растерялся, но потом наклонился, поднял и, держа газетный обрывок в руках, устался на солдата. «Если склонишь голову в первый же день — пропал. Целый год будешь плясать под чужую дудку. Если окажешь сопротивление в первый же день, поймут, кто ты есть, и не будут приставать на каждом шагу!» — это была азбука, усвоенная на «карантине».

Карахмет еще раз посмотрел на клочок газеты и положил на тумбочку.

— Это не мой мусор, — пробормотал он сквозь зубы.

— Че?

Тем временем к своей кровати подошел Панасенко. Солдат, невнятно что-то бормоча, замахнулся на Карахмета и крикнул Панасенко:

— Отнеси бумажку в мусорку! Живо!

Панасенко не сказал ни да ни нет — просто взял бумажку и унес.

Карахмет, воспользовавшись ситуацией, быстро полез на кровать. Только голова его коснулась подушки, солдат снизу пнул в провисшую сетку кровати. Не ухватись за край, слетел бы Карахмет на пол со второго яруса.

Около часа ночи Карахмет проснулся от кошмарного сна. В казарме было тихо.

Скрипнула одна из кроватей, кто-то, шаркая кожаными башмаками, пошел в туалет. Через некоторое время кровать скрипнула снова — тот лег на место.

Карахмет долго ворочался и уже не смог заснуть.

Вдруг послышалось чирканье спички, в нос Карахмету ударил табачный дым. Он натянул одеяло на голову.

Со стороны курящего на всю казарму раздался странный выкрик:

— Духи! Ваша жизнь волчья, войте по-волчьи!!!

Карахмет вытащил голову из-под одеяла, приподнял ее, пытаясь понять, что бы это значило. Кое-кто на нижних ярусах начал перешептываться, смеяться.

— Духи! — крикнули опять.

Казарма проснулась.

Сердце Карахмета стучало так сильно, что он слышал его. Что бы это значило?..

— Духи! Войте по-волчьи! Ваша жизнь волчья!!!

Рубевский, лежавший под кроватью Панасенко, натянул сапог на босу ногу и резко пнул по продавленной от тяжести сетке. Ничего не успев сообразить, Панасенко грохнулся об пол, вскрикнул: «Ай!» Рубевский пнул его в ребро.

— Марш на место!

С кроватей, находившихся в глубине казармы, попадало еще несколько человек.
«Оказывается, кроме нас здесь еще есть «духи», — подумал Карахмет — и тут же сам полетел вниз.
Как только упавшие солдаты вновь легли, раздалась та же команда:
— Духи!!!

На этот раз ответа долго ждать не пришлось, в углу кто-то завыл, подражая волку, к нему присоединился второй, третий... Через несколько минут казарма напоминала темный лес.

Солдаты, лежавшие внизу, давились от смеха, лежавшие наверху старательно выли. Если голос «волка» слабел, тут же снизу следовал пинок, и вой усиливался.

Карахмет судорожно вцепился в кровать и, несмотря на толчки снизу, не присоединился к «стае». Он припомнил лес, настоящих волков и залаял собакой. Почувствовавшие волка собаки из его деревни Алан поднимали лай на всю округу.

Дневальный подал сигнал опасности: «Шуба». «Волки» умолкли, замерли, только еще какое-то время слышался скрип кроватей.

Офицер, дежурный по бригаде, прошелся по казарме, цокая подкованными сапогами, и ушел.

Карахмет, почувствовав на губах соленый вкус, дотронулся до них — из носа текла кровь. Он зажал нос, быстренько спустился на пол, надел сапоги на босу ногу и побежал в умывальную комнату.

Дневальный стоял возле тумбочки, у дверей ходил сержант, который привел ребят в роту с плаца. Увидев Карахмета, сержант схватил его за руку и, быстро заведя в умывальню, открыл кран.

— Кто ударил? — спросил он.

— Ы-ы-ы..

— Кто, спрашиваю, ударил?

От холодной воды кровь, похоже, свернулась, перестала течь.

— Никто, сама потекла.

Сержант покачал головой:

— На пол, что ли, свалился?

— Да, только я волком не был.

— Значит, ты мужик! И впредь не вой!

— Драться, что ли, с ними?

— Надо бы... Только они не выходят один на один, а набрасываются все вместе, как свора собак.

Младший сержант — парень из Белоруссии по фамилии Матусов.

Два месяца назад в эту роту пришли три сержанта. Хоть и служили они уже девятый месяц, а по неписаным законам Матусов, Хафизов и Нападовкин ходили в числе «духов».

Эти сержанты недавно подали рапорт об отправке в Афганистан. До сих пор нет ответа, и они продолжают службу в разведроте, воюя с «дедами». «Скорее бы подобру-поздорову убежать отсюда», — это их желание с каждым днем усиливается.

Раньше Хафизов выступал против: «Если мы отсюда уйдем, «деды» совсем озвереют», — говорил он.

Нападовкин только руками махал: «Ты что, Солтан, когда командиры сами закрывают глаза на это, зачем я должен воевать с «дедами»? Я лучше уеду в Афганистан, буду воевать с врагами».

«Солдатам, отслужившим там, говорят, квартиры дают» — добавлял Матусов.

Так они и подали рапорта с просьбой отправить в Афганистан.

* * *

Стучат колеса, отсчитывая километры. Ребята в другом конце вагона по-прежнему разговаривают, то тут, то там слышится смех. Кажется, их смешит Сало. Похоже, он смеется впервые с тех пор, как начал служить.

Да, до сих пор было не до смеха, только успевай выполнять поручения «дедов», нести службу за себя и за них. В первый год службы солдат мечтает о трех вещах: наесться вдоволь, подольше поспать и не портить настроение «дедам».

Сало знает, по возвращении в роту жизнь уже не будет такой, как прежде: через неделю «дембеля» уезжают домой, «дедами» в разведроте остаются только узбек Нурулла да молдованин Ротар. Двое против тридцати с лишним человек ничего не смогут сделать!

* * *

Выдернув нож у дневального, забинтовав голову, шею и руку, «дед» Манатов полчаса позировал перед фотоаппаратом: лежа на кровати, в красном уголке, с ножом в зубах, в руке. Затем втолкнул фотографировавшего его Сало в комнату сушки одежды и, приказав:

— Чтобы на рассвете фотки были готовы! — запер дверь снаружи.

После этого зашел в красный уголок, где Панасенко с Дроздовым утюжили одежду.

— Взяли перо и бумагу! — сказал он и запрыгнул на подоконник. — Записывайте за мной!

Панасенко с Дроздовым, открыв рот, уставились на Манатова.

В дверях показался заместитель старшины сержант Иванов исполинского телосложения; после офицеров и прапорщиков он был первым человеком в роте. Немногословный, не лезет на рожон, но потихоньку делает все по-своему. Опасаются скорее не его должности, а его огромных, с голову ребенка, кулаков. Держащие в страхе молодых солдат Манатов, Рубевский и сержант Михайлов разговаривают с ним взвешенно и осторожно.

— Мантана! Слезь с подоконника! Тебя видно из окна штаба, — прогрохотал Иванов.

Манатов сел на стул и, кивая на молодых солдат, сказал:

— Письма пишем. Чей почерк красивее, тот письмо отправит по указанному мной адресу. Начали!

«Ты самый близкий в моей жизни человек!» — продиктовал Манатов, живо соскочил с места, подошел к двери и, высунув голов, крикнул:

— Телескин!

В дверях показался невысокий солдат с лошадиной физиономией.

— Телескин! Иди сюда, будешь мне красивые слова подсказывать!

Телескин был призван в армию в одно время с Манатовым и по сроку службы должен числиться в «дедах». Только Телескин этого счастья еще не испытал и, возможно, уже не испытает. Для него служба началась не в разведроты, а в батальоне, где все были одного призыва, все в одинаковом положении.

Однажды во время проведения военных учений взводу Телескина и солдатам разведроты пришлось жить в одной палатке. Тогда Манатов и другие были «духами». Они носили дрова для ненасытной печки, бегали за едой в походную кухню. «Деда» разведроты очень суровые. Не подложишь вовремя дрова, печка остывает — попадает Манатову, Рубевскому, Михайлову.

Солдаты взвода, в котором служил Телескин, пользовались трудом «духов» разведроты: грелись у печки, «дедам» одной роты не по зубам «духи» чужой роты или чужого батальона, поэтому они ничего не предпринимали против них.

Ах, как завидовал тогда Манатов жизни солдат батальона! В одно время с ним начали службу, а как привольно живут! Ох, как завидовали тогда им «духи» разведроты!..

Вот ведь судьба, ровно через год перевели Телескина из батальона в разведроту. Вот тут-то и началась для него совершенно другая жизнь... «Ты в свое время не испытал жизни «духов», — такими словами его вернули назад ровно на год, и рядовой Телескин наряду с настоящими «духами» стал прислуживать одногодкам.

... — Наташе будем писать, Телескин, ну как, начнем? А вы зачеркните то, что написали, возьмите чистые листки.

Телескин принялся за дело.

— Моя самая яркая звезда на небосводе... Ничего, если начнем так, а? — спросил он.

— Вот, вот, это здорово! Пишите. Ну, еще?

— Моя самая яркая звезда на небосводе! Шлет тебе свой солдатский привет Александр.

Манатов его перебил:

— Пиши: свой горячий солдатский привет!

— Да, горячий солдатский привет... Наташа! Я тебе долго не писал, но на то есть причина, извини меня, пожалуйста. Причина эта — военная тайна, Наташа, о ней в письме не напишешь. Я решил послать тебе фотографии, сделанные после выписки из госпиталя. По ним ты все поймешь сама. Пальцы до сих пор не сгибаются, не могу держать ручку, поэтому письмо это пишут под мою диктовку...

Из казармы позвали:

— Мантана! По телику твоя Анна поет! Анна Герман! Иди скорей!

Манатов вскочил с места.

— Дopiшите сами. Смотрите, чтобы красиво было! Чье письмо мне понравится, того сегодня освобожу от чистки туалета.

На выходе Манатов обернулся к Телескину:

— А ты отправь письмо моей матери. То да се, напиши: Шура уехал в командировку, умолял меня написать вам письмо.

Когда дверь за Манатовым закрылась, Дроздов положил ручку и тыльной стороной ладони вытер пот со лба. Уже месяц он не может написать матери. Не хватает времени, с утра до ночи на ногах, а если наконец освободится немного, тут же находят работу «деды».

«Как там мама? — подумал Валера. — Продолжает ли пить отец? Без меня ему, наверно, стало еще вольготнее. Эх, скорее бы прошли эти месяцы, эти годы!»

Он тосковал по Наташе. «Смотри, у Мантаны, похоже, девушку тоже Наташей зовут. Точно, Наташей. Он ведь сам продиктовал...»

Валера взял ручку: «Наташа!!! Соскучился я по тебе, очень-очень соскучился. Вот идет уже третий месяц службы, а я не переставая думаю о тебе. Знаешь, Наташа, иногда мне кажется, не будь на земле такой красивой девушки, может, служба в армии не была бы такой трудной — съедает душу тоска по тебе! Может, не так часто вспоминал бы и деревню. А потом опять ругаю себя: «Дурак, если бы не было твоей Наташки, не смог бы ты вынести и одного дня суровой армейской жизни, не мог бы утешать себя, что скоро вернешься домой. Служба моя проходит нормально. Всего не напишешь, извини, военная тайна.

Наташ, ты уж не бросай маму, заходи к нам чаще. Без меня ей, наверное, трудно. Поговори с отцом, чтобы не пил. Он прислушивается к твоим словам.

На этом заканчиваю письмо. Времени очень мало. Целую, твой Валера».

Панасенко сидел в растерянности, не зная, как продолжить письмо. Попросил помочь Телескина. Тот и не расслышал, посапывая, не поднимая головы, он писал письмо матери Манатова.

В дверях показался Манатов, видно, Анна Герман закончила выступление.

— Ну, как идут дела? — спросил он с ходу.

Дроздов съежился от страха, но потом, глубоко вдохнув, сжал под столом кулаки, стиснул зубы: «Только попробуй тронь, Мантана!» Лицо его покраснело словно кумач.

Мантанов развязал бинты, держа их и насвистывая какой-то мотив, подошел к Панасенко.

— Тьфу! Идиот, ты же ничего не написал!

Без лишних слов схватил Панасенко за волосы и дал пощечину.

— Всю ночь будешь лезвием скоблить пол в казарме!

Манатов выхватил бумагу из рук Телескина.

— Молодец, Телескин, хорошо написал!

Очередь дошла до Дроздова. Манатов взял бумагу, лежавшую перед ним, и вполголоса начал читать. Прочитал. Потом, сдвинув брови, начал читать с начала. На этот раз дочитать до конца у него не хватило терпения.

— Ты! Салага! «Дух»! Издеваешься, что ли, надо мной?!

Дроздов встал и, слегка склонив голову, исподлобья посмотрел на Манатова.

— Отдай письмо, оно не твое. Я его... я его своей Наташе написал.

Манатов не ударил Дроздова. Взобрался на стол и начал громко читать письмо издевательским тоном.

Дроздов не знал, что делать, постоял в нерешительности, кусая губы, и шагнул к Манатову.

— Отдай!

В дверях показался замстаршины Иванов.

— Мантана! Слезь со стола! И не ори так! На всю бригаду тебя слышно.

Манатов прыгнул на пол:

— Значит, «целую, твой Валера». Ладно, поцелуешь, «дух»! Сегодня будешь с унитазом целоваться! Всю ночь вылизывать его будешь!

Сказав это, он пнул Дроздова в живот.

— Дежурный по роте, выходи на улицу!

В казарму вошел старший лейтенант Швалюк. Он заглянул в канцелярию и, не застав там никого, прошел в красный уголок.

Дроздов сидел на стуле, держа за живот.

Манатов, широко раскрыв глаза, испуганно поглядывал то на него, то на дверь.

— Что случилось, Дроздов? — спросил Швалюк.

Дроздов поднял голову, но ничего не сказал.

Манатов, увидев, что старший лейтенант подмигнул Телескину, начал подавать руками какие-то знаки.

Телескин поднялся с места:

— Живот у него болит, товарищ старший лейтенант, говорит, каши переел. Понос у него,— громко доложил он.

Все громко засмеялись, кроме Дроздова и Панасенко, у которого пылала щека.

Насмеявшись, Швалюк повернулся к Манатову:

— Ну как, Шура, дела идут?

— Да все нормально, товарищ старший лейтенант, все хорошо...

* * *

Старший лейтенант Швалюк не дурак. Он догадался, что произошло в красном уголке. Ну и что из того? Ну, вызовет он Манатова в канцелярию или прямо тут же отчитает его, как нашкодившего пса. И что? Изменится Манатов? Нет, не изменится!.. Досталось ему от «дедов», когда он был молодым солдатом. Теперь он отыгрывается.

В армии все повторяется. Меняется форма, а содержание остается. Ну ладно, чего можно добиться, изменив Манатова?! Он и ему подобные поддерживают дисциплину. Что бы ни случилось в роте — наружу не выходит. До сих пор было так.

Данилов этого не понимает. Видите ли, потворствовать издевательствам над молодыми солдатами — преступление! Пустая голова! Старые солдаты — надежная опора роты. Скоро начнутся военные учения. Вот там увидим, на кого нужно опираться. От молодых покуда ни молока ни шерсти.

Старые солдаты — самые меткие стрелки и самые хорошие механики.

Сержанты подали заявление на отправку в Афганистан. Пусть уезжают. Они что, думают, что там очень легко?

Манатова только тронь! Ему до дома — чуть больше полугода. Если обидится, во время учений будет все делать наоборот. Из автомата будет плохо стрелять. И другие будут делать так же. Молодых тоже могут подговорить, запугать. Разведрота останется позади. Попадет ротному командиру, и командиров взводов по головке не погладят. Ладно, это пустяки! В армии никого по головке не глядят. Только если это случится, не видать Швалюку должности командира танковой роты. Швалюк не первый день в армии, очень хорошо знает — все решит участие в учениях. Будут показатели взвода хорошими — поставят старшего лейтенанта командиром, плохими — пеняй на себя. Хочешь, локти кусай, хочешь нос. В армии важно соответствовать течению времени. Если количество звезд отстает от него, проходишь в старших лейтенантах до самой отставки.

Швалюк пришел в бригаду забрать Манатова. Манатов — отличный художник и вторую неделю расписывает квартиру взводного. Наверное, сегодня закончит. Осталось не так много.

Переехав сюда, Швалюк взял за правило один раз в год делать ремонт. Конечно, не по-крупному, просто обновлять рисунок на стенах. Среди солдат всегда найдется художник. Ежегодное обновление узоров на стене очень нравилось его жене Василисе.

По дороге домой командир не стал расспрашивать Манатова о том, что произошло в красном уголке. Он парень неглупый, лишнего не позволит.

У Манатова сердце билось так, словно хотело выскочить из грудной клетки. Сейчас, сейчас увидишь, осталось немного, говорил он себе. Хорошо, что этот Швалюк молчит, не расспрашивает. Он, конечно, хороший командир, слов нет. В роте для Манатова самая надежная опора. Ай, да пропади она пропадом, эта рота! Сейчас, сейчас, сердце, не горячись, уже подходим... Ты, сердце мое глупое, да вдобавок еще и слепое. Понимаю, ты глупое оттого, что слепое. Если бы ты видел ее! Она как сказочная красавица!

Хорошо, что взводный не заговаривает.

Ты, сердце, зря колотишься! Ты совершенно слепое! Ну хорошо, может быть, она нам улыбнется разок. А если раскроется пола халата, может, посчастливится увидеть и другие места. И что дальше? Что толку? Да не колотись ты, не колотись. Сейчас дойдем...

Вот и пришли. Швалюк отпер дверь сам, но все же перед тем как войти, нажал на кнопку звонка.

Из кухни вышла Василиса. Сегодня не в халате, на ней голубоватое платье с глубоким вырезом.

Василиса, ты вышла из сказки!! Эх, Манатов, хватит пялиться на чужую жену! Пришел — делай свое дело и до отбоя в казарму!

Работы оставалось на полтора часа. Манатов принялся за дело.

— Толя, почисти картошку для супа. Я помогу здесь.

— Василиса! Не обращай так к мужу при солдате! Иначе разлюблю!

Манатов исподлобья бросил взгляд на Василису и, взяв у нее банку с голубой краской, стал рисовать на стене кленовые листья.

В деревне, где жил Манатов, у Наташиных ворот растет клен. Оказывается, лесное дерево может поселиться в деревне. Без всякого разрешения. Назло оставлю листья с того клена в квартире взводного командира. Только кому назло? Себе? Швалюку? Впрочем, он еще не думал об этом. Ладно, пусть будет назло сердцу бестолковому. Пусть не трепыхается! Так ему!

Манатов поглядывает на Василису. «Бедная женщина, знаешь ли ты, что у Швалюка роман с буфетчицей Серафимой? Не ты одна красавица, Серафима тоже хороша. У Швалюка вкус что надо, он разбирается в женщинах, проклятый. На одного — две. Ненасытный. Разве не хватает ему одной Василисы? А к Серафиме пусть ходит Данилов. Он все равно одинокий. Да ладно, Манатов, не твоего это ума дело!»

— Шура, где ты научился этому мастерству? — спрашивает Василиса.

— На курсах трактористов. Два года.

Василиса усмехнулась:

— Я спрашиваю о рисовании.

Манатов оставил на стене еще один листок.

— Рисовать? У дедушкиного дедушки.

Василису до конца не понять. Интересная. Неожиданная. Манатов нарочно дразнит ее, когда Швалюк не видит.

— Дедушкин дедушка?

На красивом лице еле заметна растерянность. Проклятье! Как красива! Положить на ложку и проглотить не запивая.

Хорош, Мантана, не зарься на чужую жену!.. Гляди, лист получается неровный.

Да, дедушкин дедушка. Он расписывал церковь в нашей деревне. Руки у него золотые были. Способности ни у детей, ни у внуков не проявились, только у меня. А так я нигде рисовать не учился.

Василиса опять рассмеялась; словно серебряные монетки зазвенели, на щеках появились маленькие ямочки, в которые могла уместиться лишь горошина.

— Подожди! Этот листочек получился неровный.

— Так и задумано, — отвечает Манатов и тут же объясняет почему: — Пусть будет как в природе. Листья на деревьях тоже висят по-разному.

На кухне гремит посуда, похоже, Швалюк все еще чистит картошку.

«Иди, Василиса, вари свой суп, если будешь стоять рядом и смотреть на меня, я вместо кленового нарисую дубовый лист!»

— Шура, после армии тебе обязательно нужно поступать в художественное училище. Способности нужно развивать.

— Василиса Руслановна, дайте мне, пожалуйста, вон ту банку с зеленой краской!

«Зачем же так низко наклоняться, Василиса, бедное мое сердце, до чего же глубокий вырез!»

— Пока я вернусь из армии, мир сто раз успеет перемениться.

— Почему? Тебе осталось совсем немного, уже меньше полугода.

— Да, только эти полгода здесь словно полвека.

Василиса сочувственно покачала головой.

А листья один за другим ложатся и ложатся на стену.

В этом году пришлось много раз возиться с листьями. Однажды ожидалась большая проверка — прибывали генералы из Москвы. Разведроту вывели привести в порядок газоны перед клубом. Командир роты Ильин организовал социалистическое соревнование между взводами по сбору с деревьев пожелтевших листьев. Листья навевали грусть. Разведчики вскарабкались на деревья и, будто обезьяны, срывали листья.

На молодом клене возле клуба было мало листьев. Если их оборвать — останутся голые ветки. По приказу Манатов покрасил листья в зеленый цвет, а заодно и почерневшую грязную траву вдоль газона. За два дня разведроты привела окрестности клуба в идеальный вид. Начальник штаба наградил разведчиков поездкой в Хатынь в следующее воскресенье.

Солдатам часто приходится заниматься листвой, травой, деревьями... На стену лег последний лист. Работа закончена, можно собирать кисти и дуть в бригаду!

Хоть Василиса очень уговаривала, Манатов не сел к столу. Нужно вернуться до отбоя, если заметят его отсутствие, то и Швалюку попадет.

— Манатов, я тебя провожу, — сказал командир взвода.

Манатов покачал головой:

— Я сам, товарищ старший лейтенант.

— Если патруль?

— Я по козьей тропинке.

— Толя, неужели ты его просто так отпустишь? — Василиса потянула Манатова за руку: — Нет, так нельзя. Спасибо за работу. Иди-ка сюда! Давай на дорожку.

Василиса вынула из холодильника коньяк, налила. Швалюк, будто бы по делу, вышел из кухни.

— Давай, давай, от одной ничего не будет.

Манатов, словно провинившийся, подошел к столу и взял рюмку и потянулся к соленому огурцу, но женщина протянула ему шоколад.

До самых ворот бригады провожал солдата командир. Попрощавшись с ним, Манатов почувствовал, что пьянеет, коварный напиток теплом разлился по телу, кирзовые сапоги расползлись, ремень еще больше ослаб, пилотка едва касалась макушки.

На подходе к казарме до слуха Манатова донесся волчий вой...

* * *

Сегодня Карахмет получил очередное письмо от Юсуфа. Домашние живы-здоровы, прошел сабантуй. Было много гостей из города, в семидворовой деревне собралось около семисот человек. На сабантуе встретил учителя Борхана абый. Он спрашивал про тебя, писал Юсуфу.

«Надо как-нибудь написать Борхану абый письмо», — подумал Карахмет.

Тот ведет в школе начальную военную подготовку. Сам вернулся из армии лет шесть-семь назад. Когда обучал Карахмета, был в звании старшины. Потом учился и теперь вроде лейтенант.

Ох и рассказывал же он об армейской жизни! На уроке — одно, а на перемене — совсем другое. А уж если на уроке присутствовал директор школы — без остановки, как из автомата, строчил книжными словами типа: вы — будущие солдаты, вы — защитники Родины. Вот вам строение автомата Калашникова, вот вам средства защиты от атомной бомбы...

На перемене гонял мальчишек в противогазах вокруг школы, а во время передышек рассказывал о месте, где служил, вспоминал смешные и досадные события.

Ученики иногда поддразнивали:

— Борхан абый! Нужно ли солдату знание литературы? — спрашивал один. — Вот Зулейха апа все время сердится: как же вы пойдете в армию, если не можете выучить стихотворение?

Учительница по литературе Зулейха апа готовит мальчиков к службе в армии, а девочек — к замужеству. Не успевал Борхан абый открыть рот, как другой ученик руку тянул:

— Абый, можно я сам ему отвечу?

— Давай, давай, объясни ему, Кашапов.

Кашапов с серьезным видом встает с места:

— Во время службы в армии для будущего солдата, защитника Родины, особенно актуально знание литературы. (Кашапов, подражая директору школы, строит многоэтажные предложения.) Потому что, к примеру, допустим, что ты пограничник. Вдруг появился нарушитель границы. Ты не можешь выстрелить, хоть в твоих руках автомат. Может, ошибаешься...

Весь класс, Борхан абый, даже серьезный директор школы затаив дыхание слушают Кашапова.

— Ну-ну, дальше! — говорит директор школы, выдавая свою заинтересованность.

Кашапов, покашливая, продолжает:

— Может быть, нарушитель враг? Может быть, он сын президента той страны за границей?

Мучился от безделья, ходил-ходил и решил поговорить о жизни с советским солдатом. А ты в него стрелять должен! Но ты, будучи знатоком литературы, даешь ему папиросу и начинаешь читать стихи Мусы Джалиля, написанные в тюрьме. «Ух, не хотят ли они и меня засадить в тюрьму», — думает он и, кланяясь, благодаря за папироску, убегает в свою страну.

— Ну а если это не президентский сынок?

Голос у директора сердитый. Кашапов, видя, что далеко зашел, начинает дрожать. Сидящий рядом щиплет его — Кашапов приходит в себя. И, чувствуя взгляды товарищей, умоляющие: «Рассказывай, ну рассказывай», продолжает:

— Если это шпион, то читаешь ему лирические стихи. У него ведь тоже сердце есть. Он растроганно слушает и забывается. А ты в это время нажимаешь кнопку и сигналишь на заставу. Приходите, проверьте!

Рассказывая, Кашапов сам поверил своим словам и, когда замолчал, некоторое время стоял задумавшись, глядя в одну точку.

Класс пока сдерживается от смеха, не желая разоблачать Кашапова.

Лицо директора то синее, то краснее. Борхан абый улыбается. Все ждут слов директора.

Борхан абый, желая смягчить напряженность, задает вопрос Кашапову:

— А если шпион не знает татарского языка?

— Шпионы, они много языков знают!

— Пырх, — взрывается смехом класс.

Директор вскакивает и торопливо идет к двери.

— Кашапов, после урока ко мне в кабинет!

Класс громко смеется, Борхан абый тоже смеется. Кашапов присоединяется к ним. Только после уроков он будет плакать: директор отправит письмо родителям. Злобной мачехе только это и нужно, она только повод ищет.

Потом мы узнали, директор кричал на Кашапова:

— Сопляк, ты смеешься над нашими вооруженными силами!

После этого Борхану абый запретили преподавать начальную военную подготовку. Урок стал вести вновь прибывший парень, окончивший Казанский пединститут, отделение татарского языка и литературы.

* * *

Карахмет получил еще одно письмо от Юсуфа: «Бабушка Хупджамал на днях разносила почту и, встретив Назиру, спросила, приходят ли письма от сына Сююмбеки, ведь он попал в те места, которые Шурале проклял, как он там жив-здоров? А Назира ей: «От Карахмета почти каждый день приходят письма, а если писем нет, то приходят посылки с лимонами. Там, где он служит, лимоны едят вместо

картошки и скотину кормят ими же». Хупджамал наша потеряла дар речи. Назира и Алме-апа рассказала об этой встрече, они вдоволь посмеялись. На следующий день ТАСС Хабарче встретила Алму-апа на улице: «Не дашь ли хотя бы один лимончик к чаю, аппетита нет, может, от лимона поднимется настроение?». Алма-апа нашлась что ответить: «Все, что получаем, сразу же съедаем. Ладно, пойдем, посмотрю, может быть, осталось что-нибудь» — и вынесла последние два лимона, которые ей принесли в гостинец».

Карахмет, прочитав эти строки, сначала от души смеялся, а затем вспомнил маму и заплакал. «Надо хоть письма писать ей чаще», — решил он.

А что напишешь в письме? Все то же: кормят хорошо, спим вдоволь, служба идет, уже прошло два месяца, и в шутку: скоро уже домой. Со счетом у солдата все нормально: с каждым прожитым днем убавляет срок службы; лишь голова коснется подушки, по семь раз пересчитывает, через сколько месяцев, недель закончится служба и вернется он домой. И если не стоит солдат в наряде, то засыпает с надеждой увидеть во сне день окончания службы.

Вчера Карахмета катали на «велосипеде». После отбоя он сладко заснул, тщательно пересчитав оставшиеся недели и месяцы, и проснулся от нестерпимой боли в ноге. Некоторое время лежал в полусне, трясая правой ногой. Вокруг захихикали. Карахмет посмотрел на ногу, меж двумя пальцами догорал кусок газеты. Он вскрикнул, смахнул ее.

— Ну, как велосипед, быстро бегаешь? — спросил стоящий у изголовья его кровати Манатов.

Глаза Карахмета наполнились слезами. Похоже, что «велосипед» получился на славу.

— Ты че в рот воды набрал? Че молчишь? Ладно, когда я проснусь, ты мне скажешь, сколько клеток на полу в нашем туалете, усек?

От Манатова шел какой-то посторонний запах, похоже, это запах «гражданки».

...Было около двух часов ночи, когда Карахмет проснулся, внезапно вспомнил, что нужно посчитать клетки в туалете, торопливо сбросил одеяло, спрыгнул на пол.

«Погоди! Что же я делаю?... Я же иду считать клетки. Завтра Манатов спросит. Нет...если так нужно, пусть сам считает. Если не сосчитаю... попадет, забьют. Панасенко на днях уже считал, может, у него спросить?»

Он босиком прошлепал к кровати Панасенко. Ваня, измотанный разными заданиями «дедов», спал беспробудно. Карахмет его сначала окликнул, но, видя, что тот не просыпается, ткнул в ребро, тот не шелохнулся. Схватив Панасенко за плечо, Карахмет начал трясти его. Ваня, приподняв голову, спросил: «А?» и опять упал на подушку.

— Вань, Вань, слышь! Проснись! Спросить надо!

Тот опять поднял голову, открыл один глаз и, увидев, что перед ним не «дед», опять опустил на подушку.

«Дед», который спал на нижней кровати, зашевелился. Карахмет тихонько вернулся к своей кровати. Надел брюки, сапоги и пошел в туалет.

У тумбочки дневального на полу лежат набитые до отказа три солдатских мешка. Самого дневального не видно. В ручку двери казармы вставлена палка от швабры.

Карахмет вошел в умывальную. У окна в парадной форме стоят три сержанта, дневальный рядом с ними. Дверь в комнату для сушки белья открыта. Там на одном из матрасов спит дежурный по роте младший сержант Михайлов.

Все одновременно повернулись в сторону входящего Карахмета.

— Что, бессонница? — спросил у него Хафизов.

— Не, так просто, — пробормотал Карахмет.

— Ну что, мужики, трогаемся. В половине третьего приказано быть у штаба. На пятичасовом ташкентском самолете улетаем, — сказал Матусов.

— Ну, земляк, давай руку. Бог даст, встретимся на Родине, — Хафизов протянул руку Карахмету.

Тот знал, что на днях сержанты улетають в Афганистан, но не думал, что уже сегодня. Поэтому он немного опешил и попрощаться как следует не смог.

Уходя, Нападовкин сказал дневальному:

— Разбуди дежурного, проводив нас, ротный командир и сюда может заглянуть. Увидит, даст прикурить.

— Эх, мужики, неужели скоро выберемся из этого чертова логова! — произнес Хафизов, на выходе бросив прощальный взгляд на казарму. А потом добавил: — Ты не сдавайся, земляк! Держись!

Три сержанта быстро сбежали по ступенькам... Дневальный принялся будить дежурного сержанта, а Карахмету еще предстояло сосчитать клетки на полу.

«А если не буду считать? Плевал я на Мантану! — Карахмета терзали противоречия. — Эх ты! До чего дошел, а? Если бы об этом узнал Юсуф, односельчане, Назира, твоя мама?.. Ну, Карахмет! Когда ты свистел, даже лес подстраивался под твою мелодию! А сегодня ты считаешь клеточки в туалете. Изобьют. Ну и что, пусть бьют!..»

Из комнаты для сушки одежды вышел проснувшийся сержант.

— Что ты здесь стоишь? — спросил он, протирая заспанные глаза. — Задание Мантаны уже выполнил?

Карахмет послушно вошел в туалет и через полчаса узнал, что на полу тысяча тридцать девять клеток.

Наутро, сразу же после физзарядки, Сало позвал его в комнату для сушки белья.

Манатов сидел на подоконнике, раскачивая ногами.

— Сколько?

«Не говори! Скажешь — будешь ничтожеством! Не говори!...»

— ...

— Сколько, спрашиваю?!

— Не знаю.

— Сколько?!!

— Считай... Сам считай.

Глаза Манатова вылезли из орбит и поползли на лоб.

— Че сказал? Повтори!

— Сам...

Манатов сполз с подоконника и, повторяя: «Сколько-сколько?» — направился к Карахмету и, подойдя, ударил в живот.

Карахмет сжался. У него перехватило дыхание. Потом: «Уф!» — он сделал глубокий вдох и, прыгнув, как кошка, пнул Манатова в грудь. «Старик» полетел в угол.

В разведроты такого еще не случалось. Перечить старшему солдату или не выполнить его поручения считалось исключением из правил, но поднять руку... Это уже почти преступление, направленное против всего человечества!...

В комнату один за другим влетели три «старика» и, увидев лежащего в углу Манатова, набросились на Карахмета. Перед глазами Карахмета мелькали подошвы сапог.

— Рота, смирно! — приказ оторвал «стариков» от дела. В казарму вошел командир роты.

В свербевшем от боли ухе Карахмета долго еще звучал рапорт сержанта:

— Товарищ старший лейтенант! Во время моего дежурства происшествий не случилось. Дежурный по роте сержант Михайлов.

— Вольно!

Ротный ушел в канцелярию.

...Сегодня идут на полигон стрелять из автоматов. Ходят уже третью неделю. Сегодня стрельбу разведроты будет проверять бригадный командир.

В казарме Ильин лично проверил у солдат автоматы и другие принадлежности.

После завтрака рота двинулась на полигон.

Оба уха Карахмета нестерпимо ныли, ребра болели, левое плечо ломило от боли. Солдат пытался не показывать командирам свое состояние.

Утром, заметив его пылающие уши, ротный командир поинтересовался:

— Что это с ними?

— Наверно, продуло, болят.

— Тогда иди в санчасть.

— Да нет, само пройдет, — отказался Карахмет.

Ильин не стал допытываться. Раньше, приходя в казарму, он сразу же обращал внимание на молодых солдат с синяками, выявлял виновных и наказывал. Время шло, и офицер стал привыкать к военной жизни. А сейчас, когда на носу военные учения, нужно быть осмотрительней. Есть правда в словах Швалюка. Основная цель — учения. Остальное потом.

Операторы полигона словно чувствовали приезд бригадного командира, заранее подготовили фигуры-мишени; все было в порядке.

Едва машина комбрига показалась на дороге, Ильин построил роту и приготовился рапортовать. Командиры взвода прошли по рядам, еще раз проверив у солдат необходимые военные принадлежности. Все будто бы в порядке.

Комбриг принял рапорт ротного командира, поприветствовал солдат и, встав напротив, прошелся взглядом по каждому солдату.

— Не шевели рукой! — сделал он замечание.

В начале шеренги, слегка приподняв плечо, стоит Манатов, замечание ему. «Может, я ему плечо повредил?» — ужаснулся Карахмет. — «Если так, я пропал, мозги высосут!»

Над наблюдательным пунктом флаг повернулся белой стороной — это был сигнал к началу стрельбы.

Состояние Карахмета почти как у бегуна перед стартом. Хорошо, что он умел стрелять из охотничьей винтовки, и он быстро приспособился к стрельбе из автомата. Выдержать бы и сегодняшние испытания. Рука не напоминала о себе. Только вот сердце колотилось.

То ли ротный командир, о чем-то догадываясь, специально так сделал, то ли случайность — Карахмет и Манатов оказались вместе. Один должен был стрелять слева от черты обороны, другой — справа.

Манатов первым встал напротив правой черты. Прозвучала команда, и оба бросились к своим возвышениям.

Застрочили автоматы, гранаты полетели в окопы впереди, где показался макет гранатомета. Оба почти одновременно выдвинулись на огневые точки. Вдалеке показались макеты танков и другой техники. Они начали падать один за другим...

Парни только вошли в азарт, а мишени уже все поражены.

Пыл Карахмета не успел остыть. Ствол автомата повернулся к растянувшемуся на холмике Манатову. Достаточно одной пули... Карахмет очнулся и положил автомат на траву. На лбу у него выступил холодный пот.

По второму разу стреляли в противогазах. И снова Карахмет был точен.

Ротный командир, прохаживаясь у наблюдательного пункта, указывает на ошибки отстрелявшимся солдатам.

Не успели подойти Карахмет с Манатовым, как ротный сказал:

— Эх ты, Манатов! Бери пример с молодых солдат! — и, взяв Карахмета за плечо, поставил его на место Сала. — Вместо Сала будешь стрелять. Понял? Сало будет ждать тебя за наблюдательным пунктом, отстреляешь, быстренько поменяешься, и с докладом к комбригу войдет Сало.

Карахмету пришлось стрелять и в третий и в четвертый раз. Комбриг не догадался, учения прошли на «отлично». Иванов тоже дважды стрелял вместо кого-то.

Потом подвели итоги — общий показатель по роте оказался высокий. Комбриг выразил благодарность роте и командирам, напомнил, что впереди их ждут еще более серьезные испытания.

Карахмет вспомнил, что через полчаса они вернутся в казарму. Лицо Манатова мрачно. Уже давно он сердито посматривает в сторону Карахмета. От этих взглядов сердце опускается в пятки, на кончике носа выступает холодный пот, плечо и ребра начинают ныть сильнее.

Всю дорогу в бригаду Карахмет не поднимал глаз. «Что же делать? Терпеть? Опять сопротивляться? Заступитья некому. Что я сделаю один? Может, потерпеть? Осенью манатовы демобилизуются. Потерплю как-нибудь до осени. Бьют ведь. Если бы не били, можно было бы потерпеть...»

Ствол автомата, висевшего на плече, ударился о болевшее ухо. Из глаз Карахмета брызнули слезы. «С кем бы посоветоваться, а? Может быть, Вы, Борхан абый, что-нибудь подскажите, а? Вы же готовили нас к службе в армии. — Перед Карахметом предстал образ учителя.

— Что делать, Борхан абый, а?

— Останься человеком. Чтобы впоследствии, вспоминая эти события, тебе не было стыдно перед своей совестью. От нее никуда не спрячешься!..

— Вам легко так говорить, Борхан абый. Опять одни только слова. Мне не слова, помощь нужна!..

— А ты, паренек, задумайся над смыслом моих слов. Остальное решишь сам.

— Назира, подскажи. Что бы ты делала на моем месте, а?

— Карахмет, мне нравится в тебе сила, воля, великодушие!

— Спасибо тебе за это, моя кривоножка! Если бы силой воли можно было разбить нос Манатову. А без этого он, похоже, не остановится.

— Хочется, чтобы ты остался прежним Карахметом!

— Я стараюсь, Назира.

— Юсуф, извини уж, у тебя я совета спрашивать не буду. Молод еще, чтобы учить.

— Не говори так, Карахмет абый! Я хоть и молод, но не собираюсь, как ты, пересчитывать клеточки в туалете!

— Ладно, не петушись! И хватит стыдить брата! Хоть и пересчитал, ведь не сказал же Мантане!

— Не сказал, конечно, но...

— Мама, ты что скажешь? Только не плачь! Когда ты плачешь, душа моя переполняется. Мамочка, что ты мне посоветуешь?

— Что тебе сказать, сынок? Понимаю, трудно тебе очень. Но не делай ничего такого, что могло бы запятнать имя твоего отца. Ради всего святого прошу. Береги себя и возвращайся живым и здоровым. Ты для меня единственная радость в жизни, сынок!..

На глаза Карахмета навернулись слезы. Хорошо еще, что на свете есть мама, есть другие близкие люди, которые могут дать правильный совет...

Он поднял голову. Почти дошли до бригады. Взгляд его упал на платочек, привязанный к стволу автомата Манатова. Карахмет торопливо проверил карманы. Вышитого платочка, подаренного Назирой, не было. Платочек развеялся на стволе автомата.

Глаза Карахмета вновь наполнились слезами. Он огляделся по сторонам. Замстаршины сержант Иванов шагнул рядом с Манатовым, по другую сторону от него шел Михайлов.

Иванов определенно знал, чей это платок; ткнув прикладом в спину Манатова, он произнес:

— Не перегибай палку, Мантана. Быстро верни платок Амирову. Или...

Манатов сдернул со ствола платок и протянул Карахмету. Тот спрятал его в нагрудный карман.

Вечером Манатов не вызывал Карахмета в комнату для сушки белья.

Карахмет написал коротенькое письмо Юсуфу:

«Юсуф! Служба идет нормально. Маме скажи, я сытый, одетый, пусть не переживает. Много писать нет времени, усиленно готовимся к военным учениям. Пиши сам чаще, пиши обо всех событиях в деревне. Я живу отлично, обо всем не напишешь — военная тайна, соображай сам. Назире от меня привет!».

* * *

В воскресный день молодые солдаты не любят путаться в казарме. Найдя причину или без нее, они разбредаются кто куда. Обычно у всех одна дорога — клуб или чайхана.

Если в клубе нет собрания или кинофильма, остается чайхана и магазин. В воскресенье «старрики» возьмется со своими дембельскими альбомами, в чайхану или магазин посылают «духов».

Чайхана!!! Для солдата она, возможно, лучше дорогих ресторанов...

Уже при входе в нос ударяет запах вафель, конфет и других вкусностей. Текут слюнки, сердце колотится.

Берешь бутылку «Буратино», пачку печенья, коржик, полный стакан сметаны, зная, что денег хватит, просишь взвесить сто грамм ирисок. Тебе кажется, что жадному желудку этого будет маловато, взгляд опять бежит по полкам, но потом вспоминаешь, что сегодняшний день не последний, да и денег жалко.

Сегодня и у Карахмета, и у Дроздова не было затруднений с деньгами. Панасенко вчера получил из дома двадцать пять рублей.

Панасенко сегодня — герой дня! Купил все, что лежало на полке, буфетчица Серафима едва успевала подавать, а мальчишки — относить к столу.

Каждому досталось по две бутылки «Буратино». Вот что армия делает с людьми: на «гражданке» городской Панасенко, наверно, и внимания не обращал на лимонады и печенья. А сегодня при одном взгляде на них у него пересыхает в горле и язык прилипает к небу.

Сначала лакомились молча, затем, наевшись сухомятки, напившись «Буратино», разговорились. От такого угощения суровость армейской жизни как будто немного забылась.

— На «гражданке» я уже находился по ресторанам! — говорит Панасенко и перечисляет ребятам, только понаслышке знающим о ресторанах, названия всех подобных заведений своего города.

Те слушают, впившись глазами в Панасенко.

У Панасенко потертая гимнастерка, покрасневшие веки от постоянного недосыпания, щеки впалые, костлявые руки, кажется, уже никогда не отмоются. Не верится, что он когда-то ходил по дорогим ресторанам. Но Панасенко настолько сочно, подробно рассказывает, может быть, и не врет, наверно, не врет!...

«Гражданкой» развлекались недолго. Карахмет вынул из нагрудного кармана письмо.

— Вот, Хафизов из Ташкента написал. — Он перевел друзьям содержание письма.

«Земляк! — писал Хафизов. — Вот решил тебе написать. Мы сейчас находимся в Узбекистане, через два месяца войдем в Афганистан.

Среди нас есть прослужившие год и много тех, которые, как и мы, прослужили всего полгода. Со всеми подружались, все на равных, нет ни «дедов», ни «духов».

Втроем попали в один взвод. Как там у вас? «Дедов» немного не приструнили, к осенней проверке готовитесь?

Нас там, наверно, уже и не вспоминают. Ильин не хотел нас отпускать, Данилов тоже уговаривал. Да нет, мы не жалеем. Чем там бороться с «дедами», ходить, перекладывая из пустого в порожнее, в Афгане, я думаю, время проведем с пользой. Если бы остались, нас бы еще полгода за людей не считали, у манатовых совести и на мизинец нет. А здесь мы все равны.

Ладно, земляк, будь здоров. Ребятам привет передавай! Часто вспоминается рота, потому и написал тебе.

С приветом Солтан».

Все трое почти одновременно вздохнули.

Карахмет спрятал письмо в нагрудный карман. На столе еще остались коржик и бутылка «Бурагино». Ребята уже насытились, и глаза насытились, но разве можно оставлять!

Скоро ужин. Но черт знает, будет ли возможность поесть. Если в чайниках на столе чай будет остывший, то придется выпрашивать у поваров горячий, пока другие ужинают. Пока возишься, рота уже успеет поесть. Нужно еще быстро проглотить свою порцию каши, убрать посуду и успеть выскочить на улицу, пока рота не построилась у столовой...

Бывает, что «старики» не ходят на ужин. Положенные им порции (обычно это жареная рыба, хлеб, сахар, горячий чай во фляге) приносят «духи».

На эту тему есть анекдот, который «духи» очень любят и не устают пересказывать в своем кругу.

Говорят, служил в одной роте глуповатый «дух». Не то что возражать «дедам», смотреть им в глаза не решался. Что прикажут, то и делал, не возражал, не роптал, командирам не жаловался. В роте его прозвали теленком. Эта его безотказность, излишняя кротость стала утомлять «стариков», иногда раздражала. Они решили подшутить над ним. Что сделали? По части гадостей «старики» очень изобретательны. Когда бедняга спал, один из них справил малую нужду в его сапог, а потом разбудил и, сунув ему фляжку в руки, отправил в столовую за чаем. «Дух» надел сапоги и спокойно пошел.

Такое повторялось подряд несколько дней, только солдат молча, чавкая сапогами, шел, куда послали. Невозмутимость и безразличие «духа» достало «стариков». Вызвали они его и спрашивают:

— Скажи, Вася, че ты такой вялый? Мы каждый день мочимся в твои сапоги и потом отправляем тебя за чаем, а ты молчишь.

Тот, не долго думая, ответил:

— Так вы же не жалуетесь, тоже молчите.

— А мы то на что должны жаловаться? — удивились «деды».

— А я на улице сливаю из сапога во флягу и добавляю туда чай.

Слушая анекдот, «духи» смеются до слез, смеются до упаду. Тот, кто смеется громче всех, желает хоть этим анекдотом отомстить «дедам», хоть таким образом задеть их.

Сейчас у каждого «духа» есть свой «дед». Точнее, у каждого «деда» есть свой, исполняющий только его желания, «дух».

«Дедом» Сала является Рубевский. Сало носит ему еду из столовой, стирает его «хэбэ» и, как положено, заправляет постель. Сержант Михайлов взял себе в обслугу Панасенко. Карахмет до сих пор исполнял поручения Манатова. Как будет дальше? Манатов пока ничего не говорит. Но...

Вчера, после возвращения с полигона, Ильин построил роту перед канцелярией. За хорошие результаты в стрельбе выразил благодарность Карахмету. Манатова командир ругал на чем свет стоит. И пригрозил «старикам»: «Если будете обижать молодых, смотрите!...»

В тот вечер лизоблюд Сало передал Карахмету, что его ждут в комнате для сушки белья.

Это услышал сержант Иванов. Приказав Карахмету оставаться на месте, он пошел вместо него. Всем было ясно, кто звал Карахмета.

Дроздов слышал, о чем говорили в сушилке.

— Мантана! Если тронешь этого парня, то на меня не обижайся! — сказал Иванов.

— Ты что, забыл? Забыл, как с тобой обращались, когда ты был «духом»? Ты, огромный, как шкаф, валялся под «дедовскими» сапогами, забыл, да? Кто по ночам до блеска вычищал унитаз? Что, уже забылось? Так быстро? Что ты заступаешься за этого сопляка? — возмутился Манатов.

— Плевал я на твоих «духов»! Но если в роте произойдет ЧП по твоей вине — разговор будет серьезный! Если из-за тебя мой «дембель» оттянется хоть на один день, на один час — пеняй на себя! — сказал ему ожидавший всей душой дня отправки домой, грезивший наяву и во сне своей женой и маленьким сынишкой студент третьего курса педагогического института Василий Иванов.

В руках ротного командира есть эффективный рычаг мести старшим солдатам: если его разозлить, он может сделать так, что некоторые из них уедут домой в самый последний день, когда все уже разъедутся, и даже задержать еще дольше. На «стариков», которые после очередного приказа станут «дембелями», этот рычаг влияет очень сильно.

Похоже, Панасенко постепенно стал приспособливаться, привыкать к нравам «дедов». Если он и на учениях себя покажет, ротный командир обещает сделать его ефрейтором. А там, может быть, и сержантом станет.

Пошлет он тогда фотографию сержантскую своим родителям и подругам. Конечно, и опускаться до положения солдата, ходившего за чаем, из известного анекдота ему тоже не хочется. И еще в печенках у него сидят пробежки на шесть километров на утренней физзарядке. Если бы мог хорошо бегать, то, наверно, и перед Рубевским не лебезил бы: «Слушаюсь, к вашим услугам».

Каждое утро рота бегаёт кросс на шесть километров. Бегут все: и «духи», и «черпаки», и «деды».

Ох как не любит кроссы Панасенко! После первых трех километров у него темнеет в глазах, сердце бешено колотится, ноги тяжелеют, словно на них подвесили гири. Обычно он падает на полпути. Старым солдатам, считающим, что в разведроту не должно быть «жидких» солдат, такое дело не

нравится. Отделившегося от роты, лежащего на обочине, собирающегося с силами Панасенко кто-нибудь поднимает за шиворот и, подстегивая ремнем, гонит вперед. Через некоторое время Панасенко опять падает, его опять поднимают, и снова все повторяется...

А раз так, против «стариков» не попрешь. Если не можешь пробежать кросс, бегаешь по разным поручениям.

Дроздову сегодня опять всю ночь стоять у тумбочки дневального, хотя вчера он уже был дневальным, не смыкая глаз, до рассвета наводил блеск в туалете и умывальной, мыл пол в красном уголке.

Сегодня дневалит Рубевский. Сало сходил вместо него на вечерний развод, а ночные обязанности «дед» свалил на Дроздова.

Ладно, он выдержит. Ведь через год кто-то будет драить полы вместо него. Это согревает душу. «Если Мантана опять начнет задирать Карахмета, придется заступиться за него. Хоть и татарин — парень он хороший», — решил Дроздов.

* * *

У Ильина испортилось настроение, после того как своими глазами увидел результаты стрельбы своей роты. Он было уже решил отомстить «дедам», но старший лейтенант Швалюк опять поселил в нем сомнения. В канцелярии, кроме них, находился еще и старший лейтенант Данилов.

Между офицерами произошел следующий разговор.

— Прижму я хвост этим балбесам! — сказал Ильин.

Стоявший у окна и смотревший на улицу Данилов тут же поддержал его:

— Иван Григорьевич, в нашей роте очень нездоровая атмосфера. Сердцем чую, это к добру не приведет.

В разговор вмешался Швалюк:

— Тогда иди и доложи об этом начальнику штаба. Так-то скажи и так-то...

Ротный возразил:

— Швалюк, а зачем идти к начальнику штаба? А тебя зачем сюда поставили? Ты старший лейтенант, более того, собираешься стать ротным командиром, как ты можешь такое говорить? Ты здесь вообще для чего?!

— Иван Григорьевич, товарищ старший лейтенант, я ведь не призываю притеснять молодых солдат старшими солдатами, не потворствую им. Осенняя проверка уже на носу. Если мы сейчас возьмемся за рубевских, михайловых...

— И манатовых! — перебил его Данилов.

— Да, если мы сейчас за них возьмемся, как мы выдержим проверку? Вот о чем я думаю. Наша рота будет объектом для насмешек. Потом Коваль покажет нам кузькину мать. Вот что меня заботит сейчас.

— Швалюк, а давно ты начал заботиться обо всей роте? Ты сначала думай о своем взводе, ведь ты — взводный командир, — напомнил Ильин.

— Ну, товарищ старший лейтенант, это уж слишком...

— Ладно, ладно, я пошутил.

Данилов повернулся к окну спиной.

— Эти люди, эти ребята ведь в армии пробудут всего два года. Давайте не будем об этом забывать. Потом на «гражданке» заживут своей жизнью. Как сможет солдат, два года пресмыкавшийся перед кем-то, смотреть в глаза любимой девушке? На мой взгляд, надо подумать и об этой стороне.

— Андрюш, ты говоришь не своими словами, ты книжек начитался, — сказал Швалюк.

— Эх, Толя, если бы ты думал так, как написано в книгах, может быть, из тебя получился бы прекрасный офицер.

Швалюк улыбнулся.

— Ладно, Андрей, слишком много ты стал критиковать. Я уже сказал: я «дедовщину» не поддерживаю. Но, друг, надо немного учитывать здешние условия, возьмем, к примеру, того же Манатова. Он хороший солдат. Технику знает как свои пять пальцев, отличник Советской Армии, художник-самородок. А как он жил год назад, как ты думаешь? Он ведь не приходил, на «дедов» не жаловался. Спокойно нес службу, повышал уровень военного мастерства, превратился в настоящего танкиста. Ну, в чем его можно упрекнуть?

— Те трое парней уехали в Афганистан только из-за Манатова. Из-за него они не могли чувствовать здесь себя людьми.

— Уехали, и что? Кто-то должен был отправиться в Афганистан. Ведь не я придумал этот Афганистан! Партия позвала туда наших ребят.

— Ха, конечно, позвала. Партия и позвала.

— Ну а раз так!.. — Швалюк, демонстрируя победу, вскинул вверх обе руки.

Ильин обрел дар речи:

— Ладно, товарищи офицеры, прекратим этот спор. Пусть пройдут осенние проверки, там видно будет, что делать. И все же, Швалюк, попрдержки своих солдат. Твои, похоже, самые горячие. Если произойдет ЧП, не видать тебе места ротного командира.

Швалюк опять улыбнулся...

* * *

Манатов второй раз отправил Сало на почту. Тот снова вернулся с пустыми руками — от Наташи нет писем уже второй месяц.

Тогда Манатов пошел на почту сам. Почту из батальона приносит молодой солдат. Кто же устроил на такую легкую работу его, еще не успевшего попробовать солдатской каши? Ведет себя словно на «гражданке». Этот «дух» не числится в разведроте, и это его счастье. Иначе ему бы показали, что значит военная служба!..

Тревога Манатова была уместной, очень даже уместной, писавшая полтора года каждую неделю Наташа молчит вот уже два месяца.

Первый год Александр тоже писал часто. Писал сам, а позже заставлял писать «духов», придумывая для Наташи разные причины, почему пишет не он.

Если в жизни что-то не ладится, то надолго. Хватило бы одного происшествия с тем «духом», а тут еще Наташа не пишет. Посмотрите-ка на него, а! Замухрышка! На такого «деда», как он, пытается поднять руку. «Все, не видать тебе жизни до самого моего отъезда!» — точил зубы Манатов на Карахмета Амирханова, храбрился перед собой. Несколько раз продумал наказание для «духа» Амирханова. Только один момент вселял сомнение, настораживал — он первый раз в жизни столкнулся с татаринном. Слышать слышал, даже видел на рисунках в учебнике по истории. Верхом на лошадях, вооружены саблями или копьями, узкоглазые, кривоногие, страшные люди.

Да, неспроста же они двести лет держали в страхе полмира! Эти амирхановы хоть и не похожи на узкоглазых татар со страниц учебника, все равно нужно в отношениях с ними знать меру.

Карахмет чувствовал странноватое отношение к себе. Но откуда он мог знать, в чем дело? Если бы знал, сказал бы: «Я не потомок татаро-монголов, нет!» Хотя даже в школе говорили обратное. Тогда, обессилев, не найдя аргументов против, он подчинился судьбе, привык. Этим даже можно было воспользоваться, как щитом, когда нужно сберечь себя. Дескать, попробуйте только тронуть наследника татаро-монголов!..

Тронули Карахмета, завели в комнату для сушки белья и отдубасили втроем — Рубевский, Манатов и Михайлов.

Позвали его опять-таки через Сало. Иванова в это время не было.

Карахмет, покусывая губы, отправился к «старикам».

У двери Карахмет задержался, услышав, как Рубевский ругал Манатова:

— Из-за тебя, Мантана, падает авторитет ротных «стариков». Ты зачем позволил этому салаге на себя руку поднять?

В ответ послышалась ругань Манатова.

Он набросился на Карахмета, едва тот вошел. Рубевский и Михайлов поспешили на подмогу.

— Не бейте в лицо! В лицо не надо! — слышалось временами Карахмету. Как только мог, прикрывал парень от безжалостных кулаков лицо и живот. Удивительно, на этот раз у него не было желаний драться, он только защищал себя...

Удовлетворившись, «деды» позвали Сало и Дроздова и приказали сунуть голову Карахмета под кран с холодной водой.

Карахмет подчинился, казалось, что губы у него сжались не от злости, а от боли. Да! Не подчинение ли это судьбе, не примирение ли с существующим положением?

Вечером Панасенко подошел к Карахмету.

— Тебя Мантана зовет, — сказал он.

Карахмет закусил губу.

Мантана растянулся на своей кровати в глубине казармы.

— Ваня, давай вместе противостоять им, — шепотом предложил Карахмет. Глаза Панасенко широко раскрылись, он огляделся по сторонам, не подслушивает ли их кто-нибудь, и тихонько произнес:

— Ты что? Жить надоело?

Карахмет махнул на него рукой и направился к Мантане.

— Чего? — сказал он, приближаясь, мысленно готовый к очередной пакости.

— Сделай массаж на спине!

— Я не умею делать массаж.
— Тогда позови Сало. Он научит.
Карахмет ушел на поиски Сала. Тот возился в каптерке.
— Тебя Мантана зовет.

Сало хотел что-то сказать Карахмету, но только подумал: «Ну что ты выступаешь против «стариков»? Не надо, потерпи, потерпи, друг. Настанет день, и мы тоже заживем как короли».

Умел ли до армии Сало делать массаж или нет, только сейчас у него это здорово получалось. Азы массажа он показал Карахмету. В этот момент в казарму вошел ротный командир. Карахмет вздохнул с облегчением.

* * *

«Пу-у-у!» — подал сигнал поезд и начал сбавлять скорость.

Карахмет посмотрел в окно. Похоже, что проезжают маленькую станцию: мелькнули огоньки, и вагон снова провалился во тьму.

Старший лейтенант Швалюк вышел из купе проводника. «Ну как, порядок?» — спросил он у Карахмета и, не желая надолго оставлять Серафиму в одиночестве, вновь вернулся в купе и запер дверь.

До сегодняшнего дня он не сравнивал Серафиму со своей женой. Любовница хоть и уступает Василисе в красоте, но очень привлекательная женщина. Округлое упругое тело, высокая грудь, колдовские синие глаза вряд ли оставят мужчин равнодушными. Кажется, что Серафима пришла в этот мир любить и быть любимой.

Серафима, всегда отвечающая улыбкой, сегодня какая-то другая. Словно стесняется смотреть в глаза Анатолия, старается спрятать свой синий взгляд. Но сегодня она ласковее, чем обычно, будто решила всю свою нежность излить на него.

— Толя, — говорит она, будто бы хочет сказать ему что-то, и вдруг замолкает.

Швалюк смотрит ей в глаза:

— Да.

— Толя, ты меня любишь?

— Сима, что с тобой? Ты ведь прекрасно знаешь.

— Нет, ты мне еще раз скажи.

— Ну... люблю, конечно.

— Очень сильно любишь?

— Сильно, Сима, очень сильно.

— Тогда почему не женишься на мне?

— Как это? Я же женат.

— А с ней разведись.

— Ладно, Сима, брось, я ведь тебя люблю, очень люблю. — Старший лейтенант привлек женщину к себе. — Давай ляжем, — говорит он.

В синих глазах Серафимы серебрятся слезы. Она не возражает Швалюку, проводит рукой по расправленной постели, поправляет ее и, как обычно, без стеснения и долгих уговоров начинает раздеваться. Сначала расстегивает молнию на спортивном костюме, затем легким движением расстегивает бюстгалтер, поддерживающий ее высокую грудь, затем снимает костюм.

Швалюк, приподнявшись, тянется к Серафиме и, уткнувшись носом в грудь, горячо шепчет:

— Красавица моя, ангел мой...

Серафима скрывает в душе тайну, которую хотела открыть Анатолию. Тайна пока остается в ней.

Вагон мерно покачивается, словно колыбель ребенка. Кажется, что поезд больше никогда не остановится...

А тайна принадлежала не только Серафиме, не ей одной...

В свой день рождения Василиса решила не собирать гостей. Не захотела в свой единственный праздник в году ухаживать за гостями. Лучше они проведут его вместе с мужем. Проведут одни, сидя друг напротив друга.

Хоть и не было приглашенных, женщина накрыла щедрый стол. Она любит готовить праздничные угощения. Получает от этого огромное удовольствие, вникает во все тонкости, стол сервирует со вкусом.

В праздники Василиса испытывает огромную радость, в эти дни она расцветает, чувствует себя луговой бабочкой, порхающей с цветка на цветок.

Старший лейтенант тоже одобрил идею провести день рождения вдвоем. Он и сам не очень-то любит возиться с гостями и захотел провести праздник наедине с такой красивой женой.

Давно Анатолий не видел свою жену окрыленной, танцующей и давно уже не любил ее так сильно.

Но неожиданно и Швалюка и Василису Руслановну точно огрели кочергой по голове: старшего лейтенанта отправили на сутки в Минск начальником караула.

Начальником караула с разведротой должен был ехать лейтенант Данилов. Но его в срочном порядке вызвали в окружную газету.

Швалюк вышел из дома, пообещав жене скоро вернуться. А придя в бригаду, узнал плохую новость. Озадаченный, растерянный старший лейтенант попытался объяснить свою ситуацию, начальник штаба даже не закричал, как обычно, а спокойно произнес:

— Не ездь, если не хочешь быть командиром роты.

Дежурная машина, увозившая караул в Минск, проезжала мимо КПП, Швалюк крикнул Манатову, стоящему там в наряде:

— После наряда сходи ко мне домой, скажи, что я уехал в караул.

Манатов, сдав наряд, направился в городок.

Василиса уже закончила приготовления и ждала возвращения мужа, чтобы сесть к столу. Сначала она заволновалась, услышав звонок в дверь, но затем светло улыбнулась: Толя, похоже, специально не открывает дверь своим ключом, хочет, чтобы его торжественно встретила жена.

У двери стоял солдат из взвода ее мужа.

— Здравствуйте! — сказал солдат. — Товарищ старший лейтенант...

Манатов не успел договорить, он увидел празднично сервированный стол, женщину, которая была еще красивее, чем обычно, и оторопел.

— Толя где? — теряя терпение, спросила Василиса.

— Товарищ старший лейтенант... это... просил передать... он уехал на гарнизонную гауптвахту, в караул, в Минск. Данилова куда-то вызвали.

— В караул?! Минск?!

Красивые глаза женщины широко раскрылись, на прелестном носике выступили капельки пота, дуги бровей запылали.

— Сволочь! — крикнула она каким-то чужим голосом и с грохотом захлопнула дверь перед Манатовым. Ему показалось, что листья, которые он нарисовал, осыпались на пол.

Манатов некоторое время собирался с мыслями: «Сволочь? И почему это я сволочь?» И догадавшись, что эти слова предназначены не ему, а его взводному командиру, медленно повернулся и шагнул к лестнице. «И почему вдруг Швалюк сволочь? Что произошло?» — подумал он, пытаясь разгадать загадку.

Дверь снова отворилась. На полу словно послышался шелест «осыпавшихся» недавно листьев.

Манатов обернулся. По щекам Василисы катились слезы.

— Сегодня мой день рождения. Заходи, Шура! — сказала она. В ее голосе прозвучали просьба и приказ одновременно.

«Какое мне дело до твоего дня рождения? Я выполнил свой долг, теперь вот иду обратно...»

— Проходи, проходи, Шура!

Манатов, подчиняясь то ли приказу, то ли красоте, вошел в дом.

— Проходи! Не дергайся. Здесь никого нет.

Как ни старался Манатов не смотреть на заполненный яствами стол, его желудок, не видевший ничего кроме солдатской каши, подавая сигнал готовности, громко заурчал. Солдат, застыдившись невоспитанности своего желудка, будто бы снимая сапоги, наклонился вниз, чтобы не встретиться со смеющимся взглядом хозяйки. При наклоне воздух внутри сжался, и желудок опять подал громкий голос.

К счастью, Василиса уже ушла на кухню.

Манатов со злостью стукнул три раза по животу. Урчание затихло.

Манатов начал понимать, почему старший лейтенант «сволочь». «Ладно, Швалюк переживет. Мне не помешает разок полакомиться пищей «гражданки», — решил солдат, облизывая губы.

Василиса поставила на стол бутылку коньяка.

— Проходи, садись, — она подвела солдата к столу. И внезапно, будто что-то вспомнив, проговорила: — Сейчас, сейчас, Шура, ты садись к столу. А мне нужно быстренько кое-куда сходить. — Она накинула плащ и выскочила за дверь.

Ей уже намекнули, что муж ее равнодушен к буфетчице Серафиме. Однажды, встретившись в магазине, об этом ей шепнула жена ротного командира Ильина.

Василиса не поверила, подумала только, что жена командира за что-то зла на ее мужа. Хотя и поверила она словам солдата, но у нее все же оставались сомнения, она хотела убедиться, увидеть своими глазами.

Василиса со всех ног побежала к дому, где жила Серафима. Она приблизительно знала, где живет буфетчица, и квартиру ее нашла очень быстро, а потом вышла на улицу и, встав за дерево, уставилась на окна Серафимы. Света не было, видимо, она еще не вернулась с работы. Василиса, успокоившись,

повернулась и шагнула в сторону дома, не услышав, что кто-то идет за ней. Она и не предполагала, что Серафима знает ее в лицо.

Василиса принесла Манатову тарелку дымящегося супа и тоже села за стол.

Солдат, решив, что не стоит терять время впустую, принялся за еду, стараясь есть не чавкая. Он не решался поднять глаза на Василису, ему было стыдно за свой зверский аппетит.

Василиса не притронулась к еде, склонив голову, она наблюдала за солдатом, соскучившимся по домашней еде. Таким близким, родным показался ей этот солдат, что женщина почувствовала себя матерью. Вот пришел ее голодный ребенок, попробовал сваренный ею суп и так увлекся, что не глядит на мать, только ушами шевелит.

Василиса улыбнулась своей фантазии. А вот вместо этого солдата сидит ее старший лейтенант. Пришел с работы, ест молча. Нет, Швалюк ест не так, он ест как-то не по-мужски, он ест бесшумно, обстоятельно, культурно. Ах, если бы Швалюк умел чавкать! Вот как этот солдат...

Василиса снова улыбнулась.

Манатов как ни старался есть бесшумно, не получилось, как ни старался есть медленно, тарелка опустела мгновенно.

Василиса пододвинула к Манатову бутылку коньяка.

— Открой, в день рождения и выпить не грех.

Манатов уже начал привыкать к ситуации, в которую попал. Он послушно потянулся к бутылке и, по привычке открывать пробку зубами, поднес бутылку ко рту.

Василиса, наблюдавшая за каждым его движением, остановила его.

— Подожди! На, возьми! — сказала, протягивая нож.

Манатов покраснел до мочек ушей и мысленно отругал себя. Ругая себя, разлил напиток по рюмкам, чокнулся с Василисой и выпил.

Василиса тоже выпила свою рюмку до дна и, откусывая шоколад, опять потянулась к бутылке. В этот раз она не просила Манатова, сама разлила и предложила выпить. Так одну за другой они выпили по три рюмки.

Манатов почувствовал легкое головокружение, и решил, что надо скорей уходить отсюда.

— Я уж пойду, спасибо вам, Василиса Руслановна!

Разомлевшая от выпитого женщина встрепенулась, быстро поднялась с места.

— Нет, нет, не спеши! Мне одной скучно.

Она включила стоявший перед шкафом проигрыватель.

— Мне нужно идти, Василиса Руслановна.

— Нет, нет, сейчас, только потанцуем.

Манатов сел на место. Женщина, вальсируя, сделала два круга по комнате и присела на диван в углу комнаты.

Подол платья задрался, обнажив округлые колени. Она развела руки в стороны, откинула голову назад и опустила длинные черные ресницы. Вырез платья открылся, свет, излучаемый обнаженным телом, затмил лучи люстры на потолке, ударил в глаза Манатова.

— Извини, Шура, я немного опьянела, — сказала женщина сладким голосом.

Солдат, подчиняясь какой-то внутренней команде, поднялся с места и сделал два шага в ее сторону. «Что ты делаешь, Мантана? Конец тебе! Мантана!» — твердили ему клеточки головного мозга, до которых не успел дойти алкоголь.

Манатов резко повернулся и быстрыми шагами прошел на кухню, открыл кран, налил воды в ковшик и выпил на одном дыхании. Вроде бы немного остыл. Снова вышел в комнату, где сидела Василиса. Подол платья у женщины задрался еще больше, демонстрируя голую ногу во всей красе.

Солдат собрал все свои силы.

— Мне пора идти, Василиса Руслановна. Спасибо вам! — произнес он.

Длинные черные ресницы женщины раскрылись. Она слегка приподняла голову.

— Давай выпьем еще немного, — сказала она и одной рукой пыталась потянуть вниз чересчур задравшийся подол платья, но он задрался выше прежнего.

Манатов крепко зажмурил глаза. Откуда-то издалека, из крошечной тьмы донеслось:

— Шура, давай выпьем!

Чокнулись. Василиса проглотила коньяк, закрыв глаза, потянулась к столу, чтобы поставить рюмку, и уронила ее на пол. Манатов с вежливостью военного наклонился за рюмкой к ногам Василисы.

— Я больше не могу, больше не могу. Прости меня, Василиса, прости! — и одновременно: — Только не говори «нет», пожалуйста, не говори «нет», — уставился в прикрытые глаза женщины. Она молчала, она как будто бы спала. Терпение Манатова иссякло, он взял Василису за руку и начал бешено целовать. Женщина не шелохнулась.

Манатов, не встретив сопротивления, не удовлетворился целованием рук, принялся снизу вверх расстегивать пуговицы на ее платье. Расстегнул одну, потянулся к другой, руки задрожали, он мучился,

не умея расстегнуть и забывшись, хотел вырвать пуговицу зубами. В это время Василиса громко рассмеялась.

По подошвам Манатова прокатились огненные шары.

— Оторвешь ведь, — сказала Василиса еще нежнее, чем прежде, и, отведя руки Манатова, сама сверху донизу начала расстегивать пуговицы на платье.

Манатов слышал, как каждая пуговица издает звук «черт-черт», затем, увидев не уместившуюся в тесном гнезде высокую белоснежную грудь, засверкал глазами и словно ослеп, не понимая, явь это или сон, протянул руку и, поняв, что явь, словно лишился рассудка.

— Уф! Вот какое блаженство, оказывается, бывает на свете! — прошептал он. — Прости уж меня, товарищ старший лейтенант!

Горячее дыхание красивой женщины совсем помutilo разум рядового Александра Манатова...

Василиса Руслановна отомстила мужу, старшему лейтенанту, за свой день рождения...

Как бы хорошо ни было дома у старшего лейтенанта, Манатову нужно было возвращаться в бригаду.

Он поспешно оделся и, подойдя к нежившейся на диване женщине, стесняясь, прошептал:

— Извините уж меня, Василиса Руслановна.

Женщина потянулась к нему одной рукой, притянула к себе и погладила по голове:

— Ладно, солдат, иди, не поминай меня лихом.

Только что пережитая сладостная жизнь осталась за стенами квартиры Швалюка. Мысли Манатова опять вернулись в его собственную жизнь. «Что это был за сон?» — пробормотал он и, словно желая еще раз прочувствовать его, обернулся.

В окне Василисы Руслановны сиял свет.

Манатов остановился, немного постоял, не отрывая глаз от ее окна, и быстро зашагал прочь.

Стук подкованных сапог об асфальт немного рассеял туман в его голове, казалось, что стук шагов слышится по всей земле. Он прыгнул на газон. Стук подков заменило возбужденное биение сердца. Выстроившиеся вдоль дороги фонарные столбы освещали его, словно преследуя.

Уже на подходе к бригаде на его пути словно из-под земли возник патруль.

Завидев КПП, солдат потихоньку стал успокаиваться, принялся вспоминать об оставшейся в квартире старшего лейтенанта сказке и потерял бдительность: вовремя не заметил солдат с офицером.

Любовная нега и пары коньяка все еще владели им и вопрос: «Откуда идешь, солдат?», заданный начальником патруля, застал его врасплох, лишил дара речи.

Начальник патруля сам подошел к солдату и, учуяв запах алкоголя изо рта тяжело дышавшего от перепуга Манатова, приказал:

— Военный билет!

— Посыльный я, товарищ капитан!

Капитан, даже не взглянув на жетон, повторил приказ:

— Военный билет!

Манатов не мог слушаться.

Взяв военный билет, начальник патруля живо снял с него ремень и повел в соседний батальон разведчиков.

Манатова вместе с другими четверьмя «грешными» солдатами увезли в гарнизонную гауптвахту.

Манатов вспомнил, что сегодня начальником караула на гауптвахте был старший лейтенант Швалюк, и носом хлынула кровь...

* * *

Похоже, этот поезд никогда не остановится. Колеса все перестукиваются, вагон качается себе и качается.

Перед отъездом в Москву Карахмет получил письмо от Юсуфа. Солдат вынул его из нагрудного кармана. Юсуф писал о деревенской жизни и в конце письма написал: «Карахмет абый, знаешь, а ведь у Назиры-то ноги выпрямились!!!» Будто бы первая заметила это ТАСС Хабарчесе. «Хай, дочка, пока ты разносила почту по двум деревням, ноги-то ведь твои выпрямились!» — сказала старушка Хупджамал.

Назира сначала в это не поверила, раздав почту, поспешно вернулась домой и, встав на табуретку, посмотрелась в зеркало — а ноги прямые, как свечки!

Вот дела! Вся деревня была удивлена этими переменами. Услышав об этом, Юсуф сразу же написал брату письмо.

Прочитал его Карахмет и засмеялся от души, может быть, впервые за последние полгода. «Ну, Юсуф!» — упрекнул он про себя братишку. Только самому ему очень хотелось, от всей души хотелось верить этой новости.

В этот момент он почувствовал острую тоску по родной деревне. Вот бы съездить туда хоть на часок и, не попадаясь на глаза односельчанам, со стороны понаблюдать. А вечером, когда, вздымая пыль, по центральной улице семидворовой деревни возвращаются ее девять коз, тридцать девять баранов, пять коров, встать посреди улицы, окунуться в клубы пыли и крикнуть: «Хэй! Односельчане! Я соскучился по вас! Я люблю вас, и бабушку Хупджамал ТАССР Хабарчесе, вон того хромого гуся, и вашего красного петуха с отвисшим гребешком тоже люблю! Мама, Назира, Юсуф, односельчане, не беспокойтесь, я, охраняя ваш покой, не смыкаю глаз!»

Последние слова, конечно, он скажет только для успокоения односельчан, к счастью, они не знают, как он ночью пересчитывал клеточки в туалете...

Не знают они также о ночных подъемах по тревоге. В праздничные дни их бывает особенно много.

Солдаты прислушиваются к дыханию дежурного сержанта с красноватыми глазами. Он еще не успевает докричать:

— Рота! Трево-о-о-о-га-а-а! — как казарма вскакивает, посыльные готовятся бежать за офицерами; солдаты, сержанты действуют согласно выученным наизусть боевым инструкциям, бегут каждый по своему делу.

«Может, война?!» — эта страшная мысль сверлит мозги. В спешке никто не обращает внимания на спокойно спящую в соседней казарме роту инженеров-саперов. Сердца колотятся, ноздри широко раскрыты, в душе тревожно. К счастью, в этот момент в казарме появляется дежурный по бригаде офицер.

— Разведчики! — говорит он и, покашляв, просит, именно не приказывает, а просит: — В столовой сломалась машина, чистящая картофель, спасайте бригаду, иначе останемся без завтрака. Всем вам уже приготовлены ножи!

«Слава богу, не война!» — облегченно вздыхает рота.

Чтобы поймать любителей ночных путешествий, в деревню, расположенную по соседству с бригадой, разведроту поднимают и среди кромешной ночи.

* * *

Сколько же колес у этого поезда? Для этого нужно сначала узнать сколько вагонов.

Карахмет сам себе укоряюще улыбнулся: «Хватит уж тебе ломать голову из-за всякой ерунды!»

Дроздов и Панасенко спят, посапывая. Если бы поезд нигде и никогда не останавливался, они бы и не просыпались.

Веки Карахмета стали тяжелеть. Он начал готовить себе место, чтобы прилечь. Вот и Сало идет с другого конца вагона.

— Карахмет, не знаешь, когда будет станция? — спросил он, подойдя.

Карахмет пожал плечами, показывая, что понятия не имеет.

— Зачем тебе? — поинтересовался он.

Глаза Сало блестели ярче обычного.

— Тс-с-с, — сказал он, поднося палец к губам, и полез в нагрудный карман.

Увидев в руках Сало двадцатипятирублевые купюры, красные червонцы, пятерки, трешки, Карахмет лишился речи.

— Откуда?

— Пацаны собрали. Я им сказал, что старший лейтенант велел собрать деньги за проезд.

— Петя, ты что?!

— Тихо ты, не кричи, Швалюк услышит. На станции надо бы сходить в магазин. Долго ли до станции?

— Идиот, иди быстренько раздай обратно!

Сало, отодвинув ноги Дроздова, сел на край.

— С ума сошел? Столько денег! Сейчас поделим поровну на четверых.

Карахмет резко сел.

— Я тебе говорю — раздай скорей, пока никто не видел!

— Сейчас, разбежался! Если тебе не нужно, разделим на троих.

От шума проснулся Панасенко. Дроздова Карахмет разбудил сам и вкратце рассказал обоим, что случилось. Панасенко не удивился.

— Ну и что? У нас тоже так собирали, два сержанта, узбекские парни, — сказал он и начал зевать, широко открывая рот.

Карахмет вопросительно посмотрел на Дроздова.

— Правильно, нужно раздать, — подтвердил Валера.

— А что, с тебя не собирали, когда ты уходил в армию? — спросил у него Сало.

— Собрать-то собирали. Только я не дал, денег не было.

— Да ладно, парни, вы че? Опять бывшие проблемы тащите?.. Хватит, кончилась та жизнь, сейчас у нас начинается новая. Что вы жалеете этих сопляков? Деньги — ерунда по сравнению с тем, что им предстоит пережить.

Карахмет и раньше подозревал, что у Сала есть такая склонность. Этот лизоблюд Сало готов душу отдать из-за денег. Каждый раз, получая положенные солдату ежемесячные семь рублей, он своими наполовину шутливыми, наполовину серьезными разговорами надоедал окружающим:

— Я что, за эти семь рублей должен в людей стрелять, да? За семь рублей на живого человека направить дуло автомата должен, а?

— Кто тебя просит целиться и стрелять в людей? — спрашивают у него. Он тут же отвечает:

— А что если вдруг война начнется? Придется стрелять по врагам, придется!.. Вспомнив это, Карахмет сжал губы, потом произнес со злостью:

— Раздай обратно, Сало, или пеняй на себя!

Дроздов и Панасенко промолчали.

Карахмет возмутился:

— Вы что, ребята, забыли, как со слезами на глазах клялись: «Когда приедут молодые, мы их и пальцем не тронем! Забыли, что ли?»

Дроздов посмотрел Карахмету в глаза, медленно встал с места и положил руку на плечо Сала:

— Айда, Петя, пойдем. Раздай им деньги.

Оторопевший от подобного развития событий, Сало, словно ища поддержку, уставился на Панасенко:

— Они ведь не «духи» нашей роты!

— Иди, Петя, иди, верни им все!

После слов Панасенко Сало нехотя поднялся.

«Пу-п-у-у, пу-у-у!» — просигналил поезд.

«Сколько же колес у этого поезда? Сначала нужно узнать, сколько у него вагонов...»

«Пу-п, пу-у-у!» — опять просигналил поезд, набирая скорость.

Старший лейтенант Швалюк проснулся и приподнял голову, хотел узнать, который час, но на его левой руке с часами лежала голова Серафимы. Швалюк осторожно освободил руку. Серафима открыла глаза:

— Что, уже приехали?

— Нет, нет, Сима, спи, рано еще.

Но Серафима тоже присела и, ласкаясь, уткнулась головой в грудь Анатолия.

Колеса вагона, постукивая, продолжают переговариваться с рельсами, вагон, словно колыбель ребенка, плавно качается.

— Толя, переезжай ко мне, когда вернемся. Если хочешь, переедем в другое место, я с тобой готова хоть на край света.

— Сима, ты же знаешь, что я женат.

— Ну и что?

— Нет, нет, Сима, мы с тобой так не договаривались. Я тебя, конечно, люблю очень сильно...

— И как долго ты собираешься жить с женщиной, которая тебе даже ребенка родить не может?

— ...

— Знаешь, Толя...

— Да, Сима.

— А она ведь тебе изменила.

Вагон занесло на повороте.

Швалюк, не успев за что-нибудь ухватиться, прижал прислонившуюся к нему женщину к стене.

— Что ты сказала?

— Я сама видела. Ты в тот день был в карауле. Я с работы возвращалась, а твоя жена почему-то ходила возле нашего дома. Я проследила за ней. Около половины десятого от нее вышел солдат.

— Солдат?!!

— Солдат. Помнишь, ты прислал мне в чайхану троих солдат из своей роты, перетаскивать мешки с сахаром. Там был худой, длинный солдат.

— Манатов.

— Кажется, так. Твоя жена вышла проводить. «Если попадешься патрульным — я пропала», — сказала она ему вслед.

— Нет, нет!! Нет!!! С этим вонючим солдатом?

— Этот парень, кажется, очень шустрый.

— Если это правда... Если окажется правдой... убью, обоих пристрелю своими руками!

— Тс-с-с... — Серафима прикрыла Анатолию рот ладошкой. — Тише, Толя, тише. Услышат.

Женщина прислонилась обнаженным телом к офицеру, двумя руками обхватившему голову, потрясенному услышанным известием. Только Швалюк грубо, бесцеремонно оттолкнул ее и, встав с места, принялся торопливо одеваться.

— Ну! Василиса!!! Ну! Манатов!!!

Швалюк с покрасневшимся лицом на весь вагон крикнул во всю силу:

— Подъем! Всем подъем! Живо!!!

Растерявшийся от этого неожиданного приказа вагон замер на мгновение, затем начал шумно просыпаться, ожил.

Старший лейтенант все еще кричал во весь голос:

— Подъем! Всем подъем! Живо!!!

Только старший лейтенант еще сам не знал, что скажет, что будет делать, когда все новобранцы встанут.

«Пу-у-у» — просигналил поезд. Состав Москва — Брест приближался к Минску.

Сдав новобранцев, как положено, старший лейтенант Анатолий Швалюк напрямик вернулся в казарму. Солдат, которые были с ним, он отправил туда раньше.

Войдя в казарму, Швалюк увидел, что рота выстроилась у канцелярии. Головы солдат опущены вниз, старший лейтенант Ильин ходит вдоль строя туда-сюда. Лейтенант Данилов стоит в углу, кусая губы. На Швалюка никто не обратил внимания, даже дневальный, недоумевая, подошел к ротному командиру. Но тот и не заметил его, остановился и, глядя на роту, крикнул:

— Вы тут с жиру беситесь! Вы тут обнаглели! В Афганистане в это время ваши ровесники истекают кровью! После такого... После такого...

Ком в горле прервал речь ротного командира, его глаза застлала слезы. Швалюк, все еще недоумевая, подошел к Данилову:

— Что случилось?

— Там, в Афганистане, наши трое парней, Хафизов, Матусов, Нападовкин... всех одновременно, всех троих в первом же бою... гранатометом...

Старший лейтенант Швалюк встал напротив ротного командира, пожирающим взглядом окинул роту, ища кого-то, и крикнул страшным, нечеловеческим голосом:

— Где Манатов?! Где Рубевский?! Где Иванов?! Это вы виноваты, вы, вы! Вас надо призвать к ответственности! Они отправились в Афганистан, не выдержав ваших издевательств! Где Манатов?! Где Михайлов?! Где Рубевский?! Где Иванов?!

Командир роты дождался, когда он выскажется, и спокойным голосом сказал:

— По вашей просьбе Манатова отправили домой, и остальные тоже попали в первую партию.

Швалюк ничего не ответил. Крепко стиснул зубы и, пошатываясь, вышел из казармы.

Перед послесловием

Командиру разведроты Ильину присвоили звание капитана. По этому поводу в одно из воскресений он организовал дома вечеринку.

Сразу же после этого старшего лейтенанта Швалюка перевели в танковую бригаду командиром роты. Он стал жить с Серафимой.

Василиса Руслановна, после того как муж, вернувшись из Москвы, избил ее, уехала в свой родной город Новгород.

Лейтенанта Данилова взяли корреспондентом в окружную газету. Он уже успел получить гонорар за статью «Решительные меры против издевательств над молодыми солдатами».

Послесловие

Среди крошечной тьмы дежурный по роте сержант, оглашая казарму, крикнул:

— Тревога! Тревога!!!

Для Карахмета, видевшего во сне, как он входит в лес у родной деревни, эти крики прозвучали как команда: «Подъем!» «Подъем! Подъем!» Он очнулся ото сна и удивленно, с недоумением приподнял голову.

— Тревога! — опять крикнул сержант.

Следом команду повторил дневальный:

— Тревога!!! Тревога!!!

*Перевод Дамира Гиниятуллина,
Талии Шарафиевой*

ДВА БИЛЕТА НА ТРАГЕДИЮ

Сегодня знакомый артист дал ей два билета в театр.

— Каждый по три рубля? — поразилась она и, шмякнув тряпку на стол перед носом артиста, принялась разглядывать билеты.

— Убери ты эту тряпку от меня, бога ради, — взмолился артист, брезгливо отодвигая мокрую и грязную тряпку кружкой с пивом.

Уборщица взяла тряпку, продолжая разглядывать билеты.

— Нет, правда, каждый по три рубля?

Артист открыл было рот, чтобы ответить, потом передумал, допил последнюю кружку и сказал уборщице, которая все еще потрясенно пялилась на него:

— Да, спектакль «Тахир и Зухра».

Потом добавил:

— Трагедия.

И протиснулся в полуоткрытые двери.

— Каждый по три рубля! — выкрикнула ему вслед уборщица.

Вот те на! Вот тебе и пиво без очереди! И на цену ведь не посмотрел, а обещал давно — и, гляди-ка, принес!

Уборщица гордо оглядела пивную. Разделить радость было не с кем. Народ хлебал по углам пиво или же толпился у стойки.

Где там! С такими не радость, только пиво и делить. Вламываются в дверь и очертя башку лезут к кассе — ну, точно коровы на водопой!

Ага, вот один знакомый. Одет хорошо, при галстук, весь из себя чистенький. Только вот как зовут, не знает. Он уже с месяц сюда ходит. Уборщица обычно приносит ему пиво без очереди и пристраивается пообщаться. Глядишь, и ей кружечка перепадет.

В прошлый раз он вроде недовольный ушел. Но уборщица по привычке принесла ему пива и встала напротив:

— Вот ты на собрании против пьянства руку поднимал, а? Ну-ка скажи!

— Ну, поднимал, — буркнул «галстук».

— И ведь против себя пошел! Что ж ты, так и раздваиваешься? — не отставала уборщица.

— Не раздваиваюсь. Против пива я не голосовал.

— Так это ж одно и то же!

— Как это одно и то же? Пиво — это пиво. Его и великие люди пили и пьют.

— То-то и оно, что не одно и то же. После пива на водку тянет...

«Галстук» не отозвался, допил пиво и исчез.

Появился он только через пару дней.

Уборщица принесла ему пива и опять встала напротив.

— Не знаешь, сколько стоит билет в театр?

Видно было, не хочет «галстук» разговаривать с уборщицей, но и не поговорить нельзя — вон какая очередь у стойки! Не один час простоишь.

— Смотря на какой спектакль...

— Да Тахир какой-то...

— «Тахир и Зухра», что ли?

— Во-во, он самый.

— Ну, рубль, наверное.

Уборщица обрадовалась. «Во! В галстук, а не знаешь!» — удовлетворенно подумала она, улыбаясь во весь рот.

— Вот и нет, вот и нет! Три рубля.

Уборщица показала ему билеты.

— А-а... — сказал тот, как будто что-то вспомнив. — Слышал, слышал. Там все по-другому сделали. Конец изменили: после указа Тахир выпивает одеколон и помирает, а Зухра с горя кончает с собой. — И захихикал.

Уборщица не обратила на это внимания.

— Глянь-ка, — сказала она, поднося один из билетов к окну, — не фальшивый, а? Чего-то звездочек не видно!

— Это ж тебе не деньги, звездочки искать. Дай-ка на печать посмотрю... Ну, вот тебе печать, нормальный билет, не фальшивый...

Уборщица выхлебала кружку «галстукова» пива, сказала: «Приходи, я тебе еще принесу», и пошла к другой уборщице. Та была не в штате — так просто помогала кружки убирать, за что ей перепадало

немного пива. Со временем, может, и в штат возьмут... Да она и сама начинала работать так же, а через два месяца ее взяли уборщицей.

Подошла, — та как раз убирала пустые кружки, — и сказала:

— Я сегодня в театр иду. Ты уж тут одна давай — я пошла собираться.

— Куда, куда идешь? — не поняла та.

— Вот, — показала уборщица билеты, — в театр.

— А-а... — протянула та, но сборы и поход в театр, похоже, так осознать и не смогла.

Че это с ней? Она ж давно ее знает. И чтобы человек, который сроду не знал, как это слово-то произносится, просто так пошел в театр? И билеты за деньги купил?!

Недоуменно качая головой, она исчезла за дверью вместе с пустыми кружками.

А уборщица тем временем незаметно вышла из пивной. По дороге зашла в магазин, где ее муж работал грузчиком. А что, не муж, раз полгода вместе живут?

Жаловался, что жить негде, — так она его к себепустила.

Все пополам делят, но все как раз на пьянку и уходит. А другой жизни они себе и не представляют.

Пришли домой. Муж против театра не возражал. Да он вообще с ней не спорит. Иногда только голос поднимает — ну, если она втихаря напьется.

— А в чем пойдём? — спросил с порога.

У уборщицы одежда хоть и старая была, но еще приличная, без дыр. У мужа с одеждой проблема: ни приличной рубашки, ни костюма, чтобы в люди выйти.

— Я не пойду, — угрюмо сказал муж, — в таком виде меня не пустят.

— Что ж мне, одной идти?! Я еще ни разу в театре не была, одна не пойду! Не-ет!..

— Билеты пропадут. Иди уж, иди, вон подругу с собой возьми...

— В такие места парами ходят! Не пойду я ни с кем! Все равно денег не дадут.

Муж уселся на стул в углу, как бы говоря: делай как хочешь.

— Давай вот этот костюм почистим, — она схватила истрепанный костюм, висевший на спинке стула.

— Да он дырявый, — махнул рукой муж, — его не наденешь.

Жена швырнула костюм на пол и забегала по комнате.

— Ну не ходи. Одна пойду. Не могу я допустить, чтобы из-за тебя пропали шестирублевые билеты.

И начала собираться, ворча себе под нос.

Тут как раз пришел знакомый. Вошел и, ни слова не говоря, поставил на стол бутылку дешевого вина.

— На две денег не хватило. Вот те сдача. — И высыпал медяки на стол около бутылки. Это они договорились, ну, что тот бутылку принесет.

— А мы в театр идем, — сказала жена. — Туда пьяными не ходят.

— Дак я же не иду, — неуверенно сказал муж, поглядывая то на жену, то на бутылку.

— Идешь! И ты идешь!

Жена схватила гостя за рукав.

— Одолжи-ка костюм в театр сходить.

— На, мне не жалко. — Знакомый разделся и вручил костюм женщине. — Так давай сначала выпьем.

Жена повертела бутылку в руках. Отказаться было нелегко. Только если ее открыть, мужа потом и трактором из дома не вытащишь. А билеты-то шесть рублей стоят! Немного добавить — и три таких бутылки купить можно...

— Нет! — отрезала жена. — Мы в театр идем. А это сам пей.

Тот не сопротивлялся, сунул бутылку за пазуху и был таков.

Вышли. Идут. Шаг за шагом приближаются к театру. Театр недалеко — только дорогу перейти.

До спектакля еще много времени. Пришедшие заранее пары прогуливаются перед театром. Многие спрашивают лишний билетик. Подходят, считай, ко всем.

Только у них никто не спрашивал.

Жена расстроилась, взяла мужа под руку и спросила у проходящей девушки:

— У вас билета нет?

— Да... А у вас лишний? Продайте, очень вас прошу! — девушка остановилась.

— Нет, лишнего нет, только наши, — посочувствовала ей жена.

Они под ручку двинулись к театру, подошли поближе и стали смотреть через толстое двойное стекло.

В фойе было полно народу. Жена внимательно разглядывала разноцветную толпу. Кого ни возьми — мужчину, женщину, девушку, парня, — все одеты с иголочки, что твоя игрушка. Она, расстроившись, подумала о своей старой кофте с протертыми локтями. И, сколько ни вглядывалась, не

нашла внутри никого в стоптанных туфлях и выцветшем, как у нее, платье. Парни и те кто в новеньком костюме, кто в дорогом джемпере.

— Эти в театр небось каждый день ходят, — прошептала она.

Муж равнодушно курил «Беломор». Потом сказал только для того, чтобы ответить:

— Да вообще не стоило приходить.

— Почему это?

— Ну... долго идет, наверное.

Жена разозлилась:

— Чтобы такие билеты пропали?!

Муж выдохнул дым в сторону Кабана:

— Рехнулась ты с этими билетами.

Жена схватила его за рукав и развернула к двери:

— Вон, разуй глаза, сколько народу без билета! Приличные люди, а билетик просят!

— Делать нечего.

Жена отвернулась — мол, что с тобой говорить! — и отошла к озеру.

Отсюда хорошо было видно мечеть и места, где прошли детство и юность уборщицы. Она вглядывалась, ища двухэтажный дом, в котором родилась. Сейчас в этом доме живет ее брат с семьей. Они уже давно друг с другом не общаются, и не вспоминает она о брате — каждый сам по себе живет.

Хоть и выросла она в этом доме, а вспомнить ей почти нечего. Как будто и не было ничего. Мать пила, отец пил. Днем дерутся, ночью стонут и жалуются.

Эту заразу, что мать с отцом пили, она в четырнадцать лет попробовала. Вот это она хорошо помнит: жидкость на дне бутылки она сначала понюхала, а потом глотнула. Горько было и невкусно. Очень быстро подействовала на молодую девушку эта жидкость: приятно закружилась голова, все тело размякло, даже петь захотелось. Она вышла на улицу. Там хорошо, радостно, все люди хорошие, всех она любит, он тоже хороший. Захотелось поговорить с ним, сделать ему приятное...

Вместе вернулись в дом. Отец с матерью спят обнявшись на железной кровати. На столе полно открытых бутылок. И на дне немного осталось. Слили остатки в стакан и выпили на двоих. Она поперхнулась, чуть не захлебнулась. Соседский парень был опытнее, учил ее, помогал.

Потом вышли на улицу. Навстречу брат идет. Он тоже навеселе. От брата они спрятались. Заперлись с соседским парнем в их сарае. Уж тут-то брат ее ни за что не найдет...

— Ну че, вернемся, что ли?

Подошедший муж опять задымил папиросой.

— Дай-ка мне.

Жена выхватила у него беломорину и затыкнулась.

Муж замахнулся:

— Сказано тебе: не курить!

— Хочу — и курю!

— Воняет потом от тебя!

— На себя посмотри!

Муж резко опустил руку, ворча, вытащил билеты, один сунул жене.

— Ну все! Я один иду.

— Иди.

Муж развернулся и направился к дверям, ругнувшись про себя: «На хрена надо было приходить...»

Он быстро продал свой билет и, оглядываясь, скатился по лестнице вниз: «Подавись своим театром! Иди, иди, смотри...»

Жена докурила папиросу, швырнула окурочек, продала свой билет какому-то парню и пошла прочь, ругая мужа: «Не сдохну я без этого театра. Иди сам смотри!»

Пивные пары выветрились, голова с похмелья гудела. Она перешла дорогу и направилась в родные места.

Соседский парень, которого она вспоминала, все еще жил в том же доме. Работал грузчиком в винном магазине. У него всегда есть...

Бывший сосед был дома. Дверь они открыли вдвоем с собакой.

— Вот, зашла тебя проведать, — сказала гостья, проходя, — ты один?

Тот, оказывается, недавно пришел.

— Один, один, проходи, соседка, — приговаривал он, — с кем мне быть? Вот, Барсик тут...

Хозяин был навеселе. Редкие волосы на макушке торчат в разные стороны, лицо от пьянства все в морщинах. Он подошел к ней, шаркая кирзовыми сапогами, и хлопнул по задку. Собака на нее зарычала.

— С-соседка моя!.. Барсик, тс-с!..

— Уйди, б...! — сказала гостья. — Голова болит. Вот, деньги есть. Давай вынимай.

Хозяин покопался в стоявшем у стены фанерном ящике и из-под тряпок и барахла извлек бутылку.

— Сейчас, сейчас, соседка...

Особо не разговаривая, выпили по стакану. Пивное похмелье прошло.

Хозяин снова шлепнул ее по заду.

— Да тебя, б..., хоть сейчас замуж отдавай!..

— Уйди, уйди, — отмахивалась гостя, у которой от вина настроение улучшилось.

Хозяин ее обнял.

— Эй, соседка! И как это ты зайти догадалась, а? Вот спасибо так спасибо!

— Уйди, уйди, зараза, — приговаривала она. — Давай еще налей!

Хозяин наполнил стаканы. Выловил мизинцем из своего стакана мусор и вытер руку о штаны.

— Давай, соседка, вздрогнем! За твоё здоровье!

Со второго стакана оба разомлели. Хозяин снова облапил гостью.

— Иди-ка сюда, соседка, солнышко мое...

Хозяин потащил ее к кровати.

Гостью ноги не держат, она уцепилась за хозяина и двинулась за ним. Оба рухнули на истрепанное одеяло.

Хозяин бормотал себе под нос, она хихикала, как от щекотки.

— Уйди, я сама, кофту порвешь! — вскрикнула гостя.

— Не дергайся ты!..

Гостя внезапно перестала хихикать.

— Ты меня не любишь! — сердито и обиженно упрекнула она его.

— Как это не люблю? Кто тебе сказал?!

— Тогда почему ты меня ни разу в театр не водил, а?

— Куда?!

— Ну, театр смотреть.

— А что, если любишь, обязательно в театр идти?

— Ну, ходят же люди.

Хозяин швырнул кофту на пол. Потом, понизив голос, сообщил:

— В театр ходят только те, кто друг друга не любят. Чтобы чужой любви позавидовать. Поняла? А те, кто любят, дома сидят.

— Ага, — гостя начала снимать платье.

Тут в дверь постучали.

Полураздетый хозяин слез на пол. Схватил со стола бутылку, хотел налить в стакан, потом передумал, начал торопливо глотать из горлышка.

— Мне оставь! — крикнула гостя.

Хозяин протянул ей бутылку.

В дверь снова постучали. Хозяин, покачиваясь, подошел к двери и отодвинул щеколду. В дверях стоял муж уборщицы.

Хозяин попытался дверь захлопнуть. Но тот не дал, распахнул:

— Слышь, у тебя нет? Башка трещит.

— Нет, нет, уходи! Милицию позову! — разорался пьяный хозяин.

— Да я же знаю, что есть. Не за так, за деньги. На!

Муж проскочил под рукой хозяина в дом, захлопнул дверь и припер ее спиной.

— Ни грамма нет, ни грамма, — бормотал хозяин.

Он вернулся в комнату и плюхнулся на стул, потом опять вскочил:

— Уходи! Уходи! Милицию позову!

Муж уже прошел в комнату и увидел жену, которая торопливо натягивала кофту.

— Убью! — зарычал он и, подняв кулак величиной с детскую голову, двинулся на жену.

Протрезвевший от всего этого хозяин быстренько вытянул из ящика бутылку, сорвал зубами пробку и разлил по стаканам.

— Слышь, ты. Ты ж просил — на, пей!

Тем временем вскочившая на ноги жена готовилась отбивать атаку приближающегося мужа. Поняв, что просто так ей не выкрутиться, она заговорила плачущим голосом:

— А что я такого сделала? Уж прилечь отдохнуть нельзя!

Хозяин повис на поднятой руке мужа:

— На, пей, тебе говорят!

Муж принял стакан, который хозяин ткнул ему чуть не в зубы, и сел на деревянный ящик у стола.

Хозяин и второй стакан к нему подвинул.

— Уф, думал, башка лопнет, — приговаривал муж, берясь за стакан.

— Я тут тебя искала! — быстро оправдалась осмелевшая жена.

Хозяин снова наполнил стаканы. Злоба мужа улеглась, он потянулся чокнуться с женой.

— Театр, говоришь, а?
Хватил разом полстакана, занюхал тыльной стороной ладони и заржал:
— Театр, говоришь!
Жена с хозяином смеялись вместе с ним.
Устав смеяться, жена вскочила с места:
— Нет, ты видел, а? Толпа народу туда-сюда ходит, что твое стадо! Хи-хи! Со стороны посмотришь — ненормальные, ну точно ненормальные! Хи-хи!.. Мы через стекло смотрели, театр еще не начался, а те так и ходят кругами! Ну, точно дурные овцы! Ха-ха-ха!..
Все трое хохотали так, как будто их Шурале щекотал.
— А ты видела, видела? — подхватил муж. — Девка там была. Юбка коро-откая! Спереди дернет — зад видать, сзади дернет — спереди все наружу! Ха-ха-ха!..
Все трое хохотали до слез.
Потом заговорил хозяин:
— И ведь верят, дураки, что артисты на сцене в самом деле помирают, — сидят, плачут! Ха-ха-ха!..
Еще в царские времена построенный дом снова сотрясся от хохота. Лежавшая до этого спокойно собака разлаялась на весь дом.
— Гляди-ка, и эта тварь над ними смеется! — заржал хозяин.
— Слышь, слышь! В театре-то... ну, этот... как его, черти б его драли... — жена долго и мучительно вспоминала. — А-а! Тахир который! Он, б..., одеколон выпивает и помирает, а!
Услышав про одеколон, все трое грустно и озабоченно уставились на пустую бутылку на столе. Хозяин вытащил из ящика новую. Всем опять стало хорошо. Лица снова осветились счастьем.
— А если это... ну... Если заранее знаешь, что артист, что Тахира играет этого, помрет, смотреть-то и не интересно, а? — сказал хозяин и принялся срывать зубами капроновую пробку с непочатой бутылки.

Перевод Фаяза Фаизова

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

«Говорят, что ровно в середине лета в полночь расцветает цветок папоротника. Если пойти в лес, найти цветок и положить его под язык, станешь невидимым для глаза человеческого...»

Марат открыл книжку и успел прочитать всего два предложения, как его сестренка Ляйсан опять заплакала. Сначала Марат решил не обращать внимания на ее хныканье, но с кухни, где мама готовила ужин, послышался грохот упавшей на пол скалки, и мальчик, отодвинув книгу в сторону, вскочил со стула и подошел к сестричке.

— Ну, что опять губы надула? — сказал он, присев на корточки, и, стараясь подражать матери, продолжал: — Может ли этот ребенок хоть минутку не плакать?

Укоряя сестренку, Марат принялся складывать рассыпавшиеся кубики.

— Не говори так, не говори, — сказала Ляйсан, взмахивая руками.

— А почему плачешь?

Она показала на куклу, лежавшую на полу.

— Вот Алсу не хочет играть с Лилией. — Сестренка посмотрела на брата глазами, полными слез.

— Скажи этой Алсу, чтобы она играла с Лилией, — говорил ее взгляд.

— Почему не хочет играть, хочет, только ты сама не умеешь играть с ними.

— Я умею, умею, — твердила девочка. — Я ее ставлю с Лилей, а она падает, я ставлю, а она падает.

Марат взял «падающую» куклу в руки, повертел и обнаружил, что одна нога у нее согнулась.

Выпрямив ножку, он поставил куклу на пол.

— Вот, не падает.

— Да, теперь не падает.

Марат встал:

— Все? Больше не будешь плакать?

Девочка кивнула.

— Все. Больше не буду, — и продолжила возню с кубиками.

Мальчик, прислушиваясь к соблазнительному шипению, доносившемуся с кухни, вернулся к отложенной книжке. Конечно, было бы неплохо зайти на кухню и схватить пончик. Вон как пахнет кипящим маслом, а запах вкусных пончиков расплзается по всем комнатам. Только мама не любит, когда мешаются под ногами. Совсем недавно сестренка обожгла пальчик о горячую сковороду. Придет папа с работы, тогда они все вместе сядут за стол.

Мальчик вернулся к недочитанной сказке. Значит, если положишь цветок папоротника под язык, то превратишься в невидимку. Это я уже читал. А если превратишься в невидимку, сможешь ли сам все видеть? А одежда твоя тоже будет невидимая?

Если бы Марат нашел этот цветок папоротника, положил бы под язык и стал невидимым, он первым делом подошел бы к живущему на соседней улице Наилю, у которого сплюснутый нос, и схватил бы его за нос и потаскал, пока не надоест. Ох и засуетился бы Наиль! Не стал бы больше зазнаваться. Правда, они вместе ходят на озеро купаться. А если Наиль хочет на автобусе покататься, то сразу же прибегает к Марату. Отец у Марата водитель автобуса. Он возит людей из поселка в город. Иногда сажает к себе Марата с друзьями. Вот уж тогда Наиль становится пайнкой. Все равно, если когда-нибудь Марат отыщет цветок папоротника, первым делом оттаскает Наю за нос. Чтобы не зазнавался.

На кухне слышится шипение. Похоже, мама запустила новую партию. Вновь по комнатам растекается запах жареных пончиков, защекотало в носу, потекли слюнки.

Вот дождемся отца и сядем за стол. Сегодня Восьмое марта, праздник мам. Отец вчера принес в подарок маме красивую вазу. Узорчатую хрустальную вазу.

Если легонько ударить по ней чайной ложкой или щелкнуть кончиком ногтя, то слышится звон. Марату хочется достать вазу из серванта, потрогать, погладить ее, хочется хоть разок щелкнуть по ней, чтобы зазвенела. Но нельзя, это папин подарок, если разобьется — у мамы скалка под рукой. Марат тоже приготовил подарок. Нарисовал цветными карандашами на картонке букет тюльпанов и снизу сделал надпись: «Маме».

На кухне снова зашипела сковородка, и опять по комнатам разнесся запах пончиков.

Почему отца все нет и нет?

Мама иногда отправляет Марата встретить отца. Мальчик ждет на остановке, когда подъедет его автобус, и вместе с отцом уезжает в последний рейс, а потом они ставят машину в гараж и возвращаются домой. Иногда отец отправляет сына домой прямо с остановки, сказав, что в гараже много работы и он вернется попозже.

Мальчик почитал еще немного и, закрыв книгу, отодвинул ее на середину стола. Почитает вечером отцу. Такие сказки он уже наизусть знает.

Сестренка тихонько играет. С тех пор как обожгла палец, она на кухню не заходит. И не плачет пока. О чем-то лопочет с куклами на непонятном языке, поучает их.

Марат вышел на кухню, потянулся за курткой, висевшей на спинке стула, и негромко, чтобы только мать расслышала, произнес:

— Мам, я пойду отца встречу.

Мать, прервав стряпню, повернула голову в его сторону. Наверное от жара, ее щеки пылали, на лбу темнела полоска сажи.

— Рабочий день кончается, сейчас отец сам придет, не ходи, сынок, — сказала она и вытерла лицо запястьем. На щеке появилась еще одна тонкая полоска сажи.

— Я отца на улице подожду, ладно, мам?

— Ладно, иди, далеко не уходи. Мать вновь занялась стряпней.

Да разве в такой день Марат сидел бы дома, не начини мама готовить пончики! На улице красотища! Журчание ручьев слышно даже со двора. Рядом в саду расчирикались воробушки. Летом бы Марат и внимания не обратил на их щебетание — летом от него устаешь. А вот сейчас, после долгой холодной зимы, эти звуки так желанны, а может быть, весной воробьи чирикают по-особенному.

Марат насилу открыл тяжелые ворота и вышел на улицу. И надо же было столько времени просидеть дома, ожидая пончиков! Наиль и Айрат посреди улицы пускают кораблики по ручейкам. Марат взглянул в сторону гаражей: не видно ли отца — и поспешил к друзьям.

Мальчишки смастерили из ивовой коры маленькие лодочки и устроили состязание. Наиль и тут жульничает — ручеек, по которому плывет его лодка, широкий, а лодочка Айрата с трудом проплывает по тесной канавке. У обоих в руках ивовые прутья, которыми они подталкивают застрявшие лодочки.

Наиль держит кусок ивовой коры. Если немного постругать и поточить его, то получится еще одна лодка.

— Возьми, сделай себе тоже, — сказал Наиль, протягивая кусок коры подбежавшему Марату.

Наиль был известный жадина, поэтому Марат стоял в нерешительности: что делать? Потянешься, чтобы взять, он может одернуть руку и расхохотаться.

Айрат, заметив сомнение друга, вынул из кармана перочинный ножик с двумя лезвиями и протянул ему.

— На, поточи, и третью лодку запустим, — сказал он и, подтвердив взглядом: «Не бойся, я не шучу», смачно вытер нос рукавом куртки.

Марат взял у Айрата ножик, у Наю кусок коры и принялся мастерить суденышко.

Кора имела вытянутую форму, похожую на лодку. Только носик нужно заточить. Вот лодка и готова.

Мальчик пустил ее по ручейку. Только вот Наиль забрал свою лодочку. Айдар тоже вытянул свою лодку из канавки прутиком. «Вы что, не будете играть?» — спросил Марат взглядом. Казалось, что в глазах друзей прячется тайна. Марат, не зная, что и думать, следил за плывущей по ручейку лодочкой.

Нерешительно, словно был в чем-то виноват, Наиль произнес:

— Марат, твой отец пошел к Сафуре.

«Опять этот сплюснутый нос дразнится», — подумал Марат. Он посмотрел на второго товарища. «Это ведь ложь, да? Скажи правду, — вопрошал его взгляд. — Ну скажи, что он дразнится, с тех пор как его отец ушел, он завидует тем, у кого отец есть, скажи, что он меня обманывает. Скажи мне так... Ну скажи...»

Только Айдар не понял, чего ждет от него товарищ, или уж действительно слова Наиля были правдой, — не поднимая глаз, наклонив голову, он прутиком переворачивал лежащую на снегу лодку то в одну, то в другую сторону.

По соседству живет дяденька, которого зовут Рифкат. При каждой встрече он дразнит, донимает: «Твоего отца увели маржалары, если дашь денег, маржа обещает его отпустить. Иди беги скорей к матери, проси у нее денег! — так он дразнился, не давая проходу.

Однажды Марат с Наилем, дождавшись возвращения Рифката с работы, сделали так, что тот упал в ложную прорубь. А сами наблюдали за происходящим со стороны. «Если много будешь болтать, то сделаем прорубь еще глубже», — пригрозили они Рифкату.

«Хе, теперь Наиль, подражая Рифкату, хочет, наверное, подразнить меня», — подумал Марат.

Он ожидал, что Наиль начнет злорадствовать по поводу его отца. Взглянув на сплюснутый нос друга, Марат сжал кулаки, готовый к возможной схватке. Но Наиль, опустив лодку в бегущий ручей, не побежал за ней, пустил в свободное плавание. Переломив ивовый прутик о колено и не глядя на Марата, он предложил:

— Давай проучим Сафуру.

Айдар тоже столкнул свой кораблик в канавку.

— Как? — спросил он у Наиля.

— Разобьем ее окна!

— Отец все равно вернется. Он не останется у Сафуры.

Наиль пожал плечами, давая понять, что его дело предложить... Только на кончике языка у него вертелись еще какие-то слова. Он чего-то не договаривал, это чувствовалось по выражению его лица. И внезапно его прорвало:

— А мой отец не вернулся. Мать говорила, что он просто пугает нас, что даже корова возвращается туда, где ее кормят, вернется, говорила она. Если хочешь знать, он не только ушел, он даже писем не пишет. И думать про нас забыл. Если не разобьем окно Сафуре, она твоего отца тоже не отпустит.

Марат размахнулся изо всех сил, бросил кораблик в сторону, шумно шмыгнул носом и зло сказал:

— Я не буду тебя катать на папином автобусе!

Айдар тоже швырнул прутик в сторону.

— А если Сафура не отпустит? Если твой отец не вернется? — чуть слышно спросил он.

— Я тебе правильно говорю. Пойдем разобьем окно! — настаивал Наиль.

— Ну пойдем, — согласился Марат с товарищем, с трудом сдерживая накатившие на глаза слезы.

За камнем далеко ходить не надо. Вон за магазином куча камней. Мальчишки, словно сговорившись, двинулись туда.

По дороге Наиль сказал:

— Я знаю эту Сафуру. Она в городе продавщицей работает. У них в магазине мороженое продают, я заходил.

Айдар, взглянув на товарищю, спросил:

— Все три окна разобьем или только одно?

— Все! — сказал Марат не раздумывая.

— Давайте сначала одно, — предложил Наиль.

Если идти по центральной улице поселка, то чуть подальше от каменного магазина, недалеко друг от друга находятся три переулка. Жители поселка их так и называют: три переулка.

Дом Сафуры расположен во втором из них. Если считать со стороны магазина — у нее третий дом. Местная детвора по этому переулку в жаркие летние дни бежит к озеру, что у подножья горы.

Пнув ногой с кучи камней подтаявшую на весеннем солнце тонкую корочку снега, Наиль подобрал пару небольших камушков и засунул в карман куртки.

— Спрячьте камни в карман. Бросим их разом и убежим к озеру, — проинструктировал он товарищю.

Хотя он и торопил, Айдар тщательно выбирал свои камушки. Брал в руки, рассматривал и кидал обратно. То камушек казался тяжелым, слишком большим для его кармана, то, наоборот, маленьким. В конце концов подходящий камушек был найден и исчез в кармане.

Марат не стал выбирать, взял два, что сразу попались на глаза. По правде говоря, он совсем не спешил бить окна Сафуры. Может быть, отец зашел к ней по делу, выйдет сейчас и пойдет домой. Но только не хотел он выдавать себя перед мальчишками, не выдержит он позора: значит, не нужен тебе отец, скажут ему друзья.

Айдар думал: «Если выбьем стекла, кто же их вставит? Эта тетя живет одна. И потом, не такая уж она плохая, как о ней думают Марат и Наиль. Она какая-то необычная тетя, не похожая на других. При встрече обязательно погладит по волосам или, прижав к себе, поцелует, приговаривая: «Маленький мой». А дыхание у нее горячее, обжигает лицо. И конфет при встрече не жалеет. Только бы она отца Марата не забрала...»

— Если мы разобьем ей стекла, кто же их вставит?

Наиль и Марат удивленно посмотрели на товарища: тебе-то это зачем знать? Знай кидай в окна, наше дело — отомстить.

Марат вдруг вынул из кармана камушки и отбросил в сторону.

— Я придумал, — сказал он.

— Что?

— Как?

— У нее ворота украшают белые цветы. Давайте их замажем грязью. А?

Действительно, на воротах в центре — большой белый цветок. Он вырезан из дерева, сверху покрашен. На зеленом полотне ворот виден издалека. Ни у кого поблизости нет таких красивых ворот.

Айдар посмотрел на Наиля, вынул камни из кармана и бросил под ноги. Похоже, Наиля тоже грызли сомнения, он без возражений выбросил камни.

Замазать один цветок — много грязи не надо. Вон сколько ее на автобусной остановке! Друзья быстро набрали грязи в пустую консервную банку.

На улице и у дома Сафуры никого не было. Только Марат не стал подходить близко к дому, побоялся, что может встретить выходящего оттуда отца.

Наиль с Айдаром подошли к воротам и, набрав полные ладони грязи, замазали цветок.

На глаза Марата, стоявшего поодаль, навернулись слезы. «Эх, нужно было ей окна выбить. Все бы ей окна перебить», — пробормотал он и зажмурил глаза, чтобы не расплакаться. Потом вытер мокрые ресницы тыльной стороной ладони: «Если она не отпустит отца, я ей не только все окна перебью, я еще и баню подожгу. Я ее проучу!..Я ее еще... Пусть знает...Я ее!..»

Закончив «цветочное дело», мальчишки подбежали к Марату. По дороге Айдар поскользнулся и упал лицом в большой ручей посреди улицы; Наиль, бежавший вслед за ним, запнулся о друга, лежащего поперек дороги, полетел вперед и приземлился прямо в лужу. Но оба тут же вскочили и побежали дальше. Марат присоединился к ним.

Так они добежали до магазина. Немного перевели дух. И хоть одежда у Наиля и Айрата промокла до ниточки, все же Наиль предложил вернуться и еще раз взглянуть на ворота. Айдар направился в сторону своего дома.

— Ты тоже беги домой, — сказал он Наилью. — Если простудишься, горло опухнет, станет толстым, как у лягушки.

Наиль, ни слова не говоря, пошел за ним.

— Если отца твоего не отпустит, в следующий раз стекла ей выбьем, — крикнул Наиль на прощанье Марату. Тот в знак согласия кивнул.

— Выбьем! Если отец вернется, завтра на автобусе покатаемся, ладно? — крикнул он в свою очередь и, грустный, пошел в сторону дома.

«Эх, если бы я нашел тот цветок папоротника, я бы незаметно зашел в дом Сафуры, я бы там такого натворил!» — успокаивал себя мальчик.

Подожди-ка, а если бы он стал невидимым, как бы он смог ей отомстить? Ущипнул бы руку? Или... подставил бы подножку? А если дернуть ее за волосы?! Интересно, какие у Сафуры волосы: короткие или длинные? Длинные, длинные у нее волосы! Он видел их очень близко, даже хотел потрогать их. А где он видел-то? В автобусе. Да, да, в автобусе отцовском видел...

Марат вспомнил этот день. Он незаметно для отца сел на остановке в автобус через заднюю дверь. Так, ради интереса вошел не через переднюю, а через заднюю дверь.

Мальчик уселся на переднее сиденье, сидел посмеивался, ему было весело от своей шутки. Он решил предстать перед глазами отца, только доехав до города. Пусть отец опешит, удивится: откуда ты здесь взялся, сорвиголов?

Автобус, делая остановки, впуская и выпуская пассажиров, мчался в город. Отец в микрофон объявлял каждую остановку, советовал пассажирам не торопиться, переходя улицу, быть осторожными.

Каждый раз, услышав голос отца, Марат оглядывался на пассажиров: дескать, это мой отец говорит, это мой отец ведет автобус.

Вот еще одна остановка. Марат видит отца в маленьком зеркале на лобовом стекле справа. Тот улыбается — неужели он заметил Марата? Да нет, если бы увидел, то подзвал бы к себе.

Новые пассажиры, торопясь, спотыкаясь, занимали свободные места. Вот одна тетя с небольшой сумочкой в руках, не желая садиться, прошла вперед и встала у кабины водителя.

Отец заговорил с ней:

— Откуда, с работы?

Автобус тронулся, сквозь гул мотора Марат не смог расслышать ответ тетеньки. Через некоторое время шум мотора уменьшился. Но до этого отец с тетенькой успели поговорить — Марат наблюдал движения их губ.

Марат тогда посмеялся про себя. Отец-то его до сих пор не заметил. Подойду к нему на последней остановке — то-то удивится. Скажет: ты когда вошел, чертенок?

— Не гони так, Мосарвир, не дай бог, что случится.

— Ничего не случится, что я, первый день за рулем?

— Не говори так, беда, она всегда рядом ходит.

«Если ты будешь отвлекать, конечно, врежется куда-нибудь! — подумал мальчик. — Смотри-ка, какие длинные волосы у этой тети!» Марат долго не мог отвести взгляд от ее волос. «Интересно, если бы моя мама растила волосы, могли бы у нее быть такие длинные? Выросли бы, отчего им не вырасти-то? Только моей маме такие длинные волосы ни к чему».

— Кукушка в часах стала ошибаться. Ты как-то говорил, что помотришь, похоже, у тебя нет времени?

Марат, желая услышать ответ отца, наострил уши.

Отец молчит, слышно только ровное урчание мотора. «И почему у нас нет часов с кукушкой? И у Айдара дома нет таких часов, и у соседа Фариды нет. Вот у Наилия есть. Кричит, словно настоящая кукушка. Может, часы с кукушкой бывают только у тех, у кого нет отцов? Значит, и у этой тетеньки нет отца, чтобы отремонтировать часы? Подожди-ка, отец даже остановки перестал объявлять. Может быть, забыл, что так нужно?..»

Ближе к следующей остановке тетя сказала отцу Марата что-то и почему-то направилась к средней двери автобуса, а не стала выходить через переднюю дверь.

Марат узнал ее в тот момент, когда она повернулась. «Ведь это тетенька, которая живет в переулке, по которому спускаются к озеру. Сафура?!»

Марат побежал домой. Даже не стал закрывать за собой ворота, взбежал по ступенькам крыльца и дернул ручку двери.

Дома по-прежнему были только мать и сестренка. На кухне уже не слышалось шипение. Пончики горкой возвышались в центре стола, накрытые большой салфеткой.

— Что, отца до сих пор не видно? — спросила мать.

Марат покачал головой:

— Мам, у тебя сажа на лице, вытерла бы, — стараясь не показывать глаза, наполнившиеся слезами, он схватил куртку и повернулся к вешалке.

Мать потерла лицо рукой и, улыбаясь, посмотрела в зеркало.

— Что, у мамы лицо чумазое?

Проходя к умывальнику, она попыталась погладить сына по голове, но Марат быстренько прошел в зал. Если бы мама погладила, то он бы не сдержался, сам бы обнял ее и заплакал.

Сестренка по-прежнему возилась с куклами. «Не вернется он к нам, больше никогда не вернется», — про себя твердил мальчик. И, прямым путем подойдя к столу, открывал книгу на недочитанной странице. «Говорят, ровно в середине лета...». Читать не хочется, хочется плакать навзрыд, уткнувшись в мамины колени, обняв сестричку. Да только нельзя, мама догадается о том, что отец не вернется. И тоже заплачет.

— Марат, сынок, помоги сестренке руки помыть. Сейчас уж, наверное, папа придет, сядем ужинать.

«Да не придет он. Ты еще не знаешь. Не придет. Он к Сафуре ушел...»

Мама все еще занята на кухне — гремит посудой. Сестренка спокойно играет и не плачет, как нарочно. Пусть бы заплакала, громко бы заплакала! Ведь папу забрали!

Марат направился к сестренке и по пути нарочно уронил куклу.

— Пойдем руки помоем.

Но Ляйсан стояла и смотрела то на упавшую куклу, то на брата, смотрела, смотрела и заплакала писклявым голосом. «Плачь, плачь! Нет у нас теперь отца...»

Со стороны кухни донесся голос матери:
— Ладно, сынок, я сама ее умою.
Голос у мамы спокойный. Конечно, она ведь ничего не знает!
Марат живо подбежал к серванту, вскочил на стул и взял в руки вазу, которую принес отец. «Вот возьму сейчас и разобью. Пусть и мама заплачет...»
Хрустальная ваза, упав на пол, разлетелась на кусочки.
Марат, стоя на стуле, растерянно смотрел то на кухонную дверь, то на осколки вазы.
На шум прибежала мама:
— Что случилось?
— Разбилась.
— Где, что разбилось?
Марат посмотрел на сервант, указывая взглядом на пустое место, где еще недавно восседала хрустальная ваза.
— Ах ты, чертенок!
В этот момент открылась входная дверь.
На пороге стоял отец.
— Что произошло? — спросил он.
— Да вот разбил вазу, — ответила мама грустным голосом.
Отец прошел в зал, даже не сняв куртку.
— Перестань, мать, нашла о чем горевать, другую купим, — сказал он воркующим голосом, вынул из кармана пачку печенья и протянул маленькой дочери, удивленно стоявшей посреди комнаты у осколков вазы.
— Это тебе, дочка.
Потом отец повернулся к сыну, продолжавшему стоять на стуле:
— Ну, слезай, сынок, сейчас мы с тобой соберем осколки.
Сказав это, отец пошел на кухню. Снял рабочую одежду, принялся умываться.
Марат спрыгнул со стула, подбежал к столу, взял в руки недочитанную книгу, погладил переплет и зашептал: «Если я найду цветок папоротника, если вдруг найду, тихонько, незаметно проберусь в дом к Сафуре и сам отремонтирую ее часы с кукушкой. Ни Наиль, ни Айрат не заметят, как я туда войду. Если я его найду!»
Все дружно расселись за столом, мама убрала со стола салфетку и повесила на спинку стула. В центре стола на большой белой тарелке возвышалась горка пончиков, ароматных, масляных, поджаристых...

*Перевод Дамира Гиниятуллина,
Талии Шарафиевой*

ОБОЗНАВШИЙСЯ

Всю неделю шел дождь. Он уже осточертел. Казалось, что так будет всегда... Но вдруг посреди ночи дождь прекратился, и утром над Казанью блеснуло солнце.

Наступило воскресенье.

Забылись обиды на плохую погоду, сетования на то, что жизнь и природа потеряли очарование и приветливость, тоже прекратились. Народ, уставший за трудовую неделю, наконец-то вздохнул с облегчением. Люди намеревались провести этот день дома, в тихом семейном кругу.

В этот день милицмейская машина промчалась по улицам Казани под пронзительный вой сирены и остановилась у районного отделения внутренних дел.

Два сержанта милиции выволокли из машины прилично одетого мужчину среднего роста и, заломив ему руки за спину, повели в отделение.

— Матерый. Запри его сразу, — сказал один из них дежурному майору.

Задержанный начал вырываться, уговаривая:

— Отпустите меня! Пожалуйста, отпустите меня!

— Заткнись, бандюга! — с этими словами майор втолкнул его в холодную комнату и запер железную дверь.

— У, бандюга! — повторил один из сержантов.

— Нет, это не простой бандит, тут пахнет чем-то посерьезнее, — возразил второй.

Сержанты принялись за составление протокола.

Майор раскрыл пухлую панку, где были собраны материалы по разыскиваемым подозреваемым в совершении особо тяжких преступлений за последнее время: «...некий N.N., убивший сотрудников кафе «Листик» и укравший выручку, второй месяц находится на свободе, никаких следов».

Нет, на этого задержанный не похож.

«Рецидивист М.М., насилловавший и убивавший маленьких детей в подъездах и лифтах...».

Нет, это тоже не он.

«N.N., призывавший народ к организации покушения на российского президента...»

Снова не подходит. Не он.

Задержанный принялся колотить в дверь. Один из милиционеров, оторвавшись от составления протокола, отправился его «успокаивать». Вскоре он вернулся.

Через некоторое время из камеры послышался громкий смех заключенного. Он смеялся взахлеб, словно общался с Шурале.

На этот раз задержанный не стал дожидаться, что его «успокоят», сам прекратил веселье и задумался. «Может быть, я сошел с ума?» — пронеслось в его голове.

Нет. Похоже, все-таки он был в своем уме...

В это воскресенье он проснулся ни свет ни заря и решил съездить на дачу, что находилась на окраине города. Хотел поехать вместе с женой, но, увидев, как сладко она спит, решил не будить ее и отправился один.

Дождь прекратился, светило солнышко.

Утро бодрило и радовало.

Улыбаясь, он зашагал к остановке.

Сосед, вышедший на улицу с ведром, кивнул в знак приветствия, затем спросил так, ради приличия:

— Куда так рано?

— Съезжу на дачу. Проверю, не смыло ли дождем, — ответил он, продолжая свой путь.

Ответ его озадачил соседа. «Вроде бы нет у них дачи», — подумал он, выливая содержимое ведра на дорогу.

Автобус подъехал сразу же.

Дачник опустил на одно из сидений полупустого салона и погрузился в думу.

Сейчас он сожалел, что вчера поругался с женой. Впрочем, она сама была виновата...

Как она изменилась, раньше ведь не такая была! Пятнадцать лет жили бок о бок и не ссорились никогда. Впрочем, не так уж она и виновата... Есть в ее словах доля правды. Поживи-ка ты пятнадцать лет в квартире без удобств, почти что в дровяном сарае! Весь сыр-бор, в сущности, только из-за этого.

А ведь в своей организации он на хорошем счету. Их фирма «Фантазия» за счет его идей уже десять лет лидирует на рынке. Ему еще только сорок пять лет, а он уже имеет много медалей и кипу Похвальных грамот. Но, тем не менее, никто и пальцем не пошевелит, чтобы помочь ему.

Детей у них трое. Первый ребенок — сын. Решили завести второго — и слава Аллаху, на этот раз он был так щедр, что родились девочки-двойняшки. Дети, конечно, с большим удовольствием играют с медалями и листают грамоты, но только для их воспитания нужны и другие «бумажки». Те, которые заканчиваются за два-три дня до получки. К счастью, спасают бутылки из-под молока.

«Что же делать, сложные сейчас времена! Не одни мы так живем!» — утешают они себя. «Самое главное, чтобы семья была крепкой и здоровой», — думает он. А уж думать и мечтать он ох как любит!

Вот их старший сын где-то спрятался, а двойняшки, перевернув весь дом, ищут его. Они забегают в одну комнату, в другую, третью... Девочки уже устали от поисков, а брата нет как нет. Эх, дети, дети! В большой квартире есть свои неудобства — слишком много укромных мест. Озадаченные дочери входят в четвертую комнату, где их отец разрабатывает новые идеи для фирмы «Фантазия», и просят помочь. «Мне сейчас некогда, поищите вместе с мамой», — говорит он, усмехаясь в усы. «Но ведь мамочка стирает в ванной», — говорит одна из дочерей. А-а, конечно, стирает... в ванной... горячая вода течет из крана. Слава Аллаху, не нужно носить воду, кипятить, выливать.

А вот еще одна мечта.

До зарплаты остается десять дней. В их дверь стучится соседка. Зашла попросить десятку до пенсии. «Зачем только десятку, дай пятьдесят, чтобы хватило», — говорит он жене строгим голосом.

Мечты, мечты. Им нет конца.

Хорошо тому, кто умеет мечтать. Хоть на время, но все же человеком себя чувствуешь...

Да, чуть не забыл! Еще одна мечта. Наступает время очередного отпуска. А он не едет на «шабашку». А что он делает? Увозит всю свою семью домой, в деревню к бабушке и дедушке.

Впрочем, супруга его очень любит рассказывать о своих знакомых, которые отпуска проводят на море. Видите ли, они были там, они были здесь, они видели то-то. А купаться в море, оказывается, так приятно, а солнце, оказывается, очень полезно для здоровья!..

Кстати, о знакомых. Недавно его супруга побывала в гостях у приятельницы. Та принялась демонстрировать роскошное платье, ну и другие тряпки, которые привез ей муж. Трусики ее двухлетнего малыша и те итальянского происхождения. В доме полно дорогой посуды, кукла их дочери говорит на трех языках.

А когда все было продемонстрировано, хозяйка вдруг отшвырнула свое роскошное платье и залилась горькими слезами. И тут ее прорвало: она самая несчастная женщина на свете, ее «дуб» не разбирается ни в искусстве, ни в литературе! За всю совместную жизнь они ни разу не были ни в театре, ни на концерте! Муж боится, что квартиру ограбят. «Я, как дура, целыми днями сторожу его богатство. Он не знает по фамилии ни одного артиста, если я начинаю петь — жалуется, что у него болит голова. Я бы с огромным удовольствием стояла в очередях за продуктами. Но ему ведь даже детское молоко водитель привозит!»

Когда жена рассказывала ему про свою подругу, им обоим было очень весело. Часто они вспоминали этот случай, и свои проблемы словно отходили на второй план.

Непонятно, почему их так радовало чужое горе...

Э-э-х, мечты, мечты! Хорошо, что вы есть! Как без вас жить-то на белом свете?!

В начале недели он уже запланировал эту воскресную поездку на дачу. Вместе с женой... А приехал один.

Автобус остановился. На грязь у ворот садового общества не ступала сегодня нога садовода. Он приехал первым.

Подойдя к домику, расположенному недалеко от высокого забора, окружавшего товарищество, он полез в карман за ключом. Затем, что-то вспомнив, приподнял кусок шифера, лежавший у порога, взял оттуда ключ.

Прежде чем войти на веранду, тщательно, не торопясь счистил грязь с подошв. Войдя внутрь, раздвинул занавески на окнах, убрал к стене стоящий посреди комнаты стул.

После обильного дождя в саду больно-то и не поработаешь. Зато и поливать не нужно.

Он поставил чайник на электрическую плитку, стоящую на столе, и принялся подметать пол. Прибравшись в комнате, вышел на веранду. Вот лужа на полу — видно, отлетел шифер. Принес длинную лестницу, гвозди-молотки и полез на крышу. Порядок!

Взгляд упал на разбросанные около дома деревяшки, обрезки досок — сложил их аккуратно.

Наведя порядок, он решил отдохнуть. Чайник не торопился закипать. Несколько минут он просто осматривался вокруг, словно давно здесь не был, затем взгляд его остановился на двери, ведущей в маленькую комнатку.

Чтобы посмотреть, как там, пришлось включить свет, поскольку окон в ней не было. Здесь тоже беспорядок: подушки лежат на полу, покрывало наполовину сползло с кровати.

«Вот и хорошо. Приехал, посмотрел. Сейчас выпью чайку, и можно возвращаться домой», — думал он, расставляя на столе нехитрую чайную посуду.

Неожиданно постучали в окно. Выглянул посмотреть, кто бы это мог быть, ни души. Тогда, недоумевая, он направился к двери. Та, не дожидаясь, пока ее откроют, внезапно распахнулась сама, и от неожиданности он чуть не перелетел через порог. В его ворот рубашки тут же вцепился какой-то верзила, второй незнакомец вдарил ему в челюсть, сзади подошел третий и, обхватив правой рукой шею, прижал к себе.

— Ну что, грабитель, попался? — прошипел верзила, державший его за ворот. А он стоял совершенно потрясенный происходящим, даже не нашелся, что ответить.

— Отвечай, когда тебя спрашивают. Че, язык проглотил?

Дальше события разворачивались в следующей последовательности: его втолкали в дом, посадили на стул, стоящий в углу комнаты, и простыней, стянутой с кровати, связали ему сзади руки. И ноги тоже. И кляп не забыли.

Присмотревшись, он увидел перед собой молодых ребят, лет по девятнадцать-двадцать. Все трое были коротко пострижены, в джинсах с ног до головы. Верзила был обладателем огромных ручищ, его нос выдавал кавказское происхождение, глаза сверкали, как угольки в камине. Второй был довольно худ и напоминал селедку. Третий был невысок и коренаст.

Верзила вошел в дом, ведя за собой молоденькую девчущку. Затем подошел к пленнику и, вытащив у того изо рта кляп (раньше этой тряпкой протирали клеенку на столе), заорал:

— Водка, бражка, самогон!

Пленник даже не понял, чего от него хотят. Он еще не совсем оправился от удара в челюсть, который нанес ему коротышка.

Покуда большерукий возился с пленником, похожий на селедку вытащил из-под кровати в маленькой комнате трехлитровую банку и вынес ее товарищам.

Девчущка сидела за столом, разговаривая с третьим парнем, и громко хохотала. На пленника она не обращала внимания. А он лелеял надежду, что она проявит к нему милосердие.

Верзила обхватил банку ручищами и разлил содержимое по стаканам.

Все, словно галчата, расселись вокруг стола. О связанном по рукам и ногам все дружно позабыли. Похоже, что в банке был самогон. Пили его, отфыркиваясь. Затем пошли разговоры о разных пустяках. При этом они не стеснялись смачных выражений и противно хихикали.

Верзила вновь наполнил стаканы. «За прекрасную королеву Казани!» — прогрохотал он и наполовину опустошил свой стакан, сморщился, прикрыл рот тыльной стороной ладони, другую руку протянул за закуской. Но тут же передумал, развернулся в сторону девчущки, которая сидела рядом с ним, и потянулся к вырезу ее блузки.

— Дай закусить! — пробормотал он. Та, хохоча, расстегнула пуговицы на блузке и обнажила грудь.

Верзила уткнулся в нее носом, посопел немного, поцеловал и заорал: «Ништяк! Ништяк!». Девушка неестественно, кокетливо хохотала, ее обнаженные плечи подрагивали и незаметно, словно утренняя заря, очаровательно порозовели. В каждой клеточке ее тела просыпалась женщина.

На связанного человека, сидевшего в углу на стуле, не обращали внимания. О нем забыли. Тем временем он уже привел мысли в относительный порядок. Попытался развязать руки, ноги — не получилось. Крепко же его связали. «Будь что будет», — он решил довериться судьбе и терпеливо ждать.

Девчущка, допив содержимое своего стакана, потянулась «за закуской» к губам своего соседа. Тот склонился к ней, обнял и стянул с нее блузку, обнажив «богиню любви» до пояса.

Пленник, только что любовавшийся красотой юного тела, вдруг почувствовал, что прелесть исчезла и кожа уже не трепетно-розовая, а с синюшным оттенком.

Встав из-за стола, верзила подвел девушку к пленнику. Тому стало не по себе: в нескольких десятках сантиметров от него стояла полуголая девушка. Он отвел глаза в сторону. Верзила ухватил его за подбородок, повернул к себе и зашипел:

— Идиот, деньги у тебя есть? Хочешь, дам ее попробовать?

Девушка наклонилась к пленнику, ткнула ему в нос свои прелести и, только увидев, что тот начал задышаться, выпрямилась и завизжала на весь дом, мерзко, по-мышьиному!

Больше к нему не подходили. Продолжали пить из трехлитровой банки. Затем верзила и визгливая девица скрылись в маленькой комнатке. Оставшиеся за столом твердо решили допить содержимое банки до дна.

Когда верзила вернулся к столу, другие, по очереди, тоже побывали в темной комнатке.

Под половицами «темнушки» непрерывно визжали то ли мыши, то ли крысы...

Опустошив банку, «хозяева», громко хохоча, покинули дом. И пленник снова остался один.

Когда захлопнулась дверь, он попытался освободить руки и ноги. С большим трудом вытащил из рта тряпку. Голова его гудела, тело содрогалось. Он немного отдохнул. Затем, собрав остатки сил, приступил к освобождению рук. Наконец «оковы» пали.

Бросив простыни на кровать, он шагнул к двери, которая в очередной раз сама распахнулась. На пороге стояли два милиционера с пистолетами в вытянутых руках. Его затекшие, ноющие руки скрутили за спину и, подталкивая, вывели на улицу. Навстречу им попался мужчина с проплешиной на лбу в темных очках.

Один из милиционеров обратился к нему:

— Проверьте, все ли у вас в доме в порядке. Если что-либо пропало, то сообщите нам сегодня же.

Его втолкнули в маленькое, словно собачья конура, отделение внутри милицейской машины. Сирена выла так, словно сопровождала главного виновника войны в Персидском заливе в Белый дом. Машина неслась по улицам города, нарушая покой воскресного утра.

Когда задержанный разразился громким хохотом, один из сержантов, занятый составлением протокола, поднялся с места, намереваясь его «успокоить».

Второй дернул его за полу кителя:

— Не ходи, сам прекратит. Жалко его почему-то.

Действительно, скоро смех прекратился. От каменного пола и стен в камере веяло холодом. От этого, а может быть, от размышлений он пришел в себя. «Сегодня — воскресенье. Это точно. Да, похоже, я еще в своем уме. Проснулся я рано. Жена еще спала. Не стал ее будить. Вышел из дома. Встретил соседа с помойным ведром. Да, он вышел на улицу вылить помой. Канализации в нашем доме нет. Мы и воду носим с колонки. Так, значит, я еще в своем уме. Потом... потом... я поехал... на дачу... Я и соседу так сказал: «Съезжу на дачу». Постой... постой... На какую это дачу я поехал? Откуда она взялась?!»

Со скрежетом распахнулась железная дверь, прервав течение его мыслей.

— Выходите, — сказал милиционер.

Задержанный бросился к двери, словно хотел успеть выйти, пока снаружи не передумали.

За столом сидел один из доставивших его сюда сержантов, рядом стоял майор. В одной руке он держал свою фуражку, а другой задумчиво скреб затылок. Рядом на стуле сидел плешивый гражданин, который встретился им на аллее садового товарищества.

Садовод, увидев вышедшего из камеры мужчину, сказал майору:

— Говорю вам, этот человек ни в чем не виноват. Отпустите вы его. В мой дом навдываются совсем другие. Они часто «гостят», когда меня нет. Уходя, оставляют записочку: «Мы еще вернемся. Если под кроватью не будет пузыря с само... водки, то мы подожжем дом!». Я же вам показывал одну записку.

— А почему этот гражданин находился на вашей даче? — спросил майор, продолжая скрести затылок.

— Почему?... Ну, может быть... ошибся, перепутал, наверное... В саду у меня ничего не пропало. Даже наоборот...

— Что наоборот?

Плешивый слегка задумался:

— Это я оговорился. Я вам уже все рассказал. В домик ко мне залезает разнузданная молодежь. Вот их-то вы привлечете к ответственности. В печенках они у меня сидят!

— Некогда нам охотиться за каждым разнузданным. У нас поважнее дела есть. Понятно!

— Понятно. Даже очень.

И тут зазвонил телефон. Майор снял трубку и продиктовал фамилию, имя, год рождения и домашний адрес «задержанного». Затем поблагодарил кого-то на другом конце провода и, обернувшись, произнес:

— Ошибочка вышла. Вы не тот, кого мы ищем. Можете идти.

Тот, к кому были обращены эти слова, поспешил уйти, радуясь неожиданному освобождению.

Ему хотелось поскорее оказаться подальше от этого мрачного места. Хотелось вернуться домой и успокоиться, а потом на свежую голову осмыслить происшедшее.

Через некоторое время его догнал мужчина с проплешиной.

— Эй, уважаемый, подождите же, поговорить нужно!

Но он не остановился, только едва заметно замедлил шаг.

— Братишка, подожди, говорю. Скажи, это ты мне доски под навес сложил?

— Я.

— Зачем? Мы ведь даже не знакомы?

Этот вопрос застиг его врасплох. Нужно было что-то придумать. Он сказал первое, что пришло на ум:

— Что ж они лежат под дождем, мокнут ведь?

— И крышу ты починил?

— Да.

— Зачем? Ты ведь меня не знаешь!

— Я порядок люблю.

— Чудной человек... И веранду ты прибрал?

— Да. Беспорядок у вас.

— Да, да, знаю...

— А ты сам-то кто будешь?

— Химик... У тебя своя дача есть?

Оказалось, что нет.

— Хочешь, я тебе свою продам? Бери, если нравится. Устал я. Ни сил, ни желания за ней ухаживать.

— Не надо! — впервые за время разговора человек взглянул на своего попутчика. Ему хотелось сказать, что у него нет денег на такую покупку, а прозвучало другое:

— Я сам построю. Новую. На берегу Волги, — он ускорил шаг и тихонько, чтобы не услышал химик, добавил: — Когда-нибудь!

Перевод Талии Шарафиевой

ПЕРЕПРАВА

Волны, притворяясь, что играют друг с другом, выгибая черные спины, приближаясь к берегу, дружно бросаются на него. При каждом броске этой стаи песчаный берег, кажется, со стоном

отступает, и волны вгрызаются в него не спеша, звонко и со вкусом причмокивая. Не то от брызг, не то от безысходности лоб у берега мокрый, будто запотевший.

На берегу рассыпаны человеческие черепа. Как будто стыдясь, что не преданы земле, они тянутся к волне, прячутся в ней, но набегает следующая и снова выбрасывает их на песок.

За Большой Водой, похожей на море, там, где живет мальчик Мухаммед, тоже много черепов. Их собирают и закапывают на кладбище. Только они появляются снова. Никак не собрать все черепа...

Низкорослый старик в короткой серой кожанке с морщинистым, но чистым, привлекательным лицом, казалось, не оставляет без внимания ни одну из лежащих на берегу костей. Он подолгу всматривается в них, тяжело вздыхает, поднимает глаза к небу, идет к самому краю воды и, приложив руку ко лбу, оглядывает Большую Воду.

У старика за спиной серый холщовый мешок.

Что у него там?

Мешок кажется весьма тяжелым, старик с трудом перекидывает его с плеча на плечо. Хоть бы на землю положил!

Мальчик Мухаммед хочет ему это подсказать и делает движение, но отец крепко держит руку — не отойдешь.

Старик с мешком идет к старому лодочнику на берегу, наверное, желая тоже что-то сказать ему, но останавливается и пристально разглядывает черепа, лежащие неподалеку.

Когда Мухаммед подошел, старик и лодочник о чем-то живо разговаривали. Заметив людей, они оборвали разговор.

Лодочник сказал:

— Да ну тебя, иди отсюда. Не беспокой меня! — сказал не зло, просто, по-свойски.

Старый лодочник мучается с мотором, не может завести. Еще трое человек ждут отъезда лодки, похожей на корыто, в котором можно было бы замешивать корма на всех коров сорокодворной деревни, где живет Мухаммед. Двое — дяди с залысинами сорока — сорока пяти лет при галстуках, с белыми воротниками, в кожаных куртках. Третий — приехавший с Мухаммедом мулла-бабай с округлой белой бородой.

Лодочник тянет веревку мотора изо всех сил. Мотор чихает и снова глохнет.

Дяди в кожаных куртках торопят лодочника. Один из них, что постарше, с солидным животом, то и дело поглядывает на часы.

Этот дядя — хозяин здешних земель, хозяин Большой Воды, говорит Мухаммеду отец.

Отец хочет поговорить с дядей, но стесняется, боится и держится от него подальше. Ему есть что сказать главе района. Скоро в колхоз пришлют новый трактор, председатель хочет снова посадить на него своего зятя. А по очереди его должен получить отец Мухаммеда.

У Хозяина поджата нижняя губа, он явно в плохом настроении, все время посматривает на часы. Скоро в его район пожалует руководство из Москвы и Казани. Сначала они должны были приехать на эту сторону Большой Воды. Главе сказали, чтобы он здесь и ждал гостей, тут же с утра пораньше собралось и остальное районное начальство. Гости ждали с большим волнением, подготовились основательно.

Полчаса назад пришло новое сообщение: гости прилетают на другой берег, в районный центр.

Чтобы проехать на ту сторону через мост, в объезд, нужно три часа. Руководство будет в райцентре в одиннадцать, то есть через час. Самолету не нужны мосты, он летит прямо. На моторной лодке Большую Воду можно преодолеть за сорок минут.

Хозяин со своим помощником, казалось, выбрал самую надежную лодку. Но проклятый мотор до сих пор не заводится!

Старик поднял лежащий на берегу череп и положил его в мешок. Он давно пристально рассматривал этот череп. Кроме Хозяина на него никто не обратил внимания. Для жителей этой местности стало обычным делом собирать на берегу человеческие останки. Год тому назад под Большой Водой осталось много деревень, вместе с кладбищами. Большая Вода не дает покоя и тем захоронениям, которые остались на берегу.

Люди, превратившие маленькую речку в Большую Воду, даже представить не могли, какая она станет большая и широкая.

В школе у Мухаммеда даже объявили соревнование по сбору и захоронению на новом месте человеческих черепов.

Перед приездом москвичей Хозяин приказал, чтобы на побережье не было ни одного черепа. За эту работу отвечал стоявший рядом с ним помощник. Хозяин свирепо взглянул на него. Тот скукожился, сжался, его нос покрылся холодными капельками.

Нервы Хозяина напоминали до предела натянутые струны; стоит ему произнести хоть одно слово, укоряя помощника или ругая старика-лодочника, до сих пор копающегося с мотором, струна порвется, и чем это все закончится, он очень ясно себе представлял. Поэтому он скрыл свою злость.

Лодочник дергал и дергал веревку. Мотор фыркнул и снова заглох. Терпение Хозяина кончилось. Грубо оттолкнув лодочника, он сам взялся за веревку. Одной ногой уперся, другую отставил назад и дернул что есть силы. Мотор чихнул и ровно затарахтел. Веревка, вырвавшись из рук хозяина, отлетела в сторону и обвила шею старика с мешком.

Первым в лодку прыгнул Хозяин, за ним залез помощник, потом разместились Мухаммед и остальные.

Стоило мотору затарахтеть, торопливо подбежал старик с мешком и попытался закинуть в лодку свою ношу.

Лодочник отстранил его:

— Я же тебе сказал, не подходи. Я кругом объеду. Смотри, ребенок в лодке, — сказал он. И в этот раз он говорил спокойно, не зло, словно давал хороший совет близкому человеку.

Старик тем временем уже успел забросить мешок в лодку, не слушая лодочника. Слышавший их разговор Мухаммед прищурил глаза и шмыгнул носом.

Лодка тронулась, в лицо брызнули капли воды, свежий влажный ветер, раздувая одежду, как бы пытаясь снять ее, приятно щекотал тело.

И берег, и черепа остались позади.

— Давай напрямик! — приказал Хозяин в кожаной куртке.

Лодочник, прежде чем сказать что-то, взглянул на небо, потом его взгляд скользнул по волнам, разбегавшимся в стороны от лодки. Не знающему Большую Воду человеку трудно определить ее нрав. Когда-то лодочник, испугавшись широты Большой Воды, смастерил довольно большую лодку. Но он до сих пор не постиг характер Большой Воды.

Лодочник опять взглянул на небо. Быстро бегут облака, словно небо отражает волны Большой Воды. Стоя на поверхности воды, не понял старик «языка» неба. Чтобы понять небо, ему нужно было смотреть на него с земли.

— Напрямик не получится. Омут нужно обогнуть. Ветер крепчает.

Хозяин хотел что-то сказать, но промолчал, согласился, наверное. Удобно расположился на своем месте, вытянув ноги, своим видом показывая: тогда делай как знаешь.

Большая Вода без конца и без края, резвые зеленобокие волны будто бы приветствуют его. Птицы своим полетом чествуют его, Хозяина этой воды, этих владений. Это море создано по приказу сверху его руками, его бессонными ночами.

Сегодня посмотреть на результат работы приедут из самой Москвы. Его ждет очередное повышение. Ради этой святой цели он затопил места, где родился и вырос.

Где человек живет — там и его родина, считает Хозяин.

Его предки за всю свою жизнь не видели Большую Воду. Раз они не смогли увидеть, пусть увидят их дети. Исполинская сила воды даст свет, не сравнимый со светом миллиардов керосиновых ламп.

Неожиданно Хозяин отвлекся от торжественных мыслей. Тарахтевший однообразную мелодию мотор покашлял и замолк. Пассажиры обернулись на лодочника. Тот осторожно приподнял крышку мотора, несколько минут рассматривал, покачивая головой, и опять закрыл. Намотал веревку на руку, резко дернул на себя — никакой надежды. Дернул еще раз — снова ничего.

Растерявшийся старик виновато взглянул на Хозяина:

— Умер мотор. Не зажигается. Давно я с ним не работал. Я все на веслах...

Не успел Хозяин сдвинуться с места, как отец Мухаммеда — может, желая отметить перед руководством, к которому собирался идти, быстро подошел к мотору, намотал веревку на правую руку и дернул. Лодка покачнулась, мотор фыркнул, издав странный звук, отец Мухаммеда снова намотал веревку на руку, еще раз дернул, но мотор молчал. А отец мальчика, упав грудью на мотор, перелетел через него и нырнул в воду.

От неожиданности люди онемели, растерялись. Все опомнились лишь после того, как Мухаммед пронзительно закричав, начал перелезать через борт, чтобы спасти отца. Хозяин оттащил мальчишку от борта, а тем временем его помощник и лодочник помогли отцу забраться в лодку.

Лодочник взял весла и закрепил их с обеих сторон. Лишь старик с мешком, пристроив свой груз на коленях, сидел как ни в чем не бывало, улыбаясь краешками губ.

— Не здесь ли твои истоки? — через некоторое время спросил он отца мальчика.

— Какие истоки?

— Родная деревня, спрашиваю, не здесь была? — старик кивнул на воду. Отец, видимо, точно не знал, в каком месте находится его затонувшая деревня, поэтому пожал плечами.

— Во как... — протянул старик. — Я подумал, может, твои истоки зовут тебя.

Мулла-бабай, встав на колени на днище лодки, устремил глаза к небу и вполголоса принялся читать мусульманскую молитву.

— Ты что делаешь, божий слуга? Ты за кого нас принимаешь? Прекрати! — закричал Хозяин и, отвернувшись, зло сплюнул в воду.

— Это же мулла-бабай! Мулла-бабай! — сказал отец Мухаммеда, стараясь объяснить такое поведение старца.

— Мулла? Какой такой мулла? Какой такой мулла в наше время? — Хозяин произнес эти слова без прежней злости. — Если мулла, пусть сидит на своем молитвенном коврике. Что ему тут надо?

— Он даст имя моему сыну. Я пригласил его, — сказал отец Мухаммеда, давая понять, что основная вина лежит на нем.

— Ты коммунист?

— Кандидат, — робко ответил тот.

— Хе... кандидат. Надеюсь, что в одном кармане будешь носить Коран, а в другом — партбилет? По возвращении напиши заявление о выходе из членов в кандидаты! Или партбилета лишится тот, кто дал тебе рекомендацию. Понял?

«Понял. Это в твоей воле, делай как хочешь. Все равно не по своему желанию вступил. Только дай указание выделить мне новый трактор», — подумал отец Мухаммеда. Хотя вряд ли ему теперь дадут новый трактор!

Он тяжело вздохнул.

Хозяин бросил косой взгляд, от которого отец Мухаммеда съёжился. Мальчик, согревая отца, обнимал его шею тонкими руками, он почувствовал, как по мокрому телу пробежала дрожь.

Состояние мужчины не ускользнуло и от внимания самого Хозяина.

— Ну ладно, замерз, согрейся немного, вон сядь на весла, — сказал он и протянул кожаную куртку отцу мальчика. — На, надень это.

Что означали слова Хозяина «ну ладно», так и осталось непонято, но переспрашивать было неудобно. Про себя отец Мухаммеда ругал жену, отправившую его за муллой. Видите ли, имя надо дать ребенку. Есть ведь у него имя, написано черным по белому!..

Если даже на веслах, все равно по времени они успевали переправиться на другой берег до приезда руководителей, поэтому Хозяин спокоен. Он даже не пристаёт к мулле — только вот замедленное движение весел его немного беспокоит. Иногда он поглядывает на отца Мухаммеда. И ему кажется, что взгляд помогает двигаться лодке быстрее.

Мулла-бабай о чем-то негромко разговаривает со стариком, точнее, говорит только он. Владелец мешка спокойно сидит и слушает.

— Родники превращаются в реки, реки превращаются в моря. Землю затапливает вода, суши остается все меньше. Мир наполнился неверующими. Не остается людей, почитающих бога, боящихся его кары.

— Да уж, — произносит старик с мешком, давая понять о своем полном согласии с говорящим.

«Боюсь ли я бога?» — думает мальчик по имени Мухаммед, слушая их.

— У людей не осталось святых, которым можно поклоняться, поэтому народ испортился. Человек, потерявший могилы предков, разве он способен думать о завтрашнем дне? Родительские дома, кладбища смыло водой.

— Вот именно! — опять согласился старик с мешком.

Оказалось, что слова муллы слышали все пассажиры лодки.

Хозяин заерзал на месте, уставившись на муллу.

— Эх, дедуля, дедуля! — насмешливо произнес он. Его нижняя губа задергалась.

«Все! Сейчас этому дедуле достанется!» — со страхом подумал помощник, хорошо изучивший привычки Хозяина. Да, он хорошо знал, что губа дергается не к добру. Только Хозяин впервые изменил своей привычке: не орал, не кричал, по «столу» кулаком не бил. Видимо, непросвещенность муллы серьезно задела его, он хотел, чтобы темный старик тоже проникся его убеждениями. Поэтому, придержав за узду горячий норов, спокойно продолжил:

— Уже семьдесят лет живем по-новому, в новом времени живем, говорю! Неужели до твоей головы еще не дошло? Бог, вера, говоришь ты... Почему мы должны верить богу, которого нет, поклоняться тому, чего нет? Мы дураки, что ли? Человек сам хозяин на земле. Бог — это мы, человек сам бог, если хочешь знать!

— Тьфу! Уйди, неверный! Пусть ветер унесет твои слова...

Голос муллы прозвучал слабо, его тело сжалось, уменьшилось. Перед могучим молодым мужчиной он выглядел совсем невзрачно. Выступавший с зажигательными докладами в больших залах перед тысячной аудиторией, привыкший к бурным аплодисментам, Хозяин лениво улыбнулся и продолжил:

— Не обижайся, дедуля, я это говорю для того, чтобы ты хоть что-нибудь понял. Вот я, к примеру, сам себе бог. Если бы это было не так, разве смог бы я из маленькой речушки, пригодной разве лишь для гусей и уток, сделать такое вот море? В прежние времена свет лучины и керосиновой лампы испортил тебе зрение, не видишь ты, вот в чем дело! Вера, говоришь, а знаешь, что есть моя вера? — Хозяин широко развел руки в стороны и показал на Большую Воду. — Вот она, моя вера. В ней мой труд, мои бессонные ночи! Эта Большая Вода нужна людям, тебе нужна! А ты все о боге да о боге...

Если твой бог такой всемогущий, он создал бы на этом месте не родничок, а Большую Воду. Не оставлял бы эту работу нам.

От ужаса глаза муллы расширились:

— Неверный! Безбожник!

Он опустил на колени на дне лодки и торопливо принялся за молитву.

Хозяин рассмеялся, окинул взглядом людей, сидящих в лодке. На этот раз никто не поддержал его смех. Хозяину и самому не понравилось это препирание со старцем. Он вдруг почувствовал свою мелочность. Спорить со стариком, стоящим одной ногой в могиле, словно школьник какой-нибудь, занятие, не достойное его положения. Хозяин это ясно понимал. Человек, привыкший всегда находить себе оправдание, будучи виноватым, и в этой ситуации не изменил своей привычке: « В данном случае я не мог промолчать. Я как коммунист, как руководитель... Да, я не мог промолчать. У меня ведь тоже есть своя вера, своя правда. И не только своя, а миллионов людей...»

Подул ветер. Брызги от ударившей о борт волны, брызги Большой Воды, ставшей верой и правдой Хозяина, коснулись его лица. На душе было по-прежнему нехорошо от спора со слабым стариком, и вот холодные брызги освежили его лицо, приподняли настроение.

Мухаммед сидел задумавшись. Мальчик, привыкший увиденное и услышанное от взрослых пропускать через собственное сито, делать выводы, ломал голову над вопросом: есть у него вера или нет? Он не понимал смысла слова, но чувствовал, догадывался, пытался понять.

Что же есть его вера? Понял, понял! Он давно мечтает о велосипеде, очень много думает о нем. А отец все не покупает и не покупает. Еще? Поскорее бы подрос братишка, ходили бы с ним на рыбалку сюда, на Большую Воду.

У Мухаммеда заблестели глаза, губы невольно растянулись в улыбке. А вот у дяди, которого зовут «Хозяин», ох какая большая вера! Как море. Он сам сказал: Большая Вода — моя вера...

«Нет! Вера — это что-то другое! Мулла-бабай говорил о ней торжественно, таинственно. Значит, я не знаю, что такое вера», — мальчик был строг к себе.

Погрустнев, он стал наблюдать за бегом волн на Большой Воде. «У дяди Хозяина вон какая большая вера!»

Волны догоняют друг друга. Мальчику тоже хочется, присоединившись к ним, играть в догонялки. Волны казались ему живыми существами.

Над головой пролетел самолет. Хозяин встрепнулся — лодка покачнулась. Он выразительно посмотрел на помощника. Тот недоуменно пожал плечами, также следя за самолетом.

— Напрямик пойдем! Напрямик! Напрямик! — прозвучал приказ Хозяина. — Опаздываем! Напрямик!

Лодку развернули. Старик с мешком крепче прижал свою ношу к груди. Сердце его бешено колотилось, руки, державшие мешок, тряслись. Значит... значит, их путь пройдет мимо его родительского дома. Его мечта, желание восьмидесятилетнего старика, завладевшее им, наконец исполнится! Слава Аллаху!

Беспреданно бьющиеся о борт лодки потемневшие волны становились все больше и больше. Совсем недавно, когда они покидали берег, усыпанный черепами, уже было известно о предстоящем шторме. Большая Вода сама предупредила об этом. Но старики, не видевшие за свою жизнь Большую Воду, и сам Хозяин ее не поняли предвестников приближающегося шторма.

Веслами по-прежнему управлял отец Мухаммеда. Он поглядывал на сидевшего неподалеку сына. Плечи его налились силой, он стал грести еще быстрее.

— Напрямик плыть нельзя. Впереди омут. Кажется, приближается шторм, — произнес лодочник, обращаясь к мальчику, словно советуясь с ним.

— Напрямик! — приказал Хозяин, стиснув зубы.

Пассажиры с надеждой посмотрели на помощника, может, к его словам прислушается Хозяин.

— Нужно напрямик. Возможно, успеем добраться до шторма. Напрямик! — повторил он.

Не только шторм, но и любая другая неведомая сила не могли сейчас напугать его. Эта река — творение его рук, его детище. Своя вода не проглотит...

«Слава Аллаху! Напрямик...» — вздохнул с облегчением старик. Он трясущимися руками развязал мешок и, вынув из него череп, протянул Хозяину:

— На.

Хозяин с отвращением отступил назад:

— Отойди! Зачем он мне? Что это?

— Череп твоего отца...

Старик думал, что совершает благой поступок.

Пассажиры, забыв о недавних опасениях, уставились на них.

— Сумасшедший старик!

— Нет, братец. Я в своем уме. Это и вправду череп твоего отца. Ты ведь родом из деревни Кормаш, сын Галиуллы, если не ошибаюсь, — сказал старик и кивнул на воду. — Ваша деревня была точно на этом месте. Отец твой работал лесником. Его убили выстрелом в голову. Его тело мы нашли в лесу. Вот эти ямки на лбу — видишь? — следы дроби.

У пассажиров лодки волосы встали дыбом. Лицо хозяина почернело. Он на какое-то время лишился дара речи, потом, внезапно вскочив, взял череп из рук старика.

Хозяин несколько секунд был в растерянности, его обычно холодные глаза, казалось, изменились, стали похожими на глаза безгрешного ребенка. Эти перемены в нем успел заметить только лишь один человек — старик с мешком. Остальные взгляды были прикованы к черепу в руках Хозяина.

Как мгновенный проблеск молнии, глаза ребенка появились и исчезли. Взгляд Хозяина вновь излучал холод металла. Но старик успел узнать в посветлевших глазах своего прежнего знакомого Галиуллу...

Хозяин, обладавший талантом часами удерживать внимание многотысячной аудитории, не смог справиться со своим состоянием, бросил со злостью череп отца в набежавшую волну...

— Тьфу! Черт! Сумасшедший старик!!!

Крепнущие волны схватили эти слова в свои объятия и подбросили вверх, глухим эхом отозвалось: «Сумасшшш-ш-ш-ед-ш-ш-ши-и-и-й...»

— Сумасшедший! — повторил Хозяин, создавший Большую Воду.

О лодку ударились огромные волны. Она закачалась, словно детская колыбель.

Отец Мухаммеда совсем выбился из сил, а весел из рук не выпустил. На Большой Воде нужна не только сила, но и мастерство. Лодочник сам сел на весла, седой старик все же год уже плавал по Большой Воде. Отец обнял Мухаммеда, веря и не веря в спасение, устремил взгляд назад. Берега закрыли облака пыли, словно ведьмы и черти справляют шабаш...

Мулла-бабай, встав на колени, просит помощи Аллаха. Лодку качнуло, и бабай с распростертыми к небу руками упал и ударился головой о борт. Отец Мухаммеда попытался свободной рукой удержать его за полу.

— Те слова достигли Всевышнего! Это только из-за тебя! — сказал вдруг мулла-бабай. — Проси милости божьей! Дай обет!

Он сказал это не глядя на Хозяина, но было ясно, кому он говорит.

— Вперед! Прямо вперед! — закричал Хозяин яростно.

«Проси прощения у Господа!» — думает отец Мухаммеда про себя.

«Не упрямься же, проклятый!» — думает старый лодочник.

— Краеугольные камни кричат, — молвил старик, крепко прижимая свой мешок.

— Вперед! Вперед!

— Совести у тебя нет, — говорит мулла-бабай. — Проси прощения!

— Ты что, божий избранник, думаешь, спасемся с твоими прощениями! — вскинулся Хозяин, отодвинул сидящего на веслах и уселся на его место. — Сила нужна, голова нужна, чтобы спастись из такой беды!

Он начал грести что есть сил, и, кажется, лодка немного выровнялась.

— Краеугольные камни зовут! Камни зовут! — повторил старик с мешком. Его бывшая деревня как раз была на дне омута.

Ураган разыгрывался не спеша. Как будто он еще не приноровился к недавно образовавшейся Большой Воде, а Вода еще не умела принять ураган и тоже волновалась исподволь, медленно.

Волны, накатывающие одна за другой, стали подбрасывать лодку, как щепку.

Старый лодочник, можно сказать, вырвал из рук Хозяина весла и, будто оправдываясь, крикнул:

— Надо носом держать к волнам! Носом!

Пока никакой надежды на спасение не было. Лодка вплыла в омут и закрутилась на месте, будто спичечная коробка.

Грести принялся отец Мухаммеда. Но лодку метало, она уже не слушалась весел.

— Проси Господа помиловать нас! — снова сказал мулла-бабай.

— Послушайся! — крикнул старый лодочник.

В это время он, маленький, тщедушный, показался огромным, а крупный, полный Хозяин словно сдулся и превратился в карлика.

Старик с мешком, держась за борта лодки и раскачиваясь, дошел до кормы, тяжело поднял мешок, повесил его на шею и упал в воду.

— Камни краеугольные зовут! — будто сказали волны, бросавшие лодку, словно щепку.

Сидящие в лодке ничего не успели сделать.

— Спасайте! — крикнул, придя в себя, Хозяин. Сам он не умел плавать. Он не научился плавать в Большой Воде...

— Бесплезно! — крикнул лодочник. Среди рева волн его голос казался еще страшнее, зловещее. — Не надо его спасать! Он уже сам себя спас. Поздно, уже поздно! В мешке у него камни! Я знаю... Волны все росли и бились об лодку. В нее стала набираться вода.

Хозяин, вцепившись в края лодки, зажмурился. «О Всевышний», — тяжело вздохнул он. И тут же почувдилось, что изнутри у него, из самых клеток, что-то вырвалось и устремилось в небеса. Хозяин задрожал, его начало знобить, словно его навсегда покинуло тепло. Хотелось избавиться от этого странного состояния, вернуться к жизни, открыть глаза... Нет, смерть не должна прийти так неожиданно, так просто. Но она, кажется, приближается... Руки, ноги, голова словно из голой кости. Хозяин как будто уже умер. Но как же он думает? Умерший не может думать... Значит, он живой. «Не-е-т!!! Не хочу умирать... Не хочу-у-у!!! Спасите меня! Кто? Кто?! Кто меня спасет?! Ты!!! Только ты!!! Умоляю тебя, спаси!!! Не отдавай! Не отдавай меня этой Воде! Только ты меня можешь спасти! Говорят, ты всесильный, ты всемогущий!!! О Господь! Прошу у тебя помощи! Не хочу умирать! Аллах, Аллах мой, спаси и сохрани...» Хозяин не знал, как обратиться к богу, и повторял только: «О Аллах, о мой Аллах!» Эти святые слова спасут его, только эти слова вызволят его из пасти смерти. Только, чтобы они исполнились, наверно, их надо громко выкрикнуть:

— О Господь! Помилуй душу мою грешную!!!

Наконец он открыл глаза и устремил их в небо. Над головами послышался рокот мотора. Хозяин снова торопливо повторил:

— Аллах мой! О Аллах!

Отец Мухаммеда боролся со стихией. Горы волн вытолкнули лодку из омута и стали заметно спокойнее, подобрели. Отец греб иступленно. Лодка вдруг покорила, послушалась весел. Но это еще не было спасением...

Все же люди в лодке вздохнули с облегчением. Сквозь облака пыли, покрывавшие берега, проступили их очертания. Только Хозяин не радовался со всеми, порозовевшее было лицо его вновь почернело. Впереди — берег, впереди — избавление от шторма, разыгравшегося на Большой Воде.

Только одно омрачало душу Хозяина. Конец! Теперь всему конец! Всю жизнь пробивался в люди, и вот когда цель, кажется, достигнута... Как только он ступит на землю — его уволят с работы! Помощник поспособствует этому... Коммунист, руководитель, верующий в Аллаха! Позор! Эх, Большая Вода, лучше бы ты меня проглотила!..

Большая Вода все волнуется... Кружится голова, тошнит... Хозяин снова закрыл глаза. Померещилось ему, что он уже на берегу и его собираются лишить партбилета, привычного образа жизни, убрать с любимой работы, — он испуганно открыл глаза.

Волны звучно бьются о лодку. Кажется, Большая Вода издевается над ним. «Погодите! Не спешите! Еще посмотрим!!! Держите карман шире!!!» — сжал зубы Хозяин. Он заметно отрезвел: «Что такое? Меня за эти слова выкинут с работы? Меня!? Погодите... Я же не верил в Аллаха! А вот на тебе, сейчас поверил. Поверил ли? Или...»

У Хозяина не хватило смелости решить вопрос. Он все еще на воде... Только про себя он снова сказал кому-то: «Держите карман шире!»

Отец Мухаммеда продолжает бороться с волнами. Ближе к берегу они мельче, но еще сильные. Мулла-бабай все умоляет Всевышнего о спасении.

— Ты! Как ты мог допустить, чтобы человек прыгнул в воду. Ты же знал об этом! — принялся ругать лодочника Хозяин. Голос его приобрел былую зычность. Это же его надежда — то, что человек утонул, такое трагическое событие могло прикрыть, оправдать все остальное...

Лодочник не удивился. Он и не слышит как будто. Из-за шума волн не слышит или притворяется?

— Ты виноват в его смерти, — Хозяин не успокаивается.

Старый лодочник медленно повернул к нему голову.

— Его убила Большая Вода, — разжал он пересохшие губы. — Он на деревенском кладбище место себе приготовил, туда и ушел, — добавил он легко и просто, словно не о смерти человека, о воздухе говорил.

— Ты знал, знал!

Мухаммед пожалел лодочника. В эту минуту ему нравился одинокий печальный старик.

— Тот череп на самом деле череп твоего отца, сынок, — сказал лодочник спокойно, словно речь шла о какой-то безделушке.

— Не заговаривай мне зубы. Пытаешься уйти от ответственности, старый черт!

— Надо было предать земле голову отца, сынок. Я кости своих сколько уже ищу на берегу, и не нахожу. Тебе в руки дали, а ты в воду обратно бросил. Эх, сынок, сынок...

— А твоя голова сгниет в тюрьме!

— Я уже давно, еще до прихода воды, выбрал себе место на кладбище, возле своей старухи. Вода затопила, проклятая, поэтому и хожу, не могу умереть. Может, Большая Вода уйдет отсюда, а?

Старый лодочник зажмурился, из глаз его выкатились две слезинки и исчезли в глубоких морщинах.

Отец Мухаммеда, стараясь вырваться из объятий Большой Воды, греб изо всех сил, греб к Большой Земле. Лодка-корыто качается на волнах с черными спинами, словно детская колыбель.

Мулла-бабай, завидев землю, погладил Мухаммеда по голове и сказал дрожащим голосом:

— Счастливый ты, сынок. Аллах только из-за тебя, невинного, спас нас.

Хозяин уже не обращал ни на кого внимания. Он нервно кусал губы и зло сплевывал выступившую кровь в воду.

Помощник сидит, хоть бы слово сказал. Наверняка внутри он уже справляет праздник. Хозяин сейчас у него на поводке... Лодка ткнулась носом в берег.

Отец помог сойти Мухаммеду и ослабевшему мулле-бабаю на землю.

Почувствовав под ногами твердый берег, все повернулись посмотреть на Большую Воду. Все страхи остались на середине ее, Большая Вода оставила их себе.

Хозяин положил руку на голову Мухаммеду и сказал так, чтобы все слышали:

— Ну, браток, из-за тебя и дяди поиграли в веру в Аллаха, — сказал и принужденно засмеялся.

Никто к нему не присоединился.

Отец Мухаммеда крикнул лодочнику:

— Ураган сейчас стихнет. Ты обойди омут!

Старик только рукой махнул.

— Моя деревня тоже под омутом ведь! — не то пошутил, не то серьезно ответил он.

Хозяин большими шагами пошел к ожидающей его машине. В небе послышался звук летящего самолета. Заглушая его, бились о берег волны с черными спинами.

Отец взял под руки Мухаммеда и муллу-бабая и оглянулся на Большую Воду.

Уже далеко от берега, сияя синими огнями, качалась желтая моторная лодка. Волны все не стихают, все дружно бросаются на берег. И песчаный берег, кажется, отступает под натиском этой стаи...

Перевод Дамира Гиниятуллина, Талии Шарафиевой

ВОР

Оказывается, я забрался на самую яркую звезду и оттуда наблюдаю наш аул. Света звезды не хватает на все село. Я разгоняю облака, закрывающие луну. Освещаются улицы, дворы, даже снежинки в сугробах светятся кристалликами.

Смотрю на двор нашего дома. Мама босиком вышла на снег и, задрав голову, смотрит в небо, меня, наверное, ищет...

— Вставай, сынок, вставай.

Сон улетучился. Ресницы тяжелы, не поднять, будто слиплись, вставать не хочется, к векам словно по гире привязано. Еще одну, две, три минуты хочется поспать, украсть у сна.

— Вставай же, сынок, вставай.

Я шевелюсь, показывая, что уже проснулся, не сплю и сейчас встану, а у самого глаза все еще закрыты. Может, мама увидит, что я уже зашевелился, подумает, что я сейчас встану, и отойдет, а я тем временем чуток еще сосну. Сознание у меня уже пробудилось, а тело еще спит.

Нет, маму просто так не обманешь, не проведешь. Она видит насквозь мою хитрость. Она снова подходит ко мне, я ощущаю ее теплое дыхание, мама пока медлит сказать мне: «Вставай!», жалеет меня, хочет подарить еще несколько чудесных мгновений сна. Уже не первый раз так. А я, пользуясь этой маминой жалостью, и в самом деле снова проваливаюсь в темную яму сна.

— Встанешь ты, нет?

Одеяло сползает с меня, и от холода глаза сами открываются. Потом я сажусь. И почему я вчера не лег спать в шесть часов вечера?! А все телевизор виноват. До программы «Время» сидел смотрел, потом уже не вытерпел, заснул... Нет, сегодня обязательно вместе с петухами лягу.

Мама принесла мне латаные-перелатаные штаны, выцветшую рубашку. Пока она ищет отцовскую фуфайку (одежду я вчера, конечно, не сложил в одно место), я сижу на кровати, и подбородок мой постепенно опускается на грудь, а нос сладко посапывает. Я все еще хитрю, делаю вид, что подтягиваю к себе штаны, дескать, не сплю я, а одеваюсь. Мама находит фуфайку, которая метко летит в меня, заставляя окончательно проснуться.

Глухой ночью мы с мамой идем воровать солому с колхозных скирд. Сколько уже воруют эту колхозную солому, а она все не кончается!

Я выпиваю полковша холодной воды и надеваю отцовский бешмет. Бешмет этот я надеваю только ночью, когда идем за соломой. Хоть бешмет этот еще добротный, но я никогда днем не выйду в нем на улицу! Пусть отец не видит меня в его одежде, не радуется, что я в его одежде хожу!

Когда отец развелся с мамой, мама завернула меня, двухлетнего, в этот бешмет и принесла к себе домой, к своей матери, то есть к моей бабушке. Прошлой осенью мама попросила соседку тетю Фатыму ушить бешмет для меня — пусть, мол, одежда зря не пропадает. А я все равно буду ходить в своем, пусть и старом, а на улицу этот бешмет все равно не надену!

Выйдя во двор, мама немного постояла в раздумье. Я думал, что она позовет и соседку, тетю Фатыму. Но нет, мама пошла в лапас. Там на гвозде висит веревка для соломы. Эту веревку мама готовит загодя, вечером, чтобы ночью свет в лапаса не зажигать из осторожности.

Моя веревка тоже приготовлена заранее — она лежит на дровянике. Мама говорит, чтобы я пошел с ней так, за компанию, чтобы ей одной не было страшно, она не хочет, чтобы я поднимал солому, жалеет меня... Я беру с дровяника веревку, откуда-то выбегает большая крыса; испугавшись, я спешу вслед за мамой. Мама делает вид, что не замечает мою веревку, делает замечание за то, что я разбудил (потревожил) кур. А я и на этих кур, и на петуха зол. Эти бестолковые твари каждое лето преспокойно дают крысам воровать яйца. Ладно, куры, а петух куда смотрит? Мама говорит в сердцах, что наши куры несутся специально для крыс.

А я знаю, как крысы воруют яйца. В этом деле они уж мастера! Летом по телевизору показывали: к яйцу подбегают две крысы, одна из них обхватывает лапками яйцо и ложится, вытянув хвост, а вторая крыса первую тянет за хвост. Ну и ворье!

Проклиная крыс, закрываю за мамой дверь лапаса. Мама снова остановилась. Или действительно хочет позвать за соломой и соседку Фатыму?.. Нет, посмотрела на меня и пошла по скрипучему снегу.

Я знаю, почему она не хочет брать с собой Фатыму. Тетя Фатыма меры не знает. Наберет огромный сноп соломы, еле-еле поднимает, с охами да вздохами еле ковыляет домой, а за ней солома так и сыплется, дорожку прямехонько к похитителю показывает. Тут даже если и следа не оставишь, все равно глазастый сторож, хромой Сирази, углядет может да прямо ко двору прийти.

Фатыма апа сама неплохая женщина. Они с мамой подружки. По несчастью — тоже. И у Фатымы апа нет мужа. Она его, вечно пьяного, сама выгнала. Иначе все хозяйство, все добро пропил бы. Фатыма апа крупная, сильная женщина, не то что моя маленькая мама. «Дура, что ли, я быть мужней женой только для того, чтобы считаться мужней, — сказала она. — Не хочу терпеть муки только ради того, чтобы казаться мужней». Короче, выгнала она с треском пропойцу из своего дома, куда он пришел, приехав в аул из райцентра.

Как и мама, я огляделся, посмотрев, нет ли кого... Нельзя нам попадаться на глаза людям в такое время... Вдоль речки, скованной льдом, тянутся картофельные огороды, они под толстым слоем снега. Вокруг — никого, тишина... Село сладко спит. Только мы вдвоем глухой ночью бредем по глубокому снегу. Я завидую сельчанам, которые сладко спят, от зависти сержусь, на глазах появляются слезы. Захотелось бежать в конюшню и бить там в пожарный колокол, чтобы село проснулось и тоже не спало. Пусть побегают!.. Почему одни мы должны месить снег?!

Конечно, я дурак — что это за мысли такие пришли в голову? Разве нормальный человек захочет пожара? Боже сохрани бить в пожарный колокол... В прошлом году сгорел дом председателя колхоза. Ох и страшно было!.. Говорят, дом подожгли. Поджигателей не нашли, но все равно, я думаю, что они (поджигатели) — дураки. Ну, спалили они председательские хоромы, и что? Думаете, председатель с семьей стал ютиться в баньке. Не тут-то было. В то же лето он выстроил дом еще больше и краше — настоящий ханский дворец! Наверное, сами поджигатели еще и на подмогу строителям приходили... Вот так-то. Говорят, что председатель сказал: «Сколько раз подожгут, столько раз выстрою дом еще больше и красивее!..» Естественно, не на свои деньги... Правильно говорит Фатыма апа, что не стоит сжигать шубу, чтобы избавиться от блох.

... И все равно я был зол на весь аул из-за того, что он спал...

Тропинка была натоптанная, но узкая, и я постоянно срывался с тропки и проваливался в рыхлый снег. По такой тропке идти через весь аул. Ночь не очень темная. Мне кажется, что это лицо мамы освещает окрестность. Люди говорят, что мама у меня очень красивая, да я и сам знаю, вижу, не слепой же. Хочется сказать: «Мама, закрой лицо, а то весь мир освещаешь...» Но стесняюсь. И потом — не время для шуток. Что ни говори, но маму даже сравнивать нельзя с новой женой отца — этой кривоносой Самигой. Вот пусть и живет сейчас с этой носатой мегерой! Так тебе и надо!.. Не смог противиться своей матери отец, послушал ее, поэтому развелся.

Мама моя остра на язык и все время говорит прямо, без обиняков правду. Это-то и не понравилось матери отца. Сказала: или я, или твоя языкастая жена, выбирай. Отец — ровно теленок — мягкий, не слушался свою мать. Вот так и принесла меня мама обратно в свой родной дом, к матери своей, то есть к моей бабушке — дэвэни. Правда, дэвэни я мало помню, нет уже ее на этом свете.

В ауле говорят, что Майсара (так мою маму зовут) могла бы выйти замуж хоть за министра, да затоптали ее счастье Салахутдин и Магруй (это мой отец и его мать). А что — правильно говорят. Салахутдин-эти и Магруй-эбиз и мое счастье украли.

Чу!.. Мама остановилась. Может, кого-то из людей увидела? Я забылся и, оказывается, отстал от мамы. Быстро догнал.

— Ты почему отстаешь, Ильнур? Шагай живее, — сказала она. Я виновато опустил голову. Ладно не видно, как я покраснел. Стыжу самого себя дразнилкой, которая почему-то пристала ко мне в ауле: «Ильнур, атаһ — карак, син — бур!» (Дословно: «Ильнур, отец твой — карак («вор» по-татарски), ты — бур (искаженное от русского «вор»)).

Проходим мимо двора хромого сторожа. Мама остановилась. Все вроде спокойно. Двинулись дальше.

Сторожа Сирази так и кличут: Аксак, что значит хромой. Сам он — первейший вор, но, несмотря на это он, сколько я его знаю, все время работает сторожем на поле и ферме... Вон, вчера только привез бревна, возле бани лежат... От трактора следы еще остались, свежие.

— Кто украл, тот грешен один раз, а кто позволил украсть — грешен тысячу раз, — любит говорить он, когда заходит к нам пить медовую бражку. Мама, втайне от соседей, потчует Аксака медовухой, чтобы сторож «не видел» наши ночные походы за соломой. Позавчера еще снова навеселе зашел было к нам, да только на этот раз мама прогнала его.

— Ты, каторжник! — рассердилась она тогда, — еще раз сунешься ко мне, на вторую ногу охроеешь!

А что, он и в самом деле каторжник. Как-то его застали, когда он воровал зерно из колхозного амбара. Судили. А сейчас он сам «сторожит» колхозное добро. Да еще мораль читает, когда заходит к нам:

— Закон запрещает воровство, воровство — противозаконное деяние. Вон в Китае вора пальцы, руку отрубают. Нам тоже такой закон ввести надо! Напишу-ка я в Москву об этом, предложу, пусть меры принимают!

Под хмельком Аксак часто жалуется на свою судьбу: «За горсть зерна шестью годами свободы заплатил! Эх, за горсть зерна в кармане! За зерно в кармане — шесть лет!» И было непонятно, то ли сокрушается, то ли гордится он по этому поводу.

У-у, Аксак, я бы тебя вообще на шестьдесят лет упек бы! Все равно я отомщу тебе за то, что на прошлой неделе к маме приставал!

Чтобы отомстить, не обязательно побить хромого сторожа. Достаточно украсть у него таяк — великолепную резную трость с набалдашником в виде головы дракона. Он все время носит ее с собой. Все равно я украду ее, отомщу за маму!

Мама мне об этом не говорила. Я услышал, как она говорила об этом Фатыме апа.

Когда мама связала и подняла сноп соломы (она в ту ночь ходила одна, без меня), откуда ни возьмись появился Сирази.

— Чего уж такой маленький сноп связала, — сказал он. — Пришла так, уж побольше бери, Майсара.

Мама не испугалась его, ведь Аксак совсем недавно угощался маминой брагой.

— Нет, нам хватит, Сирази абый, — ответила она, — это еще надо донести.

— И-их, и стоит из-за этого ноги свои утруждать? Я на лошади, давай вяжи побольше, на санях доведем, — сказал Аксак и сам стал набирать соломы побольше.

Мама, подумав, что Сирази делает это от чистого сердца, жалеючи, помогала ему. Действительно, если на санях привезти, то, пожалуй, до весны хватит соломы, больше не надо будет.

Когда сани наполнились соломой, Аксак повалил маму на солому, говоря ей:

— Сегодня же всю скирду соломы к тебе перевезу, Майсара, милая!..

Мама не растерялась. Пнула коленом в живот да побежала в село. А Сирази загнулся, вопя: «Ай, мой живот!»

Услышав про этот случай, я потихоньку всплакнул. А Фатыма апа так и сяк ругала сторожа, приговаривая: «Уж я бы... я бы показала ему кузькину мать!..»

Эх, Фатыма апа, не петушись, чего ты можешь сделать? Этого черта хромого я уже с прошлого лета терпеть не могу, с того дня, как он поссорился с тобой. Я же все сам своими ушами слышал.

Мама велела мне прополоть огород. Я пошел туда и услышал разговор, доносившийся из двора Фатымы апа. Фатыма апа, кажется, сушила сено. Сирази говорит ей:

— И где ты нашла такое плохое сено — одни цветы! Какая корова будет есть такое сено?

Фатыма апа отвечает:

— И за такое спасибо. Откуда же хорошее сено возьмешь, Сирази абый?

— Зачем же искать? Хочешь, я тебе привезу великолепное сено, ароматное, душистое — м-м... не сено, а ягодка?

— Колхозное, что ли?

— А это уж мое дело, главное — привезти. Я говорю — привезу, значит, привезу. Вот только... знаешь, голова что-то болит... У тебя ничего нет?

Фатыма апа говорит:

— Кажется, осталось немного от тех, кто сено мне привез. Сейчас посмотрю.

Сирази опохмелился, но не спешил уйти. Он что-то сказал Фатыме апа, я не расслышал, а подойти к забору постеснялся. Через некоторое время я услышал, как Фатыма апа сказала:

— А ну проваливай отсюда, а то караул на весь аул сейчас буду кричать!

Я перестал полоть сорняк и прислушался. Аксак что-то бормотал, не разобрать было.

— Не уйдешь, закричу сейчас!

Слышно было, как упали из рук Фатымы апа вилы на кирпич, выложенный перед крыльцом. Я приготовился помочь, подошел поближе к забору, ожидая крика. Но Фатыма апа не кричала. Спустя некоторое время откуда-то со стороны лапаса послышалось приглушенное «Ох!..» Фатымы. Я кинулся к забору.

— Сирази абый... Сирази...

Голос Фатымы уже не был сердитым, он звучал как-то по-другому, мне это было непонятно.

— Ах... ух...

Тут с улицы меня окликнул одноклассник Ильхам:

— Айда купаться!

День был жаркий. Я бросил работу и выбежал на улицу.

Несмотря на зной, вода в озере была холодной, потому что на дне его били холодные ключи. В прохладной воде купаться приятно. Долго барахтались мы. И Фатыма, и Сирази были забыты...

Все равно я отомщу тебе, Аксак, вот увидишь!

...Мы прошли огороды Сирази, и я немного успокоился. Мама даже не оглядывалась на меня, а шла опустив голову.

«Ильнур, отец — карак, сам — бур».

Мне хочется спросить маму, почему же меня так дразнят? Ведь никто не видит и не видел, как я хожу воровать солому. Но маму сейчас лучше не спрашивать. Чувствую, что сейчас она раздражена. Наверное, ругает саму себя за то, что взяла меня ночью красть солому.

Первым так подразнил меня, кажется, бригадир Гимай. Взял да брякнул: «Ильнур, отец — карак, сам — бур»... Этот Гимай считает себя острословом. Вообразил, что удачно дразнит меня. Еще чего!.. Но эта дразнилка так и пристала ко мне. Сейчас все кому не лень, меня норовят поддеть этой дразнилкой. Сам он карак и бур, этот Гимай!.. Я же знаю, мне Фатыма апа рассказывала. В других аулах бригадиры ездят на выделенных им мотоциклах, а Гимай, утверждая, что не умеет водить мотоцикл, держит у себя колхозную лошадь с арбой. А на мотоцикле гоняет его сын-оболтус, с трудом одолевший шесть классов. Весь аул наводнен родичами Гимая. Где сват, где брат, где вообще какая-нибудь родня — седьмая вода на киселе. И все воруют. А вора, как известно, судят не за то, что ворует, а за то, что попадает с поличным. Короче, не пойман — не вор. А этих Гимаевых не поймать. Да и кто же будет их ловить? Опять все те же их родственники-начальники?

Подождите, вот закончу только школу!.. Уеду, хоть и жалко мать, но уеду и выучусь на вертолетчика. Обязательно выучусь. Ведь у меня в школе одни «пятерки». Отец, как меня увидит, так говорит:

— Учись хорошо, сынок, большим человеком будешь.

Будто мне нужны его слова. Не для него же учусь. Пусть вон продолжает слушаться свою мать, пусть в рот ей смотрит. Теленок... Не зря же мама нет-нет да жалеючи теленком его обзовет...

А я смог бы послушаться маму? Я бы, конечно, слушался ее... Но вдруг она будет против моей жены и скажет, когда я вырасту и приведу в дом невесту: «Брось ее!» Что тогда?

Я представил себе Ильсияр, живущую на противоположной улице. Дело в том, что я хочу на ней жениться, когда вырасту. Она нынче кончает десятый класс. Как встретимся, так все время мне говорит: «Ну, как дела, женишок?» — и смеется, да еще обнять меня норовит. Смеется, смеется... Я все равно тебя украду... Вот увидишь... Только бы мама не была против...

Ну, да ладно... Сначала школу надо окончить. Это раз. Потом выучиться на вертолетчика. Тогда уж мы с мамой не будем ходить воровать солому. Я украду сразу всю скирду, подняв ее на вертолете. Пусть потом ходит Аксак, черт хромой, да недоумевает: куда же делась вдруг целая скирда? И Фатыме апа скирду закину — на вертолете это пара пустяков. Не будут потом всю зиму мучиться, корм для коровы искать.

Ильсияр я тоже на вертолете украду. Сосед Галимзян свою Зифу, что из аула Бикнарат, на лошади украл — шуму было на все село. А я на вертолете Ильсияр умыкну — то-то светопреставление будет!..

Мама вдруг остановилась. Я испуганно осмотрелся: вроде тихо, никого нет. Светит луна...

Интересно, ведь она все видит, видит, кто ворует. Вот бы вместо Сирази луну принять сторожем!

Я догнал маму и спросил:

— Что случилось, эни?

— Ох, уж этот Чукрак! Ситдик! Как зажжет свой прожектор!.. И не жалко ему столько света жечь!

Прожектор ярко освещал окрестность.

— Никого же не видно, мама.

Ругая глухого Ситдика, мы пошли дальше. Прожектор этот Ситдик повесил недавно, когда воры зимней ночью угнали «Жигули», стоявшие под окнами дома. Угонщики не смогли уехать далеко, бросили машину на обочине, видимо, основательно забуксовав в сугробе. Кто же угоняет машину зимой, да еще по проселочной дороге?

Сын Ситдика абый работал в городе каким-то важным начальником. Говорят, когда дело запахло жареным, он пригнал «Жигули» в деревню и оставил временно у отца. После попытки угона и оборудовал Чукрак Ситдик этот прожектор.

Нашли чего воровать! Это я про угонщиков. Вон лучше бы нашу корову своровали. Всем коровам корова! Украли бы нашу корову, вот и перестали бы мы ходить по ночам за соломой. Все ей, этой прожорливой буренке, корма не хватает. Вымахала аж с целый дом... А мама говорит, что перед людьми нехорошо, если в хлеву корова не стоит. Знаю, это она назло отцу.

Фатыма апа говорила:

— Стыдно в деревне без коровы и без мужа жить.

Да и мама иногда так говорила.

А на что мне эта корова? Я все равно молоко не люблю. Только когда заболēju, мама насильно меня молоком поит.

На мгновение я представил себе наш хлев пустым, и мне стало как-то неуютно, грустно. Как бы огорчилась тогда мама! К кому бы она пошла за молоком, когда я заболēju? К тете Фатыме? Нет, если мама корову держать не будет, и Фатыма апа тоже не будет. Она держит корову, чтобы не ударить перед мамой в грязь лицом. А мы — чтобы не ударить в грязь перед ней. Наверное, все сельчане держат корову из-за того, чтобы не ударить лицом в грязь друг перед другом.

...Выходим на окраину села. Теперь свет ситдиковского прожектора нас не достает. Идем вдоль берега речки. Возле дома Ильхама тропка резко сворачивает направо. Во дворе дома Ильхама ни лампочки... Темно. Спит Ильхам и видит десятый сон. А завтра придет в школу и будет беспрестанно зевать. Учителя стыдят его за это, говорят: что он ночью делает, не спит, что ли? Как же, не спит... В том-то и дело, что он вообще спит на каждом шагу. Ильхам и сам говорит:

— Я зеваю оттого, что много сплю.

И на уроке он вечно спит. Спит-спит, а потом толкает меня в спину (он сзади меня сидит): «Ты решил задачу? У меня что-то не получается, дай списать».

Как же получится, если он все время спит? Вот я не сплю и не зеваю, хотя мне хочется спать и рот вот-вот откроется от зевоты, но я терплю, зубы стисну: как бы не догадались, что я ночью опять не спал, а ходил за соломой.

Все! Больше я Ильхаму списывать не дам. Пусть решает задачи по ночам. За соломой ходить ему не нужно, отец его — шофер. Все!..

Эх, очутиться бы сейчас вместо Ильхама в постели! Ох и поспать бы!..

Мы вышли на окраину села. Тропка здесь сворачивает налево и идет на большак. Но по большаку нам идти никак нельзя. Мама говорит, что по большой дороге только начальство ворованное везет.

Мы пошли к полю прямо через сугробы. У моей соседки по парте Сэмбель отец тоже в начальниках ходит. Он — главный бухгалтер колхоза. Вот он не ворует. Фатыма апа говорит: таким людям все необходимое прямо в дом привозят. Но ведь это все равно что красть! Только не своими руками... Нет, наверное, отец Сэмбель все-таки не такой. Как-то не поворачивается язык назвать его вором. Ведь он — отец Сэмбель. А Сэмбель — хорошая девчонка и учится неплохо. Только по математике «хромает».

Учительница говорит:

— Ведь твой отец — бухгалтер, а ты по математике «хромаешь», отца подводишь.

Я жалею Сэмбель и даю ей списывать.

Вообще Сэмбель — самая красивая девчонка в классе. Любит она смотреться в зеркало. И мне дает посмотреться. Конечно, джигиту не пристало глядеться в зеркало. Но я ведь смотрю не для того, чтобы любоваться, а для того, чтобы увидеть самого себя. Ведь я и так все время один. Наедине со своими думами. А самого себя, свое лицо не вижу. Мне, растущему без отца, нужно иногда смотреть на себя самого, чтобы уметь сохранить себя, свое лицо, достоинство. Когда я сказал об этом Сэмбель, она бросила мне: «Хм-м... мечтатель». Ну и пусть. Ведь это хорошая причина для того, чтобы попросить зеркало... Впрочем, с завтрашнего дня я ее зеркало и в руки не возьму. Мне кажется, что если я посмотрю на себя в зеркало, то покраснею и выдам себя с головой как вора, и Сэмбель по зеркалу догадается о моем ночном воровском походе...

— Ильнур, — позвала вдруг меня мама.

Я поднял голову.

— Сюда не подходи, сынок, — сказала мама.

Оказывается, она провалилась глубоко в снег, почти по пояс. Как же не подойти! Стоять и смотреть, что ли? Надо ведь помочь! Барахтаясь в снегу, я пошел на выручку и тут же сам провалился в снег. Какое там помочь! Сам не могу выбраться из снежного плена. От обиды и беспомощности я чуть было не заплакал, да вовремя спохватился, что от этого маме только тяжелее будет. Терпеть надо!.. Все же слезы предательски навернулись на глаза. Отчаянно трепыхаюсь, пытаюсь освободиться от объятий снега. Но лишь глубже увязаю. Мама, опершись на локти, тоже пытается выбраться. Эх, мама!.. Как бы я хотел видеть тебя сидящей на диване у окна и вяжущей носки под мурлыканье незатейливой песни, а не барахтающейся в сугробе на воровском пути!..

Льются и льются слезы из глаз. Ожесточенно отбиваюсь от снега.

Мама выбралась-таки из снежной западни и бросила мне один конец веревки.

— Держись крепче!

Я вцепился в веревку.

— Не вставай на ноги, старайся ползком, кажется, мы в яму угодили, — сказала мама. — Да и я хороша — задумалась, забылась, вот и угодила.

Интересно, о чем же думала мама?

Теперь я пошел впереди — даже если и провалюсь, не страшно, я легкий, меня вытащить легко.

Речка наша за деревней превращается в настоящую реку с высокими, обрывистыми берегами. Но впечатление это обманчиво, потому что воды в реке все равно мало, воробью по колено. Зимой занесенная снегом река, конечно, впечатляет, кажется полноводной, берега ее местами размыты водой, обвалились, и там образовались ямы.

...Нужно пройти ферму и свернуть в поле. Осенью в поле высились несколько скирд соломы. Сейчас их осталось только две. Как говорит бригадир Гимай, этим колхозным буренкам каждый день по скирде соломы нужно. И зачем так много коров держать?.. Каждую весну, в марте, колхозные тракторы начинают возить солому из соседнего колхоза.

Мы зашагали быстрей.

Разложили (растянули) веревки на снегу, стали выдергивать из скирды солому. Знала бы наша прожорливая и вечно голодная корова, с какими мучениями достается солома, не раскидывала бы половину корма по двору!

В этот момент мама вдруг потянула меня за рукав:

— Пропали, сынок. Кажется, тот хромой черт едет.

Я посмотрел в сторону, куда показывала мама. Точь-в-точь по нашим следам кто-то шел к скирде.

— В лес побежать, что ли? Туда он побоится сунуться, — растерянно сказала мама.

От страха я был сам не свой. Но поднялся на ноги и крикнул:

— Попробуй тронь маму! Горло перегрызу!

Мама испуганно потянула меня за рукав:

— Что ты, что ты, сынок? Бежим скорее, он, кажись, без лошади, не догонит.

— Мама, мама... Это же не Сирази. Он же не хромает, смотри.

— О аллах, неужели сам Гимай?

— Нет, не похож на него, мама. — Я уже осмелел.

— Значит, председатель, — зашептала мама.

Я вспомнил про чьи-то слова, сказанные о председателе:

— Ты что, мама, да наш председатель не будет по ночам в поле ходить, даже если весь его колхоз возьмут и унесут. — И откуда только слова берутся? От страха?

— Мама, мама, это ведь тетя Фатыма!

Действительно, это была она. С нас словно непосильный груз свалился.

— Смотри-ка, они сегодня без меня пошли, — проворчала, подходя, Фатыма.

Мать, обрадовавшись, сказала облегченно:

— Оказывается, это ты ходишь пугаешь нас. Я думала, что ты сегодня не пойдешь. И с вечера ведь не договорились.

— Да, не договорились. Лежала, лежала я, думаю: дай-ка зайду, зашла, а лапас у вас незаперт, на двери дома — замок. Поняла я и побежала за вами. Ни соломинки у меня не осталось.

Я набрал большую кучу соломы и связал ее. Мама решила, что эта ноша слишком тяжела для меня, и велела часть оставить, но я не дал. Мамин сноп был раза в три-четыре больше, она согнулась от тяжести, когда я помог ей взвалить солому.

Мама сказала, словно оправдываясь:

— Если все будет хорошо, нынче больше не пойдём.

Помог я и Фатыме апа. Ее сноп оказался еще тяжелее. Словно прочитав мои мысли, она просипела из-под своей ноши:

— А я ведь одна, вас-то — двое. Как-нибудь уж...

Пошли. Мама впереди, потом я, за мной тетя Фатыма. Снег под тяжестью проваливался глубже, идти было трудно, и все же настроение улучшилось. Мама сказала, что больше не пойдем. С этой соломой, значит, до апреля дотянем. Мама знает, что говорит. У нее, наверное, еще немного соломы про запас есть.

Я даже пошутил весело:

— Соломенные воры!

Мама промолчала. Фатыма апа восприняла шутку болезненно:

— Какие же мы воры? Воры таскают солому скирдами.

Я смутился.

Фатыма апа добавила:

— Мы всего лишь жуки навозные. Черви земляные. Трудимся не покладая рук, не зная отдыха, а все равно одну корову — и ту прокормить не можем.

— Хватит, Фатыма апа, больше не буду шутить!

Ноша становилась все тяжелее. Ноги проваливались все глубже. Нужно подумать о чем-нибудь другом. О космонавтах, например, о Вселенной, о том, что завтра у нас будет в школе политинформация. Как говорит наша классная руководительница Гадения апа, нужно думать о проблемах в масштабе страны... А тут — какой-то несчастный пучок соломы для облезлой коровы. Все равно те, кто лошадь имеет, до последней соломинки эту скирду разворуют.

Да, завтра Гадения апа будет проводить политчас. И попробуй заикнись там о соломе. Будешь говорить о космонавтах, о войнах в Африке, о происках американских буржуев...

Думаешь об этом, и вроде ноша легче становится...

Действительно, чего этим американцам не хватает? Не соломы, конечно, нет, им другого чего-то не хватает. Знаю — им нужно спровоцировать войну, ведь они богатеют от продажи оружия.

Спасибо руководителям нашей страны! Если бы не они, давно бы уже эта Америка с цепи сорвалась.

Как будто у нас только проблема с соломой... Погоди, а что же я завтра скажу, если Гадения апа на политчасе спросит меня? Она ведь велела нам вечером по программе «Время» посмотреть визит нашего руководителя в одну зарубежную страну. Но я ведь уснул. Вот тебе и «отличник», что же я отвечу? Ведь и Сэмбель надо подсказать.

Настроение испортилось. К тому же веревка больно резала плечо. Шея затекла.

Вдруг мама крикнула:

— Прячьтесь!

И сама первой легла навзничь на свой сноп соломы. Я все еще не очнулся, не понимаю, в чем дело. Сзади на меня наткнулась Фатыма апа. От толчка меня занесло, груз потянул меня с берега вниз, к реке. Но еще раньше туда свалилась Фатыма апа. Я привалился прямо к ней.

— Кажется, тот хромой черт на своей лошади едет.

Мама, оставшаяся на берегу, сказала:

— Не поднимайтесь пока... Никак не могу снять с плеча ношу.

— Не возись, — остановила меня Фатыма апа. Ее горячее дыхание обожгло мне ухо, защекотало шею. Я пытаюсь отодвинуться.

— Да тихо ты, — говорит Фатыма апа. — Если Сирази услышит — пропали.

— Или это такой же вор, как и мы, — сказала сверху мама, лежа наблюдавшая происходящее.

— Кто в такое время, кроме Сирази, может здесь ездить? — прошептала Фатыма.

«Эх! — с тоской подумал я. — Был бы сейчас вертолет, в мгновение ока я все эти снопы по дворам раскидал бы. Если бы понадобилось, и всю скирду унес бы...

Хе... если бы вертолет! Я этого вора вместе с лошадью и соломой на его двор мигом перенес бы. А если это Сирази, то сбросил бы его где-нибудь над лесом... И вообще, был бы вертолет, я бы в каждый двор по скирде соломы закинул, чтобы люди не мучили себя воровскими походами...

Лежу не шевелясь. Да и не хочется уже шевелиться. Тело разомлело, отдыхает, только ноги начали мерзнуть.

— Уехал! — сказала мама.

Вновь поднялись, взвалили кое-как ноши, подтянув их к берегу. До деревни уже недалеко, а там тропка, идти легче.

На этот раз впереди пошел я, потом мама, за ней — Фатыма апа. На улице никого не встретили. Дошли до дома Фатымы. Мама помогла открыть ворота, потом мы пошли к себе. Теперь уже шагали бодро.

У наших ворот мы увидели следы саней и растерялись. Кто же тут был? Возле ворот видны просыпавшиеся соломинки. Я торопливо открыл ворота, от шума проснулся петух. Лунный свет высветил несколько больших снопов соломы, лежащих на середине двора. Они были аккуратно

перетянуты проволокой. Солома была желтой, пшеничной, с дальнего поля, а не оттуда, откуда брали мы, там — ржаная.

Видно, это дело рук отца. Украдкой от своей Самиги он нет-нет да подбрасывал нам то солому, то сенаж... Да, это Салахутдин, отец! Опять мама рассердится! .. И в прошлом году весь привезенный отцом сенаж выкинула на берег. А потом, встретив Салахутдина, дала ему «прикурить». «Думаешь, мы нуждаемся в твоей помощи? — закричала она. — Не околачивайся больше у нас! Без тебя обойдемся!»

Да, сегодня отцу снова попадет...

Я сбросил свою ношу, пошел к маме. И тут только увидел рукавицу, лежавшую на снегу. Я сразу узнал: это была рукавица Сирази! Однажды по пьяной лавочке он оставил ее у нас. На другой день я сам отнес ему рукавицу!.. Ух, Сирази, взгрею я тебя...

Мама, увидев во дворе привезенную солому, ничего не сказала. Скинула свою солому, выпрямилась устало и только тут сердито приказала мне:

— Ну, что уставился? Выбрось эти снопы на берег!

И сама уже схватилась за снопы.

— Мама! — сказал я и протянул ей рукавицу. — Это Сирази привез. Вот его рукавица. Это он!

Мама снова выпрямилась, выстерла со лба пот и тихо сказала:

— Ладно, завтра уложим. А сейчас пойдем в дом.

Она пошла, устало переставляя ноги.

— Мама!!!

Я не узнал своего голоса. Мама не обернулась, только рукой поманила меня и вошла в дом. Я до крови закусил губу, ощутив соленый привкус пота.

— Нет, — прошептал я. — Попробуй только пристать к маме! Достанется тебе от меня! Не пощажу!

Я взвалил два снопа на плечи и побежал к берегу, выбросил их, потом выбросил все остальные, а свои снопы уложил в сарае. Уже шатаясь от усталости, зашел в дом.

Тонко закричал наш бедовый красный петух.

Утром я собирался в школу, когда к нам зашла Фатыма апа. Раскрасневшаяся, запыхавшаяся, она радостно выпалила:

— Майсара! Майсара! Сегодня утром я нашла на берегу четыре снопа отличной соломы. Наверное, кто-нибудь своровал, да часть по дороге обронил. Вот счастье-то!

Мама даже не посмотрела на нее. Сказала только:

— Значит, Аллах дал. Благодарственную молитву прочитаешь.

Потом она поставила передо мной кружку свежего парного молока:

— Кушай, сынок, кушай...

Стараясь не показывать наворачившиеся на глаза слезы, я обеими руками взял кружку и залпом выпил густое, теплое молоко. Тепло от молока разлилось по телу, появилось ощущение блаженства.

Старые часы в зале пробили семь раз.

Взяв сумку, я выбежал на улицу. Как бы не опоздать на политчас.

Перевод Фаяза Фаизова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Суккин сын
Роман-диалогия

Книга первая

Книга вторая

Повести

Сказание о Зулейхе

Закалка

Рассказы

Два билета на трагедию

Часы с кукушкой

Обозначившийся
Переправа
Вор

Литературно-художественное издание

Хуснияр Зиннур
(*Хуснутдинов Зиннур Зиятдинович*)

Два билета на трагедию

Редактор *А.Д.Алиева*
Художник *В.В.Фомин*
Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *С.Н.Нуриева*
Корректоры *Н.И.Максимова, А.Г.Хамитова*

С оригинал-макета подписано в печать 26.03.2007. Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Kudriashov». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,00.
Усл. кр.-отт. 21,42. Уч.-изд. л. 23,86. Тираж 2000. Заказ С-371.

ГУП Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.
Татарстан китап нәшрияты ДУП. 420111. Казан, Бауман ур., 19.

<http://tatkniga.ru>
e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.